Георгий Владимирович ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Московское ЦАРСТВО

II

ИСТОРИЯ РОССИИ

THE TSARDOM OF MOSCOW 1547 - 1682

PART 2

BY
GEORGE VERNADSKY

PROFESSOR EMERITUS OF RUSSIAN HISTORY
YALE UNIVERSITY

NEW HAVEN AND LONDON
YALE UNIVERSITY PRESS

Георгий Владимирович ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

ЧАСТЬ 2

Тверь Москва
ЛЕАН АГРАФ
2001

ББК 63.3.(2)4
В35

Редакция выражает благодарность
Андрееву Алексею Алексеевичу (г. Тверь)
и Тиличкину Олегу Аркадьевичу (г. Королев, Московская область)
за неоценимую помощь
в осуществлении настоящего издания.

Оформление: *Корольков В.А.*

© Издательство ЛЕАН. 1997 г.
© Издательство АГРАФ (оформление). 1997 г.
© Беренштейн Е.П., Губман Б.Л., Строганова О.В. (перевод) 1997 г.

ISBN 5-85929-017-9

Глава 5

ЦАРСТВО ВСЕЯ ВЕЛИКОЙ, МАЛОЙ И БЕЛОЙ РУСИ, 1654-1667 ГГ.

1. Украина после Переяславского объединения

В течении первых лет царского протектората казацкое государство сохраняло за собой то название, которое оно присвоило себе после событий 1648 г.: Запорожское Войско. Чтобы подчеркнуть контроль армии над украинской территорией, были добавлены слова: "с городами и землями". Украинские священнослужители в своих сочинениях и проповедях предпочитали использовать название "Малая Россия" или "Малая Русь", и это было включено в царский титул после Переяславского объединения.[1]

Каковым бы ни было название, коренная украинская нация, как и казацкое правительство все еще находились в процессе становления. Что касается внутренних проблем, то единству нации угрожали острые социальные конфликты. Одновременно с этим, соседи Украины — Польша, крымские татары и Турция, — будучи возмущены царским протекторатом, старались при любом удобном случае разорвать на части вновь созданное политическое объединение, именуемое царством Великой и Малой Руси.

Переяславское объединение подтверждено было, в первую очередь, клятвой всего украинского народа, выразившего свою верность царю. Клятва была дополнена положениями, представленными царю эмиссарами Богдана Хмельницкого в Москве в марте 1654 г., утвержденными, с некоторыми изменениями царем и Боярской Думой. Со-

гласно этим положениям и царским грамотам, гарантировались права и привилегии казакам, украинской шляхте, городам и (некоторое время спустя) церкви.

Это основание для объединения не отражало истинной расстановки социальных сил на Украине, поскольку крестьяне, составлявшие большинство, не были представлены в делегации, направленной Богданом Хмельницким в Москву, а старшины пренебрегли их интересами. В переговорах с боярами Зарудный и Тетеря определяли крестьян как низший класс, который должен быть резко отделен от шляхты и казачества. А тем не менее, именно та поддержка, которую крестьяне оказали казакам, дала возможность последним возглавить национальную борьбу против польских вельмож, и именно крестьянское ополчение в казацкой армии на протяжении тяжелых лет войны за освобождение от поляков сделало возможным продолжение борьбы вплоть до того момента, когда царь согласился взять казацкое войско под свое покровительство.

Существовало принципиальное различие во взглядах крестьян и консервативных казацких старшин на идеи национального движения. Первичной целью крестьян было захватить земли польских вельмож и короля. Но в дальнейшем первоначальная программа была расширена и направлена на захват всякого крупного земельного владения.[2] Для крестьян и большинства рядовых казаков значение национальной борьбы заключалось в отмене помещичьего господства и в создании казацко-крестьянского государства.

Старшины всегда настаивали на изгнании чиновников из польской администрации с Украины, но поначалу, верные условиям Зборовского соглашения, пытались защищать земельные права польских магнатов от бунтующих крестьян. Позднее Богдан Хмельницкий выступил сторонником изгнания польских магнатов, но и он пытался воспрепятствовать захвату крестьянами земельных угодий, принадлежавших украинскому дворянству и украинским православным монастырям. Целью старшин было создание чисто казацкого государства, во главе которого стояли бы высшие офицеры и в котором крестьяне были бы лишены права принимать участие в решении национальных вопросов.

Социальное разделение между старшинами и крестьянами отразилось в двойственности их отношений к Польше. Крестьяне выступали против какого бы то ни было соглашения с поляками, поскольк-

ку опасались, что подобное соглашение приведет со временем к восстановлению зависимости. Но некоторые лидеры консервативных старшин были не прочь возобновить переговоры с поляками при первом же удобном случае, так как они надеялись, что установление украинской автономии под властью польских королей будет надежнее гарантировать их привилегированное положение, нежели московский протекторат над Украиной.

Однако в настоящий момент, старшины пытались использовать покровительство Москвы для своей выгоды и торопились обращаться с петициями к царю для получения земельных угодий. Вполне очевидно, что предводители старшин мечтали заменить польских магнатов на Украине и установить свой собственный аристократический режим. Эти мечты на деле оказались нереалистичными или, по крайней мере, преждевременными. Достаточно характерно, что старшинские офицеры, обеспечив себя земельными наделами от царя, боялись объявлять о своих привилегиях населению и держали царские грамоты в тайне, планируя пользоваться ими в будущем, когда возникнут более благоприятные обстоятельства. Они хорошо отдавали себе отчет в том, что попытка реставрировать на Украине систему крупного частного землевладения будет встречена вспышкой негодования со стороны как крестьян, так и рядовых казаков.[3]

Частично, ввиду такой ситуации, аристократическая группа старшин страстно желала жесткого отделения крестьян от казаков. Чтобы добиться такого отделения, необходимо было, в первую очередь, тесно сплотить казаков , ограничив число реестровых. Посланники Богдана Хмельницкого в Москву предлагали установить число реестровых казаков в количестве шестидесяти тысяч. Сам Богдан не считал эту цифру окончательно определенной и был готов предоставить царю возможность увеличить ее. Но царь одобрил предложение казацких посланников.

Для того, чтобы понять точку зрения старшин по этому вопросу, нам следует принять во внимание, что уступчивая масса реестровых казаков дала бы возможность гетману при необходимости расширить их ряды за счет крестьян. Действительно, такое стало бы неизбежным в случае военной угрозы. Цифра шестьдесят тысяч — результат компромисса между гетманом и старшинами. Однако она не отвечала реальной ситуации, поскольку в армии уже было намного больше. Когда царь послал в ставку гетмана первую сумму денег для установ-

ленного жалования казакам, рассчитанного в соответствии с согласованным числом реестровых, старшины не стали объявлять о получении денег для войска и позднее не стали их распределять.[4] В основе этой парадоксальной ситуации лежал конфликт двух противоположных точек зрения на состав казацкого войска. Большинство рядовых казаков чувствовало себя членами народной армии и не возражало против новобранцев из крестьян, но дворянская группа среди старшин хотела создать замкнутые, привилегированные вооруженные силы, которые будут следовать руководству казацкой аристократии.

В конце XVI в. социальное разделение казацкой армии можно разглядеть в Запорожской Сечи.[5] Но состав Сечи часто менялся: число войсковых офицеров пополнялось путем выборов, в любой момент офицеры могли быть изгнаны казацкой радой, и поэтому не было почвы для формирования наследственного аристократического класса.

Начало плану создания профессиональной казацкой армии положили поляки в форме казацкого реестра. После войны в 1648 г. казацкое войско стало независимой силой и приспособило форму реестра к своим собственным нуждам. Во время революционной войны реестровые казаки перешли на сторону запорожцев, а ряды войска увеличились, благодаря притоку крестьян, однако реестровые казаки оставались ядром этого увеличившегося воинства. Реестровые казаки были известны под собирательным названием – *войсковое товарищество* (вийськове товарыство). Каждый член являлся *войсковым товарищем* (вийськовы товарыщ).[6] Эти обозначения, по всей видимости, происходили из Запорожской Сечи.[7]

Нереестровым казакам позволялось присоединяться к армии в качестве "*новичков*", и таким образом, постепенно проявлялась разница между "старыми" и "новыми" казаками. Старшины намеревались закрепить это различие. В 1658 г. миргородский полковник Григорий Лесницкий, обсуждая вопрос о квоте реестровых казаков с московскими властями, возражал против того, чтобы она была увеличена более шестидесяти тысяч, и настаивал на том, что в списки должны быть включены только подлинные казаки из числа "старых". Как показывает положение дел, добавлял Лесницкий, много нежелательных людей и бродяг ("*гультяев*") называло себя казаками.[8] Со временем внутри товарищества "старых" казаков возникла новая привилегированная группа "*значительных товарищей*" (значни товарыщи). Члены этой

группы выбирались из числа состоятельных землевладельцев: либо из шляхты, либо из старшинских семейств.[9]

Класс "значительных товарищей" не был многочисленным, но он был влиятельным из-за его шляхетских традиций, относительного богатства и семейных связей со старшинами. Можно сказать, что в ходе последующих событий "значительные товарищи" представляли собой связующее звено между старшинами и рядовыми казаками, а в случае любой опасности от них можно было ожидать того, что они поддержат старшин. Следует заметить, что сам институт "значительных товарищей" поначалу развивался только на правобережной Украине, то есть к западу от Днепра. На восточной стороне реки, в редко населенных лесостепных и степных землях, не было условий для утверждения социально и экономически привилегированных групп. В Запорожье термин "значительный товарищ" существовал, по меньшей мере, с 1670-х гг., однако эти "товарищи" не сформировали там какого-либо определенного класса.[10]

Из-за столь резкого социального разделения внутри казацкой армии ёе предводителю — гетману — приходилось выступать в качестве арбитра в конфликтах между противостоящими группами. Хмельницкому в большой степени помогал его личный авторитет, как изначального предводителя движения. Чтобы обеспечить подлинную власть как для самого себя, так и на будущее, Богдан искал различные пути для укрепления статуса гетмана в казацком государстве. Согласно условиям объединения Украины с Москвой, предполагалось, что Богдан будет сохранять за собой полномочия гетмана пожизненно. Чигиринская область навсегда была подчинена гетманской булаве (символу его господства), и Богдан мечтал о том, чтобы сделать должность гетмана наследственной. Его старший сын Тимофей, казалось бы, был наделен соответствующими качествами, чтобы стать преемником отца. Преждевременная смерть Тимофея (трагедия для Богдана — отца) стала суровым ударом по его планам как государственного деятеля. Другой сын Богдана Хмельницкого — Юрий — был болезненным мальчиком с жалкими умственными способностями, лишенным воли и энергии.

В то время, как конфликтные тенденции внутри казацкого общества несли в себе семена грядущих раздоров и бедствий, реальный политический и административный режим на Украине после Переяславского объединения был установлен и имел достаточно широ-

кую социальную основу, чтобы удовлетворить украинский народ в данный момент. Весь вопрос заключался в том, сумеет ли сохраниться этот режим или будет изменен из-за амбициозных планов старшин и хода международных событий. В своей основе система украинской администрации, возникшая после освободительной войны, представляла собой сочетание древних традиций местного самоуправления, сохранявшихся с Киевского периода и более поздних казацких установлений.[11]

Низшим подразделением социального и административного режима, который обрел свои очертания на Украине во время освободительного движения, была деревня (*"село"*). Крестьяне (*простолюдины, "посполиты"*) данного села составляли самоуправляющуюся общину (*"громаду"*), которая избирала своего главу (*"войта"*). Войт управлял делами села и вместе с несколькими помощниками выступал судьей в тяжбах между членами общины. Если в одном и том же селе жили и казаки, и крестьяне, то каждая из групп формировала свою собственную общину. Казацкое сельское товарищество избирало предводителя (*"атамана"*), который сочетал в себе военную и гражданскую власть над членами товарищества и действовал как судья, используя помощь нескольких "товарищей". Если завязывалась тяжба между крестьянами и казаками, войт и атаман действовали совместно в присутствии членов обоих общин.

Группа сел вокруг города образовывала районную территориальную единицу, известную как *сотня*. Во главе ее стоял казацкий *сотник*. Представлявший одновременно военную и гражданскую власть в районе. Старшие офицеры района составляли штат сотника. Когда дело касалось вопросов судопроизводства, сотник становился во главе собрания районного суда при поддержке городского войта, а также казацких и городских представителей.

Во главе "областного" управления стоял казацкий *полковник*, он нес ответственность одновременно и за военные, и за гражданские дела, а также за судопроизводство в регионе. Как и у сотника, его штат составляли штабные офицеры. В большинстве случаев эти офицеры принадлежали к консервативной группе старшин. Сначала как сотники, так и полковники избирались всем населением (казаками, горожанами и крестьянами), а позднее в выборах стали доминировать члены казацкого войскового товарищества при номинальном участии двух других групп.

Вся казацкая организация возглавлялась гетманом при поддержке высших офицеров из числа старшин (*"генеральная старшина"*). В этой высшей группе казаков наиболее влиятельным был войсковой писарь, который управлял внутренними делами и международными отношениями. Когда возникала необходимость, они искали совета у всех полковников и, в некоторых случаях, у сотников. Подобные совещания назывались *внутренней*, или *тайной радой*.

Для принятия наиболее важных решений созывалась общая *восковая рада*. Такая ассамблея считалась необходимой для избрания нового гетмана. В прошлом гетман всегда избирался в Запорожской Сечи, так был избран и Богдан Хмельницкий. Казацкое товарищество надеялось, что и в будущем новый гетман не будет избираться без участия запорожского коша.

Из приведенной выше картины украинского управления можно видеть, что крестьяне пользовались самоуправлением только на уровне села, но у них было меньше возможности отстаивать свои интересы на уровне "района" и практически не было в "областном" правительстве. Рядовые казаки контролировали сельское товарищество и имели голос в администрации сотни. Чаще всего "областная" администрация находилась в руках у старшин. На высшем уровне многое зависело от отношения самого гетмана к обычным казакам. При Богдане казацкое товарищество могло свободно высказывать свои требования. Вообще, система казацкого государства после Переяславского объединения представлялась приемлемой для казаков и даже для крестьян, большинство из которых мыслило в духе казацкого и крестьянского самоуправления и поддерживало режим Хмельницкого, поскольку он гарантировал подобное самоуправление. Эта идеология явилась продолжением политической линии казаков и крестьян в Запорожье и в восточной России в течение смутного времени.

С точки зрения политической реальности, украинский народ присягнул на верность царю Алексею в 1654 г., потому что нуждался в защите от поляков и потому что верил в идеал справедливого православного царя. Разумеется, ни московский административный режим, ни московское крепостничество не были привлекательны как для казаков, так и для крестьян. Но фактически, централизованная администрация и крепостничество, которые укоренились в Московии, не влияли на периферийные районы, присоединенные к Москве. Донские казаки находились под царским протекторатом, но тем не менее

были независимы в своих внутренних делах. То же самое относилось и к свободным общинам украинских казаков и крестьян, которые ранее эмигрировали в Московию, чтобы укрыться от польского гнета, и которые были расселены царем в слободах на приграничных землях. Таким образом, обычный украинский казак и крестьянин доверял московской администрации и царю в том, что они не станут вмешиваться в их традиции и обычаи.

Совершенно противоположным было отношение старшинской аристократии к объединению Украины с Москвой. Они согласились принять царское покровительство, чтобы избегнуть полного поражения от поляков, но не считали объединение чем-то окончательным и не воспринимали свою клятву царю всерьез. Это стало для них политическим маневром, обеспечивающим им временную передышку. Как с социальной, так и с культурной точки зрения они чувствовали себя более близкими по духу польской шляхте, нежели московским боярам. Пока Богдан был жив, старшины не осмеливались открыто заявлять о своей политической программе, однако основные ее пункты были установлены в частных беседах между высшими лидерами аристократической партии.

Политический идеал лидеров старшин представлял собой аристократическое общество, основанное на больших земельных угодьях и укрепленное надежной казацкой армией, состоящей из зажиточных казаков и "значительных товарищей". Поскольку история показала, что казакам не доставало сил для образования независимого государства, то старшины поставили себе целью обеспечить полную автономию Украины в рамках объединения с Москвой. Между прочим, подобная автономия была достигнута под протекторатом царя, которому старшины не доверяли и опасались вмешательства в украинские дела в будущем. Таким образом, внимание старшин было направлено на подготовку к установлению взаимоотношений с Польшей. Они надеялись обеспечить Украине надежный статус в Польском содружестве вроде того, каким пользовалась Литва.

В вопросе религии большинство старшин были столь же верными православными, как и основная часть украинского народа. Они намеревались добиться от польского правительства полного признания равенства православной и римской церквей. Помимо того, лидеры старшин придавали огромную важность распространению учености и образования на Украине.

Как мы вскоре увидим, попытки старшин воплотить свою программу в жизнь были подорваны и потерпели крах из-за того, что большинство украинского населения хотело самоуправления и противостояло соглашению с поляками и возрождению системы крупного землевладения. И, вдобавок, поляки, которые в какой-то момент согласились на предоставление Украине полноправного статуса в содружестве, отказались от соглашения при первой же возможности. Тогда некоторые из старшин обратились в поисках покровительства к Турции, но Москва не собиралась позволить украинцам выйти из союза. Таким образом, замыслы старшин по поводу смены одного предполагаемого покровителя на другого втянули Украину в целый ряд гражданских и международных войн, неизбежным результатом которых стало полное разорение несчастной страны и ее расчленение на три части — русскую, польскую и турецкую.

2. Царь и Гетман, 1654-1657 гг.

I

Установление царского протектората над Украиной привело, в первую очередь, к войне с Польшей — войне, которая началась успешно для России, но потом возникли препятствия, вызванные внутренними и международными осложнениями, а также несогласованностью между москвичами, украинцами и белорусами. От характера взаимоотношений между великороссами и малороссами и скоординированности их политических программ зависели успехи в борьбе с поляками. Символически, царство всея Великой и Малой Руси было представлено царем Алексеем Михайловичем; а Малая Русь, как таковая, — гетманом запорожского войска Богданом Хмельницким. Эти два правителя, совершенно несхожие по характеру, личным качествам и возрасту, являлись одними из наиболее выдающихся людей своего времени.

Объединение Украины с Россией было одним из самых важных политических и культурных событий в период правления Алексея Михайловича, царствование которого оказалось одной из значительнейших эпох в русской истории.

С политической точки зрения, она характеризовалась ростом абсолютизма; в отношении социальном и экономическом — дальнейшим продвижением среднего дворянства к его последующему слия-

нию с княжеской и боярской аристократией. Продолжающееся усиление крепостного права вызывало яростные вспышки крестьянских мятежей в боярских и дворянских поместьях. Реорганизация армии в соответствии с западными военными образцами в результате постепенно ослабила роль дворянского ополчения и стрельцов.

В культурном отношении, это был век сосуществования и, одновременно, противоборства древних традиций и западных влияний; религиозной схизмы и раскола, а также конфликта между церковью и государством. В основе всех этих конфликтов лежал подъем светской духовности в образе жизни, литературе, искусстве, музыке.

Царь Алексей не был инициатором этой бури конфликтов и перемен, однако находился на гребне волны этих противоречий, не порывая полностью с прошлым. По меткому замечанию В.О. Ключевского, Алексей крепко стоял на древней почве московских традиций одной ногой; он занес другую ногу, чтобы переступить через разделительную линию в западный мир, но так и не пересек ее, и остался в нерешительной, переходной позиции.[12]

Алексей родился в 1629 г. и, соответственно, был почти на два поколения моложе Богдана Хмельницкого (родившегося около 1595 г.). В 1654 г. Алексею было двадцать пять лет — самый расцвет жизни: физически здоров и крепок, с румяным лицом и белокурой бородой; его голубые глаза излучали доброту. Григорий Котошихин говорит, что царь Алексей, как и его отец, царь Михаил, был очень мягок ("зело тих").[13] Поэтому во всех молитвах за него в конце каждой церковной службы использовался эпитет "тишайший".[14] Алексей действительно обладал мягким характером, хотя случалось, что он мог выйти из себя и в гневе оскорбить даже близкого человека. Как правило, в подобных случаях он быстро успокаивался и просил прощения. Однако его мягкость была поверхностной. По мнению Ключевского, Алексей любил своих товарищей и желал им добра, потому что не хотел, чтобы ему досаждали их печали и жалобы. Он любил делать добро и это вызывало у него приятные чувства.

Как царь, Алексей считал, что его обязанность — быть милосердным по отношению к старикам, нищим и всем несчастным, включая преступников. Он ввел в обычай регулярно посещать тюрьмы, раздавая милостыню заключенным и во многих случаях смягчая их наказания или даже прощая некоторых из них.

Несмотря на всю эту благожелательность по отношению к под-

данным и товарищам, когда он встречался с возражениями или откровенной критикой его действий даже со стороны друзей, Алексей мог быть мстительным и жестоким, что и проявилось в его отношениях с патриархом Никоном и протопопом Аввакумом. Он даже сурово наказал такую выдающуюся женщину, как боярыня Феодосия Морозова, верную последовательницу Аввакума. Морозова была личной подругой царицы Марии, и только после ее смерти Алексей решился заключить боярыню в тюрьму.

Алексей обладал тонким вкусом и был наделен высокими духовными и интеллектуальными способностями, впечатлителен и восприимчив к различным сторонам жизни. Он очень любил посещать церковные службы не только из-за их религиозного значения, но также и из-за их эстетического воздействия на него. Царь интересовался также и светским искусством, ввел у себя при дворе западную музыку и театр; был страстным охотником и знатоком соколиной охоты, о которой написал своего рода замечательный учебник.

Алексей был достаточно хорошо образован, по московским стандартам его времени. Он был жадным читателем и сам обладал литературными способностями, даже пытался сочинять стихи; очень любил писать письма, большое число которых сохранилось. В них яркий стиль, непосредственность, они полны теплых чувств, мыслей и здравого смысла.

Внимание Алексея к западным нововведениям представляло собой, вплоть до самого конца его жизни, форму довольно наивной веры в западное техническое всемогущество (по крайней мере на той стадии развития). Однажды он потребовал из-за границы "самых лучших саперов — тех, что знают, как прокапывать туннели под реками и озерами, через горы и воды". В другой раз он выразил желание нанять "мастеров, которые смогли бы научить всевозможных птиц петь, ходить, говорить и представлять комедию".[15] Он не получил того, чего желал.

Ввиду дружественного отношения Алексея к приезжим из Западной Европы, вполне естественно, что последние о нем очень высоко отзывались. Немец Якоб Рейтенфельс, который провел в Москве два года (1671-1673 гг.), писал, что Алексей "был государем, которого все христианские народы хотели бы иметь, но лишь немногие имели".

Но Алексея нельзя считать великим государственным деятелем. Наряду со всем прочим, он не обладал сильной волей, и часто ему не

хватало смелости уволить родственников или друга, даже если он признавал негодность этого человека. Ему не удавалось заставлять бояр неукоснительно исполнять его приказания, хотя он однажды похвастался, что его слово непреклонно. Наоборот, он часто вынужден был уступать требованиям бояр. Чтобы укрепить свой собственный авторитет для личного надзора за проведением главнейших государственных дел и для принятия окончательных решений, Алексей создал в 1654 г. особое секретное учреждение (*"Тайный приказ"*) , известный также как "приказ тайных дел". Весьма показательно, что со временем он также препоручил ему управление своими обширными частными земельными угодьями.

Став царем в возрасте шестнадцати лет, Алексей на протяжении ряда лет находился под влиянием своего наставника (позднее шурина), Бориса Ивановича Морозова. Когда в 1652 г. Никон стал патриархом, Алексей подпал под его обаяние. Разрыв Алексея с Никоном в 1658 г. сказался очень болезненно на них обоих. Никогда больше Алексей не испытывал такого благоволения ни перед кем. Ближе к концу своего правления царь, главным образом, полагался в государственных делах на советы Артамона Сергеевича Матвеева, чья подопечная, Наталия Кирилловна Нарышкина, стала второй женой царя в 1671 г. (его первая жена, Мария Ильинична Милославская, умерла в 1669 г.).

Алексей остро интересовался военными и иностранными делами. Он мог схватывать и ясно формулировать дипломатические и стратегические проблемы, но он был слишком впечатлительным и ему не хватало твердости, необходимой для должного ведения военных операций или дипломатических отношений. Среди его дипломатов и военачальников были талантливые люди, но часто среди них не было согласия по поводу того, каким политическим курсом надлежит следовать, и это временами приводило к отсутствию координации между двумя ветвями государственной службы и к внезапным переменам в русской международной политике.

В начале войны с Польшей воеводы, под влиянием патриарха Никона, воздерживались от местнических споров (касающихся генеалогического старшинства), но с падением авторитета Никона местнические конфликты – этот бич московской администрации – вспыхнули заново, что принесло весьма плачевные результаты.

Союзник Алексея в Польской войне, гетман Богдан Хмельниц-

кий, был значительно более энергичным человеком нежели царь.[16] Среднего роста, могучего телосложения, он был способен на большие свершения, однако, к концу жизни подорвал своё здоровье неумеренным пьянством. Его характер был весьма неуравновешен. Венецианский посланник, Альберто Вимина, которого Богдан принимал в 1650 г., оказался под впечатлением от двойственности натуры гетмана. Время от времени он выглядел сонным и казался усталым. Будучи в другом настроении, становился активным, твердым и властным. Чем старше становился Богдан, тем чаще наступали приступы депрессии и дольше длились. Он становился все более и более подозрительным, даже в отношении своих друзей.

Богдан получил хорошее образование западного типа в иезуитской коллегии. Он понимал важность знаний и от всего сердца поддерживал просветительскую деятельность Киевской академии. Любил вести беседы с интеллигенцией своего времени — учеными-священнослужителями как украинскими, так и греческими. Из-за его бурной и авантюрной карьеры у него было мало других возможностей для интеллектуальных занятий. Его письма и манифесты (*"универсалы"*) показывают, что он хорошо владел пером. Большая часть его писем касалась текущих политических и военных дел. Хотя он и не был жадным читателем, очень любил устную поэзию своего народа, любил слушать народных музыкантов и сам любил играть на бандуре. На протяжении всей своей жизни он получал удовольствие от компаний и веселых застолий и, за исключением периодов депрессий, был радушным хозяином и хорошим товарищем.

Как и большинство запорожских казаков, Богдан являлся знатоком оружия и лошадей. Когда того требовал торжественный момент, одевал на себя церемониальное облачение. В противном же случае, будь то военное или мирное время, он не питал слабости к богатым нарядам да и вообще к роскоши. Его образ жизни был прост и не отличался от рядовых казаков. Венецианский посол Вимина писал о нем: "В его [Богдана] комнате нет никакой роскоши; стены голые. Вся мебель состоит из грубых деревянных скамей, покрытых кожаными подушками. ... Дамасский коврик лежит перед небольшого размера кроватью в головах которой висит лук и сабля". Шведский посол Гильдебрандт, которого Богдан принимал в Чигирине в январе 1657 г., рисует схожую картину. После аудиенции посла развлекали за обедом в той же самой комнате (где стояла кровать Богдана).

Обед был совершенно неофициальным, пища проста. За столом присутствовали две дочери Богдана. Пили горилку и мед, которые посол боялся проглатывать, предполагая (совершенно справедливо), что эти напитки очень крепкие.

Когда дьякону Павлу Алепскому представили Богдана во время польской кампании 1654 г., на него также произвела впечатление скромность гетмана в одежде: "Никакой человек со стороны не опознал бы в нем гетмана. Все прочие [имеются в виду сопровождавшие его старшины] были роскошно наряжены и имели сверкающее оружие, а он был одет в одежду из простой ткани, и его оружие не привлекало внимания". (Но мы можем быть уверены — знаток бы заметил, что это оружие — высочайшего качества).

Популярность Богдана в качестве правителя основывалась частично на его внимании к обычаям и традициям народа. Он был великолепным оратором. Уроки риторики, которые он получил в иезуитской коллегии, не пропали даром. Он умело пользовался простонародным языком; его речи были пересыпаны народными поговорками и яркими примерами из повседневной жизни.

Как государственный деятель, Богдан пытался установить равновесие между старшинами и рядовыми казаками, но большую часть своего внимания уделял военным и международным делам. В основе его военных успехов лежала тщательная организация армейской администрации и снабжения. Как войсковой командир, он был наделен значительными стратегическими и тактическими способностями, но во многих случаях подчинял свои военные цели капризам собственной дипломатии. Более того, хотя обычно он с великой тщательностью планировал главную кампанию, он часто пренебрегал периферийными операциями. Кроме этого, у него иногда наступали периоды инертности в ведении войн, что можно объяснить частично запутанностью его дипломатических планов, а частично — периодами депрессии.

Несмотря на недостатки, он, несомненно, был государственным деятелем с большой буквы. Начав в качестве зачинщика принесшего успех восстания, стал признанным лидером украинского народа: его решение принять покровительство царя было поддержано большей частью народа, хотя и не всеми старшинами. С исторической точки зрения, объединение Украины с Москвой было наивысшим достижением Богдана Хмельницкого. Несмотря на последующие раздоры

и разочарования, объединение явилось важной вехой в истории как украинского, так и русского народов.

Алексей и Богдан никогда не встречались. То, что Хмельницкому не удалось приехать в Москву для переговоров об условиях объединения после переяславской присяги на верность, стало большим разочарованием для Алексея и его советников. Мотивы гетмана были в этом случае, по всей вероятности, двойственными. С одной стороны, у него были основания ожидать немедленного польского нападения на Украину, и он должен был быть начеку, чтобы противостоять этому. С другой стороны, он, по-видимому, не желал появляться перед царем в качестве просителя до утверждения условий соглашения между Москвой и казаками. Позднее, когда началась Польская война, у Богдана едва ли была возможность покинуть армию, даже на короткое время. Разумеется, царь и гетман были в контакте друг с другом через переписку и обмен послами и гонцами, но это не могло заменить личного общения. Отсутствие такого общения подрывало возможности успешного развития русско-украинских отношений.

II

Во время переговоров в марте 1654 г. между казацкой делегацией и московскими боярами был согласован генеральный план войны против Польши, в котором были скоординированы действия московской и казацкой армий. Москва брала на себя обязательство направить основную массу своих войск против Литвы и обещала дать указание донским казакам, чтобы они начали беспокоить крымских татар для отвлечения последних от атак на Украину. Часть московских вооруженных сил должна была быть послана на Украину для оказания поддержки Хмельницкому в его кампании против поляков. Со своей стороны Богдан обещал перебросить часть казацкой армии в Белоруссию для совместных действий там с москвичами.

Хотя таким образом, был достигнут определенный уровень военного сотрудничества между Москвой и казаками, не было осуществлено никаких попыток скоординировать внешнюю политику царя и гетмана. Богдан вел оживленные дипломатические отношения с рядом зарубежных держав независимо от Москвы, даже принимал дипломатических агентов из Польши и Турции, что противоречило условиям русско-украинского объединения. Но и в том, и в другом случае он твердо отклонял любые попытки отделить его от царя; отка-

зался также от предложения крымского хана вступить с ним в союз против Москвы. Как и раньше, Богдан уделял много внимания молдавским, валашским и трансильванским делам. Несмотря на его прежний регресс в этом направлении, он упорно продолжал прилагать усилия к тому, чтобы вовлечь дунайские государства в союз против Польши. В 1656 г. Молдавия обратилась к царю за покровительством. Оно было даровано, но оказалось недолговечным. Богдан также установил отношения с Бранденбургом и Швецией. Еще в 1650 г. он пытался наладить дружественные отношения с Швецией. Его новые попытки были более удачными, но чуть не привели к конфликту между ним и царем.

Целью войны с Польшей, в чем были согласны и царь, и гетман, было не только добиться независимости Украины от Польши, но и отделить Белоруссию от польско-литовского содружества, включить ее в московскую федерацию и, таким образом, объединить три ветви восточных славян (которые все в то время называли себя русскими). В Москве этот тройственный союз отразился в изменении титула Алексея с "царь всея Великой и Малой Руси" на "царь всея Великой, Малой и Белой Руси". Предполагалось, что Белоруссия будет пользоваться тем же статусом в царстве, что и Украина. Подход Богдана к характеру будущего союза был несколько иным. Он планировал включить Белоруссию в состав казацкого государства под своим руководством.[17] Поскольку он сам признал себя царским вассалом, Белоруссия также должна была оказаться под царским протекторатом, но не прямо, а через посредство гетмана. Большая часть белорусского народа была неудовлетворена польско-литовским правлением, и поэтому предрасположена к отделению от Польши; но ситуация с Белоруссией во многом отличалась от украинской.

Благодаря национальному движению и руководству казаков украинцы сами освободились от Польши, а затем обратились к царю за покровительством лишь для того, чтобы защитить себя от нового подчинения Польше. Национальное движение в Белоруссии, которое начало развиваться во время украинской войны 1648 г., было подавлено литовским правительством. Белорусам, в отличие от украинцев, не удалось организовать собственную казацкую армию, которая могла бы стать ядром широкомасштабного национального движения. Более того, религиозная ситуация в Белоруссии была более сложной, нежели на Украине, где униатская церковь насчитывала немногочис-

ленных последователей даже до 1648 г., в то время как православная церковь имела сильный религиозный и интеллектуальный центр в Киевской Богословской академии. После 1648 г. униатская церковь на Украине была уничтожена. В Белоруссии униатская церковь имела более прочные корни, и к 1654 г. немалое количество шляхтичей и горожан стало униатами, многие вельможи были обращены в римский католицизм. Однако у православной церкви все еще были последователи среди вельмож и городского населения, и ее поддерживали большинство крестьян.

На Украине казаки служили мостом, с социальной точки зрения, между шляхтой, с одной стороны, и городским населением и крестьянами — с другой. В белорусском обществе не существовало подобной связи, и пропасть между аристократией и крестьянством была глубже, чем на Украине. Это делало различие между социальными слоями значительно более острым, а задачу достижения национального единства в Белоруссии — значительно более сложной, чем это было в казацком государстве.

В соответствии с московским планом войны, вторжение на территорию Великого княжества Литовского в трех направлениях началось в конце мая 1654 г. Северная русская армия располагалась в Великих Луках, и ей было дано задание достичь среднего течения реки Западной Двины. Основная армия, которую решил возглавить сам царь Алексей, двинулась на Смоленск, который поляки занимали с 1611 г. Южная армия, расположенная в Брянске, должна была двигаться к Мстиславлю и Шклову на Днепре, где она через некоторое время должна была соединиться с центральной армией.[18] Богдан Хмельницкий послал казацкий корпус полковника И.Н. Золотаренко расчистить район между Днепром и рекой Сож, к северу от Речицы и Гомеля. Позднее часть этих самых казаков оказывала помощь северной русской армии в районе Витебска.

Успех русско-казацкого удара против поляков и литовцев в борьбе за Белоруссию явился результатом не только русской военной мощи, но и также той помощи русскому делу, которую оказывали сами белорусы. Поляки были очень обеспокоены настроением белорусских крестьян. "Крестьяне очень враждебны по отношению к нам; повсюду они отдают себя под власть царя ... они бунтуют против своих господ и причиняют нам больше зла, чем сами московиты. Существует опасность чего-то вроде казацкой войны".[19]

Смоленск с его сильным польско-литовским гарнизоном сопротивлялся русским почти три месяца, но в конце концов сдался 23 сентября. С Витебском, который русские взяли штурмом 17 ноября, произошло то же самое, но другие белорусские города не оказывали серьезного сопротивления ни московитам, ни казакам. В Полоцке православная шляхта поступила на царскую службу; католической и униатской шляхте было дозволено беспрепятственно отступить в Литву. Могилевский шляхтич Поклонский (православный) предложил оказать помощь царю, убеждая шляхту и горожан Могилева признать власть царя. В связи с этим ему было разрешено набрать полк добровольцев, и, при поддержке небольшого отряда московских войск, он был направлен обратно в Могилев, который после этого сдался. Незадолго до этого Гомель сдался казакам Золотаренко.

Следует заметить, что московские успехи в Белоруссии были достигнуты в то время, когда царская столица — сама Москва — страдала от бедствия — эпидемия чумы, которая продолжалась с июля по октябрь 1654 г. Помимо Москвы эпидемия косила население многих русских городов, главным образом, в районе верхней Волги, и вызвала временный паралич экономической и административной деятельности в пораженных районах.

Захват значительной части Белоруссии московитами и казаками принес с собой проблему организации управления страной. Казаки намеревались использовать тот образец, который был создан во время войны 1648 г. Соответственно, когда полковник Золотаренко вторгся в пределы юго-восточной Белоруссии, он выпустил воззвание к горожанам и крестьянам, чтобы те вступали в ряды казаков.[20] Многие воспользовались этой возможностью, но белорусская шляхта выступала против казацкого плана и обвиняла тех, кто примкнул к казачьему войску, в бунте против установленного порядка. Шляхта пожаловалась царю Алексею на действия Золотаренко и попросила царя наказать казаков. Позднее в Белоруссию был направлен князь Г.А. Козловский с указаниями дать шляхте следующий ответ: "Не было причин наказывать казаков, поскольку они были верны своему государю [царю] и выполняли для него большую службу. И они не причинили большого вреда шляхте. Казаки остаются верными [царю], но теперь они позволяют себе подстрекать простонародье против шляхты. Из-за этого его царское величество разгневан на них, потому что вы, шляхта, — государевы верные слуги [тоже]".[21] Царь Алексей подтвердил традицион-

ные права и привилегии белорусской шляхты и горожан.

Сначала у московского правительства не было определенной политики по отношению к белорусским крестьянам. Последние радостно приветствовали вступление русских войск в их земли и бунтовали против польско-литовских господ. Крестьянская партизанская война внесла большой вклад в успехи московских армий, и, начавшись, крестьянское движение приобрело широкий размах. Крестьяне стремились к полному освобождению от какой бы то ни было формы рабства и от какого бы то ни было господина — белорусского или польско-литовского. Белорусская шляхта убеждала царя помочь ей удержать крестьян в подчинении. К тому времени московское правительство стало беспокоиться по поводу возможности распространения крестьянского движения из Белоруссии на соседние регионы Московии, и поэтому решило поддержать права белорусской шляхты на использование крестьянского труда.

Хотя русская кампания 1654 г. в Белоруссии имела успех, ситуация на украинском театре военных действий оказалась иной.[22] На протяжении весны и начала лета 1654 г. Богдан переживал один из своих приступов депрессии. Его недостаточно энергичная подготовка к кампании в какой-то мере может быть объяснена разногласиями среди старшин, некоторые из которых не желали допустить того, что московские войска войдут на Украину для помощи казакам. Кроме того, как казаки, так и москвичи предвидели опасность альянса между поляками и крымскими татарами и возможного в этом случае татарского нападения на Россию и Украину. В связи с этим сочли необходимым расположить часть московско-казацких вооруженных сил на юге для охраны России от татар.

Каковыми бы ни были причины тому, но Богдан Хмельницкий потерял много времени, и инициативу перехватили поляки. В октябре 1654 г. сильная польская армия под командованием гетмана Потоцкого и Стефана Чарнецкого вторглась в Браславскую область. Казацкий браславский полк и все население области оказывали отчаянное сопротивление врагу, но не смогли остановить продвижение поляков. По мере наступления Чарнецкий действовал с чрезвычайной жестокостью, сжигая украинские города и села, полностью уничтожая население — мужчин и женщин, взрослых и детей. Вскоре в браславских землях появились крымские татары в качестве польских союзников и довершили дело разрушения. Согласно под-

счетам гетмана Потоцкого, было сожжено пятьдесят украинских городов и тысяча церквей. Поляки уничтожили более ста тысяч человек, и около трехсот тысяч захватили татары и увели в Крым, чтобы продать их в рабство.[23]

Хмельницкий выступил против поляков и татар лишь не ранее января 1655 г. Его армия была усилена отрядом московских войск в девять тысяч человек под командованием боярина В.Б. Шереметева. К этому времени поляки уже осаждали Умань. В четырехдневной битве при Охматове польское наступление было остановлено. Татары не принимали участия в этой битве. Вместо этого их небольшие мобильные отряды (загоны) совершали набеги на обширные просторы украинской земли.[24]

Из-за значительных потерь с обеих сторон на Украине не предпринималось никаких широкомасштабных боевых операций вплоть до конца лета 1655 г., когда произошло русско-украинское нападение на Львов. 16 сентября Хмельницкий со своими казаками и В.В. Бутурлин с московскими войсками подошли к Львову. Объединенный русско-казацкий отряд, во главе которого стоял князь Григорий Ромодановский, нанес поражение польской армии Потоцкого и вынудил ее отойти. Продолжая осаждать Львов, Хмельницкий и Бутурлин направили мобильный русско-казацкий отряд на Люблин, который сдался 20 октября. К этому времени были получены известия, что крымский хан движется на Украину во главе сильной армии. Хмельницкому и Бутурлину не оставалось ничего, кроме как снять осаду Львова и отступить на восток. 10 ноября татары при поддержке отряда польских войск атаковали русско-украинскую армию возле Озерной (Озирно, Езерна) юго-восточнее Зборова. После двухдневного тяжелого боя татары и поляки были отброшены. После этого хан направил своих посланников к Хмельницкому для переговоров. Было достигнуто соглашение, согласно которому хан давал клятву не нападать на приграничные области Московии и Украины, а Хмельницкий обещал не развязывать войны против Крыма.[25]

Московский поход на Литву успешно возобновился в июне 1655 г. 3 июля русские взяли Минск, а 31 июля сдался Вильно.

III

При таком положении дел произошло событие, ускорившее крутую перемену всей военной и дипломатической ситуации в Восточ-

ной Европе. В июне 1655 г. шведский король Карл X вторгся в Польшу. Отношения между Польшей и Швецией были натянуты с того самого времени, когда шведский кронпринц Сигизмунд из дома Ваза был избран на польский престол в 1587 г. Сигизмунд соединял короны Польши и Швеции. Как он, так и его сыновья — Владислав и Ян Казимир — претендовали на шведский престол для того, чтобы продолжить династический союз Швеции и Польши. Со своей стороны шведские Ваза предъявляли требования на польский трон. У Карла X были польские сторонники, включая бывшего канцлера Радзиевского, изгнаного из Польши. Протестанты в Польше и Литве прославляли шведского короля, как освободителя. Вскоре аристократия Великой Польши и Литвы признала Карла своим королем. Литовцы поставили условие, что Карл должен будет защищать их от московитов. Это побудило бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма для защиты своих интересов послать войска в герцогство Прусское (Восточная Пруссия), которым он владел, как вассал польского короля.[26]

Одно время казалось, что Польша перестала существовать как независимое государство. Король Ян Казимир бежал в Силезию. Однако восстановление наступило так же быстро, как и падение. Большинство поляков было верными католиками, и они сплотились для защиты своей веры. Кроме того, как шляхта, так и крестьяне были возмущены высокомерным поведением и наглыми грабежами шведских войск в Польше. В декабре 1655 г. королевские гетманы Потоцкий и Ланцкоронский организовали шляхетскую конфедерацию против шведов. Конфедерация пригласила Яна Казимира снова занять престол. Стефан Чарнецкий принял на себя командование польской армией. Шведы были вынуждены отступить. Когда король Карл понял, что не в состоянии удержать всё польско-литовское содружество под своей властью, он изобрел новый план — заключить целый ряд союзов и разделить польское содружество между собой и своими союзниками. Он предложил герцогство Прусское и Великую Польшу курфюрсту Бранденбурга Фридриху Вильгельму (в июне 1656 г.); Малую Польшу, Мазовию и Литву — князю Трансильвании Георгию II Ракоци; а Украину — Богдану Хмельницкому. Для себя Карл оставил Королевскую Пруссию (Западную Пруссию) и Ливонию.

Поляки ответили на польские политические комбинации тем, что стали делать собственные противоположные дипломатические ходы.

Они обратились к Австрии, которая согласилась стать посредником между Польшей и Россией. Помимо того, Австрия согласилась предоставить на время Польше войско в двенадцать тысяч человек. После этого в 1657 г. Фридрих Вильгельм порвал союз с Швецией и вместо того заключил альянс с Польшей. Плата, которую Польша была вынуждена внести за этот альянс, не показалась полякам чрезмерной: они должны были отказаться от сюзеренных прав польского короля на герцогство Прусское. В исторической перспективе, однако, эта уступка проложила дорогу к слиянию Бранденбурга и Пруссии, что со временем привело к созданию Прусского королевства. Еще один из альянсов был заключен Польшей в 1657 г. с Данией.

Шведская интервенция пробудила совершенно разные чувства в Чигирине и в Москве.

Богдан Хмельницкий всем сердцем поддерживал борьбу Швеции против Польши и принял активное участие в создании шведской коалиции. На протяжении многих лет он находился в тесном контакте с Георгием Ракоци. На сей раз он заключил с ним военный союз. Богдан усматривал в шведской коалиции самый надежный путь подорвать силы Польши и предотвратить возможность для какой бы то ни было попытки восстановить польский контроль над Украиной.[27]

Совсем наоборот все было для московских государственных деятелей. Для них опасность образования объединенного шведско-польского государства под руководством Швеции стала устрашающей реальностью. Дело обстояло так, что полный контроль Швеции над Финским заливом отделял русских от балтийского морского пути в Западную Европу и, таким образом, серьезно подрывал развитие русской торговли и прогресс в русских культурных отношениях с Западом в то самое время, когда Москва всё больше нуждалась в технологической помощи оттуда. С тех самых времен, когда Ингрия и устье Невы перешли к Швеции, в период смутного времени, московские государственные деятели считали восстановление российских прав на Финский залив главной целью московской внешней политики. Среди дипломатов царя Алексея наиболее сильным защитником идеи о важности выхода к Балтийскому морю был А.Л. Ордин-Нащокин.[28]

Исходя из всех этих соображений, царь Алексей одобрил решение своих советников идти войной на Швецию. Как только это решение было принято, Москва была вынуждена попытаться прий-

ти к соглашению с Польшей во избежание ведения войны на два фронта. Польша также стремилась к взаимопониманию с Москвой, и в конце апреля 1656 г. между ними было достигнуто соглашение о прекращении огня.

17 мая царь объявил войну Швеции. В июле сильная московская армия под командованием князя И.К. Черкасского двинулась из Полоцка через Ливонию на Ригу. Царь Алексей сопровождал эту армию. Русские осаждали город с августа по октябрь, но взять его так и не смогли. Их операции в восточной Ливонии, восточной Эстонии, Ингрии и Карелии были более успешными.

Переговоры между московскими и польскими чрезвычайными посланниками начались в Немеже, неподалеку от Вильно, 12 августа. Поляки потребовали, чтобы московиты возвратили Литву и Белоруссию польско-литовскому содружеству. После множества пререканий московиты согласились взять обратно свои претензии на Литву, но отказались вернуть Белоруссию. В сентябре был согласован предварительный альянс, подлежащий утверждению польским сеймом: царь Алексей должен быть признан бесспорным наследником Яна Казимира (у которого не было детей); как будущий король Польши и великий князь Литовский, Алексей должен был сохранять за собой Вильно и Белоруссию.[29] Перемирие между Москвой и Польшей было подписано 24 октября, не дожидаясь решения сейма. Обе стороны должны были продолжать войну со Швецией.

Московские переговоры с Польшей и временное соглашение, достигнутое между ними, было смертельным ударом по планам Богдана Хмельницкого. Как он сам, так и старшины яростно возражали против восстановления дружественных отношений между Москвой и Польшей. Антимосковская группа старшин начала распространять панические слухи, что царь предал казаков. Отсюда возникла легенда о московской измене. Царь сообщил Богдану о перемирии с Польшей сразу же после того, как оно было достигнуто. Он также передал гетману последние сведения о ходе московско-шведской войны. 9 декабря Богдан написал царю письмо, в котором говорил, что, будучи верным слугой его царского величества, он был доволен, узнав о московско-польском соглашении, но предупреждал царя о польском двуличии и умолял его не доверять им.[30] Богдан также сообщал царю, что король Швеции заключил союзы с Ракоци и курфюрстом Бранденбургским и нанес полякам поражение при Торуни.

Богдан не сообщил Алексею, что сам он вел переговоры как с Ракоци, так и с Карлом.

Хотя Богдан и поведал старшинам о положении дел, послание царя не было доведено до сведения рядовых казаков. Тем временем у московского воеводы Киева и командиров московских войск, расположенных на Украине, которые, естественно, были осведомлены о перемирии царя с Польшей и о войне с Швецией, не было причин утаивать известия от тех украинцев, которые обращались к ним за информацией. Противоречивые слухи о московской измене, распространявшиеся старшинами, и утверждения представителей Московии на Украине относительно реального смысла московско-польского соглашения непременно должно было вызвать смятение в умах казаков. Многие рядовые казаки и раньше не доверяли политике старшин, а теперь они, особенно запорожцы, стали еще более подозрительными.

Хмельницкий, не обращая внимания на политику царя, продолжал поддерживать шведско-трансильванский союз. В результате переговоров, которые состоялись в октябре и ноябре 1656 г., Швеция согласилась признать Ракоци королем Польши, если он выступит против наступающей польской армии. Шведские и трансильванские войска должны были объединится между Краковом и Варшавой. Богдан обещал послать Ракоци вспомогательный казацкий корпус в составе двенадцати тысяч человек. В соответствии с этим соглашением в начале января 1657 г. он мобилизовал три казацких полка и приказал им собраться в Белой Церкви. Их командиром был назначен полковник Антон Жданович.

Богдан не намеревался раскрывать свои действия представителям Москвы на Украине, но случилось так, что царский посланник к гетману — дьяк — Аврам Лопухин, который покинул Москву в конце декабря, столкнулся с колонной казаков Ждановича по пути в Чигирин. На второй день его переговоров с гетманом (8 января 1657 г.) Лопухин спросил о цели передвижения войск. Богдан и Выговский уверили Лопухина, что Жданович послан для охраны Подолии от возможного нападения поляков.[31] Скрывая свои истинные намерения, гетман играл в опасную игру и не только потому, что старался утаить правду от московского правительства (что не могло бы продлиться долго), но также и потому, что обманывал самих казаков.

Следуя указаниям гетмана, Жданович не объяснял истинную цель похода своим воинам. Казаки знали только то, что они должны вое-

вать с поляками. Более того, они (или, во всяком случае, многие из них) думали, что эта кампания санкционирована царем. Казаки народной армии, созданной благодаря национальному движению, всем сердцем поддерживали Хмельницкого, поскольку чувствовали, что он является лидером освободительной борьбы. На протяжении всех лет войны с Польшей Богдан был искренен с ними. Но на сей раз он пытался использовать казаков в качестве пешек в запутанных ходах своей тайной дипломатической игры, значение которой он не осмелился им объяснить. Чрезвычайно наивно, с его стороны, было не предвидеть, что казаки рано или поздно раскроют обман. Каким бы высоким не был престиж гетмана среди казаков, он оставался для них старшим товарищем, а не королем или царем. Сан царя, покровителя всего запорожского войска после Переяславской рады, представлялся многим рядовым казакам значительно выше, нежели сан гетмана. С другой стороны, казацкая аристократия во главе с Выговским, Тетерей и другими относилась к присяге, принесенной царю в Переяславе, менее серьезно и считала ее всего лишь политическим маневром. Из-за этого расхождения мнений возник конфликт между старшинами и простыми казаками.

Ракоци выступил из Трансильвании на Польшу в январе 1657 г. Его армия, состоявшая, по меньшей мере, из двадцати тысяч человек, представляла собой пеструю толпу венгров, сербов, немцев и молдаван. В марте казаки Ждановича соединились с Ракоци южнее Львова, но город отказался сдаваться. Солдаты Ракоци и казаки Ждановича опустошали все вокруг по мере своего продвижения. Краков, занятый шведским гарнизоном, признал власть Ракоци, после чего шведы ушли из города.

В апреле шведская армия соединилась с войсками Ракоци и казаками у Сандомира. Следующей важнейшей целью союзников была Варшава, но при таком повороте событий Дания объявила войну Швеции. Не сообщая союзникам о своих планах, король Карл X начал выводить свои войска из Польши. Он на время оставил небольшой отряд шведских солдат, чтобы помочь Ракоци захватить Варшаву. Город капитулировал 9 июня, но, несмотря на это, был полностью разграблен победителями. Два дня спустя шведы сообщили Ракоци, что они направляются в Данию. У Ракоци и Ждановича не было другой альтернативы, кроме отступления через Волынь в Подолию в надежде собрать побольше войск.

По всей видимости, Жданович собирался и дальше оказывать поддержку Ракоци, но его казаки, уставшие от войны и подавленные неудачами, были разгневаны. Когда армия подошла к Меджибожу в Подолии, они взбунтовались: стали угрожать Ждановичу смертью, если тот попытается заставить их продолжать кампанию. "Нам нет дела ни до Ракоци, ни до какого-либо другого короля, у нас есть свой собственный государь" (имелся в виду царь), а в начале июля казаки разошлись по домам.[32]

Оставленный казаками, Ракоци не имел ни малейшего шанса противостоять полякам и сдался 23 июля. После этого его вынудили отказаться от претензий на польский трон, вернуть награбленную добычу и уплатить один миллион злотых в счет возмещения убытков. На таких условиях поляки предоставили ему и армии возможность свободно вернуться домой. Но неделю спустя армия Ракоци была атакована крымскими татарами и наголову разбита. Сам Ракоци бежал.[33]

Когда Богдан получил сведения об отступлении Ракоци из Варшавы (еще не зная о самороспуске корпуса Ждановича), он решил послать ему подкрепления. Новый экспедиционный корпус был собран в Корсуни под командованием сына Богдана — Юрия. Именно в этот момент и поступили сведения о мятеже казаков Ждановича. Тогда Хмельницкий отдал приказ увеличить состав войск Юрия с десяти до двадцати тысяч человек. 11 июля армия Юрия покинула временный лагерь в Капустиной долине, недалеко от Корсуни, для выполнения приказа гетмана. Им не было сказано, что их главная задача — спасти Ракоци и, по возможности, еще раз поддержать его в борьбе с поляками.

Отчетливые сведения о походе Ракоци и Ждановича на Польшу и о претензиях Ракоци на польский престол не доходили до Москвы вплоть до конца мая. Было решено направить посланника к Ракоци, чтобы убедить его отказаться от своего намерения потому, что сам Алексей выдвинут кандидатом на польский трон.

Посланник, Иван Желябужский, прибыл в Корсунь 9 июля. Он был свидетелем отправки армии Юрия, после чего остался еще на несколько дней, пытаясь выяснить у Богдана, о месте нахождения Ракоци. Богдан посоветовал Желябужскому подождать в Корсуни дальнейших сведений от Ракоци, но посланник предпочел проследовать в Меджибож, не ставя в известность Богдана. 20 июля (через три дня после отъезда из Корсуни) Желябужский нагнал армию

Юрия, направляющуюся в Подолию. К этому времени известия о роспуске корпуса Ждановича уже невозможно было далее скрывать от казаков Юрия, поскольку они слышали об этом непосредственно от самих участников событий, возвращающихся домой. 22 июля казаки собрались перед ставкой Юрия, выкрикивая оскорбления в адрес старшин. "Ты говорил нам, что поведешь нас против татар, но выяснилось, что мы идем помогать Ракоци и добывать ему польскую корону. Мы не двинемся без приказа нашего государя [т.е. царя]". Половина казаков разошлась по домам. Юрий повел оставшихся в Белую Церковь.[34] Позднее Выговский сказал царскому послу, что бунт рядовых казаков против старшин — результ подстрекательства со стороны Желябужского.[35] Между прочим, бунт начался в лагере Ждановича в Меджибоже, до которого Желябужский и не доезжал, к тому же, до того, как он оказался в Корсуни. Корсуньский бунт явился естественным продолжением междибожского мятежа.

Богдану вряд ли сообщили о казацком мятеже в армии Юрия, так как в это время гетман был при смерти.

Он тяжело заболел в январе 1657 г. В конце мая он созвал старшин и казацких делегатов от каждого полка в Чигирин для избрания своего преемника. Выговский претендовал на гетманство, но Богдан был против его кандидатуры и мыслил обеспечить эту должность своему сыну Юрию, сделав ее наследственной. Рада одобрила выбор Богдана, и Юрий стал выборным гетманом. Между прочим, большинство участников рады не доверяли Выговскому.

В то время, когда московское правительство послало Желябужского для переговоров с Ракоци, появилась необходимость отправить окольничего, Федора Васильевича Бутурлина, в Чигирин для расследования отношений Богдана как с Ракоци, так и с королем Карлом X Шведским. Бутурлин и его помощники прибыли в Чигирин 4 июня и были приняты в тот же день недомогающим Богданом, который лежал в постели.[36] После обоюдных приветствий московские посланники передали царское жалование помощникам гетмана и объявили, что им даны указания поговорить с гетманом о государственных делах ("государевы дела"). Гетман, ссылаясь на болезнь, посоветовал им переговорить с Выговским, но они отказались. Было решено отложить переговоры на несколько дней, в течение которых у посланников не было иной альтернативы, кроме как неофициально встретиться с Выговским. 9 июня их принял гетман. Посол обвинил гетма-

на в неверности царю, поскольку он сотрудничал с королем Карлом и Ракоци, и посылал Ждановича для оказания им поддержки в войне с Польшей — страной, королем-избранником которой, предполагалось, мог стать царь. Богдан гневно возражал, что он не собирается порывать отношений с шведским королем, и упомянул о слухе, что царь, заключая перемирие с Польшей, был готов передать казаков полякам, а также и другие слухи о приписываемом царю вероломстве. Бутурлин протестовал против подобных обвинений. После этого Богдан заверил Бутурлина в своей верности царю и попросил, по причине болезни, еще некоторое время для раздумий. Стол был накрыт в той же комнате, и посланников пригласили отобедать. С посланниками сели гетман-избранник Юрий, войсковой писарь Выговский и брат последнего Данило. Жена Богдана Анна и его дочь Екатерина (жена Данилы Выговского) разносили пищу и тоже сидели за столом. Последняя встреча московских посланников с гетманом состоялась 13 июня.

Богдан торжественно объявил, что как он сам, так и все жители Малой России нерушимо привязаны к царской "высокой руке".[37] После этого он выразил свои сомнения в том, что поляки захотят избрать царя преемником короля Яна Казимира и предложил свое посредничество между Москвой и Швецией.

Это предложение явилось последним дипломатическим шагом Богдана Хмельницкого в его отношениях с царем Алексеем Михайловичем. Это, возможно, привело бы к более тесной координации политики царя и гетмана, но этому помешала смерть Богдана 27 июля 1567 г.

3. Реванш Польши: Гадячское соглашение, 1658 г.

I

После смерти Богдана Хмельницкого на Украине начались неурядицы. Пока гетман был жив, он считался бесспорным лидером всеми казаками — и старшинами, и рядовыми. Во время бунтов в лагере Ждановича и Юрия Хмельницкого казаки обвиняли в своих тяготах старшин, но никогда — лично Богдана. Хотя внешняя политика Богдана во многих случаях отличалась от той, что проводил царь, преданность казацкой армии царю оставалась краеугольным камнем в политических планах Хмельницкого вплоть до самой его смерти. Он так прямо и сказал польскому эмиссару Станиславу Беневскому в июне 1657 г.

Со смертью Богдана выявились внутренние противоречия в казацком войске. В их основе лежало различное отношение к Москве старшин и рядовых казаков. Хотя аристократическая группа среди старшин и приняла царский протекторат над Украиной, это было для них не более чем удачным ходом в политической игре. Они использовали зависимость от царского покровительства над Украиной в своих последующих торгах с Польшей, чтобы обеспечить себе более привлекательные условия в качестве цены за их возвращение в вассальную зависимость от короля. Вопреки подобному отношению, огромное количество рядовых казаков, особенно тех, кто победнее — "черных", питали отвращение к самой возможности возвращения под власть Польши и видели в царе защиту от оскорблений со стороны старшин.

Именно запорожский кош стал центром оппозиции "черни" по отношению к политике старшин.

Незадолго до смерти Богдану удалось устроить избрание своего сына в качестве преемника. В то время старшины вынуждены были склониться перед престижем Богдана и согласиться на эту кандидатуру.[38] Однако, как только Богдан умер, оппозиция старшин по отношению к Юрию усилилась. Юрий был младшим сыном, болезненным мальчиком, к тому же еще и эпилептиком.[39] Кто-то должен был стать регентом, по крайней мере, пока он не повзрослеет. Войсковой писарь — Иван Выговский — ближайший помощник Богдана в последние годы его правления, особенно в вопросах внешней политики, взял на себя управление государством, от имени Юрия.[40]

Еще один влиятельный представитель старшин, который мог предъявить свои претензии на лидерство — полковник Павел Тетеря, не присутствовал при смерти Богдана, поскольку нес службу в качестве посланника Богдана к царю. Это расчистило дорогу Выговскому.

Московскому посланнику Кикину, приехавшему в Чигирин 23 августа 1657 г., люди близкие к Выговскому (их имен Кикин не упоминает) сказали, что после смерти Богдана начались бунты среди казаков и что по приказанию казацкого войскового совета (правящей группы Выговского) многие участники были казнены, а остальные были наказаны: каждому из них отрезали нос и уши.[41]

Тело Богдана было похоронено в его поместье Субботове в тот самый день, когда Кикин прибыл в Чигирин. Через два дня гетман-

избранник Юрий, Выговский и все старшины возвратились в Чигирин после похорон. 26 августа в Чигирине собралась рада казацкого войска. Ей предшествовало совещание старшин. В раде приняли участие есаулы и сотники, а также ограниченное число рядовых казаков. На ней присутствовало несколько запорожцев, но из Запорожья не приглашали никакой официальной делегации. Рада выбрала Выговского действующим гетманом на три года, пока Юрий не повзрослеет. Это был компромисс, нацеленный на то, чтобы смягчить опасения противников Выговского.[42] Однако Выговский сразу же начал подготовку к тому, чтобы сделать правление официальным и постоянным, а также к тому, чтобы добиться независимости от царя. Хотя он и заверял царских посланников в своей верности, но продолжал находиться в тесном контакте с поляками, чей агент Станислав Беневский провел в Чигирине три месяца (август-октябрь 1657 г.).

В начале сентября Выговский отправил письмо к крымскому хану, предлагая возобновить казацко-татарский альянс. Это письмо было перехвачено запорожскими казаками, которые переслали его в Москву. Позднее посланники Выговского приехали к хану и подготовили почву для заключения официального союза, который был ратифицирован ханом в марте 1658 г.

Для того, чтобы обеспечить поддержку своей политике со стороны иерархов церкви и старшин, Выговский начал раздачу земельных наделов монастырям и доходных должностей и поместий своим сторонникам из шляхты и старшин, таким как Юрий Немирич, Григорий Лесницкий и его собственный брат Данило Выговский.[43] Юрий Немирич, подкоморий Киева, был назначен старостой Кременчуга на левом берегу Днепра. Наперекор казацким традициям, этот человек обращался с местными властями, как казацкими, так и муниципальными (выбранными местными общинами), как со своими подчиненными, и относился к населению Кременчуга и его окрестностей, как к своим подданным.[44]

Один из московских посланников на Украине докладывал, что некоторые казаки жаловались ему, будто друзья Выговского и полковники, которые поддерживали его, притесняют казаков, например, запрещали им ловить рыбу в реках.[45] "Как гетман, так и его советники — миргородский полковник Грицко (Григорий) Лесницкий и другие — обременяют нас налогами и нарушают наши свободы".[46] Современный казацкий летописец замечал, что Выговский имел двойственную

программу: во-первых, уничтожить тех казаков, которые не подчинялись ему; во-вторых, самому уйти из-под царского протектората и прийти к соглашению с королем Польши.[47]

Чтобы упрочить свои позиции, Выговский предпринял необходимые меры для того, чтобы обеспечить себе всю полноту гетманской власти. Для этого требовалось сместить Юрия Хмельницкого с должности, которую тот занимал лишь номинально.

11 октября 1657 г. Выговский созвал новую раду в Корсуни, положил булаву (символ гетманской власти) и притворился, что покидает город. Старшины обратились к нему с петицией, прося о том, чтобы он продолжил свое пребывание в должности. Он с готовностью согласился и был избран гетманом от своего собственного лица. Правами Юрия попросту пренебрегли.[48] После этого к Юрию обращались не как к гетману, а как к *гетманычу* (сыну гетмана, сыну Богдана Хмельницкого). Вся эта афера была разработана и продумана старшинами, но избрание после этого якобы было одобрено всем казацким войском. Юрий Миневский, которого Выговский послал в Москву, чтобы известить царя об его избрании, сказал боярам, что на корсуньской раде присутствовали все полковники и сотники, а также двадцать простых казаков (черных людей) от каждой сотни. Миневский заметил однако, что казаки запорожского коша не были приглашены на раду.[49] Во время корсуньской рады, когда велось предварительное обсуждение ситуации среди старшин, Выговский не скрывал своих антимосковских чувств. Один раз он вынул из своего кошелька несколько медных московских монет, швырнул их на стол и презрительно сказал: "Вот этим царь собирается платить нам, а что мы можем купить на это?".[50] Полтавский полковник Мартын Пушкарь резко ответил: "Даже если царь прикажет использовать в качестве денег нарезанную на куски бумагу, я стал бы с радостью принимать такую плату, поскольку на ней стоит имя царя". В своем ответе Пушкарь продемонстрировал замечательно ясное понимание основной идеи бумажных денег — будущих французских ассигнаций.[51]

Еще несколько полковников, включая Павла Тетерю и Петра Дорошенко, указали гетману, что "народ из разных сословий и чернь с левого берега Днепра будут и дальше чтить свою клятву царю и не пожелают отделяться от него". С другой стороны, трое полковников, включая Ивана Богуна, настаивали на разрыве с царем. Хотя Выговский и разделял мнение последних, он был против того, чтобы рас-

крывать свои планы до времени. Таким образом, на настоящий момент, полковники решили оставаться верными царю Алексею.[52]

Известия об избрании Выговского были встречены с чувством всеобщего неудовлетворения среди простых казаков, особенно на левом берегу Днепра. Кошевой атаман (кошовой, атаман коша) Запорожской Сечи, Яков Барабаш, объявил, что выборы были незаконными, поскольку делегация запорожского коша не была приглашена для участия в них. Запорожский кош считал Сечь историческим местом рождения должности казацкого гетмана подчеркивал, что сам Хмельницкий был избран гетманом в Запорожье. Барабаш объявил, что запорожский кош является сердцевиной казачества и не подчиняется городским ("городовым") казакам.[53] В ноябре 1657 г. Барабаш написал письмо царю, сообщая ему, что чернь повсеместно выступает против старшин — сторонников Выговского, и что многие городовые казаки бегут в Запорожье. Более того, он предупреждал царя, что Выговский и старшины готовятся к тому, чтобы предать царя и перейти на сторону Польши.[54]

Тем временем Выговский и преданные ему старшины развязали злобную пропагандистскую кампанию против Москвы. Одним из главных пунктов этой кампании был вопрос о московских гарнизонах на Украине. В 1654 г. Богдан Хмельницкий просил царя прислать войска в Киев, чтобы защитить его от нападения поляков. Так и было сделано. Когда казацкая делегация покидала Москву в марте 1654 г. после того, как условия объединения были согласованы, бояре предложили направить московские гарнизоны в Чернигов и в Нежин. Посланники согласились, но Богдан наложил вето на этот план. Выговский в его переговорах с московскими посланниками тоже возражал против того, чтобы московские войска были постоянно расположены на территории Украины сверх тех, что находились в Киеве. Не дожидаясь окончательных результатов переговоров, Выговский и старшины, поддерживающие его, распространили слух о том, что московское правительство уже решило послать гарнизоны в украинские города без согласия гетмана. Григорий Лесницкий, один из лидеров аристократической группы старшин, пустил в обращение документ, содержавший якобы пересмотренные статьи, касающиеся объединения Украины с Россией, где речь шла о том, что вскоре казаки окажутся обманутыми Москвой. Этот документ был фальшивкой. Согласно ему, московские гарнизоны должны быть расквартирова-

ны во многих городах не только левого берега Днепра, но также и на правом. В нем также говорилось, что число реестровых казаков якобы будет уменьшено с шестидесяти тысяч до десяти, и все они обязаны будут оставаться в Запорожье.[55]

Для того, чтобы подорвать доверие казаков и горожан к царскому покровительству, стали распространяться слухи, что московское правительство собирается обратить всех казаков в своих драгун; что украинским крестьянам будет запрещено носить кафтаны из шерстяной ткани и кожаные башмаки, и что они будут переселяться в Московию и Сибирь; что украинские священнослужители будут перемещены в Московию, а вместо них на Украину пошлют московских священников, и так далее.[56]

Украинский друг Москвы, нежинский архимандрит Максим Филимонов, писал московскому другу Украины, боярину Ртищеву, что чернь приветствовала бы московские гарнизоны на Украине и московских воевод, которые бы осуществляли надзор за украинской администрацией, но народ сбит с толку и испуган слухами о намерениях Москвы вмешаться в народные обычаи и традиции и о насильном приспособлении их к московским.

Московское правительство оказалось в трудном положении между двумя соперничающими партиями на Украине, и поэтому сделало попытку вступить в контакт с Выговским и Барабашем. В ноябре 1657 г. московское правительство пообещало посланникам Выговского — братьям Миневским — утвердить Выговского в качестве гетмана. Было решено, что ради этого в Переяславе следует созвать новую раду. Миневские предложили, чтобы царь направил своего особого посланника в Переяслав и чтобы запорожский кош был приглашен принять участие в раде.[57] Царь назначил своим посланником на раду окольничего Богдана Матвеевича Хитрово.

Хотя Выговский и согласился на то, чтобы чернь приняла участие в предстоящей раде, он намеревался, в первую очередь, установить свой контроль над двумя центрами оппозиции — Полтавой и Запорожьем. В середине января он направил отряд из пятнадцати тысяч казаков, верных ему, против Полтавы. Однако полтавский полковник Пушкарь при поддержке запорожцев нанес поражение нападавшим 25 января 1658 г. В тот самый день, когда состоялась битва, Хитрово прибыл в Переяслав. Ему здесь пришлось ждать Выговского на протяжении двух недель. Согласно планам Выговского, целью рады

было не только утверждение его самого в должности гетмана, но также признание вновь избранного митрополита Киева — Дионисия Балабана, который прибыл в Переяслав с впечатляющей свитой иерархов и монахов.

На раде появился весь клан Выговских. Большинство присутствовавших там старшин было либо ревностными сторонниками Выговского, либо людьми, не имеющими определенного мнения касательно конфликта между Выговским и "чернью".[58] Хотя Хитрово и приглашал на раду Пушкаря и запорожцев, но они не появились. Подождав их в течение нескольких дней, Хитрово согласился утвердить Выговского без их участия. Пушкарь отправил царю письмо, объясняя, что ему, как и запорожской делегации воспрепятствовали приехать в Переяслав патрули, которые Выговский выслал, чтобы заблокировать все дороги к городу.

После принесения клятвы на верность царю в Переяславском соборе в присутствии митрополита Киевского и всего собрания духовенства, Выговский получил от Хитрово грамоту царя, утверждающую его в должности.

II

Как только Переяславская рада закончилась, несмотря на клятву, которую Выговский только что принес, он послал Павла Тетерю в Межиречье на Волыни с секретной миссией — войти в контакт с Беневским, чтобы подготовить почву для возвращения Украины в Польскую федерацию.[59] Детали этих переговоров известны из письма Беневского королеве Польши.[60] Через Беневского Тетеря советовал полякам заключить мир со Швецией, прежде чем это удастся сделать царю; направить послов к крымскому хану, чтобы убедить его без отлагательства послать татарские войска на Украину (со всей очевидностью, против Запорожья и Московии); и мобилизовать польскую армию, чтобы она была готова оказать казакам поддержку против Москвы. Беневский конфиденциально спросил Тетерю, может ли король Польши доверять обещанию Выговского перейти на польскую сторону. Тетеря высказал мнение, что у Выговского нет иной альтернативы из-за оппозиции среди казаков, с которой он оказался лицом к лицу: Юрий Хмельницкий в тайне против его планов; запорожский кош — открыто против него; и значительное число полковников не питает к нему дружеских чувств.

Затем Беневский стал зондировать собственное отношение Тетери к той ситуации, если Выговский откажется подписать договор о союзе с Польшей. Тетеря заверил Беневского, что в таком случае он порвет с Выговским и переведет казаков на сторону Польши по своей собственной инициативе. Чтобы сделать союз с Польшей еще более привлекательным для Тетери, Беневский распорядился выделить ему вознаграждение в сумме 6 000 злотых и от имени короля пообещал, что все его затраты на про-польскую пропаганду среди казаков будут возмещены. Выговскому было обещано вознаграждение от 10 000 до 20 000 злотых.[61]

Для того, чтобы должным образом понять политическую линию Беневского, следует помнить, что король Ян Казимир, как и король Владислав в 1640-е гг., хотел приблизить казаков к короне, чтобы сделать их опорой своему трону. Королева Мария полностью поддерживала этот план. Некоторые польские магнаты также были склонны к взаимопониманию с казаками. Среди них видными были маршалек Ежи Любомирский (вскоре назначенный фельд-гетманом) и воевода Познани Ян Лещинский. "Соглашение с казаками — основание счастья для Польши" — писал последний первому в марте 1658 г. В другом письме к Любомирскому Лещинский писал, что стремление казаков построить свое независимое государство — не более чем химера. Они не могут жить без покровителя, и только Польша в состоянии гарантировать им их свободы.[62] Именно в этом духе Беневский был уполномочен королем продолжать переписку и переговоры с Выговским и Тетерей.

В то время как Тетеря строил планы союза с Польшей, Выговский продолжал вести переговоры с крымским ханом, чья помощь была необходима против Москвы и Запорожья. Предварительно соглашение о союзе было достигнуто в Чигирине между Выговским и посланниками хана вскоре после переяславской рады. Затем соглашение было ратифицировано ханом в Бахчисарае около 1 марта 1658 г.[63]

О переговорах Выговского с поляками и татарами Мартыну Пушкарю сообщил гетманыч Юрий Хмельницкий. В феврале Пушкарь направил посланников к царю, чтобы известить его об измене Выговского и предложить ему свою собственную помощь и помощь запорожцев против гетмана.[64] С другой стороны, Выговский продолжал повторять московским властям, что Пушкарь — демагог и смутьян. Он просил прислать московские войска, чтобы подавить мятеж,

и предупреждал, что в противном случае он сам вынужден будет принять соответствующие меры, чтобы покончить с ним.

Тем временем восстание "черни" против Выговского стремительно разрасталось. В марте начался бунт против полковника Лесницкого в миргородском полку. Лесницкий с небольшим числом казаков, которые остались ему верны, бежал в Лубны, и "чернь" избрала нового полковника — Степана Довгаля, который находился в тесной связи с Пушкарем и Барабашем. Все эти трое продолжали предостерегать московское правительство об опасности политики Выговского по отношению к царю, а также к казацкой вольнице.

Царские советники не выражали желания оказывать поддержку ни Выговскому, ни Пушкарю. Бояре были осведомлены о переговорах Выговского с Польшей, но не понимали их подлинного значения. Они все еще надеялись, что Выговский не осмелиться порвать с царем. В то же время они опасались, что любое жесткое действие по отношению к Выговскому бросит последнего в объятия Польши раз и навсегда и сделает таким образом новую войну с Польшей неизбежной. Московские власти посчитали, что сведения Пушкаря об измене Выговского являются преувеличением, и не стали придавать им серьезного значения.

В соответствии с этими соображениями московское правительство продолжало прилагать усилия к предотвращению гражданской войны на Украине, обращаясь к обеим сторонам, чтобы те воздержались от военных действий друг против друга. Московские посланники убеждали Пушкаря признать Выговского в качестве гетмана и, в то же самое время, советовали Выговскому примириться с Пушкарем. Москва отказывалась послать войска против тех или иных.

Для Выговского примирение с Пушкарем и запорожской "чернью" означало бы утрату контроля над запорожским войском, поскольку на любой новой раде тогда бы доминировала "чернь". Как он позднее выразит свои чувства князю Ромодановскому, "мы [старшины] не присягали на верность царю, чтобы не стать пленниками наших собственных холопов [черни]".[65]

В мае 1658 г. Выговский повел войско казаков и небольшой отряд наемников против твердыни Пушкаря — города Полтавы. Крымский хан послал ему в помощь шесть тысяч татар. В битве при Полтаве казаки Пушкаря были разбиты, а сам полковник погиб в бою. Запорожским казакам удалось бежать в Сечь. После этого казаки Вы-

говского и татары разграбили и сожгли Полтаву. Все мужское население, которое им удалось захватить, было убито, а женщины и дети взяты в плен.[66]

Тысячи людей из левобережной Украины бежали через границу с Московией в поисках убежища. Выговский потребовал, чтобы московские власти выдавали беженцев ему, но те решительно отказались сделать это. После этого Выговский объявил, что он возьмет их силой. Однако татары не пожелали развязывать открытую войну против Москвы, и Выговскому пришлось отказаться от своих планов. Вместо этого он заявил, что если беженцы немедленно не вернутся, то он передаст их жен и детей татарам. По всей видимости, никто из беженцев не вернулся, несмотря на угрозу. Вероятно, после этого Выговский выполнил свое обещание. Во всяком случае, ему нужно было платить татарам за помощь.[67]

В одном из своих писем царю до катастрофы Пушкарь предсказывал, что если Выговскому удастся побороть оппозицию на Украине, то он ускорит установление союза с Польшей против Москвы, чтобы иметь возможность напасть на нее. Московское правительство не поверило Пушкарю, хотя, как выяснилось, он оказался прав.

Сразу же вслед за своей победой Выговский снова послал Тетерю в Польшу, чтобы завершить переговоры с Беневским. В результате этих переговоров Тетеря сформулировал те условия, при которых казаки проявят готовность воссоединиться с Польшей. На этих условиях Тетеря подписал меморандум 5 июля (по новому стилю) 1658 г.[68], который послужил основанием для новых переговоров.

Тем временем Выговский продолжал изображать свою верность царю, посланники которого были в контакте с гетманом. Несмотря на это, в августе Выговский попытался вытеснить московский гарнизон из Киева, устроив внезапный набег нескольких тысяч казаков, которых поддерживал отряд татар. Этими силами он назначил командовать своего брата Данилу. Киевский казацкий полковник Яненко, последователь Выговского, должен был помочь нападавшим внутри города. Однако казацкий офицер, на разряд ниже по званию, нежели Яненко — Василий Дворецкий — отказался сотрудничать с Выговским и сообщил о заговоре московскому воєводе Киева Шереметеву. Среди казаков киевского полка начались разногласия. При этих обстоятельствах нападение Данилы Выговского на Киев закончилось провалом, и ему самому едва удалось спастись бегством (23

августа 1658 г.). Большая часть его войск рассеялась в разных направлениях. Некоторые были взяты в плен драгунами и стрельцами Шереметева. Согласно утверждениям пленных, их насильно заставили присоединиться к походу, кого-то — угрозами старшин, кого-то — битьем. А те, кто отказывался, были казнены.[69]

В то же время, однако, партия Выговского добилась успеха, захватив в плен атамана запорожского коша — Якова Барабаша. Еще до нападения Данилы Выговского на Киев московское правительство, пытаясь ублажить гетмана Выговского, приказало князю Григорию Ромодановскому — командующему московскими войсками, расквартированными в Белгороде, арестовать Барабаша, привезти его в Киев и передать его там воеводе Шереметеву. Тем временем Шереметеву было приказано устроить личную встречу с Выговским, чтобы обеспечить беспристрастный суд над Барабашем, который должен был предстать перед казацким войсковым трибуналом.[70] Когда Выговский получил сведения об аресте Барабаша и отправке его в Киев, он решил похитить Барабаша по пути и избавиться от него без контроля со стороны Шереметева. Ромодановский направил атамана в Киев под конвоем двухсот московских драгун и донских казаков. 24 августа — в тот самый день, когда Данило Выговский напал на Киев, — войска гетмана атаковали и разбили конвой и захватили самого Барабаша.[71] Барабаша привезли в ставку Выговского, судили казацким войсковым судом (верным Выговскому) и казнили.

III

Меморандум Тетери от 5 июля был воспринят поляками как основание для будущего договора с казаками. Около 1 сентября король послал двух комиссаров: Беневского и Казимира Евлашевского к Выговскому в Гадяч (в левобережной Украине, у московской границы). Там были согласованы условия польско-казацкого договора 6 сентября 1658 г. В переговорах приняли участие комиссары, Выговский и представители запорожского войска, хотя, фактически, последних представляла только небольшая группа старшин. Договор базировался на плане реорганизации двойственного содружества (Rzecz pospolita) Польши и Литвы в тройственное — Польши, Литвы и России (то есть, Малой России). Содружество должно было стать "единым и неделимым".[72] По условиям Люблинской унии 1569 г., Великое княжество Литовское и Россия формально включались в состав

королевства Польского и большая часть украинских земель перешла от Великого княжества (Литвы) к короне (Польше).[73] Однако, в противоречии с юридическим определением характера союза, Великое княжество Литовское смогло сохранить за собой некоторые черты автономного политического субъекта.[74]

Во всяком случае, Польша стала доминирующей державой в содружестве, и, по Гадячскому соглашению, Россия должна была стать третьим членом содружества. Однако она обладала некоторыми возможностями быть менее зависимой от Польши, чем Литва. Разумеется, религиозные и образовательные положения договора были впечатляющими, но в большей части пунктов, касающихся политических, военных и административных вопросов, только на словах признавалось конституционное положение России в тройственном содружестве, а большее число статей было несовместимо с основным принципом соглашения.

По условиям культурного характера, греко-православная церковь должна была официально признаваться наряду с римско-католической там "где говорят по-русски" в пределах содружества. Православный митрополит Киева и четыре православных епископа (луцкий, львовский, перемышльский и холмский) должны были получить места в польском сенате. Киевская Академия должна была пользоваться теми же правами и привилегиями, что и Польская Академия в Кракове. Еще одна академия должна была быть организована в подходящем месте в Великом княжестве Литовском.

Территориальные границы России (или "русских княжеств", как их время от времени называют в соглашении) с точки зрения правления и администрации были значительно уже, нежели с религиозной точки зрения. "Россия", то есть территория, находящаяся под властью гетмана запорожского войска, должна была состоять всего из трех областей — Киевского, Браславского и Черниговского воеводств. Согласно польскому образцу, в каждой из этих областей королем назначались сенаторы и прочие сановники. Их следовало выбирать из аристократов, которые владели земельными угодьями на данной территории и относилась к греко-православной церкви. Вплоть до самой смерти гетман "русских" армий (Выговский) должен оставаться первым сенатором, представляющим все три области. Созыв всех сановников данных земель должен был состояться по королевскому указу немедленно после ратификации соглашения польским сеймом.

Казакам и украинской шляхте, отпавшим от короля, была обещана полная и бессрочная амнистия. Все казацкие и шляхетские земельные угодья, конфискованные той или другой стороной (Польшей или казаками) после 1648 г., должны были быть возвращены прежним владельцам. Это означало то, что польские вельможи, изгнанные из своих поместий в 1648 г. и позже, теперь могли возвратиться и предъявить претензии на свои прежние владения.

Число реестровых казаков было установлено в количестве шестидесяти тысяч, как и по условиям казацкого соглашения 1654 г. с Москвой. Однако в секретной декларации, которую Выговский вручил Беневскому в самый день принятия соглашения, он утверждал, что эта цифра названа только для того, чтобы не вызывать подозрений "черни", и советовал, чтобы реестр фактически был сокращен до тридцати тысяч. Реестровые казаки должны быть освобождены от всех налогов и обязательств по отношению к держателям польских королевских земель и к их чиновникам и должны были оставаться под юрисдикцией гетмана. Хотя соглашение делалось от имени казацкого войска, в договоре лишь суммарно были упомянуты права и привилегии казаков, и, более того, гетман в тайне дал заранее свое согласие в отношение сокращения численного состава казацкого войска.

Подобное отношение со стороны Выговского явилось результатом основной социальной концепции аристократической группы старшин и ее идеолога — Юрия Немирича. Они ненавидели демократический дух казаков и стремились к тому, чтобы превратить казацкое государство, рожденное во время народного восстания 1648 г., в олигархию, базирующуюся на правах и привилегиях знати. Ограничение квоты реестровых казаков ставило целью создание из казацкой армии тесного товарищества. Внутренняя привилегированная группа — значительных товарищей — формировалась постепенно внутри войска, но такое развитие событий не удовлетворяло аристократическую группу старшин. Они мечтали о возвращении шляхте лидерства на Украине. Еще в те времена, когда Бутурлин вел переговоры с гетманом и старшинами в Переяславе, делегаты от украинской шляхты не только потребовали, чтобы царь подтвердил права и привилегии шляхты, но и представили Бутурлину список кандидатов от шляхты, которые должны были занять наиболее важные позиции в украинской администрации. В то время отец Ивана Выговского и двое его братьев были членами шляхетской делегации.[75] Бутурлин ответил делегатам, что он передаст

этот список Богдану Хмельницкому, но, чем согласиться на это, делегаты сочли за благо взять назад свои предложения. Что касается прав и привилегий шляхты, казацкие депутаты в Москве в марте 1654 г. включили этот пункт в свои требования, в соответствии с чем царь подписал грамоту украинскому дворянству.

Теперь Немерич и Выговский решили выковать соединительное звено между казацкими значительными товарищами и шляхтой, приоткрыв ряды последней для вступления в нее избранного числа казаков. В соответствии с этим, в одном из пунктов Гадячского договора утверждалось, что гетман Выговский предоставит королю Польши список имен тех казаков, которые достойны того, чтобы получить дворянство — около ста человек от каждого полка. Таким образом будет создано новое казацкое дворянство, что даст ему право присоединиться к украинской и польской шляхте в формировании порядка правления в России, то есть трех казацких областях: Киеве, Браславе и Чернигове. Должностные лица администрации этих областей должны были отбираться именно из шляхты (как украинской, так и польской), и именно шляхта этих областей (вместе с церковными иерархами, как православными, так и римско-католическими) должна была составить основу административного совета в этих землях.

На более высоком уровне, согласно договору, "король и все содружество позволит русскому народу иметь своих канцлеров, маршалов, казначеев и прочих сановников". Из этого контекста совершенно очевидно, что под "русским народом" подразумевалась украинская шляхта.

В некоторых пунктах договора Выговского называют "гетманом запорожского войска", а в других — "гетманом русского войска" или "русских княжеств". Изменение титула соответствовало желанию Выговского самому освободиться от зависимости по отношению к казакам и найти поддержку среди русского (малороссийского, или украинского) дворянства.

Не доверяя даже реестровым казакам, Выговский посчитал необходимым уравновесить их влияние созданием корпуса польских солдат. Их число было конкретно оговорено в соглашении. Корпус должен был подчиняться власти гетмана. В секретной декларации, о которой упоминалось выше, Выговский высказывал предложение, чтобы в составе этого корпуса было десять тысяч человек, и он обещал, что только нынешний гетман будет командовать корпусом, а не пос-

ледующие. После гетманства Выговского эти войска должны были быть переданы под командование польским королевским гетманам.[76] Согласно договору, Выговский должен будет находиться в должности гетмана вплоть до своей смерти. После этого были согласованы следующие условия для избрания каждого нового гетмана: каждый из "чинов" (духовенства и шляхты, как греко-православных, так и римско-католических) в "России" (то есть, трех областей) должен избрать четырех кандидатов, а король должен назначить одного из них новым гетманом.

Условия договора были составлены так, чтобы укрепить связь гетмана с содружеством. Гетман должен отказаться от всех иностранных покровителей (это обязательство было нацелено на московского царя и не затрагивало "братского союза" гетмана с крымским ханом). У гетмана не было права принимать иностранных посланников. В том случае, когда к нему приезжали послы, он должен был переправлять их к королю (это условие не должно было затрагивать отношений с крымским ханом).

Чтобы иметь законный статус, это соглашение должно было быть ратифицировано польским сеймом. В тот вариант документа, который был представлен на рассмотрение сейму, были включены изменения, предложенные Выговским в его секретной декларации, переданной Беневскому, а также были сделаны некоторые дополнительные изменения. В первоначальном соглашении утверждалось, что сенаторы и остальные сановники в тех самых трех областях (киевской, браславской и черниговской) должны принадлежать греко-православной церкви. В переработанном тексте это относилось только к киевской области. В двух других областях должности должны были даваться греко-православным и католикам по очереди. Окончательный текст соглашения был написан по-польски 29 апреля 1659 г. Однако, его датировали 16 сентября 1658 г., по новому стилю (6 сентября 1658 г., по старому стилю), поскольку это была дата первоначального договора.[77] После этого документ был ратифицирован польским сенатом.

Суммируя сказанное, следует сказать, что Гадячское соглашение явилось попыткой заменить правление запорожского войска над Украиной правлением шляхты (как украинской, так и польской). Новая конституция "России", которую это соглашение пыталось создать, явилась полным отрицанием основных принципов казацкого госу-

дарства. От подобной политики можно было ожидать того, что она спровоцирует, как на самом деле и вышло, яростную оппозицию со стороны рядовых казаков, а так же и большинства старшин.

4. Москва, Украина и Польша, 1658-1667 гг.

I

Союз Выговского с Польшей сделал войну между Польшей и Москвой неизбежной. В секретном письме Беневскому от 6 сентября 1658 г. Выговский просил польского короля немедленно прислать ему, по крайней мере, войско в тысячу человек, а если это возможно, то — в пять тысяч, чтобы изгнать московитов из Киева. Что касается крупномасштабных операций против Москвы, Выговский зависел, главным образом, от поддержки крымских татар. Он нуждался в иностранных войсках, поскольку не мог доверять казакам. Браславский полковник Иван Сербин, который и раньше был сторонником Выговского и принимал участие в неудачном походе Данилы Выговского на Киев, утверждал, что многие ветераны этой экспедиции не желают воевать против царских людей, и поэтому дезертируют из своих полков.[78] Еще один казацкий полковник говорил Шереметеву, что до этого похода Выговский казнил нескольких полковников и сотников, чтобы через устрашение заставить казаков следовать за ним.[79] В январе 1659 г. один украинский священнослужитель сказал московскому должностному лицу — Булгакову, — что гетман казнил многих казаков, подозревая их в дружеских чувствах по отношению к царю.[80]

После того, как было заключено Гадячское соглашение, в польском сейме возобладали сторонники войны против Московии, и возможность признания царя Алексея наследником польского трона была забыта. Тем не менее, признавалось, что и далее следует продолжать переговоры с Москвой. Переговоры между польско-литовскими и московскими представителями состоялись в Вильно в сентябре и октябре 1658 г., но не принесли результатов.

В ноябре литовская армия и казаки Выговского начали наступление на московские вооруженные силы расположенные в Великом княжестве Литовском. Казаки осадили Минск. Московский воевода, князь Юрий Алексеевич Долгоруков, разбил литовцев под Вильно, но ввиду действий казаков в районе Минска, решил отступить от города. В то же самое время как поляки, так и московиты пытались уп-

рочить свое международное положение, ведя переговоры о мире с Швецией. 20 декабря 1658 г. в городке Валиесари в Ливонии было подписано трехлетнее перемирие между шведами и московитами.

Перемирие с Швецией дало возможность Москве организовать более сильное сопротивление Польше и Выговскому. Еще до появления там царских войск, левобережная Украина стала театром восстания против Выговского в октябре 1658 г.[81] После этого в ноябре корпус московских войск в составе двадцати тысяч человек под командованием князя Григория Григорьевича Ромодановского — одного из самых талантливых московских военачальников того времени — занял город Лохвица. Вслед за этим общее собрание казаков, горожан и крестьян левобережной Украины избрало Ивана Беспалого — "значительного товарища" казацкого войска — временным гетманом.[82]

В феврале 1659 г. Выговский напал на левобережную Украину. С армией казаков, поляков и татар он захватил Полтаву и еще несколько городов, но ему не удалось вытеснить войска Ромодановского и Беспалого из Лохвицы. К концу марта Выговский возвратился в Чигирин. Именно оттуда Выговский направил своих представителей на сессию польского сейма, которая открылась в Варшаве 27 марта и ратифицировал Гадячское соглашение. 22 мая (по новому стилю) обе стороны — поляки и украинцы — скрепили договор клятвой.

Тем временем, московское правительство снарядило и отправило в левобережную Украину сильную армию под командованием князя Алексея Никитича Трубецкого. В апреле это войско приблизилось к Конотопу, который охранялся отрядом казаков верных Выговскому, под командованием полковника Григория Гуляницкого. Трубецкой был не в состоянии захватить город штурмом и провел два месяца в бездействии, осаждая его. В конце июня Выговский пришел на помощь конотопскому гарнизону с отрядом казаков. Его союзник — крымский хан — привел сильное войско своих татар, а также с орду ногаев и белгородских (аккерманских) татар.

В то время как татары и половина казаков оставались в засаде в болотистой местности, Выговский со второй половиной казаков атаковал московитский лагерь. Трубецкой направил против них свою кавалерию. Выговский отступил, увлекая московитов в болота. 28 июня московские всадники были окружены татарами и разбиты. Цвет московской кавалерии погиб в этот роковой день. Пять тысяч чело-

век было взято в плен. Большинство пленников было сразу же убито казаками Выговского и татарами.[83] У Трубецкого не было иного выхода, кроме поспешного отступления к границам Московии с оставшейся пехотой и артиллерией. Победителям не удалось воспрепятствовать его маршу в Путивль.

Ужас объял Москву, когда сведения о конотопском разгроме достигли столицы. Казалось, что надвигается опасность похода Выговского и хана на Москву. Правительство отдало приказ об укреплении московских фортификационных сооружений и строительстве земляных насыпей вокруг пригородов.

Тревога в Москве продлилась недолго, поскольку вскоре стало очевидно, что Выговский находился не в том положении, чтобы воспользоваться плодами своей победы. Украина переживала муки гражданской войны, которая была неизбежной, поскольку программу Выговского, включающую в себя олигархическую конституцию и объединение с Польшей, поддерживало меньшинство казаков. Кроме того, крымский хан не хотел начинать большую войну против Москвы, особенно из-за того, что он был хорошо осведомлен о разногласиях среди казаков. Поэтому он вскоре ушел в Крым с большей частью своей армии, оставив с Выговским небольшой татарский отряд. Конотопская кампания принесла татарам хорошие дивиденды. На пути домой они захватили тысячи пленников из левобережных украинских городов и деревень и взяли богатую добычу.

Не только казацкая "чернь", но и многие лидеры старшин присоединились к восстанию против Выговского. В сентябре старшины созвали общую раду в Германовке. Выговский отказался от своей должности и бежал в ближайший лагерь польских войск, расположенный недалеко от Белой Церкви. 11 сентября Юрий Хмельницкий был избран гетманом днепровского правобережья. Чтобы воспрепятствовать какому-либо нападению со стороны поляков на левобережную Украину, а также чтобы войти в контакт с новым гетманом, Трубецкой направился из Путивля в Переяслав, до которого добрался 27 сентября и был принят переяславским казачьим полковником и всем населением. Начались переговоры между представителями Юрия Хмельницкого и Трубецким. Юрий по-прежнему был не способен править. Группа старшин проводила казацкую политику от его имени. Самым талантливым человеком в этой группе был прежний прилуцкий полковник Петр Дорошенко.

Старшины представили на рассмотрение Трубецкому перечень условий, на которых казацкая армия возвращалась под власть царя. Среди них было требование, чтобы царь вел переписку с запорожским кошем не иначе, как только через гетманскую канцелярию. Гетману должно быть возвращено право принимать иностранных послов; малороссийская церковь должна была остаться под юрисдикцией патриарха Константинопольского.[84] Трубецкой ответил, что эту программу следует представить на рассмотрение рады. Он был прекрасно осведомлен, что большинство рядовых казаков, а также горожан и крестьян в большей мере симпатизировали запорожскому кошу, нежели аристократической группе правобережных старшин. Кроме того, левобережные старшины уже проявили готовность выступить на стороне царя. Таким образом, Москва могла надеяться на свое влияние в украинских делах.

9 октября Юрий Хмельницкий и лидеры старшин прибыли в Переяслав. На следующий день они были приняты Трубецким, который объявил им, что они прощены царем за свою прежнюю поддержку Выговского на том условии, что в дальнейшем они будут верно служить царю. После этого Трубецкой попросил Юрия Хмельницкого созвать раду для избрания нового гетмана, которого признают по обоим берегам Украины. Он настаивал на том, чтобы для участия в раде были приглашены не только казаки, но также горожане и крестьяне.

Рада была созвана 17 октября. Правобережную Украину представляли Юрий Хмельницкий и группа старшин, поддерживавших его; левобережную — ее действующий гетман Беспалый, все его полковники и старшины и вся "чернь". Московский воевода Киева В.Б. Шереметев и полевой воевода в левобережной Украине — князь Г.Г. Ромодановский — прибыли в Переяслав, чтобы действовать в качестве советников Трубецкого.

Из-за огромного количества участников раду пришлось проводить в открытом поле возле города. Чтобы воспрепятствовать антимосковским выступлениям со стороны правобережных старшин, неподалеку расположился отряд московских войск.

Рада единодушно избрала Юрия Хмельницкого гетманом обоих берегов Украины. Затем был зачитан и утвержден радой свод статей Богдана Хмельницкого (условия объединения Украины с Москвой в марте 1654 г.). Вслед за этим Трубецкой обнародовал перечень новых статей предлагаемых Москвой, которые следовало обсудить на

раде. Суть этих статей заключалась в усилении московского контроля над Украиной и в ограничении власти гетмана и полковников путем предоставления больших прав рядовым казакам.[85]

Среди прочих пунктов, Москва требовала, чтобы московские гарнизоны вдобавок к Киеву, были расположены в следующих пяти городах: Переяславе, Нежине и Чернигове на левом берегу; Браславе и Умани — на правом. Цель этих гарнизонов была чисто военная — стоять на страже во избежании польских и татарских нападений. Воевода каждого гарнизона не должен будет иметь власти над гражданским населением и не должен вмешиваться в казацкие дела.

В двух статьях речь велась о наказании семьи Выговского и его ближайших советников за их измену. Трубецкой потребовал, чтобы все члены клана Выговского были выданы для депортации в Московию. Что касается советников Выговского, то Трубецкой просил, чтобы шестеро из них (включая Гуляницкого, Лесницкого, Самойлу Зарудного и Антона Ждановича) никогда не назначались ни на какую должность в казацком войске и чтобы им было запрещено принимать участие в собраниях рады.

Все статьи, предложенные Трубецким, обсуждались радой и принимались одна за другой. В силу принятия такого решения, требования, представленные Трубецкому правобережными старшинами до собрания, провалились.

Представлялось, что принятие Переяславской радой статей Трубецкого должно восстановить объединение всей Украины с Москвой. Однако следовало ожидать больших неприятностей, поскольку раскол между левобережной и правобережной Украиной, так же как и пропасть между старшинами и "чернью" были ликвидированы всего лишь номинально. Кроме того, можно было ожидать, что поляки предпримут определенные действия, чтобы вновь установить свой контроль над Украиной.

II

Война между Польшей и Москвой возобновилась в Белоруссии, и ход военных действий благоприятствовал полякам. Чтобы подкрепить свой успех на украинском театре военных действий, поляки заключили союз с крымским ханом. Вдобавок, они возобновили свои попытки привлечь казацких старшин на свою сторону. Беневский вступил в переписку с гетманом, Юрием Хмельницким, и убеждал

его возвратить Украину под власть Польши. Юрий находился в зависимости от своих советников-старшин. А среди них не было единства во мнениях, но голос тех, кто выступал за поддержку Москвы, преобладал в то время, и казацкое войско согласилось выступить на стороне Москвы против поляков.

В августе 1660 г. командир царских войск на правобережной Украине, В.Б. Шереметев, встретился с гетманом для обсуждения плана кампании против Польши. Было решено предпринять операцию против Львова. Подразделение казаков должно было двигаться вместе с Шереметевым. Иными словами, каждая из армий — московская и казацкая — должна была двигаться отдельной колонной на некотором расстоянии одна от другой, что и было использовано поляками.

В середине сентября корпус Шереметева был окружен тридцатью тысячами поляков и шестьюдесятью тысячами татар у Чуднова на Волыни. Шереметев слал требовательные послания Юрию Хмельницкому, убеждая его как можно скорее прийти ему на помощь.[86] Тем временем, поляки напали на лагерь Хмельницкого. Сначала казаки отражали атаки врага, но вскоре Юрий испугался и вступил в переговоры с поляками. 17 октября был подписан договор, согласно которому было подтверждено большинство отдельных статей Гадячского соглашения, но его идеологическая сущность — создание "русского княжества" в рамках тройственного содружества — была ликвидирована.[87] Таким образом, положение казацкого государства внутри польского содружества сводилось к тому уровню, который был оговорен договорами в Зборове в 1649 г. и в Белой Церкви в 1651 г.

Положение Шереметева стало безнадежным, особенно после того, как казаки дезертировали. Он капитулировал 23 октября. Поляки передали его татарам, которые увезли его в Крым, ожидая большого выкупа. Несчастный воевода вынужден был провести в татарском плену двадцать лет.

Капитуляция Шереметева была еще более сильным ударом для Москвы, нежели поражение при Конотопе годом раньше. Очередной раз Москва почувствовала себя в опасности перед новым нападением — поляков, татар и казаков Юрия Хмельницкого. И очередной раз этого нападения не последовало, главным образом, из-за оппозиции по отношению к про-польской политике олигархической группы — оппозиции, которая включала в себя значительную часть старшин, не говоря уже о "черни". Лидеры этой группы, вклю-

чая Выговского и Немирича, были разочарованы тем, что поляки отреклись от основных принципов Гадячского соглашения.

Необходимо было созвать новое собрание рады для утверждения союза казаков с Польшей. Беневский настаивал на том, чтобы "чернь" присутствовала там наряду со старшинами, поскольку он опасался, что в противном случае гетманом вновь может быть избран Выговский, который будет требовать восстановления тройственного содружества. Вследствие этого Беневский агитировал за переизбрание Юрия Хмельницкого, с Тетерей в качестве войскового писаря. 11 ноября рада, собравшаяся в Корсуни, проголосовала именно таким образом.[88] Однако в ней не принимали участия ни запорожцы, ни левобережные полки. Вместо этого, они созвали свою собственную раду в Переяславе и присягнули там на верность царю. Дядя Юрия Хмельницкого — Аким Сомко — был избран действующим гетманом левобережья.

Будучи сильно озабочено сложной ситуацией на Украине, московское правительство возобновило переговоры со Швецией по поводу сохранения мира, по крайней мере в Прибалтике. Новый мирный договор был подписан 21 июня 1661 г. в Кардисе (между Дерптом и Ревелем). Москва вынуждена была согласиться на то, чтобы возвратить Швеции все территории, завоеванные московскими войсками во время войны, включая части Ливонии и Ингрии с устьем реки Невы. Таким образом, все усилия московского правительства получить доступ к Финскому заливу (доступ, потерянный в смутное время) оказались напрасными.[89]

Международное положение Москвы некоторым образом упрочилось в следствие заключения мирного договора со Швецией, несмотря на его невыгодные условия. Однако внутри страны назревали серьезные проблемы, связанные с катастрофической девальвацией медных денег. К 1661 г. за один серебряный рубль требовали двенадцать медных. Мелкие государственные чиновники и солдаты, которые получали свое жалование и заработную плату медными деньгами, оказались в отчаянном положении. Свой "вклад" в общее обнищание внесли и фальшивомонетчики, выпускавшие медные рубли в огромном количестве. Когда правительству удавалось наложить руки на мошенников, их казнили, а их имущество конфисковывалось. Однако довольно многим из них удавалось спастись, благодаря подкупу чиновников. Ходили слухи, что даже тесть царя, Иван Данилович Милославский, был виновен в том, что получал подарки от фальшивомонетчиков.

Возмущение по поводу подобных противозаконных действий разгоралось среди жителей Москвы, и наконец, 25 июня 1662 г. в Москве вспыхнул бунт. Толпы возбужденных горожан ринулись к летней резиденции царя Алексея Михайловича — Коломенскому. Царь пообещал предать суду и наказать виновных чиновников. Он объявил, что вскоре сам лично прибудет в Москву. После этого горожане начали грабить дом богатого купца Василия Шорина, которого подозревали в спекуляции медными деньгами. Хованский убеждал бунтовщиков прекратить разбой и дождаться приезда царя. Бунтовщики, в свою очередь, потребовали, чтобы им немедленно выдали основных виновных. Они захватили сына Шорина в качестве заложника. Сам Шорин вынужден был укрыться в Кремле.

После первого появления московских горожан в Коломенском, царь направил посланника к Артамону Матвееву, приказывая ему привести два полка стрельцов из Москвы в Коломенское. Одновременно, князю Юрию Ромодановскому был отдан приказ явиться в Коломенское с отрядом солдат "нового строя" (т.е. обученных иностранными офицерами).

Тем временем тысячи бунтовщиков нагрянули в Коломенское во второй раз. Они обратились к царю с просьбой снизить налоги и потребовали выдачи тех бояр, которых они считали "предателями", виновными в притеснениях. На какое-то время царь почувствовал себя во власти толпы. Однако, в этот самый момент появились стрельцы и вместе с дворцовой гвардией набросились на бунтовщиков, которые в беспорядке бежали. Между прочим, совсем немногие из них имели действительно мятежные намерения по отношению к самому царю. Они пришли искать у него правосудия. Лишь небольшая группа рассчитывала на применение силы. Около сотни бегущих бунтовщиков утонуло в Москве-реке, более тысячи было убито преследователями и намного больше арестовано. Из них немногие зачинщики были казнены, а остальные высланы в дальние города.[90]

На следующий год чеканка медных рублей была прекращена и возобновлен выпуск серебряных денег.[91]

III

В это самое время на Украине казаки Юрия Хмельницкого при поддержке поляков и татар напали на Переяслав, но были отброшены казаками Сомко и московскими войсками. Юрий отступил к Чи-

гирину, который он мог удержать только с помощью татар. В качестве платы за поддержку, татары разорили всю местность в округе. Население справедливо возлагало всю вину за это на Юрия. Запорожцы резко потребовали его отставки. Он сложил булаву и в январе 1663 г. принял постриг под монашеским именем Гедеон. В Чигирине собралась рада правобережных казаков и выбрала на гетманство последовательного сторонника Польши Павла Тетерю.

На левом берегу шурин Богдана Хмельницкого — Василий Золотаренко — выдвинул свои требования на гетманскую булаву против действующего гетмана — Сомко (который тоже был родней Хмельницкого). Ситуация еще более запуталась с появлением третьего кандидата — запорожского кошевого атамана Ивана Мартыновича Брюховецкого. С помощью запорожцев Брюховецкий взял верх над своими соперниками и был избран гетманом на шумном собрании общей рады 18 июня 1663 г. После рады Золотаренко и Сомко предстали перед казацким войсковым судом, где были обвинены в измене (Сомко продолжал вести переписку с Тетерей) и, в соответствии с этим, казнены.

В конце 1663 г. Польша предприняла яростные усилия, чтобы отвоевать левобережную Украину. Король Ян Казимир сам повел через Днепр польские войска, усиленные казаками Тетери и пятью тысячами татар. Полякам удалось штурмом взять Лохвицу. Это была пиррова победа, достигнутая ценой огромных потерь. Тетере не удалось захватить Гадяч, а королевская армия потерпела поражение возле Глухова, после чего у Яна Казимира не осталось иного выбора, кроме как отступить, и вся кампания закончилась неудачей.

Поражение короля стало сигналом для вспышки целого ряда восстаний против поляков на правом берегу Днепра. Некоторые города, включая Браслав и Умань, заявили о своем желании перейти на сторону Москвы. Неудовлетворенность украинцев польским правлением в то время, видимо, лучше всего можно проиллюстрировать резкой переменой отношения Выговского к Польше. Будучи оскорблен тем, что поляки исказили самый дух Гадячского соглашения, Выговский в тайне согласился возглавить заговор против польского правления на Украине. Если это предприятие будет успешным, то заговорщики намеревались просить царя Алексея о прощении и милости.

Когда Тетеря и командир польских войск, полковник Маховский, узнали о роли Выговского в заговоре, они пригласили его в свой лагерь под предлогом обсуждения какого-то важного дела. Как только

Выговский приехал, его тут же арестовали и предали казни. Так окончилась его изменчивая и бурная карьера.[92] Получив известия о судьбе Выговского, левобережный гетман Брюховецкий выпустил особую прокламацию (универсал), где объявил, что Выговский умер как мученик за православную веру.

После этого Польша направила своего лучшего военачальника того времени — Стефана Чарнецкого — на войну против казаков Брюховецкого, которых поддерживал небольшой отряд москвичей и калмыков — вассалов царя Алексея. Он повел свои войска в район Канева, Черкасс и Чигирина. С помощью казаков Тетери Чарнецкий смог сохранить Чигирин за Польшей. Затем он повернул на запад против мятежных казаков браславского и уманского полков.

Брюховецкий направлял отчаянные просьбы к царю, чтобы тот прислал как можно больше войск на западный берег для оказания помощи в сопротивлении полякам и татарам. Однако московское правительство на тот момент было не в состоянии помочь ему, так как война с поляками в Белоруссии требовала от Москвы максимального напряжения. Помимо этого, московские финансы находились в отчаянном положении.

Для Москвы было трудно удерживать в полевых условиях на правом берегу Днепра даже то небольшое подразделение, которое было послано туда ранее. Войска устали от трудных переходов и постоянных боев и жаловались на то, что не получают обмундирования и провизии. Солдаты дезертировали группами и расходились по домам. В конце сентября 1664 г. один из наиболее активных московских командиров на правобережной Украине — Касогов — сообщал царю, что к 18 сентября под его командованием находилось всего пятьдесят девять солдат-пехотинцев, и что на следующий день дезертировало двадцать четыре кавалериста и восемнадцать пехотинцев, а у него самого больше нет денежных средств и продовольствия.[93] Более того, офицеры московской армии жаловались царю, что гетман Брюховецкий отказывается обеспечивать их пищей, несмотря на то, что сам он сделал большие запасы продовольствия. Брюховецкий резко возражал, говоря, что распределил большую часть средств среди московских солдат, но те просто напросто продали их и дезертировали.[94]

Чарнецкий умер весной 1665 г. Его преемник на посту командующего потерпел поражение при Белой Церкви, нанесенное объединен-

ными силами москвичей, казаков и калмыков. Это привело к временному затишью в ходе военных действий. Брюховецкий решил использовать эту ситуацию, чтобы совершить поездку в Москву и, как говорилось, "увидеть ясные царские очи".

Как Брюховецкий, так и московское правительство стремились реорганизовать систему управления Украиной для того, чтобы покончить с хаотическим состоянием украинских дел. Обе стороны считали, что необходимо укреплять власть гетмана над казаками. В то же самое время Москва хотела усилить власть царя над гетманом, для достижения чего сочли необходимым сделать царскую службу более привлекательной для гетмана, давая ему разнообразные личные и общественные привилегии и высокое положение при царском дворе. Брюховецкий проявил себя вполне отзывчивым на этот аспект московского плана, особенно ввиду разногласий между ним и украинскими городами и его столкновений с украинским духовенством.

Права и привилегии украинских городов были утверждены царем в 1654 г. Поскольку московское правительство, с той поры, не вмешивалось в дела украинских муниципалитетов, казацкое правительство намеревалось подчинить города своему контролю, и эта ситуация усугубилась при Брюховецком. Что касается украинских церковных дел, то Брюховецкий дал указание своему посланнику в Москву в мае 1665 г., чтобы тот обратился к царю с петицией о назначении одного из великорусских епископов митрополитом Киевским.

Измена Выговского и последующие колебания старшин (особенно — правобережных) между верностью Польши и верностью Москве вызвали подозрения у московских бояр по отношению к лояльности казаков в целом. "Тебе не следует доверять черкасам (т.е. казакам)", — писал царь Алексей Ордину-Нащокину в 1660 г.[95] Москва всегда старалась поддерживать равновесие между старшинами и простыми казаками, но такая политика не смогла предотвратить невзгод на Украине. Настало время, когда Москве необходимо было сделать выбор и отдать предпочтение одной из двух партий.

Запорожская идея о демократическом государстве была схожей с идеей донских казаков. Однако, по многим причинам, бояре не выражали желания допустить создания правительства такого типа на Украине. В первую очередь, даже под властью старшин Украина не знала крепостного права, и московитские крестьяне продолжали бежать

в Черкассы в надежде обрести там более свободный образ жизни. Московское правительство пыталось настроить гетманов на то, чтобы они выдавали беглецов московским властям. На самом деле, были возвращены лишь очень немногие. Демократическое украинское правительство запорожского типа, естественно, стало бы возражать против подобных выдач, как поступало правительство донских казаков.

Московские бунты 1662 г. ярко продемонстрировали, что не только деревенские крепостные крестьяне, но и свободные горожане были недовольны существующим режимом, и что установление демократического правительства на Украине лишь усилит оппозицию этих социальных элементов внутри самой Московии. Более того, прямая поддержка Запорожья могла отвратить всех старшин от Москвы. Поскольку, с точки зрения реальной политики, старшины являлись костяком казацкой армии и администрации, бояре опасались, что разрушение этого костяка будет иметь результатом хаос и уменьшит военную и политическую ценность Украины. По всем этим причинам московское правительство решило изменить свою политику по отношению к Украине.

В подходе к выполнению этой задачи царь и бояре следовали образцу определенных пунктов Гадячского соглашения, Выговский должен был стать сенатором Польского содружества; согласно другому условию, некоторому числу казаков король должен был даровать дворянство. Московское правительство решило, что в таком случае царю следует даровать боярство Брюховецкому и что определенное число казацких старшин должны стать дворянами.

Брюховецкий прибыл в Москву 11 сентября 1665 г. Его сопровождали высшие офицеры казацкой армии, включая полковников Нежина, Лубен и Киева. Киевским полковником являлся Василий Дворецкий, который оказывал поддержку Шереметеву во время нападения Данилы Выговского на Киев семью годами раньше. 13 сентября царь дал аудиенцию гетману и его спутникам, а два дня спустя начались деловые переговоры между Брюховецким и боярами.[96]

В меморандуме царю Брюховецкий и его спутники представляли на рассмотрение и утверждение следующие рекомендации: (1) все налоги и подати, которые обязаны были платить украинские горожане и крестьяне, должны были собираться царскими чиновниками для московской казны; (2) старые права и привилегии казаков должны быть подтверждены царем; (3) после избрания каждый гетман дол-

жен приезжать в Москву, чтобы царь оделил его знаками гетманской власти; (4) московский церковный иерарх должен быть возведен в сан митрополита Киевского; (5) московские гарнизоны должны быть расквартированы в украинских городах; (6) артиллерийские части казацкого войска должны быть расположены в Лохвице и Ромнах; (7) московские солдаты, расквартированные на Украине, не должны расплачиваться фальшивыми деньгами; и (8) московиты не должны называть казаков "предателями".[97]

Царь и бояре приняли все пункты меморандума Брюховецкого за исключением того, который касался киевского священного престола. Царь ответил, что сначала он должен проконсультироваться с патриархом Константинопольским.

После этого царь даровал Брюховецкому боярство; его спутники — старшины получили дворянство. В последующих беседах с московскими должностными лицами новый гетман выразил желание жениться на московской девушке и получить в полную собственность земельное угодье, где могли бы жить его жена и дети. Брюховецкий попросил царя подыскать ему подходящую невесту. Таким образом, с одобрения царя Брюховецкий женился на Дарье Алферьевне Исканской, родственнице четвертой жены князя Дмитрия Алексеевича Долгорукова.[98]

Брюховецкий вернулся в Гадяч в январе 1666 г. Новый план жалования дворянства старшинам был встречен со смешанными чувствами. Московскому посланнику Фролову, которого направили в Малую Россию в марте, переяславский воевода Вердеревский говорил, что казаки не любят своего гетмана. "Прежде среди нас не было бояр. Гетман вводит новые правила, лишая нас наших свобод, и нам трудно найти доступ к нему". На обеде у Вердеревского переяславский полковник Даниил Ермоленко резко заявил своему хозяину: "Я казак, и мне нет дела до дворянства".[99]

Как в Переяславе, так и Полтаве казаки жаловались, что воеводы притесняют их, незаконно реквизируя лошадей и повозки для московских солдат и налагая различные штрафы. В июле поднялся мятеж против старшин и московских властей в Переяславе. Полковника Ермоленко линчевали, напали на московский гарнизон и сожгли крепость. Восставшие установили запорожский тип правления в городе и его округе.

Опасаясь, что бунт распространиться на другие города левобере-

жья, гетман и киевский воевода П.В. Шереметев послали казаков и московские войска в Переяслав. Мятеж был подавлен, и многие зачинщики казнены.[100] Однако значительному числу разбитых бунтовщиков удалось бежать на Дон, где они примкнули к движению "казацкой бедноты".

IV

Продолжающиеся волнения на Украине являлись причиной для беспокойства как в Москве, так и в Польше. В 1664 г. король Ян Казимир по совету Тетери приказал, чтобы монах Гедеон (прежний гетман Юрий Хмельницкий) был доставлен в Варшаву. Позднее Гедеона заточили в тюрьму в Мальбурге (Мариенбург в Пруссии). Но и сам Тетеря быстро терял авторитет. Многие офицеры из старшин, не удовлетворенные польским режимом, решили обратиться к туркам и татарам за покровительством. Наиболее видным из тех, кто проводил такую политику, был Петр Дорошенко. Воспользовавшись внутренними неурядицами в Польше (восстание Любомирского против короля), Дорошенко призвал украинцев прогнать всех поляков с Украины. Турецкий султан признал Дорошенко гетманом Украины, даровав ему свое покровительство и приказал крымскому хану послать своих татар, чтобы помочь Дорошенко установить свой контроль над всей Украиной.

В сентябре 1666 г. татары вторглись на правобережную Украину и даже разорили города Переяслав и Нежин на левом берегу. Правобережная Украина подверглась полному разорению. Татары и казаки Дорошенко сломили сопротивление польских гарнизонов. Как и всегда, татары, главным образом, были заинтересованы количеством захваченной добычи. Они взяли в плен и отправили в Крым не менее ста тысяч мужчин, женщин и детей (включая сорок тысяч поляков).[101]

Установление султанского протектората над Украиной угрожало интересам как Москвы, так и Польши и, конечно же, спокойствию и благополучию самого украинского народа. Эта общая опасность взывала к тому, чтобы добиться соглашения между царем и королем, еще и потому, что обе стороны были истощены длительной войной и внутренними неурядицами. Мирные переговоры начались в Андрусове — селении к югу от Смоленска — в апреле 1666 г.

После долгих пререканий стало очевидно, что расхождение между требованиями обеих держав было столь великим, что не оставля-

ло надежды на заключение длительного мира. Вместо этого 3 января (13 января по новому стилю) был подписан договор о перемирии сроком на тринадцать лет.

Согласно условиям этого договора, Москва оставляла за собой Смоленск, но вынуждена была уступить Белоруссию Польше. Москва сохраняла за собой всю левобережную Украину; Польша — правобережную, кроме Киева, который оставался за Москвой еще на два года. Запорожье попадало под совместное господство как царя, так и короля.[102]

Главную роль в ведении переговоров от лица Москвы и в последующем заключении Андрусовского договора играл выдающийся русский дипломат того времени — Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Андрусовское мероприятие явилось венцом его карьеры (см. Гл. 6).[103]

Хотя Андрусовский договор предполагал только временное урегулирование отношений, важность его оказалась долгосрочной. Пограничная линия между Польшей и Россией, согласованная в Андрусове, была подтверждена договором 1686 г. о "вечном мире" между Польшей и Москвой. Единственным изменением, касающимся андрусовских территориальных условий, которое произошло между 1667 и 1686 гг., было изменение, относящееся к Киеву. Когда в 1669 г. поляки, в соответствии с договором, потребовали вывести московские войска из города, московское правительство отказалось, ссылаясь на неурядицы на Украине.[104] В 1672 г. поляки потребовали, чтобы были установлены точные сроки возвращения Киева Польше. Московские посланники возразили, что поляки не в состоянии защитить Киев от турецких войск, и передать город Польше означало бы позволить, чтобы он попал в руки к туркам.[105]

В 1678 г. поляки согласились, чтобы царь продолжал удерживать за собой Киев вплоть до конца перемирия (срок которого был продлен еще на три года) в обмен на три московских города — Невель, Себеж и Велиж (к северу от Полоцка и Витебска) — и за дополнительную компенсацию в сумме 200 000 рублей.[106]

Передача Белоруссии Польше подчеркнула провал первоначального плана царя Алексея Михайловича объединить под своим покровительством все три России — Великую, Малую и Белую. Белая Россия еще раз оказалась под властью великого князя Литовского (короля Польши). Малая Россия была поделена между царем и королем.

Однако, московские государственные деятели не отказались от плана создания триединой России; его осуществление было только отложено. Все три России сохранялись в царском титуле. Екатерине II суждено будет завершить неоконченное дело царя Алексея во времена раздела Польши.

5.Сибирь, Маньджуры, Калмыки и Башкиры, 1654-1667 гг.

I

Несмотря на вовлеченность московского правительства в бурные события на Украине, продвижение русской колонизации на восток продолжало "набирать обороты".

Экспедиции Ерофея Хабарова в Даурию (район верхнего Амура) в 1649-1653 гг. (см. Гл. 3) приобрели огромную важность и пробудили интерес русских промышленников и воевод в центральной и восточной Сибири к новым и перспективным территориям экспансии.

Исследование Хабаровым Даурии привело также к конфронтации русских с маньчжурами. Хабаров основал крепость Албазин. В марте 1652 г. его казаки вступили в стычку с силами маньчжуров возле Ачана.[107] Это заставило московское правительство попытаться установить дипломатические отношения с маньчжурами, которые завершали утверждение своего господства над Китаем.

Московское правительство уделяло много внимания положению в Даурии и Китае; этими вопросами занимались бояре и дьяки как Посольского, так и Сибирского приказов.

С 1648 по 1653 г. Посольский приказ возглавлял думский дьяк Михаил Волошенинов. Его помощником был дьяк Алмаз Иванов, которому присвоили звание думского дьяка и назначили главой Посольского приказа после смерти Волошенинова в 1653 г. Выдающийся дипломат, Иванов, возглавлял приказ на протяжении сложного периода войн с поляками и шведами вплоть до 1667 г.[108] Нет сомнения в том, что он также принимал участие в обсуждении дальневосточных дел.

В 1653 г. правительство решило направить посольство к императору Шун-чи из маньчжурской династии. Руководить им был назначен Федор Исакович Байков, сын воеводы Тары, Исака Байкова. Он был талантливым человеком, хорошо знакомым с сибирскими

пограничными землями. Он получил официальные инструкции 2 февраля 1654 г. Согласно им, он должен был передать письмо царя лично китайскому императору; уверить его (богдыхана) в том, что царь желает жить с ним в мире и дружбе; и заключить соглашение о взаимной торговле между Россией и Китаем. Во время переговоров Байков должен был следить за тем, чтобы статус царя не был унижен, и поэтому должен был отказаться от низких земных поклонов. Более того, он должен был собрать сведения о китайской военной мощи и о всех путях в Китай; ознакомиться со всеми китайскими церемониальными ритуалами по приему послов; изучить обычаи народа, финансы и экономическое благосостояние государства.[109]

Из Москвы посольство Байкова поехало в Тобольск. В июле 1654 г. группа направилась дальше от Тобольска на кораблях вверх по реке Иртыш, а затем через владения калмыков и монголов в Калган, до которого они добрались в феврале 1655 г. Китайские власти в Калгане послали вестника в Пекин, чтобы уведомить императорское правительство о прибытии русского каравана Байкова. 3 марта посольство въехало в Пекин (русские называли его Хан-Балык — монгольским названием города).

Там Байкову и членам его миссии предоставили скромные жилища, скудно снабдили пищей и запретили выходить без особого разрешения китайских властей. Жалобы Байкова на такие условия напоминают одну из жалоб западных посланников на их прием в Москве. Но китайский режим был еще более строгим, и отношение китайских властей к Байкову и его спутникам — более пренебрежительным, нежели отношение московитов к западным послам.

В 1656 г. в Пекин прибыло голландское посольство. Китайцы запретили голландцам и русским вступать в контакт друг с другом. Однако Байкову удалось получить письмо от голландского посла.

Китайцы потребовали от Байкова низких поклонов в качестве обязательного условия каких бы то ни было переговоров и пригрозили ему наказанием и даже смертью, если он откажется подчиниться. Он категорически отказался. После этого царские подарки, посланные китайскому императору были возвращены, а посольству приказано покинуть Пекин. Перед отъездом Байков продал китайцам царские подарки, которые отказался принять сам император. Русские купцы, пришедшие вместе с миссией, тоже продали большую часть товаров, привезенных ими в Китай и закупили на вырученные деньги китайс-

кие товары. И хотя русским пришлось продавать свои товары по крайне низким ценам, а покупать по непомерно высоким, миссию Байкова с коммерческой точки зрения можно назвать успешной.

Байков уехал из Пекина в сентябре 1657 г. и прибыл в Тобольск в следующем году. Оттуда он проследовал обратно в Москву. Его донесение царю содержало ценные сведения не только по поводу его переговоров с китайцами, но также и касательно условий жизни в Китае.

Одновременно с приготовлениями миссии Байкова в Китай в Москве предпринимались шаги для дальнейшего освоения Даурии. В 1652 г. воевода Енисейска Пашков направил исследовательскую партию во главе с Бекетовым к реке Шилке. Бекетов достиг устья реки Нерчи и начал там строительство крепости (острога), но выяснилось, что у него было недостаточно сил для достижения полного успеха. На основании донесения Бекетова Пашков предложил московскому правительству план, состоящий в том, чтобы направить более крупную экспедицию в амурский регион. Этот план обсуждался в Москве в 1654-1655 гг. К тому времени началась война с Польшей, и не представлялось возможным выслать дополнительные войска в Сибирь. Пашкову было позволено использовать имеющиеся в его распоряжении местные войска только для этой экспедиции, ввиду чего он был освобожден от своего поста воеводы Енисейска. Иван Акинфов, который был назначен его преемником, прибыл в Енисейск в августе 1655 г. с правительственными инструкциями для Пашкова.[110]

Они ориентировали Пашкова на исследование бассейна Шилки (под Шилкой подразумевалось все течение реки Амур), на организацию почтовых станций по пути его следования, на сбор ясака с коренного населения и на то, чтобы он вступил в контакт с маньчжурскими и никанскими властями (под Никаном русские имели ввиду те части Китая, которые все еще контролировались остатками правительства династии Мин).[111]

Афанасий Пашков был сыном того самого Истомы Пашкова, который присоединился к восстанию Болотникова в 1606 г., но в самый разгар гражданской войны перешел на сторону царя Василия Шуйского. Афанасий принимал участие в обороне Москвы от польского короля Владислава в 1618 г. Как и его отец и как многие русские люди того периода, он был человеком деятельного духа и

неукротимой энергии, и его привлекала возможность исследовать новые земли и выполнять трудные поручения. Он не щадил ни себя, ни своих подчиненных, жестко и безжалостно исполняя свои планы.

Случилось так, что один из самых непримиримых противников патриарха Никона, член группы церковных ревнителей и будущий лидер старообрядцев — протопоп Аввакум — был назначен священником в эту экспедицию. В сентябре 1653 г. Аввакум был выслан в Тобольск за отказ признать новации Никона, касающиеся текста молитвенных книг и церковного ритуала. Поскольку он продолжал там свободно выражать свои взгляды, правительство посчитало необходимым послать его еще дальше на восток и в июне 1655 г. отдало приказ о его высылке в район реки Лены. Когда он достиг Енисейска на пути к Лене и остановился там, чтобы перезимовать, его настиг новый приказ из Москвы — быть священником в отряде Пашкова.

Аввакуму не было никакого дела ни до завоевания Даурии, ни до политического значения этой экспедиции. Его долг перед Богом, как он сам понимал это, имел духовную природу: утешать души людей, предоставленных его заботе, и защищать их от любой несправедливости или жестокости со стороны Пашкова и его подчиненных. Конфликт между воеводой и священником был неизбежен.

Позднее, в своей автобиографии, Аввакум подробно и живо расскажет о своих постоянных стычках с Пашковым, так же как и о лишениях — своих и своей семьи — во время экспедиции. В то же время Аввакум описывал живописный фон своих путешествий с большой точностью, так что его биография является важным историческим документом.[112]

В июле 1656 г. Пашков выступил из Енисейска с менее чем шестью сотнями людей. Из них триста человек было казаками и солдатами, остальные были наняты Пашковым. Помимо амуниции и продовольствия, предоставленного правительством, Пашков вез свои собственные товары для торговли с коренным населением. Объединение государственных усилий с частным предпринимательством являло собой типичный метод русской экспансии в Сибири в XVII в.

Пашков со своей партией провел следующую зиму в Братске на реке Ангаре. Летом 1657 г. Пашков достиг Иргенска на реке Шилке и весной 1658 г. прошел вниз по Шилке к устью реки Нерчи, где основал крепость Нерчинск. Здесь боеприпасы и продовольствие Пашкова почти закончились, и он послал одного из своих подчиненных

вниз по реке Амуру, чтобы тот попросил помощи от командующего еще одной русской экспедиционной группы — Онуфрия Степанова. Посланники Пашкова не нашли Степанова, поскольку его отряд был разбит маньчжурами ниже реки Сунгари. Большинство из них было убито (включая самого Степанова) или взято в плен. Всего лишь семнадцати членам группы удалось спастись от резни и присоединиться к отряду Пашкова.

Оставив совсем небольшой гарнизон в Нерчинске, Пашков перенес свою ставку в Иргенск. В мае 1662 г. Илларион Толбузин, которого Пашков назначил своим преемником в Нерчинске, взял на себя командование остатками сил Пашкова, которые сократились к тому времени до семидесяти пяти человек. Пашков возвратился в Енисейск, а затем в Москву. Он умер в 1664 г.

Аввакум тоже был освобожден от своей миссии и ему позволили возвратиться в Москву. Он приехал в Тобольск в начале лета 1663 г. и оставался там до февраля 1664 г.

Главным достижением Пашкова было основание Нерчинска, которому суждено было стать важной русской твердыней в Забайкалье.

II

Несмотря на снижение поголовья пушных животных в западной Сибири и районе Мангазеи, в результате чего приток пушнины из этих районов к 1654 г. снизился, общий экспорт мехов из Сибири продолжал увеличиваться на протяжении некоторого времени в связи с ужесточением русского контроля над восточной Сибирью и внедрением русских в Забайкалье.

Сумма государственного дохода от продажи мехов в начале 1660-х гг. в ее отношении к общегосударственному доходу дана Григорием Котошихиным, хорошо осведомленным чиновником (подьячим) Посольского приказа, который бежал в Швецию в 1664 г. и издал там свое знаменитое описание царского правительства и управления. Котошихин утверждал, что ежегодный государственный доход Московского царства составлял 1 311 000 рублей, за исключением дохода с сибирских мехов.[113] Котошихин продолжает, говоря о том, что, хотя и не помнит точного количества собранных шкур каждого вида (соболей, куниц, черно-бурых лис и песцов, бобров и прочих), общая стоимость сибирских пушных богатств, как он полагает, превышала 600 000 рублей.[114] Это значило, что в нача-

3. Россия в XVII веке

ле 1660-х гг. она составляла одну треть общегосударственного дохода.

Точность цифр, приведенных Котошихиным, ставилась под вопрос П.Н. Милюковым, а также Раймондом Фишером.[115] Последний говорит, что "ошибочную" цифру, приведенную Котошихиным, "можно принять в расчет только исходя из того факта, что, как сам он сообщает нам, она основана не на официальных записях, а на бездоказательных воспоминаниях".

Между прочим, значительная часть труда Котошихина была основана на его воспоминаниях (вряд ли он мог взять с собой в Швецию большое число официальных записей или копий с них), но, тем не менее, данные его труда были в достаточной степени обоснованы его знанием работы московского административного механизма, а также его действительно замечательной памятью. Что касается данного частного случая — количества доходов с пушнины — Котошихин откровенно утверждал, что он не помнит точной цифры разновидностей собираемых шкур. Таким образом, мы еще в большей степени можем доверять приведенной им цифре денежного выражения ценности сибирских пушных сокровищ. Та цифра, которую он дает — 600 000 рублей — ему легко было запомнить.

Здесь перед нами резкий контраст с цифрами среднегодового дохода от пушнины в 1656-1679 гг., которые сосчитаны Милюковым и Фишером: от 100 000 до 125 000 рублей.[116] Разница может быть объяснена частично возможностью пропусков в записях о сборе пушнины, которыми пользовались Милюков и Фишер, а частично (что, видимо, важнее) тем фактом, что в различных административных районах Московского государства не было единства оценки мехов. В первую очередь, существовало различие между ценностью мехов в Сибири и в Москве. Когда шкуры доходили до Сибирского приказа, они проходили новую сортировку и переоценку в соответствии с московскими ценами. Повышение цены на меха в Москве по сравнению с ценами на них в Сибири часто достигало ста, а иногда и пятисот процентов.[117] Согласно Фишеру, среднее повышение цены на меха в Москве, как правило, составляло двадцать процентов. Однако он добавляет: "Исключая время ближе к концу XVII века, когда, по всей вероятности, возрастающий недостаток самых ценных мехов способствовал еще большему процентному повышению".[118]

Между прочим, временные сбои и задержки в поставке мехов, которые случались каждый раз в землях, где эти меха добывались, та-

ких, как Мангазея, свидетельствовали об истощении этих земель, а добыча из новых земель еще не развернулась. Это должно было сразу же отражаться на московских ценах на меха. Котошихин утверждает, что в начале 1660-х гг. лучшие соболиные шкуры добывались только в восточной Сибири в Ленском регионе и что в связи с этим цены на них стали повышаться.[119]

Но постоянно меняющаяся разница между сибирскими и московскими ценами на меха не являлась единственным фактором для оценки мехов в Москве. У царя было право устанавливать стабильные цены для оценки мехов (указная цена), независимо от прежних цен, даже если финансовые интересы государства требовали того. Лучшие соболиные шкуры покупались царскими чиновниками по низкой установленной цене для личной сокровищницы царя. Если шкуры высокого качества контрабандой переправлялись из Сибири в Москву, их конфисковывали для царя.[120]

III

Экспансия русских в Даурию в 1650-х и 1660-х гг. привела их к границам Китая. Одним из результатов этого стало то, что восточные монголы почувствовали себя зажатыми между русскими и китайцами. Далее на запад, вдоль южной границы Сибири, русским приходилось иметь дело как с калмыками, так и с казахами. К 1650-м гг. значительное число калмыков из племени торгутов перекочевало в степи между верхним Тоболом и Нижней Волгой, откуда они время от времени совершали набеги, ставшие причиной большого беспокойства для Башкирии.

В 1643 г. калмыки напали на Астрахань, но им не удалось взять ее штурмом. В 1644 г. они вторглись на северный Кавказ, но были разбиты московскими стрельцами, кабардинцами и терскими казаками.

На протяжении примерно трех лет после этой неудачи остатки калмыцкой армии, вторгшейся на северный Кавказ, оставались в степях к северу от реки Кумы. В соответствии с представлениями о верности правящему клану и культом предков одной из их целей было возвратить себе останки хана Урлюка и трех его сыновей, убитых в бою в 1644 г. Эти останки кабардинцы держали у себя в качестве военных трофеев.

В 1646 г. калмыки захватили в плен жену и детей ногайского мурзы (князя) и держали их для выкупа останков Урлюка и его сыновей.

На следующий год мурзе каким-то образом удалось получить останки от кабардинцев (вероятно, он выкрал их). Однако случилось так, что когда мурза возвращался к калмыкам, его захватил патрульный отряд русских стрельцов и увез в Астрахань. Здесь мурзу держали в качестве заложника. Останки были конфискованы русским воеводой и помещены под замок для большей сохранности.[121]

Таким образом, для того, чтобы вернуть себе останки, калмыкам нужно было либо штурмовать Астрахань, либо вести переговоры с русскими. Разрабатывалась база для подобных переговоров. В 1649 г., как и в 1650 г., калмыки неоднократно просили астраханского воеводу позволить им пасти свои табуны в районе нижней Волги возле Астрахани, но воевода постоянно отказывал им, испытывая подозрения по поводу их намерений. Однако в 1649 г. московское правительство стало позволять калмыкам периодически вести торговлю с русскими в предместьях Астрахани. Воевода получил указания предпринимать все возможные меры предосторожности во время каждой торговой сделки. Таким образом, всякий раз калмыки должны были оставлять заложников.[122] Торговля калмыков с русскими была выгодна для обеих сторон. Как правило, калмыки продавали лошадей и скот, а покупали у русских одежду, ткани и изделия из металла.

Это не стало поводом к тому, чтобы калмыки получили разрешение царя пользоваться пастбищами к западу от Волги. На протяжении долгого времени царское правительство не желало даровать подобное разрешение, опасаясь калмыцких набегов на Кабарду и земли донских казаков, а также из-за возможности того, что может наладиться контакт между калмыками, турками и вассалами последних — крымскими татарами.

Болевой точкой в русско-калмыцких отношениях были постоянные стычки между калмыками и башкирами, которые являлись подданными царя и которых надо было защищать от калмыцких набегов. Ободренные такой защитой, башкиры сами стали нападать на калмыков.

В 1654 г. русская политика по отношению к калмыкам претерпела резкое изменение. Это был год объединения Украины с Московией, ускорившего войну с Польшей. Московскому правительству пришлось мобилизовать для войны все возможные ресурсы, и в связи с этим оно нуждалось в военной помощи.

4 февраля 1655 г. представители ведущих калмыцких тайши дали клятву верности царю Алексею.[123] Согласно формулировке их присяги (шерти), калмыки признавали себя постоянными вассалами царя и обещали не нападать и не причинять никакого вреда ногаям, татарам или кому-либо еще из царских подданных. Русские, татары и кабардинцы, ранее взятые в плен калмыками, должны быть возвращены безотлагательно. И калмыки брали на себя обязательство воевать с предателями и врагами царя "на смерть".

Получив таким образом обещание поддержки со стороны калмыков в войне против Польши, московское правительство разрешило им пользоваться теми пастбищами, которыми они захотят на правом берегу реки Волги. Одновременно были разосланы указы воеводам Уфы (в Башкирии), Астрахани, Самары и Царицына, предписывавшие им объявить башкирам и прочим коренным народам, а также русским, что калмыки стали постоянными вассалами царя и что никто не смеет причинять им вреда под страхом смерти.[124]

Архивные источники не дают свидетельств о каком-либо участии калмыцких войск в войне против Польши в 1655 и 1656 гг. С другой стороны, из документов известно, что в 1656 г. калмыки принимали послов от персидского шаха и турецкого султана и сами направляли к ним посланников.[125]

Москва понимала, что требовались более энергичные меры, чтобы обеспечить верность калмыков и военную помощь с их стороны. В 1656 г. начались переговоры по поводу нового соглашения, и 30 мая 1657 г. тайши Мончак и Манжик принесли клятву верности, каждый от себя лично и оба от имени старшего тайши Дайчина (сына Урлюка). Мончак был сыном Дайчина; Манжик (сын Дайан-Эрки) — внуком Дайчина.[126]

Соглашение 1657 г. повторяло основные пункты договора 1655 г., но к нему было добавлено два новых условия: калмыки должны были предоставить заложников, которым надлежало жить в Астрахани; также они давали клятву не иметь дипломатических отношений ни с турецким султаном, ни с крымским ханом.

После подписания шерти три тайши — Дайчин, Мончак и Манжик — получили богатые подарки. Членам их свит также были вручены дары. Заложников с честью приняли в Астрахани, обеспечили хорошим жильем и более высоким содержанием, нежели татарских заложников. Москва также даровала калмыкам позволение пользо-

ваться пастбищами по обе стороны Волги. Таким образом, они могли пасти своих коней и скот в степях между нижней Волгой и Азовским морем, чего они добивались так долго. Более того, московское правительство приказало астраханскому воеводе выдать старшему тайше Дайчину останки его отца Урлюка.[127]

На основе соглашения 1657 г. тайша Мончак повел войско своих калмыков против союзников крымского хана — татар и малых ногаев в районе Азова (они были вассалами турецкого султана). Калмыки причинили значительный ущерб малым ногаям и возвратились с добычей. Начиная с этого времени и далее калмыки оказывали регулярную поддержку Москве в войнах против крымских татар и Польши.

Гибельные поражения московских армий в польской войне 1659 и 1660 гг., вызванные разногласиями среди украинских казаков и переходом некоторых из старшин на сторону Польши, сделали помощь калмыков Москве еще более необходимой. Ввиду важности установления тесных отношений с калмыками, московское правительство создало особое калмыцкое отделение в рамках посольского приказа. Это отделение возглавлял боярин, князь В.Г. Ромодановский, и дьяк Иван Савинович Горохов. Горохов был талантливым дипломатом, хитрым и изобретательным, знакомым с традициями и обычаями кочевых народов юго-востока России (его отец, Савва Горохов, был московским посланником в центрально-азиатских ханствах в 1641-1643 гг.).

В декабре 1660 г. Горохова направили со специальной миссией к калмыцким тайши с целью заключения нового договора о более эффективной военной помощи Москве со стороны калмыков. Горохова сопровождал кабардинский князь — Касбулат Муцалович Черкасский, чей дядя, князь Г.С. Черкасский, был воеводой в Астрахани. Донские казаки послали на эти переговоры своих депутатов, для того, чтобы достичь соглашения с калмыками о совместных действиях против крымских татар.[128]

Новый договор был заключен 8 июня 1661 г.[129] Калмыки дали клятву вести войну против крымских татар совместно с донскими казаками и не вести переговоров с крымским ханом отдельно от Москвы. Если когда-нибудь во время военных операций калмыкам удастся освободить от татар тех русских, которые были взяты в татарский плен, калмыки обязаны передавать их русским властям без какого-либо выкупа.

Со своей стороны московское правительство гарантировало калмыкам защиту от нападений башкир или кого-либо еще из царских подданных с учетом того, что калмыки не будут причинять вреда этим племенам.

В декабре 1660 г. калмыки напали на крымских татар, ногаев и черкесские племена, союзные или сотрудничающие с татарами, и возвратились с большой добычей. В марте 1661 г. посланники донских казаков — Федор Будан и Степан Разин (будущий предводитель восстания 1670-1671 гг.) обсуждали с калмыками план совместных действий против Крыма.[130]

После договора от 8 июня 1661 г. калмыки каждый год направляли войска против Крыма, взаимодействуя с донскими казаками, а иногда и с московскими стрельцами. В начале 1660-х гг. число калмыцких всадников в действующей армии варьировалось от одной до десяти тысяч.[131]

Крымские татары были опытными наездниками, и татарская кавалерия по маневренности превосходила русскую. Калмыки нимало не уступали татарам в искусстве верховой езды, что делало их военную помощь Москве неоценимой.

В сентябре 1664 г. царь подарил калмыкам знамя особой формы в знак его благорасположенности. Посередине был изображен орел; над ним — полумесяц; сбоку от орла — всадник, убивающий копьем змею.[132] Все символы были русскими, за исключением полумесяца, который представлял собой восточный элемент, хотя и являлся символом ислама, а не буддизма.

С юридической точки зрения, дарование этого знамени, как и дарование особого знамени донским казакам в 1614 г., и принятие его калмыцкими тайши делало последних официально вассалами царя. Как и донские казаки, калмыки были поставлены не под власть управления московской военной или внутренней администрации, а непосредственно под власть посольского приказа. Грамоты и официальные послания калмыцким тайши заверялись большой государевой печатью, как и те, что посылались крымскому хану.[133]

В отношениях с западными державами московское правительство всегда настаивало на употреблении полного царского титула. Отказ Польши делать в результате приносил постоянные дипломатические пререкания. Однако, Москва принимала письма от крымского хана, адресованные просто: "нашему брату, царю Московскому". Калмы-

кам также было позволено употреблять сокращенную форму обращения к царю: "Белому царю Алексею Михайловичу", или еще проще: "Белому царю".[134]

Хотя московское правительство относилось к калмыцким тайши как к царским вассалам, сами тайши продолжали считать себя независимыми правителями и рассматривали отношения между ними и царем только как военный альянс, который требовалось время от времени возобновлять. Каждая вновь согласованная шерть, которая с русской точки зрения была подтверждением вассального статуса тайши, означала для самих тайши новое военное и дипломатическое соглашение с Москвой, а не постоянное подчинение царю.

К различиям в интерпретации формулировок между русскими и калмыками добавлялись еще и лингвистические трудности. До 1648 г. у калмыков не было алфавита, но и даже после этого искусство письма далеко не сразу получило среди них распространение. С другой стороны, у русских практически не было специалистов по монгольским языкам. В такой ситуации обе стороны вынуждены были оказываться в зависимости от татарских переводчиков, которые, однако, не умели писать на калмыцком языке. Перед началом переговоров по поводу нового соглашения в московском посольском приказе составлялось два черновых текста идентичного содержания, один на татарском языке, другой на русском. После переговоров тексты пересматривались в соответствии с согласованными пунктами. Тайши не могли прочитать ни один из текстов. Они знали о тех особых обещаниях, которые они давали русским, и наоборот, но их не беспокоили юридические основания договора в целом. Эта ситуация могла порождала недопонимание между русскими и калмыками, которое время от времени требовало переговоров по поводу нового соглашения.

Недопонимание также могло возникать вследствие отсутствия централизации политической власти среди калмыков. Для всяких совместных действий необходимо было согласие среди тайши. Даже если старшие тайши достигали подобного согласия, какой-либо другой тайша, не принимавший участия в совещании, никоим образом не был связан решениями и мог проводить свою собственную политику. Бывали случаи, когда тайша, действуя самостоятельно, предпринимал набеги на царских подданных или вассалов, таких как башкиры и татары, или даже разорял русские деревни в приграничных районах.

Однако, если принять все обстоятельства в расчет, то московская политика по отношению к калмыкам проводилась успешно. Несмотря на многие сложности, московское правительство оказалось в состоянии обеспечить себе поддержку со стороны калмыцкой кавалерии в войнах против крымской орды.

IV

На протяжении второй четверти XVII в. до русско-калмыцких соглашений 1655-1661 гг. калмыки в поисках новых пастбищных земель постоянно нападали на башкир и разоряли их с намерением установить над ними свое господство.

Башкиры отбивались, но они были слабее, чем калмыки и, возможно, были бы завоеваны, если бы не помощь русских. Кульминационный момент наступил в 1644 г. (как раз перед разгромом калмыков на северном Кавказе), когда русско-башкирские силы во главе с воеводой Львом Плещеевым разбили калмыков в бассейне верхнего Яика.[135]

Эта победа сделала башкир смелее, и они начали предпринимать ответные набеги на калмыков. Хотя русские не принимали участия в этих набегах, они не препятствовали им.

Ситуация изменилась после заключения русско-калмыцких соглашений, особенно после калмыцкой шерти 1661 г. Московское правительство, крайне нуждаясь в калмыцких всадниках в войне против Крыма и Польши, обещало тайши больше не позволять башкирам нападать на них. Башкирские предводители с неудовольствием отнеслись к новой московской политике, поскольку она лишала их военной добычи, которую составляли в большой степени пленники. Требования Москвы освободить калмыцких пленников возмутило башкир и явилось одной из составных причин башкирского восстания 1662 г. Еще одним фактором явилась агитация тех потомков хана Кучума в Западной Сибири, которые продолжали противостоять Москве.[136] Несмотря на все эти трудности, московское правительство старалось избежать возможных трений с башкирами. Башкирская аристократия, князья или предводители кланов, имели статус тарханов, то есть, они были освобождены от уплаты ясака. Вместо этого от них требовалось оказывать Москве военную помощь в том же духе, что и от русского дворянства. Русские армейские офицеры, расквартированные в Башкирии, получали поместья, так же как и в

других частях московского государства. Постепенно это привело к экспансии русских земельных угодий в Башкирии и к урезанию земель, находившихся во владении у башкир. Однако к 1661 г. русские земельные угодья занимали небольшую часть страны. На протяжении долгого времени в Башкирии не было крестьянской колонизации, поскольку московское правительство категорически запрещало русским крестьянам поселяться там, а башкирам — продавать земли вновь пришедшим.[137]

Эмиграция татар в Башкирию из района средней Волги набрала силу только к концу XVII в. Татарские и иные нерусские переселенцы в Башкирию назывались в русских источниках *"тептярь"* и *"бобыль"*. Первые заключали письменное соглашение с башкирским землевладельцем, на чьих землях они поселялись (название происходит от персидского слова defter — письменный документ); последние проживали на землях хозяина без официального соглашения (термин *"бобыль"* — русский).

Перемены были также и в башкирском обществе. Обедневший или много задолжавший башкирский простолюдин мог предложить себя в качестве работника в угодьях или домашнем хозяйстве башкирского помещика. Такого работника называли *"туснак"*. Его социальный статус можно сравнить с положением договорного работника (*закупа*) в Киевской Руси. К военнопленным (*"ясырь"*) относились как к рабам.

Основные пастбищные земли и районы сезонных миграций башкирских табунщиков находились в уфимском регионе и на склонах гор Южного Урала как на западе, так и на востоке Уральской гряды. В лесах горной части страны башкиры практиковали пчеловодство в его примитивной форме бортничества (используя ульи в дуплах лесных деревьев).

Число башкир, плативших *ясак* (дань) русскому правительству, составляло в 1630-1631 гг. 6 188 человек. Башкирское население в середине XVII в. включало в себя, в среднем, от 25 до 30 тысяч представителей мужского пола, или в целом 50-60 тысяч.[138]

Все эти факторы явились причинами башкирского восстания 1662 г., которое вспыхнуло в двух центрах: на так называемой Ногайской дороге и на Сибирской дороге, где восставшие действовали от имени Кучумовичей (потомков Кучума). На Ногайской дороге башкирские князья вступили в переговоры с калмыцкими тайши. Это

может показаться парадоксальным ввиду прежних недружелюбных отношений между башкирами и калмыками. Перемена отношений башкир может быть объяснена надеждами некоторых башкирских князей на то, что если они признают сюзеренитет калмыцких тайши, последние станут относится к ним как к вассалам и перестанут воевать с ними. И ту ожидаемую добычу, которую башкирские князья потеряли из-за запрета Москвы нападать на калмыков, они надеялись возместить, грабя русских.

Едва начавшись, восстание распространилось по всей территории Башкирии. Башкиры нападали на русские города, земельные угодья и крестьянские поселения — там, где они были (как в западной Сибири). Отряды башкирских всадников совершали набеги на казанские земли и на другие русские территории за пределами Башкирии.

Поскольку русские гарнизоны в Башкирии были немногочисленны, восставшие сначала одерживали верх. Москва мобилизовала войска, расположенные в районах Перми и Казани, и русское контрнаступление набрало силу в 1663 г. В виде карательной меры за нападения башкир на русские поселения разрушались башкирские лагеря и аулы. Одновременно, русские власти пытались вступить в переговоры с башкирскими князьями. В 1664 г. губернатор Уфы, князь Андрей Волконский пообещал группе ведущих башкирских предводителей, что их заложники, депортированные в Казань во время восстания, будут возвращены в Уфу и что Москва подтвердит привилегии и земельные права башкирский князей. После этого последние прекратили сопротивление и дали клятву верности царю. Башкиры послали своих представителей в Москву, и их привилегии были полностью подтверждены.[139] Лишь в двух периферийных районах — на севере и востоке Башкирии, а точнее, в районе Осы на реке Каме и в Западной Сибири — беспорядки продолжались на протяжении еще трех лет.

6. Патриарх и Царь, 1652-1658 гг.

I

Распространение царского покровительства на Украину и последовавшие за этим войны с Польшей и Швецией потребовали огромного напряжения и жертв со стороны русского правительства и народа. Хотя политические результаты оказались значительно меньши-

ми, нежели первоначально ожидалось, и одна лишь восточная часть Украины была освобождена от польского контроля, достижения в их исторической перспективе имели очень большое значение.

В тот период не менее важными были события в русской интеллектуальной и культурной истории.

Болезненно разрастался религиозный кризис, у которого было два аспекта: схизма внутри русской церкви и конфликт между церковью и государством. Одним из главных действующих лиц в этой трагедии был патриарх Никон.

Эта энергичная личность была наделена большой физической силой и выдающейся духовной властью.[140] Он был высоким и крепким, красивым, с выразительными глазами. Став патриархом, он обычно надевал самые тяжелые церемониальные облачения для церковных служб и был в состоянии выносить их тяжесть на протяжении целых часов во время церковных процессий.

С точки духовной зрения, Никон обладал неутомимым и живым умом. Его религиозные убеждения были искренними, страстными и цельными. В ранние годы его монашеской карьеры он тренировал себя суровыми аскетическими упражнениями. Он любовно заботился о красоте церковных служб и церковного пения, был великим строителем церквей и монастырей. Когда Никон стал патриархом, он построил новый, роскошный патриарший дворец, чтобы повысить престиж своего сана.

Из-за активности своей натуры Никон всегда был занят новыми планами и предприятиями. Предъявляя большие требования к себе, он требовал многого и от других. Когда на его требования отвечали расхлябанностью или противостоянием, то мог быть грубым и властным. Все это вызывало сильное негодование, и постепенно его деспотической личности стало оказывать сопротивление так много мирян и священнослужителей, что в конечном итоге привело его падению.

Будущий патриарх родился в крестьянской семье в деревне Вельдеманово под Нижним Новгородом 24 мая 1605 г. и был окрещен именем Никита. Когда ему было двадцать лет, он женился и вскоре после этого был рукоположен в священники. В этом качестве он получил приход в богатой деревне Лысково и стал преуспевающим пастырем. Вскоре ему предложили приход в Москве, где он пробыл десять лет. Затем семью Никона постиг страшный удар — внезапно умерли трое его сыновей. После этого Никон и его жена решили при-

нять монашеский постриг.

Жена Никиты стала монахиней в одном из московских монастырей. Никита направился на Соловки, был пострижен там в монахи под именем Никон, и в 1634 г. выбрал себе для обитания Анзерский скит, известный своим суровым аскетическим режимом.

Он провел там в одиночестве несколько лет. Обычно отшельники сходились вместе только по субботам и воскресеньям. Никон проводил время в молитвах и чтении трудов отцов церкви (все, что было доступно в переводе на славянский язык) и других религиозных книг. Особенно впечатлили его писания Иоанна Хризостома. Он положил себе за правило ежедневно перечитывать весь Псалтирь и совершать тысячу коленопреклонений.[141] В результате молитвенной экзальтации и аскетических упражнений у него появились видения.

В конце 1641 г., имея некоторые разногласия с анзерским настоятелем, Никон направился в маленький скит — Кожеозеро, расположенный на реке Коже в районе Каргополя.. Сначала Никон продолжил свой уединенный образ жизни, но в 1643 г. умер настоятель Кожеозера, и монахи избрали Никона его преемником. Ему нужно было поехать в Новгород для официального введения в должность. Никон оказался деятельным руководителем. При его правлении число монахов значительно увеличилось. Еще до его избрания настоятелем Кожеозерский монастырь получил влиятельного покровителя из Москвы — думского дьяка Григория Львова, чей брат принял монашеский постриг в Кожеозере. При Никоне княгиня Куракина подарила монастырю серебряный крест. Царь Михаил послал в качестве своих даров список Псалтыря, 10 рублей деньгами и грамоту, дарующую Кожеозеру земли и рыболовные места.[142]

В 1646 г. обязанности Никона, как настоятеля, потребовали от него поездки в Москву. Как было положено, он нанес визит исповеднику юного царя Алексея протопопу Стефану Вонифатьеву, который после этого представил Никона царю. Как на царя, так и на его исповедника личность Кожеозерского настоятеля произвела благоприятное впечатление. Случилось так, что в то время было вакантным место архимандрита Ново-Спасского монастыря в Москве и Никона избрали новым архимандритом.

Что касается Никона, то его привлекали личности как Стефана, так и царя Алексея. Он уважал религиозность протопопа и его добросовестные усилия, направленные на то, чтобы поднять интеллекту-

альный и духовный уровень духовенства и всех верующих. Через Стефана Никон стал участником движения ревнителей.

Никон стал также близким другом царя. В какой-то степени это было связано с тем, что Ново-Спасский монастырь обеспечивался постоянным доходом со стороны рода Романовых и служил их семейным местом захоронения. Таким образом, архимандрит оказывался в тесной связи с царским двором. Царь, как это было заведено, часто посещал монастырь, и он определил Никона для проведения утренних служб каждую пятницу в дворцовой часовне.

Дружба между Алексеем и Никоном крепла все сильнее, а вместе с ней возрастало и влияние Никона на царя. Когда они встретились в первый раз в 1646 г., Никону был сорок один год (род. в 1605 г.), а Алексею всего семнадцать (род. в 1629). Юный царь нуждался не только в друге, но и в наставнике. На протяжении первых трех лет его царствования его прежний наставник — боярин Морозов — фактически руководил правительством и администрацией, но московские бунты 1648 г. привели к его падению.

Государственные обязанности Морозова перешли в руки других бояр, но царь нуждался, кроме этого, в личном советнике, которому он мог бы доверять абсолютно. Вполне естественно, что Никон "мой особый (собинный) друг", как обычно называл его Алексей, стал именно таким советником. Хотя поначалу Никон не вмешивался в государственные дела и не был согласен с определенными статьями в новом своде законов 1649 г. (который, тем не менее, он подписал), он мог в своих частных беседах с царем выражать свое мнение по поводу как государственных, так и церковных дел, а также о деталях управления. Но что важнее всего, Никон привлек внимание молодого царя к своим идеям по поводу должного взаимоотношения между церковью и государством и к настойчивому требованию того, чтобы церковь была свободной от всяких нарушений со стороны государственной администрации. Аргументация Никона произвела сильное впечатление на царя.

В 1649 г. — том самом году, когда был опубликован новый свод законов — освободилась кафедра митрополита в Новгороде. По совету Стефана Вонифатьева царь с радостью поддержал кандидатуру Никона. Новгородская епархия включала в себя всю северную часть России, и митрополит занимал одну из самых высоких позиций в московской церковной иерархии. Перед тем, как принять назначение,

Никон попросил царя освободить эту епархию от действия предписаний нового свода законов, который подчинял население церковных и монастырских земель вновь созданному Монастырскому приказу, а духовенство — светским судам. Царь даровал такое освобождение, и Никон вступил в должность.

Во время новгородского восстания 1650 г. и паники местных должностных лиц Никону ничего не оставалось, кроме как вмешаться в ход событий. Его смелые действия во многом способствовали восстановлению порядка, и это сильно подняло его престиж в Москве. Инициатива Никона по канонизации митрополита Филиппа демонстрировала масштаб его влияния на царя Алексея.

Представляется вполне вероятным, что после новгородских событий Алексей стал считать Никона естественным кандидатом на патриарший престол, когда тот освободится, а этот момент приближался ввиду преклонного возраста и слабого здоровья патриарха Иосифа.

Формулировки в царском письме к Никону, написанном после смерти Иосифа, ясно показывают, что Никон выдвигался кандидатом на его место.[143]

К тому времени, когда Никон стал митрополитом Новгородским, у него уже сформировалась система идей, касающихся обязанностей патриарха, а также по поводу истинных взаимоотношений между патриархом и царем, или, в более широком смысле, между церковью и государством.

В принципе, он был согласен с византийской доктриной "симфонии" двух сфер — духовной и светской. Он был знаком с формулировкой этих принципов в славянских переводах отрывков из Шестой Новеллы императора Юстиниана I (XI в.) и из "Эпанагога" (IX в.).

Когда Никон стал патриархом, ученый киевский монах Епифаний Славинецкий привлек его внимание к собранию византийских законов, подготовленных немецким ученым Леунклавиусом (Лёвенклау) и опубликованному в 1567 г., в которое были включены первые девять и одиннадцатая "главы" "Эпанагога". По просьбе Никона Епифаний сделал новый перевод глав о единстве власти царя (василевса) и патриарха.[144]

Живой пример "богоизбранной диады" царя и патриарха, который, по всей вероятности, произвел сильное впечатление на Никона, существовал в Московии во времена патриаршества Филарета. В

силу того, что Филарет являлся также и отцом Михаила, он стал лидером в этой диаде и фактически руководил как государственными делами, так и церковной администрацией. Будучи приходским священником в Москве в последние годы патриаршества Филарета, Никон, по всей вероятности, был хорошо знаком с его правлением.

В вопросах, касающихся внутренней жизни московской церкви и предполагающихся реформ в ее деятельности, Никон сначала полностью поддерживал программу, выдвинутую окружением Стефана Вонифатьева — ревнителями. В тот период, когда он служил архимандритом Ново-Спасского монастыря, Никон был согласен с ревнителями, что любые перемены в ритуале и любые изменения в церковных книгах, необходимые из-за разногласий между западнорусской и греческой практикой, следует осуществлять с осторожностью. Для ревнителей основы московской церкви и религиозного сознания были верными и прочными. Как и они, Никон сначала испытывал подозрения по отношению к чистоте греческого православия.

После 1649 г. с Никоном случилась большая психологическая перемена в отношении к этому вопросу. Причиной этому были мощное воздействие на него бесед с Иерусалимским патриархом Паисием и политические и церковные события на Украине и Ближнем Востоке. Традиционная точка зрения московских церковных лидеров, которые считали, что Россия является единственным хранителем истинного православия, внезапно показалась Никону слишком узкой. Он стал стремиться к экуменическому расширению христианской церкви (экуменическую — с точки зрения православного христианства).

По словам митрополита Антония Храповицкого, Никон поставил себе задачей "одержать победу над провинциализмом русской церкви" и достичь благодаря этому единства всего христианского мира.[145]

Когда в 1589 г. было организовано московское патриаршество, четверо восточных (греческих) патриарха предоставили пятое, или последнее, место среди православных патриархов Иову, первому русскому иерарху, занявшему патриарший престол в Москве, несмотря на то, что московиты требовали третьего места. Никон не намеревался повторять эти требования "де юре", но он хотел активизировать экуменическую роль московского патриарха и повысить "де факто" его влияние и престиж в православном мире.

Именно учитывая такую идеологическую подоснову, следует подходить к решению Никона о полном пересмотре всего московского тра-

диционного церковного ритуала и безотлагательной корректировке московских церковных книг в соответствии с греческими образцами.

В сознании Никона подобные реформы были срочно необходимы, для того, чтобы уничтожить какие бы то ни было препятствия на пути к православному единству. Именно ввиду экуменических соображений Никон, став патриархом, действовал страстно, быстро и нетерпеливо, вводя изменения в русский церковный ритуал.

II

Когда смерть Иосифа 15 апреля 1652 г. оставила московский патриарший престол вакантным, как царь, так и ревнители захотели, чтобы новый патриарх был выбран безотлагательно. Царский выбор пал на Никона, который в то время был на Соловках, выполняя миссию по канонизации митрополита Филиппа. Кандидатом ревнителей был Стефан Вонифатьев. Они представили на рассмотрение царю и царице петицию с рекомендациями в адрес Стефана. Среди тех, кто подписал эту петицию, были митрополит казанский Корнилий и протопоп Аввакум, которого изгнали из Юрьевца в мае 1652 г. по инициативе группы его противников, включающей и священников, раздраженных суровостью его обличений, направленных против моральной распущенности и пьянства.[146] Аввакум прибыл в Москву около 7 июня. Петиция в поддержку Стефана, по всей видимости, была представлена на рассмотрение царю вскоре после этого.[147]

Прежде, чем царь нашел время, чтобы отреагировать на петицию, Стефан Вонифатьев заявил, что он не примет это предложение. Каковы были его мотивы? Стефан был глубоко религиозным человеком с сильными моральными принципами. Традиции православной церкви требовали, чтобы епископ, а тем более — патриарх, были монахами. Стефан был протопопом; он принадлежал к так называемому "белому духовенству". Чтобы принять предложение о патриаршем престоле, предполагалось, что он должен вступить в монашество, сразу же быть назначенным архимандритом, а затем епископом, что являлось бы последним шагом перед патриаршим саном. Подобный взлет по иерархической лестнице, мотивированный не внутренними религиозными побуждениями, а соображениями быстрого получения должности, по всей видимости, противоречил духовным и моральным принципам Стефана.[148]

Помимо этого, Стефан считал, что Никон лучше подходит для патриаршего престола, нежели он сам. На основании действий Никона в Новгороде, Стефан имел высокое мнение о нем, как об энергичном и деятельном администраторе. Никон был членом круга ревнителей. О том, что он намеревался внедрить крутые реформы в русский церковный ритуал с целью привести его в полное соответствие с греческим, по всей вероятности, Стефану известно не было. В связи с этим он убедил ведущих ревнителей направить царю новую петицию, на сей раз рекомендуя Никона на патриарший престол. Стефан, конечно же, подписал эту петицию, но царя не надо было убеждать, поскольку Никон был кандидатом, которому он отдавал предпочтение.

Никон возвратился из Соловков с мощами Филиппа 6 июля 1652 г. Три дня спустя состоялось торжественное представление мощей. Никон совершал богослужения на всех процессиях и церковных службах в окружении огромных толп москвичей. Все говорили о нем, как о будущем патриархе.

Но когда ему официально предложили сан патриарха, Никон отказался от него. Оппоненты и враги Никона в то время, так же как и многие современные историки, углядели в этом отказе умный ход честолюбивого политика, предпринятый для того, чтобы поднять себе цену.

Причина была не столь проста. Для Никона патриарший престол был не только высоким положением в обществе. Не была причиной и привлекательность патриаршей должности, связанная с внешней роскошью, хотя Никон и любил роскошь. Для Никона эта должность, прежде всего, являлась средством установления должных взаимоотношений между церковью и государством, обеспечения прав церкви, как священного института, учрежденного Богом и защиты независимости этого института от покушений на его права со стороны государства.

Патриаршеская должность, в чем Никон был убежден, в духовном отношении была выше царской, поскольку патриарх имел под своим попечением божественные аспекты человеческого общества, а царь — земные. Вместе патриарх и царь составляли богоизбранную диаду. Никон чувствовал, что не может принять эту должность до той поры, пока взгляды на взаимоотношения между церковью и государством и на характер власти патриарха, в соответствии с этими взглядами, не будут поддержаны царем.

Никон питал надежды, что Алексей Михайлович лично дарует ему такую власть. Но он прекрасно понимал, что бояре, особенно законодатель князь Одоевский и его сторонники, будут резко возражать против дарования ему каких-либо привилегий сверх тех, что были у его предшественника. Поэтому Никон хотел, чтобы его власть была утверждена не только царем, но и боярами, так же как и "Всей Землей".

22 июля 1652 г. в Успенском соборе собрание епископов объявило кандидатуру Никона на должность патриарха. В соборе собрались царь, бояре и прочая знать. После этого Никон обратился к ним со следующими словами:

"Вы знаете, что мы [русские] приняли Евангелие, апостольские каноны, правила святых отцов и гражданские законы православной Греции [...] И все же на деле мы не следуем ни поучениям апостолов и отцов, ни законам благочестивых императоров [...] Если вы хотите, чтобы я был вашим патриархом, дайте мне ваше слово и клятву в этом соборе перед нашим Господом и Спасителем, его святой матерью, ангелами и святыми соблюдать Евангелие, каноны и законы. Если вы согласны слушаться меня как вашего пастыря и отца во всех моих наставлениях, касающихся догмы [церкви], учения и морали, то я не откажусь от верховной власти".

Царь, бояре и все собравшиеся поклялись тогда на Евангелии быть покорными Никону в вопросах вероучения, как он того и требовал.[149]

Никон согласился принять патриаршую должность и был торжественно возведен в этот сан митрополитом Корнилием тремя днями позже.[150]

После того, как он потребовал (и получил) клятву послушания себе как духовному отцу, со стороны царя, бояр и народа, Никон ожидал, что они будут честно держать ее. Со своей стороны, он предполагал выполнять свои обязанности столь добросовестно, сколь это возможно.

Никон считал должность патриарха священной и необходимой в каждом истинно христианском государстве, в основе которого лежит идея "симфонии" церкви и государства. Отношение к патриарху как всего лишь к декоративному персонажу в дворцовой церемонии или к патриаршей должности как только лишь к помпезному и доходному положению представлялось ему святотатственным.

Никон хотел убедиться, что царь и бояре позволят ему выполнять обязанности патриарха во всей полноте и что сам он проявит себя

достойным патриархом. Поэтому он решил для себя, не заявляя об этом публично, оставаться в должности на протяжении всего трех лет, и в течение этого периода можно будет выяснить, будут ли царь и бояре держать данную клятву, и сможет ли он сам исполнять обязанности патриарха так, как он понимал их.

Никон раскрыл свой план только одному царю[151], который в то время не разгласил его никому. Он безоговорочно доверял Никону, и сам предполагал сдерживать свою клятву.

Чтобы укрепить материальную базу патриаршества, Никон попросил Алексея возобновить грамоту о неприкосновенности патриаршей области, которая была дарована Михаилом своему отцу — патриарху Филарету в 1625 г. и отменена после смерти Филарета. Огромная патриаршая область, таким образом, стала в очередной раз чем-то вроде церковного государства внутри светского.[152]

Вполне вероятно в связи с этим, что Никон добавил славянский перевод неподлинной Donatio Constantini к "Кормчей книге" (1653 г.). Эта грамота, якобы выданная Константином Великим папе Римскому Сильвестру, даровала последнему неотчуждаемые права на всю папскую область. В 1551 г. при митрополите Макарии краткое изложение Donatio было включено в "Стоглав" (глава 60). К тому времени уже давно было установлено гуманистом Лоренцо Валлой, что эта грамота является подделкой, но Макарий об этом не слышал. В конце XVI в. и в начале XVII в. многие западнорусские ученые отрицали аутентичность грамоты. Никон не знал их аргументов или, возможно, не придавал им значения. Следует сказать, что западные римско-католические ученые пытались защитить подлинность Donatio не только во времена Никона, но даже в XVIII в.[153]

Никон всегда выступал против определенных положений свода законов 1649 г., которые он считал не каноничным вмешательством в права церкви со стороны государства, и ему удалось, после того как он стал митрополитом Новгородским, обеспечить для новгородской епархии освобождение от выполнения этих положений. Теперь царь согласился не применять этих положений свода по отношению к патриаршей области.

Подготовив почву для независимого ведения своей политики, Никон начал действовать быстро и с неукротимой энергией. Его первые шаги согласовывались с программой ревнителей, ряд которых он назначил на влиятельные церковные посты. Казанский монах Мака-

рий — казначей митрополита Корнилия — был рукоположен в митрополиты Новгородские. Близкий друг Ивана Неронова — Павел — получил коломенскую епископию.

Когда Никон был митрополитом Новгородским, он вводил меры для борьбы с пьянством в Новгородской епархии. Будучи патриархом, он попытался совладать с алкоголизмом во всей Московии. Случилось так, что московское правительство, по совету братьев де Грон, пришло к пониманию финансовых выгод экспорта зерна. Уменьшение дохода от продажи алкоголя могло быть уравновешено доходом от экспорта зерна. Зерно, которое раньше использовали для изготовления водки, могло найти себе теперь иное применение, будучи пущено на новый рынок.[154]

По инициативе Никона и при поддержке царя Боярская Дума выпустила новые правила 11 августа 1652 г., которые ограничивали продажу алкоголя, начиная с 1 сентября. В каждом городе разрешалось иметь всего одну лавку по продаже спиртных напитков; каждый покупатель имел право купить всего одну бутылку; распивочная продажа была запрещена; винные лавки должны быть закрыты во время великого поста, во все остальные посты, а также по воскресеньям; запрещалось отдавать на откуп торговлю алкоголем. (Эти постановления оставались в силе вплоть до 1663 г.)

Никон также следовал программе ревнителей, вводя новые препятствия для проживания некрещеных иностранцев (тех людей с запада в Московии, которые отказывались обращаться в православную веру). По требованию Никона царь выпустил указ, согласно которому все некрещеные иностранцы должны были освободить свои дома в Москве и выехать из города. Им давалась земля на реке Яузе, около километра к востоку от Земляного вала — наружного крепостного сооружения Москвы.

Эти меры испугали иностранцев. Довольно много западных людей, включая полковника Лесли и его семью, обратились в православие. Большинству же пришлось переезжать на новое место жительства, которое стало называться Немецкой слободой.[155]

Ближайшая цель ревнителей была достигнута: у иностранцев больше не было возможности смешиваться с московитами в ежедневной жизни. Но конечным результатом этой меры, которого не смогли предвидеть ревнители, явилось возникновение в предместьях Москвы чисто западной общины, которая вскоре стала чем-то вроде

выставочного зала западной цивилизации в самом сердце Московии. В такой ситуации воздействие западного образа мысли и западного образа жизни на московитов стало еще более сильным, чем раньше.

Затем Никон обратил свое внимание на влияние Запада на русское церковное искусство. К середине XVII в. все больше и больше московитов начало знакомиться и ценить западную живопись, архитектуру и музыку. Западные картины, гравюры и иллюстрированные книги находили своих поклонников среди элиты московского общества. Большое количество произведений искусства проникало в Москву из Польши и Германии через западную Россию. Некоторые русские художники, особенно псковские и новгородские, начали применять принципы западного искусства в своих работах.

Пока новые художественные влияния воздействовали только на светское искусство, церковь не возражала, во всяком случае — официально. Но ситуация изменилась, когда новые приемы стали применяться в иконописи. Совсем немногим боярам и придворным нравился современный стиль иконописи в России. Некоторые бояре начали ввозить религиозные картины с запада, и после того, как их освящал священник, поклонялись им как иконам.

Ревнители, как легко догадаться, были возмущены подобной практикой. Никон также протестовал против французских икон, и когда увещевания оказались бесполезными, он решил принять крутые меры. В 1654 г. и в начале 1655 г. он давал указания своим доверенным лицам обойти бояр и прочих видных московитов, известных своей прозападной ориентацией, чтобы обнаружить те места, где есть французские иконы и конфисковать их по приказу Никона.

Затем Никон решил устроить публичное сожжение. У него было большое количество конфискованных икон, привезенных в Успенский собор в 1655 г. После воскресной службы Никон стал показывать собранию духовенства "неправильные" иконы одну за одной, объявляя, из чьих домов они были конфискованы, чтобы осрамить их владельцев. Патриарх Макарий из Антиохии, который отправлял церковную службу вместе с Никоном, подтвердил неправедность этих икон. Поддержанный авторитетом Макария, Никон стал яростно швырять каждую икону на пол, а потом приказал служкам поднять обломки и сжечь их. В этот момент вмешался присутствовавший на службе царь Алексей: "Нет, отец, не сжигай их, пускай они будут похоронены". На это Никон согласился.[156]

Ревнители были довольны деятельностью Никона, но их отношение к нему переменилось, когда он начал реализацию экуменических аспектов своего плана.

Это означало эллинизацию московского церковного ритуала, уничтожение традиционных московских особых черт и пересмотр в соответствии с этим требников и прочих церковных книг. Никон не счел необходимым обсуждать предполагаемые реформы с ревнителями, так как это вызвало бы отсрочку ее проведения, поскольку некоторые из них, несомненно, стали бы противостоять резким переменам. А их торжественная клятва ему, как патриарху, давала возможность действовать в таких случаях по собственной воле.

Никон выбрал себе для помощи в пересмотре ритуала и переиздании церковных учебников двух немосковских ученых — грека Арсения и киевлянина Епифания Славинецкого.

Арсений был привезен в Москву в январе 1649 г. патриархом Иерусалимским Паисием, который рекомендовал его царю Алексею. Некоторое время спустя Паисий получил конфиденциальные сведения касательно Арсения, на основании которых изменил мнение, и подъезжая к московитской границе на обратном пути на Ближний Восток, отправил из Путивля 1 июля царю обличительное письмо.[157]

Было известно — к чести Арсения, — что он получил блестящее образование в Италии: на протяжении пяти лет изучал философию и историю в Риме и три года — медицину в Падуе. Но согласно новым сведениям, которые получил Паисий, Арсений, во время его пребывания в Италии, втайне был обращен в римское католичество. Через некоторое время он возвратился в Константинополь, где принял монашеский постриг. Однако вскоре его арестовали турки по подозрению в шпионаже в пользу Венеции. Под пыткой он согласился принять ислам и подвергся обрезанию. После этого турки освободили его и позволили пойти на службу господарям Валахии и Молдавии православным монахом. Патриарх предупреждал царя, что Арсений способен на любое преступление.

Как только письмо Паисия было получено в Москве, Арсения арестовали, подвергли допросу и он рассказал властям всю свою историю. Его отправили в Соловецкий монастырь для покаяния. Там он демонстрировал свою почтительность к охранникам и воспользовался возможностью выучить церковнославянский и русский языки.

Поскольку соловецкие власти хвалили Арсения за хорошее поведение, Никон вызвал его в Москву в качестве советника по пересмотру церковных книг. Учитывая его прошлое и опасаясь общественного мнения, Никон сначала не дал Арсению официальной должности.

Для Никона было очень важно иметь человека, вызывающего доверие, в Печатном дворе. Когда один из тамошних печатников — Мартемьянов — умер в июле (или августе) 1652 г., Никон назначил его преемником монаха Чудовского монастыря Евфимия, выдающегося ученика Епифания Славинецкого. По указанию Евфимия должны были составляться списки книг, печатающихся для Никона.

Новое издание псалтыри, дополненное образцами молитв, использовавшихся в церковных службах, было готово к печати 8 октября. Никон приказал исключить оттуда два пункта: один — о количестве коленопреклонений во время чтения молитвы Ефрему Сирину в Великий пост; а другой — о способе соединения пальцев при совершении крестного знамения. Оба изменения были необходимы для того, чтобы уподобить русский церковный ритуал греческой практике.

Желание Никона ускорить этот процесс было мотивировано и политическими соображениями. Западнорусская православная церковь являлась епархией Константинопольского патриаршества. Никон хотел избегнуть различий между западнорусской и московской практикой, учитывая в будущем возможность объединения Украины с Москвой. Никон стремился к объединению и принимал участие в предварительных дискуссиях по этому поводу в Москве, а также в переговорах между эмиссарами гетмана Богдана Хмельницкого и московскими боярами.

Когда приказ Никона о том, чтобы убрать вышеназванные места из псалтыри, дошел до Печатного двора, то главный издатель — Иван Наседка (он принял монашество в 1651 г. и в то время именовался монахом Иосифом) — выразил яростный протест, вследствие чего был отправлен в отставку, или сам ушел с должности вместе с еще двумя издателями. Никон назначил Евфимия на место Наседки.[158]

Урезанная псалтырь была опубликована 11 февраля 1653 г. В течение недели, предшествующей Великому посту (20-27 февраля) Никон выпустил обращение к священникам московских церквей, которое должно быть прочитано ими прихожанам. Всем предписывалась новая форма Крестного знамения (троеперстие) и количество коленопреклонений во время молитвы Ефрему Сирину сокращалось до четырех.

Выпущенный столь неожиданно, без подготовки или предварительного объяснения, приказ этот явился шоком для ревнителей и для верующих. Протопоп Аввакум позднее писал в своей автобиографии: "Мы [ревнители] собрались вместе, чтобы обсудить его. Мы видели, что зима накатывает на нас. Наши сердца похолодели, и наши ноги дрожали".[159]

Этот шок вызвал яростную оппозицию по отношению к Никону со стороны ревнителей и их последователей, что привело к трагической церковной схизме (*расколу*).

С политической точки зрения, действия Никона совпадали с решающим этапом в совещаниях царя с его советниками по украинскому вопросу. 22 февраля царь и бояре согласились в принципе принять Украину под свое покровительство. Это решение было подтверждено царем 14 марта.[160]

Совпадение во времени никоновой церковной реформы и действий Москвы в отношении Украины отражало историческую связь между церковным и политическим аспектами нарождающегося русско-украинского объединения.

Ошеломленные приказом Никона об изменении способа крестного знамения, что они считали лишь началом переделки традиционного московского ритуала, ревнители собрались, чтобы обсудить ситуацию. Среди участников были епископ Павел из Коломны, несколько протопопов, включая Неронова, Аввакума, Данилу из Костромы, Логгина из Мурома и некоторые из мирян.[161]

Какие в точности решения были приняты на этом совещании — неизвестно, но вполне очевидно, что ревнители приготовились решительно защищать старые обряды. Их прежний лидер — Стефан Вонифатьев, в силу его кроткого характера, выступая против решительных мер, пытался быть посредником между Никоном, с одной стороны, и Нероновым и Аввакумом — с другой, и стремился убедить царя проявить снисходительность к оппонентам Никона. Но в конфликте оказалось невозможным сдержать страсти двух противоборствующих партий.

Когда наместник Мурома, возмущенный увещеваниями протопопа Логгина, донес на него московским властям, Никон посчитал это поводом к тому, чтобы Логгин предстал перед судом особо созванного церковного собора в Москве. Донос был основан на превратном толковании слов Логгина, произнесенных им во

время спора с наместником, и со всей очевидностью был бессмыслицей, но Логгин был одним из видных ревнителей, и Никон хотел обуздать его. Протопопа сочли виновным и арестовали. Из всех членов Собора только Неронов протестовал против такого решения (с 10 по 15 июля 1653 г.).

4 августа на еще одном заседании Собора Неронова обвинили в клевете на патриарха. Его арестовали и водворили в Ново-Спасский монастырь. Сразу же после этого протопопы Аввакум и Данило из Костромы направили царю петицию в защиту Неронова, в которой они яростно поносили Никона. Царь передал их петицию Никону. Обоих — Аввакума и Данилу — арестовали. Данило был лишен духовного сана, а Аввакум выслан в Сибирь.

В декабре 1653 г. царь назначил Никона руководить Печатным двором, а тот официально поставил Арсения Грека главным печатником.[162]

В марте и апреле 1654 г. по инициативе Никона в царском дворце собрался еще один церковный Собор. В его заседаниях приняли участие десять высших иерархов (митрополитов, архиепископов и епископов), десять архимандритов и настоятелей и тринадцать протопопов, включая Стефана Вонифатьева. Никон обратился к Собору и разъяснил свою мысль о необходимости приспособления русского церковного ритуала к греческому образцу и о пересмотре, в соответствии с этим, русских церковных учебников. Чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, Никон привел в пример многочисленные случаи несовпадений в русских и греческих церковных книгах.

Никон не требовал от Собора подтверждения частных изменений, а лишь того, чтобы Собор утвердил необходимость изменений в принципе. Собор согласился, но не единогласно. Ни Стефан Вонифатьев, ни архиепископ Симеон из Тобольска не подписали протокол. Епископ Павел из Коломны подписал, но заявил о своем несогласии. Такое заявление было истолковано как неуважение по отношению к Собору, и Павла приговорили к изгнанию в Олонецкий край на севере России и заточению в небольшом монастыре.[163]

После этого Никон направил письмо патриарху Константинопольскому Паисию, в котором сообщил ему о решениях собора и о сектантском отступничестве Стефана Вонифатьева и епископа Павла. Он представил на рассмотрение Паисию список из двадцати восьми вопросов, касающихся аспектов церковного ритуала и предполагаю-

щегося пересмотра церковных руководств.

Ответ Паисия пришел в Москву в мае 1655 г. Он одобрил решения московского Собора в принципе, но порекомендовал быть осторожным при введении изменений, подчеркнув, что различиям в деталях ритуала позволительно существовать в национальных церквах, если только эти различия не угрожают чистоте догмы.[164]

Поначалу совет Паисия не убедил Никона. Прошел год или около того, и после долгих размышлений он понял мудрость этого совета. Следует осознать, что в то время Паисий был единственным видным греческим прелатом, который демонстрировал терпимость по отношению к традиционным особенностям русского церковного ритуала. Патриарх Антиохии Макарий, араб, горячий поклонник византийско-греческой церковной культуры, посетивший Москву в феврале 1655 г., от всего сердца поддерживал Никона в его грекофильских церковных реформах.

В феврале 1655 г. на торжественной службе, в присутствии царя Алексея, патриарха Макария и сербского митрополита Гавриила Никон произнес проповедь, в которой отстаивал применение троеперстия в крестном знамении в противовес традиционному двоеперстию. После этого Макарий убедительно одобрил троеперстие, как единственную приемлемую форму. (Никон выступал во время этой службы с осуждением французских икон).

В марте Никон созвал церковный Собор. Макарий и Гавриил оба присутствовали на нем. Собор одобрил новый требник, переведенный с греческого.

В феврале 1656 г. Никон и Макарий снова отстаивали новую форму совершения крестного знамения на двух торжественных службах в Успенском соборе. Макарий заявил, что каждый, кто будет креститься по-старому, будет отлучен от церкви. 23 апреля того же года Никон созвал Собор русских епископов. По его настоянию, Собор официально утвердил выдвинутое Макарием отлучение от церкви за двоеперстие.[165]

В соответствии с его взглядами на высокий сан патриарха и с его эстетическими вкусами, Никон уделял много внимания торжественности церковных служб, подчеркивая роль патриарха в службах и процессиях. Он ввел в московские церкви пение по киевскому образцу, большими поклонниками которого стали сначала Ртищев, а

затем царь Алексей и сам Никон. Патриарх любил торжественные церковные службы, во время которых сам появлялся в роскошном и драгоценном церемониальном облачении, предпочитая греческие образцы митры и мантии.

Из всех церемониальных церковных процессий, которые соблюдались в Москве и до Никона, теперь приобретших его стараниями искусно разработанный и торжественный стиль; особым значением обладала процессия в память вхождения Иисуса Христа в Иерусалим в Вербное (пальмовое) воскресенье, так как символизировала идеи Никона о взаимосвязи церкви и государства. Во время этой процессии патриарх ехал верхом на "осле" (замененном конем в русском православии), а царь шел впереди, ведя "осла за уздечку".[166]

Предшественники Никона — патриархи Иоасаф I и Иосиф — жили в скромном дворце, построенном после московского пожара 1626 г., уничтожившего старые патриаршьи палаты. Никон считал, что подобное место жительства не соответствует высокому достоинству его должности. Царь Алексей охотно предложил ему бывшие палаты Бориса Годунова в Кремле, напротив Успенского собора. Старые деревянные строения на этом участке были снесены и воздвигнут роскошный дворец, связанный системой галерей с царскими палатами, Успенским собором и Чудовом монастырем.[167]

Никон построил три монастыря в пределах обширной Патриаршей области на землях, дарованных лично ему царем Алексеем: Иверский монастырь возле города Валдая в Новгородских землях; Крестный монастырь на острове в Белом море недалеко от устья реки Онеги; и Воскресенский монастырь к западу от Москвы. Эти три монастыря, как считал Никон, должны были составлять ощутимую основу материальной и духовной власти патриарха.

Из этих трех Воскресенский монастырь, который называли "Новым Иерусалимом", — самый большой и роскошный. Он символизировал собою экуменические идеи Никона. Его главная церковь представляла собой копию храма Гроба Господня в Иерусалиме. Там было пять патриарших тронов, согласно числу православных патриархов. Никон мечтал о том, что когда-нибудь в этом монастыре состоится Собор всех пяти патриархов — четырех греческих и его самого.[168]

Вслед за решением Земского Собора от 1 октября 1653 г. Москва порвала отношения с Польшей, и два правительства снова вступили в войну.

Во время предварительных переговоров с Богданом Хмельницким Никон поддержал план, по которому Москва предоставит Украине свое покровительство. Когда царь начал вести консультации с боярами по поводу приготовления к войне и о мерах внутренней безопасности, Никон принял в них активное участие.

Царь желал принять участие и в кампании против Литвы. В связи с этим было согласовано, что во время отсутствия царя в Москве Никон будет действовать в качестве регента, и все меры по внутреннему управлению будут исходить от него. Чтобы повысить престиж Никона, царь Алексей даровал ему титул, которым пользовался патриарх Филарет во времена царствования царя Михаила — Великий Государь.

Положение патриарха, исполняющего функции регента царства в случаях опасности, согласовывалось с московской традицией. Митрополит, а позднее патриарх всегда считались первыми лицами в Московском государстве: следует вспомнить, что митрополит Макарий был назначен регентом во время похода Ивана Грозного на Казань в 1552 г; патриарх Иов взял на себя верховную власть после смерти царя Федора в 1598 г. и созвал Земский Собор для избрания нового царя, которым стал Борис Годунов.

Патриарх Филарет, в действительности, являлся не столько регентом, сколько постоянным соправителем царя. Хотя такое положение патриарха можно объяснить тем, что он был отцом Михаила Романова, тем не менее, оно представляло собой важный прецедент.

Назначенный регентом, фактически, стал соправителем, но только на те периоды, когда царь Алексей отсутствовал в Москве.

Алексей отправился на польский фронт 18 мая 1654 г, вернулся в Москву в январе 1655 г., снова покинул ее 11 марта и возвратился в столицу 10 декабря. В мае 1655 г. он был на шведском фронте и окончательно вернулся в Москву в конце 1656 г. Таким образом, он отсутствовал в Москве, с небольшими перерывами, два с половиной года.[169]

Хотя Никон все это время являлся фактическим правителем в Москве, сам он не считал свое положение постоянным: оно было всего лишь особым служением государству в период опасности. Он никогда не намеревался и не выражал желания стать постоянным соправителем. Полнота власти патриарха, которой он требовал для себя, распространялась, по его убеждениям, гораздо шире сферы церковных дел.

В свете этих соображений, вполне понятно и логично, что объединение Москвы с Украиной и позднее распространение царского протектората на Белоруссию отразилось на изменении титула не только царя, но и патриарха. Когда царь присвоил себе титул "всея Великой и Малой Руси" в октябре 1653 г., он отдал приказ, чтобы Никона именовали таким же образом. Позднее Белоруссия была прибавлена к титулам царя и патриарха, которые, соответственно, звучали как "всея Великой, Малой и Белой Руси".[170]

Однако, существовало важное различие в значении полных титулов царя и патриарха. Царь, действительно, взял на себя сюзеренитет над Украиной и на короткое время — господство над Белоруссией. Что же касается патриарха, то, каковыми бы ни были его мечты о будущем, это был всего лишь почетный титул. Он обозначал не правление, а распространение патриаршего "благословения" на западнорусскую церковь. Канонически, западнорусская церковь оставалась (во времена Никона) под властью патриарха Константинопольского, который не возражал против нового титула Никона.

Отношение царя и бояр к этому вопросу отличалось от точки зрения Никона. Они намеревались подчинить западнорусскую церковь власти московского патриарха при первой подходящей возможности. После смерти киевского митрополита Сильвестра Коссова это привело к конфликту между царем и Никоном в конце 1657 г.

Регентство Никона не было никоим образом синекурой. В его ведении находились все вопросы внутреннего управления: он совещался с боярами; перед ним отчитывались главы приказов, а также провинциальные должностные лица; ему на рассмотрение представлялись петиции самого разного характера. В свою очередь, Никон отдавал приказы чиновникам в Москве и в провинциях.

Дьякон Павел Алеппский, посетивший Москву в 1655-1656 гг. в качестве секретаря своего отца — патриарха Антиохии Макария, записывал в дневнике, что Никон ежедневно принимал бояр по вопросам текущих государственных дел. Они, как правило, покорно ожидали в приемной комнате патриарха. Когда Никон входил, то сначала читал молитву, вслед за чем каждый из бояр по очереди приближался к нему, делал глубокий поклон и получал его благословение. Затем Никон выслушивал доклады и беседовал с боярами (все в это время стояли). В конце приема Никон очередной раз читал молитву и давал свое благословение, прежде чем позволить боярам уйти.[171]

Царь вел продолжительную и оживленную переписку с Никоном, но не досаждал ему своими распоряжениями. Летом 1654 г., когда Москву поразила эпидемия чумы, Никон эвакуировал царскую семью в Калязин на верхней Волге.

После этого царь дал Никону указания самому остаться с царицей и царевичем Алексеем, чтобы обеспечить бесперебойную деятельность администрации. (Москва находилась под карантином). За управление Москвой отвечал князь Михаил Петрович Пронский. Вскоре начались бунты. Москвичи, измученные болезнями, карантином и другими санитарными мерами, введенными Пронским, обрушились на Никона за то, что он оставил Москву, и требовали суда над ним и его помощником Арсением Греком. Более того, городской люд жаловался, что многие священники покинули Москву после отъезда патриарха и что, в результате этого, многие церкви закрыты, и не хватает священнослужителей, которые могли бы исповедать и причастить больных и умирающих.

Эти жалобы на Никона и Арсения явились первой публичной демонстрацией оппозиции Никону и его церковным реформам со стороны староверов. Пронский собрал вместе старшин и влиятельных членов московских купеческих и городских "сотен", и с их помощью ему удалось умиротворить население. Вскоре после этого сам Пронский умер от чумы (11 сентября). В октябре болезнь начала идти на убыль.[172]

В то время, как староверы считали чуму божьим наказанием за церковные реформы Никона, сам Никон придерживался мнения, что чума явилась господним наказанием за вмешательство царя и бояр в права церкви в своде законов 1649 г. Царь согласился на время остановить действие оскорблявших церковь статей свода во владениях патриарха, но это не удовлетворило Никона, и он хотел, чтобы царь отменил их повсеместно.

Никон понимал, что боярская оппозиция по отношению к нему резко возрастает. Многие бояре были оскорблены, как они считали, его высокомерием по отношению к ним. Трехлетний срок, в течение которого Никон обещал царю исполнять службу патриарха, истекал 25 июля 1655 г. В это время царь вместе с армией находился в Литве. Он вернулся в Москву 10 декабря, и вполне вероятно, что после этого Никон попросил царя Алексея позволить ему сложить с себя обязанности патриарха и уйти в отставку. Алексей настаивал на продолжении Никоном службы в этой должности, и тот, в конце концов, согласился.

III

В течение второго срока пребывания Никона в должности патриарха (1655-1658 гг.), отношения между ним и царем складывались не так гладко по сравнению с первым сроком (1652-1655 гг.).

Хотя в начале второго срока царь держал сторону Никона против бояр, но жалобы последних накапливались и не могли со временем не подействовать на царя. С психологической точки зрения, личное участие Алексея в войне против Литвы и Польши (1654-1655 гг.) и в еще большей степени — против Швеции (1656 г.) укрепило его в сознании собственной власти как царя и главнокомандующего армией и, одновременно, сделало независимым от Никона. Теперь Алексей начал возмущаться по поводу титула "Великий государь", который сам пожаловал Никону в 1653 г.

Что касается церковных дел, то когда царь вернулся из Литвы в декабре 1655 г., то обнаружил патриарха Антиохии Макария в Москве. Никон пользовался авторитетом патриарха Макария для решительного введения греческих образцов в русский церковный ритуал. Макарий, высоко ценивший Никона за грекофилию, пользовался высоким доверием царя. Но он значительно сильнее уважал царя, как возможного спасителя греко-православных народов Ближнего Востока от исламского ига.

В определенном смысле, экуменическая политика Никона оборачивалась против него самого, поскольку царь и бояре в случае несогласия с Никоном могли апеллировать высоким авторитетам — восточным патриархам.

Серьезный конфликт произошел между Алексеем и Никоном после смерти киевского митрополита Сильвестра Коссова. Царь и бояре хотели воспользоваться этим случаем и посадить на киевский престол кандидата, который бы устроил царя, и чтобы тот был возведен в сан Никоном. Некоторые украинские иерархи желали следовать именно этой процедуре, но Никон, по каноническим соображениям, отказался действовать без согласия патриарха Константинопольского. Царь Алексей был разъярен и ругался на Никона, используя самые грубые выражения.[173]

Изменение царского отношения к Никону обратило его на сторону религиозных оппонентов Никона. Бояре следовали в этом отношении за царем, что видно на примере случая Ивана Неронова. Ни-

кон отдал приказ о его ссылке на север России в августе 1653 г. Два года спустя ему удалось бежать из монастыря и с помощью Стефана Вонифатьева и ряда влиятельных бояр в декабре 1655 г. он тайно проник в Москву. В день Рождества он принял монашеский постриг под именем Григория.

Это означало, что он прекращал противостояние существующей церкви. Однако публично он не отрекался от старого обряда, и для многих старообрядцев отец Григорий продолжал оставаться авторитетом. 8 мая 1656 г. во время обедни, которую служили два патриарха, Никон и Макарий Антиохийский, Григория подвергли анафеме.[174]

11 ноября 1656 г. умер Стефан Вонифатьев. И Никон, и Неронов были глубоко опечалены. Психологически общая скорбь, казалось бы, сгладила враждебные отношения, хотя бы на короткое время и 4 января 1657 г. Неронов заявил Никону о своем желании принять вероисповедание московской церкви и восточных патриархов. Никон с готовностью и благосклонностью отнесся к смирению Неронова, не требуя отречения от старого обряда. По этому случаю он сказал Неронову: "Есть много хороших книг, как среди заново напечатанных, так и среди старых. Ты можешь пользоваться теми, которые тебе по нраву".[175]

Заявление Никона явилось свидетельством знаменательной перемены в его взглядах на место церковного обряда в культовом служении. Совет, полученный им от патриарха Константинопольского Паисия в 1655 г. и сначала отвергнутый, по всей видимости, был тщательно обдуман и принят.

К 1657 г. Никон осознал, что патриарх в одиночестве, недостаточно силен, чтобы совладать с царем и боярами. Ему нужна была поддержка общественного мнения внутри церкви, ценностью которого он до этого пренебрегал. Установление мира с прежним противником внутри церкви, человеком благочестивым и целомудренным, таким, как Неронов, было важно для Никона не только с этической точки зрения, но также и исходя из практических соображений.

К несчастью для Никона (и для русской церкви), перемена его взглядов на значение церковного обряда наступила слишком поздно. Хотя Неронов и принял установившуюся церковь, он не стал другом Никона. А шаг Неронова осуждался, как отступничество, протопопом Аввакумом (тогда все еще находившегося в сибирской ссылке) и другими непримиримыми лидерами старообрядческого движения.

Второй трехлетний срок патриаршества Никона, как это было согласовано между ним и царем Алексеем, должен был закончиться в июле 1658 г. К началу этого года Никон осознал, что царь, поддерживаемый боярами, не намерен отменять те положения свода законов 1649 г., которые Никон считал оскорбительными для церкви. Наоборот, бояре стали пренебрегать соглашением 1652 г. между Никоном и Алексеем, согласно которому действие этих положений временно приостанавливалось.

Для Никона это означало нарушение царем и боярами торжественной клятвы, принесенной перед возведением Никона в сан патриарха. Вся ответственность, с точки зрения Никона, ложилась на царя, потому, что н нарушив клятву, царь разрушил диаду и, в чем Никон был убежден, совершил смертный грех, за который не только он, но и весь русский народ будет наказан Господом. Никон чувствовал, что его долг патриарха в том, чтобы совершить последнюю попытку заставить царя одуматься и восстановить "симфонию" церкви и государства. Следуя духу проповеди Иоанна Хризостома о Добром Пастыре, Никон решил взять царский грех на себя и уединиться, если царь не раскается.[176]

Могло бы показаться, что раньше, когда Никон говорил о своей отставке, он имел в виду уход с должности патриарха. По всей очевидности, к 1658 г. Никон пришел к иному решению для того, чтобы поставить вопрос ребром. Если не будет других способов убедить царя изменить его политику, Никон планировал покинуть Москву, переехать в Воскресенский монастырь и перестать исполнять рутинную работу церковного администратора, сохраняя за собой верховную власть патриарха.

В поисках выхода из тупика, Никон, как сам он сказал в письме царю от 1671 г., "начал постоянно раздражать царя"[177] (напоминал ему о клятве).

Тривиальная стычка между слугами царя и патриарха во время торжественного вступления в Москву грузинского князя Теймураза 6 июля 1658 г. ускорила роковой конфликт между патриархом Никоном и царем Алексеем. Окольничий Б.М. Хитрово, отвечающий за соблюдение порядка во время процессии, оттолкнул со своего пути и побил дубиной патриаршего служащего, князя Дмитрия Мещерского, который, естественно, пожаловался Никону.

Никон сразу же написал письмо царю, прося его отдать приказ о расследовании и наказании виновного. Царь ответил Никону, что расследует это дело и лично приедет к нему, чтобы объясниться. Но этого не произошло.[178]

Письмо Алексея показывает, что его первым порывом было броситься к своему прежнему "особому другу" и попытаться уладить их отношения в искренней и сердечной беседе по поводу недоразумений, накопившихся у обеих сторон. Не менее очевидно, что бояре, по всей вероятности, опасались подобной встречи между царем и патриархом, считая, что это приведет к возобновлению дружеских отношений. Поэтому бояре, должно быть, делали всевозможные попытки убедить царя, чтобы тот не уступал Никону, делая ему честь своим личным разговором и относился к Никону как узурпатору царских прав. И это им удалось.

От защиты царь перешел к нападению на Никона, открыто показывая свое недовольство им. Бояре убеждали Алексея, что патриарха следует поставить на место и заставить склониться перед царем. Через два дня после инцидента с Хитрово должен был отмечаться праздник иконы Казанской Богоматери в посвященном этой иконе соборе. Согласно установленному обычаю, в этот день патриарх служил обедню в присутствии царя. На этот раз царь не появился.

10 июля Никон должен был проводить празднование годовщины перенесения одеяний Христа из Персии в Москву (это событие произошло во время патриаршества Филарета) в Успенском соборе в Кремле. Царь никогда не пропускал этой службы.

Перед самым началом службы Алексей послал князя Юрия Ивановича Ромодановского к Никону передать ему, чтобы он не ждал царя, потому что тот не придет. После того, как он передал это известие, Ромодановский добавил: "Его царское величество гневается на тебя. Ты называешь себя великим государем, а у нас есть всего один великий государь — наш царь".

Никон резко отпарировал, что он не сам так назвался, а именно царь возложил этот титул на него и по своей (царской) инициативе. Ромодановский повторил царский приказ — не называть себя "великим государем" и не употреблять этого титула, подписывая какие-либо бумаги. После этого Ромодановский ушел. Никон понял, что настал решающий момент и что ему надо действовать немедленно.

Он не цеплялся за титул "великий государь". Действительно, титул был дарован ему царем, и он соответствовал положению Никона, как регента, во время польской и шведской войн. Однако Никон не считал его необходимым для патриарха, как высшего иерарха церкви. Действительно, Никон не использовал его в церкви. Во время обедни к нему всегда обращались как к "господину", а не как к "государю".

Но Никон прекрасно понимал, что аннулирование царем титула "великий государь" являлось всего лишь первым шагом в кампании, развязанной боярами, чтобы поколебать престиж патриарха и обуздать требования Никона, касающиеся свободы церкви от вмешательства государственной администрации.

Оскорбление, нанесенное Хитрово служащему патриарха, ясно показало, что бояре хотели утвердить главенство государственных должностных лиц над церковными чиновниками. Сам факт, что царь, вопреки его первоначальному обещанию, не стал расследовать дело Хитрово, свидетельствовал о подобном отношении со стороны бояр и царского нежелания защищать патриарших чиновников, а также свидетельством нового нарушения обещаний со стороны царя.

Никон не был уверен, что если он уступит требованиям бояр, т.е. прекратит критиковать свод законов 1649 г. и согласится подчинить духовенство и патриарших чиновников административной и юридической власти приказов, то царь ему позволит, или хотя бы попросить продолжать свою деятельность, сохраняя внешнюю роскошь и материальные выгоды, которые дает патриарший престол.

Но, с точки зрения Никона, это будет обозначать довольствование церемониальным призраком патриаршей должности и предательство священного долга патриарха, как он понимал его, более того — осквернение и отрицание сущности симфонии церкви и государства. Этого Никон не мог принять. Поэтому он задумал принять решительные меры, чтобы раскрыть сложившуюся ситуацию перед народом.

Никон дал указание своим помощникам сложить в мешок монашеские одеяния и быть готовыми принести их ему, когда он отдаст приказание.

После этого он пошел в собор и, как обычно, отслужил обедню. Но после обедни вместо традиционной заключительной молитвы он прочел проповедь Иоанна Хризостома о Добром Пастыре. Затем, пользуясь этой проповедью, как отправной точкой для разговора, Никон объявил, что не в состоянии более исполнять свои обязанно-

сти пастыря из-за собственных грехов и из-за царского гнева на него.

"Я свидетельствую перед Богом, что если бы царь [шесть лет назад] в этот самом храме не принес клятву в присутствии епископов, бояр, и народа неизменно соблюдать учение Евангелия, апостолов и отцов церкви, я бы не принял патриаршего сана. Теперь, когда великий государь нарушил свою клятву и несправедливо обрушил на меня свой гнев, я вынужден оставить этот храм и этот город".[179]

В этот момент помощник Никона принес ему мешок с монашеским одеянием. Прежде чем он успел снять с себя церемониальную мантию и облачиться в монашеские одежды, вся паства бросилась к нему, умоляя остаться. Они отобрали мешок. Никон пошел в ризницу и написал там письмо царю, в котором сообщал Алексею, что из-за его неправедного гнева (который вредил церкви и ее установлениям) он вынужден покинуть Москву: "Тебе придется держать ответ перед Богом за это все".[180]

После того, как это письмо было доставлено царю посланцем, Никон надел мантию и черную рясу, взял посох и попытался покинуть собор. Паства не давала ему выйти. Однако народ позволил уйти Крутицкому митрополиту Питириму, и тот отправился прямо к царю сообщить ему о происходящем в соборе.

По всей видимости, в этот момент Никон ожидал, что царь побеседует с ним. Но царь отказался взять письмо Никона и сразу же возвратил его обратно. Затем он отправил одного из своих главных бояр, князя А.Н. Трубецкого сказать Никону, что царь не сердится на него (лично) и что он может продолжать свою деятельность патриарха.

Никон ответил Трубецкому, что бояре оскорбляют церковь и церковных служителей, а царь отказывается расследовать их злодеяния, а вместо того гневается на него самого. "Я освобождаю место для его гнева".[181] Никон подчеркнул, что с его точки зрения, основная причина заключается в самом принципе (автономии церкви), а не в лично царской благосклонности или неблагосклонности. После этого Никон вручил Трубецкому свое письмо (то, что было возвращено) и попросил снова передать его.

После того, как Трубецкой ушел, Никон остался в соборе со всей паствой. Все ожидали, что царь должен появиться и разрешить все проблемы. Вместо этого возвратился Трубецкой, опять с письмом Никона царю, которое Алексей вторично отказался принять. Трубецкой повторил Никону, что царь желает, чтобы тот продолжал оставаться

патриархом. Но отказ царя принять письмо означал, что царь отказывается принять условия Никона.

Таким образом, Никон уже не смог отменить свое решение покинуть Москву в знак протеста против политики царя и бояр. Двумя днями позже он уехал в Воскресенский монастырь.

7. Царь против Патриарха

I

Отъезд патриарха в Воскресенский монастырь в июле 1658 г. стал очень важным шагом. Никон чувствовал, что наступил решающий момент для сохранения независимости русской церкви от царского вмешательства и восстановления "симфонии" царя и патриарха. Он полагался на религиозный и нравственный авторитет патриаршества, надеясь на раскаяние царя в нарушении клятвы и веря в возможность возрождения дружеских отношений. Никону предстояло испытать разочарование. Но он, не сломленный гонениями, продолжал сражаться за свои идеалы до последнего.

Потенциальная поддержка народом патриарха была подорвана старообрядцами и недостаточной верностью Никону некоторых русских иерархов из-за личной зависти или карьеризма.

Хотя в своей душе царь Алексей сохранил дружеские чувства по отношению к Никону, он быстро менялся под давлением бояр. Бояре были возмущены вмешательством Никона в государственные дела в 1654-1658 гг. Не только по личным соображениям, но и в принципе они возражали против никоновского плана "симфонии" царя и патриарха, который, по их мнению, станет ограничением царской власти. В более широком смысле, бояре хотели обеспечить главенство государства над церковью. Таким образом, вся сила царского правительства и администрации обратилась против Никона, сначала — чтобы вынудить его сложить с себя полномочия, а когда эти попытки окончились неудачей — чтобы свергнуть и осудить его.

Для того, чтобы отделаться от Никона, необходимо было попробовать добиться от него заявления о сложении своих полномочий. В тот самый день, когда Никон прибыл в Воскресенский монастырь, его посетили царские представители — князь А.Н. Трубецкой и дьяк Ларион Лопухин. Они попросили Никона уполномочить митрополита Питирима из Крутиц (в Москве) взять на себя руководство цер-

ковными делами в текущий момент, и согласиться на избрание нового патриарха.[182]

Из этого ясно, что царь и бояре истолковывали отъезд Никона из Москвы как сложение с него полномочий патриарха "де факто".

Никон же считал необходимым иметь в Москве заместителя, а поскольку митрополит Крутицкий традиционно считался чем-то вроде патриаршего адъюнкта, то назначил Питирима временным заместителем, но только на срок своего отсутствия в городе и для ведения текущих дел. Питирим получил указания от Никона обращаться к нему лишь по всем вопросам наибольшей важности. Имя Никона, как патриарха, должно было звучать на церковных службах. Что касается будущей судьбы патриаршего престола, согласно донесению Трубецкого и Лопухина, Никон не возражал против избрания нового патриарха и даже (если нам принять на веру формулировки в донесении) объявил о том, что не желает более быть патриархом: будь он проклят, если выразит такое желание.[183]

Не следует забывать, что главной целью бояр было поймать Никона на противоречивых заявлениях, чтобы продемонстрировать, что он перестал являться патриархом. Это могло бы дать основания правительству не придавать значения будущим протестам со стороны Никона. Нет сомнений в том, что смысл ответов Никона Трубецкому и Лопухину искажался ими.

Хотя Никон согласился в принципе на избрание нового патриарха, он, очевидно, имел в виду, что подобное избрание будет строго соответствовать церковным канонам. С канонической точки зрения, Никон все еще оставался патриархом и полагал, что будет считаться таковым вплоть до официального сложения полномочий; он имел право принимать участие во всех предварительных переговорах, касающихся приготовлений к выборам, а также в выдвижении кандидатов.

Когда Никон сказал, что не хочет быть патриархом, его слова (даже если допустить, что они были донесены правильно) со всей очевидностью относились к будущему ("впредь"). Под этими словами он имел в виду, что он не станет кандидатом на предстоящих выборах. Однако, когда Трубецкой и Лопухин возвратились в Москву, царь и его главные советники истолковали значение выражений Никона в соответствии со своими собственными планами.

Таким образом, царь признал Питирима полноправным "местоблюстителем" (locum tenens) патриаршего престола. По приказу царя

имя Никон перестали упоминать в московских церквах. Больше к Никону не обращались для решения вопросов управления патриархией. В Вербное воскресенье 1659 г. Питирим заменил Никона в процессии, посвященной вступлению Иисуса в Иерусалим.

Фактически же, сам Алексей взял на себя обязанности руководства церковной администрацией. Характерным примером действий царя стал его указ от 21 февраля 1659 г. по поводу Епифаньевского монастыря в Полоцке. В марте 1658 г. Никон восстановил старую привилегию этого монастыря — освобождение из-под юрисдикции местного епископа — и поставил монастырь под непосредственную власть патриарха. Теперь же царь отменил ее.[184] Прекращение действия тех положений свода законов 1649 г., в которых шла речь о Монастырском приказе, обещанное Алексеем Никону в 1652 г., было аннулировано без объяснений. Монастырский приказ начал отменять приказания Никона, касавшиеся управления церковными землями и даже вернул ряд патриарших владений государству.[185]

Вполне естественно, что Никон считал действия царя Алексея и митрополита Питирима неканоническими и протестовал против них. Он писал царю, что Питирим совершил "прелюбодеяние", заняв патриарший престол в то время, как настоящий патриарх еще жив.

Царь отправил к Никону новых послов — думского дворянина Прокопия Елизарова и думского дьяка Алмаза Иванова. Они прибыли в Воскресенский монастырь 1 апреля 1659 г. От имени царя Елизаров осудил Никона за протест против превышения митрополитом Питиримом полномочий. "Ты сказал Трубецкому, что никогда[186] не будешь патриархом Московским, а теперь критикуешь Питирима... С сей поры не пиши царю о подобных делах, потому что ты оставил место патриарха". Никон резко возразил, что он не отказывался от патриаршества и что долг его — говорить царю правду. "И я не буду молчать, когда дело касается того, как следует должным образом вести церковные дела".

Не сумев добиться отказа Никона от должности, московское правительство стало искать повод, чтобы осудить его за неправедные деяния. Были просмотрены его бумаги, оставшиеся в патриарших палатах в Москве. Агенты правительства следили за каждым его шагом, чтобы выявить круг его друзей и адресатов в Москве. Правительство запретило кому-либо посещать его без разрешения администрации. Те, кто нарушал это правило, подвергались допросу.

Хотя и не нашлось способа обвинить Никона в каком-либо преступлении, царь и бояре решили все равно сместить его, созвав церковный Собор. До начала заседаний царь дал указания боярину П.М. Салтыкову подготовить повестку дня и собрать показания священнослужителей и мирян по поводу формулировок в заявлениях Никона с целью доказать его добровольный отказ от должности.

Никон, который в это время находился не в Воскресенском, а в еще одном из своих монастырей — Святого Креста на севере России, не был приглашен на Собор, и его мнения никто не спрашивал. Чтобы придать Собору большую значимость, царь пригласил участвовать в нем трех греческих священнослужителей, которым случилось быть в Москве. Один из них был митрополитом, другой — архиепископом, а третий — бывшим архиепископом.

Заседания Собора начались 17 февраля 1660 г. Сначала были представлены свидетельства митрополита Питирима и князя А.Н. Трубецкого. Оба категорически заявили, что Никон сложил с себя полномочия и поклялся в этом. Следует заметить, что Трубецкой написал свои показания через девятнадцать месяцев после своего разговора с Никоном в июле 1658 г. Естественно, что по прошествии такого срока для него было почти невозможным восстановить точные формулировки высказываний Никона. Показания Питирима и Трубецкого стали образцом для остальных свидетелей, хотя последующие заявления были менее категоричными.

Вслед за этим зачитывались выдержки из канонов. Члены Собора, включая трех греков, высказывали мнение, что, согласно одному из канонических правил, если епископ отказывается от своей епархии без достаточных причин, то на его место в течение шести месяцев должен быть назначен другой. Это правило применили к Никону. Собор постановил, что его следует освободить от сана патриарха, а также от священства. Царь выразил готовность одобрить решение Собора.[187]

Казалось, что дело сделано. Однако, самый авторитетный в то время из русских ученых в Москве, киевский монах Епифаний Славинецкий, представил царю протест против решений Собора. Епифаний говорил, что он не нашел того правила, на которое ссылался Собор, в актах первых двух экуменических Соборов, не нашел он и какого-либо другого правила, которое позволяло бы изгонять архиепископа, который покинул свою епархию, но не снял с себя полномочий.

Протест Епифания сделал исполнение решений Собора невозможным. Царь и его советники находились в затруднении. Тогда Алексей написал Никону заискивающее письмо, прося его, чтобы он дал письменное разрешение на возведение в сан нового патриарха. Никон снова ответил, что он все еще является патриархом, а без его согласия не может быть избрания нового и только он один может возвести в этот сан кого-либо. Если будет должным образом соблюдена процедура избрания и возведения в сан, согласно канонам, он приедет в Москву, чтобы сделать это, а затем удалиться в один из своих монастырей.[188]

Предложение Никона было разумным, и если бы оно было принято, конфликт был бы разрешен. Однако условия Никона оказались неприемлемыми для царя, или скорее для бояр, которые опасались, что после приезда Никона в Москву, царь снова подпадет под его влияние и попросит его остаться. Даже если Никон сам захочет уйти в отставку, у него все равно будет решающий голос в выборе кандидата, и это гарантирует то, что его преемник станет продолжать политику "симфонии" между церковью и государством. В таком случае, идеи Никона опять возобладают, в результате чего начнется новый период трений между боярами и патриархом. В связи с этим, предложение Никона было отвергнуто.

Единственная возможность, которая оставалась, было обращение к восточным патриархам, что помогло бы решить судьбу Никона. Пока эта проблема обсуждалась, продолжалось давление на Никона с целью сломить его сопротивление.

Местные дворяне, чьи земли граничили с владениями Воскресенского монастыря, зная о немилости, в которую впал Никон, без опаски стали предъявлять местным властям претензии, вроде тех, что Никон дает приют их беглым крестьянам или что он захватил часть их земель (в одном из таких случаев Никон утверждал, что жалобщик сам присвоил монастырскую землю).[189] Вполне возможно, что кто-либо из жалобщиков, действовал по подсказке из Москвы.

Подобные претензии выслушивались московскими властями, каждый случай расследовался, и Никон регулярно вызывался на допросы. В конце концов, 23 июля 1663 г. глава следственной комиссии князь Н.И. Одоевский по приказу царя заключил Никона под арест в келье Воскресенского монастыря. К тому времени бояре уже разработали конкретный план, как судить Никона на Соборе, в котором

будут принимать участие восточные патриархи.

Основы плана действий против Никона разработал греческий священнослужитель довольно сомнительной репутации — Паисий Лигарид. Лигарид был колоритным и типичным левантийским священнослужителем XVII в. — человеком блестящих талантов, но с циничным складом мышления и полностью аморальным.[190]

Он родился на острове Хиос в 1612 г. В возрасте тринадцати лет его приняли учеником в школу Св. Афанасия в Риме, основанную папой Григорием XIII для униатских греков. Он закончил ее с высшим отличием в 1636 г. Один из руководителей школы, известный ученый Лев Аллаций хвалил Паисия следующими словами: "Пытливый ум; твердый характер; хорошо начитан, особенно — в церковных вопросах; даровитый и артистичный оратор как на классическом, так и на современном греческом, не чуждый классической поэзии; человек, готовый пролить свою кровь за католическую веру".

В 1641 г. Паисия послали в Константинополь в качестве миссионера Конгрегации. Конгрегация была довольна его деятельностью, и вскоре ему увеличили жалование. В 1644 г. из-за жалоб греко-православного патриарха Константинопольского Паисий вынужден был покинуть город и направиться в Молдавию. Около 1651 г. он встретился там с греко-православным патриархом Иерусалима, тоже Паисием, и был принят им в православную церковь. Паисий Лигарид стал православным монахом. После этого патриарх отдал его на временное послушание под руководство русского монаха, Арсения Суханова, который как раз в то время находился на Ближнем Востоке.

На следующий год патриарх Паисий рукоположил Лигарида православным митрополитом Газы в Палестине. Лигарид принял этот титул, но в свою епархию так и не поехал. К 1657 г. он жил в Валахии. Несмотря на официальное обращение в православие, Лигарид продолжал посылать донесения в Конгрегацию Пропаганды и получать оттуда жалование.

Патриарх Никон, постоянно разыскивавший талантливых греческих ученых, услышал о Лигариде и в 1657 г. пригласил его в Москву. Лигарид не отклонил предложения, но и не спешил воспользоваться им. Он появился в Москве в начале 1662 г. Нет сомнения в том, что, благодаря выгодному оложению Валахии, в которой он находился, и через которую (как и через Молдавию) шел постоянный поток греческих священников, монахов и купцов по дороге в Киев и Москву,

Лигарид был прекрасно осведомлен о разрыве между царем и патриархом, а также о намерении бояр воспользоваться авторитетом восточных патриархов против Никона.

Представляется вполне вероятным, что бояре, которые были осведомлены , что Никон приглашал Лигарида, по всей вероятности, попытались войти с ним в контакт и привлечь его на свою сторону. Во всяком случае, когда Лигарид приехал в Москву, он предложил свои услуги боярской партии.

Его приезд явился своего рода подарком для противников Никона. Он стал главной опорой царя в кампании против Никона. Сначала он порекомендовал, чтобы подготовили заявление об ошибочности действий Никона; затем, чтобы проконсультировались у восточных патриархов; и в-третьих, чтобы Никон предстал перед судом нового церковного Собора.

Было решено, что боярин Семен Лукьянович Стрешнев, брат покойной матери Алексея и один из непримиримых врагов Никона, сформулирует ряд заявлений-вопросов с намерением обвинить патриарха, и что Лигарид будет комментировать их таким образом, чтобы обвинения были подтверждены. Вполне возможно, что прежде чем писать ответы, Лигарид — опытный полемист — отредактировал вопросы Стрешнева так, чтобы приспособить их к тем ответам, которые уже были у него заготовлены.[191]

Некоторые вопросы касались поведения Никона, как патриарха. Среди всего прочего Стрешнев заявлял, что Никон не называл других священнослужителей "братьями", поскольку считал их ниже уровнем, чем он; что, одевая свое облачение для церковной службы, он расчесывал волосы, глядя в зеркало; что, давая своему монастырю (Воскресенскому) название "Новый Иерусалим", не бесчестил ли он имя Святого Города? (Этот вопрос, по всей видимости, был предложен Лигаридом).

Другая серия вопросов касалась гипотетического вторжения Никона в полномочия царя. Грешил ли Никон, когда называл себя "великим государем"? Злоупотреблял ли Никон привилегиями, дарованными ему царем, в отношении церковных судов и в отношении неприкосновенности Патриаршей области по образцу особого дарования Константина Великого папе Сильвестру? Какого наказания заслуживает тот, кто называл царя тираном и преступником? Обладает ли царь полномочиями чтобы созвать церковный Собор для суда

над Никоном? Совершает ли царь грех, оставляя церковь вдовой (т.е. не назначая нового патриарха)? Совершали ли грех те священнослужители и бояре, которые не стали советовать царю действовать в этом вопросе именно так?

В своих ответах, представленных на рассмотрение царя 15 августа 1662 г., Лигарид обвинял Никона по всем пунктам. О вине царя за несмещение Никона, Лигарид высказал мнение, что если у того была какая-то весомая причина для оттягивания этого, то он не совершил смертельного греха, но он все же грешен, поскольку его бездействие вводило многих в соблазн, а священнослужители и бояре совершали великий грех, не убедив царя действовать.

Чтобы держать дело Никона, под своим постоянным контролем, царь Алексей доверил вести его Тайному приказу.

21 декабря 1661 г. царь окончательно решился созвать новый церковный Собор при участии восточных патриархов, начало заседаний которого предварительно было намечено на май 1663 г. Комиссия, назначенная для расследования жалоб против Никона, состояла из боярина П.М. Салтыкова, думского дьяка Алмаза Иванова, Думского дворянина П.К. Елизарова и дьяка Л.Т. Голосова. Ее возглавлял архиепископ Рязанский Илларион.[192] Комиссии было поручено собрать сведения по поводу предполагаемого незаконного приобретения Никоном церковной и монастырской собственности: икон, сосудов и денег; неточностей в церковных учебниках, изданных Печатным двором в период патриаршества Никона; местонахождения книг, собранных на Ближнем Востоке Арсением Суховым. Были разосланы циркуляры всем настоятелям русских монастырей, чтобы те представили данные обо всех поступлениях денег и имущества по приказам Никона. Частные жалобы, вроде тех, что исходили от Сытина и Боборыкина, тоже принимались комиссией во внимание.

Тем временем Лигариду давалось задание подготовить вопросы к восточным патриархам, чтобы получить их мнение о делах Никона. Этот текст был готов к июлю 1663 г.[193] Вопросы формулировались в общих выражениях; имя Никона не упоминалось, чтобы не приводить патриархов в смущение, когда они будут давать ответы, но во всех вопросах намеренно подразумевался Никон, благодаря использованию таких слов как:

— Должен ли местный епископ или патриарх быть послушным

царю во всех политических вопросах, так чтобы в государстве был один правитель, или нет?

— Что если епископ из гордыни называет себя государем?

— Может ли епископ или патриарх управлять государственными делами?

— Может ли епископ, если он снял с себя свой сан, снова присвоить его?

Для того, чтобы в дальнейшем повысить свой престиж в Москве, Лигарид обеспечил себя грамотой, в которой было сказано, что патриарх Константинопольский якобы даровал ему титул экзарха и уполномочил его быть представителем константинопольского престола на предстоящем разбирательстве дела Никона. Лигарид получил этот документ через своих константинопольских друзей.[194]

II

Правительство посчитало необходимым полностью изолировать Никона, и, вдобавок к аресту, оно запретило какие-либо контакты между ним и его московскими друзьями, а также между ним и восточными патриархами.

Бояре попытались использовать оппозицию по отношению к Никону со стороны старообрядцев и тех, кто втайне симпатизировал им. Представляется, что Лигарид помог боярам организовать анонимную петицию к царю от лица русских епископов. Она была составлена не позднее мая 1663 г., очевидно, епископом Вятским Александром, который был известен своими связями со старообрядцами. Петиция содержала обвинения, подобные тем, что звучали в "Вопросах — Ответах" Лигарида — Стрешнева, вроде порицания названия "Новый Иерусалим", данного Никоном Воскресенскому монастырю. Петиция убеждала царя своей властью возвести в сан нового патриарха, не дожидаясь Собора.[195]

Весной 1664 г. Лигарид стал правой рукой царя не только в подготовке церковного Собора, но и в управлении русской церковью. Местоблюститель патриаршего престола, Питирим, был возведен в сан митрополита Новгородского, что явилось продвижением вверх по иерархической лестнице, но фактически давало Лигариду больше свободы действий в Москве. Митрополит Ростовский Иона был назначен на место Питирима. По всей видимости, как царь, так и Лигарид ожидали от Ионы большей сговорчивости, нежели от его

предшественника.[196]

В феврале 1664 г., как раз в самый разгар кампании против Никона, в Москву из сибирской ссылки возвратился признанный лидер старообрядческого движения протопоп Аввакум, который был среди первых, выразивших протест против его нововведений.[197]

Друзья Аввакума в Москве (среди них и царица Мария) развернули деятельность по поддержке протопопа. Вероятно, царь разрешил Аввакуму вернуться в Москву в 1660 г., но дошло оно до него только лишь в июне 1662 г, так как он находился в то время в Даурии (район верхнего Амура).

Возвращение Аввакума и его семьи было длительным. К началу лета 1663 г. они добрались до Тобольска — в то время места пребывания хорватского политического утописта и панслависта Юрия Крижанича. Он был римско-католическим священником, стремившимся к объединению христианских церквей и ощущал себя членом идеальной единой церкви. В современной России подобным же подходом к проблеме церковного единства был проникнут русский философ Владимир Соловьев (1853-1890 гг.). В согласии со своими религиозными идеями, Крижанич решил встретиться с Аввакумом, но последний, отличавшийся крайней нетерпимостью, отказался позволить ему войти в свое обиталище или дать свое благословение.[198]

Возвратившись в Москву Аввакум, сначала очутился в довольно дружественной атмосфере. Как он писал в своей автобиографии: "Меня приняли как ангела Господня царь и бояре; всякий был рад видеть меня".[199]

Один из первых визитов Аввакум нанес Ртищеву, который опустился на колени перед протопопом и попросил у него благословения. Ртищев сказал царю о возвращении Аввакума, и Алесей немедленно, хотя и с некоторой сдержанностью, принял его.[200] Характерной чертой личности Ртищева была преданность старым друзьям. Будучи сердечен с Аввакумом, он оставался верным и Никону, несмотря на опалу последнего. В доме Ртищева Аввакум встретил двух женщин, которым суждено было стать его наиболее стойкими последовательницами и защитницами — сестер Соковниных. Одна из них — Феодосия Прокофьевна — была вдовой боярина Глеба Морозова; другая же — Евдокия Прокофьевна — была женой князя Петра Урусова, старого воина и придворного.

Среди остальных аристократов, просивших Аввакума о духовном

наставничестве, были вдова, княгиня Анна Репнина (урожденная Пожарская), князь Иван Хованский и князь Иван Воротынский. Однако, хотя бояре считали полезным держать в Москве стойкого противника Никона, они не были расположены к тому, чтобы предоставить Аввакуму возможность играть важную роль в государственных и церковных делах.

Вскоре стало ясно, что Аввакум остался таким же непримиримым, как и раньше. Он поносил не только Никона, но "никонианство" и требовал вернуться к старым обрядам и старым книгам. Как один из ревнителей благочестия дониконианских времен, он проповедовал аскетизм и чистоту христианской жизни. И хотя Аввакум, как Иосиф Волоцкий в XVI в., считал царя стражем церкви и не одобрял защиты Никоном высокого положения патриарха, тем не менее он придерживался того мнения, что церковь должна руководить государством, и что царю следует слушаться советов ревнителей. И, конечно, Аввакум выступал против западного влияния еще более страстно, чем Никон.

Вскоре бояре достаточно наслышались проповедей Аввакума. Они пришли к мнению, что если бы ему представилась возможность, тот стал бы еще более неуправляемым и опасным для интересов государства, чем Никон. Они опасались также личного влияния Аввакума на царя, но и самому царю досаждала деятельность Аввакума. Когда некоторые церковные иерархи жаловались Алексею, что Аввакум поносил их за "модернизм" и моральную распущенность, Алексей, хотя сам все еще симпатизировал Аввакуму, отдал приказ, чтобы несговорчивого протопопа отправили в Пустозерск на севере России в устье реки Печоры.

Вполне характерно, что Алексей предпочел отсутствовать в Москве, когда 28 августа 1664 г. отряд стрельцов арестовал Аввакума: на рассвете того самого дня царь уехал в свое излюбленное пристанище — в Коломенское.[201]

В ноябре Аввакум со своей семьей, высланной вместе с ним, добрался до Холмогор на нижней Двине, откуда Аввакум направил письмо царю, умоляя его позволить им остаться там, ввиду тягот дальнейшего путешествия суровой зимой. Царь сначала приказал, чтобы они продолжали путь, но вскоре позволил им остановиться на зиму в Мезени (примерно в одной трети расстояния от Холмогор до Пустозерска).

III

В своей Воскресенской тюрьме Никон не видел "Вопросов — Ответов" Стрешнева — Лигарида вплоть до 1664 г. По всей видимости, они были переправлены ему московскими друзьями, скорее всего — боярином Никитой Алексеевичем Зюзиным. Никон сразу же стал писать свои возражения на обвинения. Они разрослись в длинный трактат, в котором Никон не только пытался опровергнуть обвинения, выдвинутые против него, но и изложить свои взгляды на отношения между царем и патриархом более полно, нежели в каком-либо другом из его сочинений. В сущности, "Возражение" Никона является защитой доктрины "симфонии" между церковью и государством против утверждений Лигарида.[202]

Примерно в это же время тот факт, что Аввакум оказался в ссылке, ободрил друзей и сторонников Никона в Москве. Они почувствовали, что психологически наступил тот момент, когда они могут обратиться к царю с просьбой о примирении с Никоном.

И в самом деле, хотя Алексей играл активную роль в борьбе против Никона, он чувствовал угрызения совести по поводу разрыва с прежним "особым другом". Он всегда нуждался в вызывающем доверие духовном наставнике, и в какой-то момент решил, что таковым может стать Аввакум. Теперь же, разочарованный в Аввакуме, он был готов еще раз обратиться к Никону.

Среди московских влиятельных, хотя и не главных, государственных деятелей было двое — Афанасий Ордин-Нащокин и Артамон Матвеев — которые уважали и ценили Никона. Полный искреннего сочувствия к Никону боярин Никита Алексеевич Зюзин написал Никону письмо, где говорилось, что Ордин-Нащокин и Матвеев обратились к нему (Зюзину) и сообщили ему, что утром 7 декабря 1664 г. царь сказал им конфиденциально, что, хотя Неронов и прочие поносят Никона, он, царь, все еще печалится о разрыве с Никоном и хотел бы примириться с ним. Согласно Зюзину, Алексей сказал: "Мы [он и Никон] однажды дали клятву друг другу, что не бросим друг друга до смерти, а теперь он оставил меня одного справляться с моими врагами, видимыми и невидимыми". После этого царь (если мы примем то, что Зюзин заявлял Никону) объяснил, что он не в состоянии попросить Никона вернуться в Москву, потому что как бояре, так и епископы будут разгневаны, а также потому что не уверен, что Ни-

кон примет его приглашение. Поэтому царь попросил Ордина-Нащокина и Матвеева известить Никона через Зюзина, что будет счастлив, если Никон в тайне приедет в Успенский собор в Москве за пару дней до поминовения Св. Петра, митрополита Московского (21 декабря), чтобы присутствовать на заутренях. "И он, чудотворец [Св. Петр], поможет нашей дружбе и уберет прочь наших врагов".[203]

Зюзин сразу же записал все то, что рассказали ему его посетители, и нашел пути, чтобы переправить свое письмо Никону.

В течение ночи 18 декабря у ворот Москвы было задержано стражниками несколько саней. Будучи уведомлены, что в санях едут представители монастырских властей (они говорили, что из монастыря Св. Саввы в Звенигороде, которому благоволил Алексей), стражники позволили им въехать в город. Посреди заутрени в Успенском соборе Никон вошел в церковь в сопровождении нескольких монахов Воскресенского монастыря и встал у патриаршего места. Монахи Никона (поддержанные, как мы себе это представляем, кафедральным хором) запели обычное приветствие в адрес высших церковных иерархов: "Eis polla ete, Despota!" (Многие лета, Господи!).

Никон приказал местоблюстителю Ионе, митрополиту Ростовскому, подойти к нему. Никон благословил Иону и попросил его объявить царю о прибытии патриарха. В тот момент Алексей находился на заутреней службе в дворцовой часовне. Немедленно весь дворец пришел в возбуждение. Лигарид, русские иерархи, бояре бросились к царю. Перед лицом развернувшихся событий Алексей, будучи на грани нервного срыва, мог лишь беспомощно бормотать: "О, Господи, о, Господи!" Осуществились его худшие опасения: вместо того, чтобы встретиться с Никоном лицом к лицу и поговорить, прежде чем церковные иерархи и бояре смогут воспрепятствовать этому, Алексей оказался в окружении разъяренных и впавших в панику сановников, чей гнев мог бы обратиться против него, если бы он стал настаивать на личной встрече с Никоном. Алексей не выдержал нервного напряжения и сдался.

Вместо царя перед Никоном предстала делегация, состоявшая из князей Никиты Одоевского и Юрия Долгорукова, окольничего Родиона Стрешнева и дьяка Алмаза Иванова, спросившая от имени царя о причине его приезда в Москву, и передавшая ему приказ царя немедленно уехать. Ничего не объясняя, Никон вручил им письмо царю. Делегаты резко возразили, что они не уполномочены царем прини-

мать какие бы то ни было письма, и возвратились во дворец. Вскоре они вернулись, чтобы сообщить Никону, что царь позволяет им взять письмо, но повторили приказ о немедленном возвращении в Воскресенский монастырь.

Письмо Никона принесли во дворец и прочитали царю в присутствии иерархов и бояр. Никон писал в нем, что, прежде чем покинуть Воскресенский монастырь, он постился и молился Богу четыре ночи и три дня, и ему явился Св. Петр-чудотворец, приказав отправляться в Успенский собор.[204]

Письмо Никона не принесло никакой пользы. Бояре еще раз вернулись к Никону и приказали ему уезжать безотлагательно. Опального патриарха сопровождали в своих санях до предместий Москвы окольничий Дмитрий Долгоруков и Артамон Матвеев. Перед тем, как расстаться, Долгоруков сказал Никону: "Великий государь поручил мне спросить тебя, святейший патриарх, чтобы ты дал ему свое благословение и прощение". Никон ответил: "Бог простит его, если все это — не последствия его смуты". Долгоруков пришел в замешательство. "Какой смуты?" — спросил он. "Неужели ты не знаешь, что я получил известия?" — ответил Никон.

Когда Долгоруков доложил о словах Никона царю, Алексей немедленно послал митрополита Павла Крутицкого, Чудовского архимандрита Иоакима, Родиона Стрешнева и Алмаза Иванова вслед за Никоном, чтобы забрать у него то письмо, о котором он упоминал. Делегаты перехватили Никона на его пути в монастырь. Он отказался передать им письмо, но пообещал переслать его царю из Воскресенского монастыря через собственного посланника, что и сделал.

Царь показал письмо боярам. Зюзина допросили и он признался, что втайне переписывался с Никоном еще до отправления последнего письма. Когда Ордина-Нащокина и Матвеева спросили по поводу письма Зюзина, они стали все отрицать. Этого вполне можно было ожидать. Если бы они поступили иначе, это бы означало замешанность в деле не только их самих, но и царя. В их отречение вряд ли следует верить, поскольку помимо остальных обязанностей, Матвеев отвечал за стрелецкие дела. Без намека со стороны Матвеева офицер, командующий стрелецкой стражей в Воскресенском монастыре, никогда не позволил бы Никону отправиться в Москву.

Под пыткой Зюзин признался, что его заявление о роли Ордина-Нащокина и Матвеева было ложным. Он знал, что это был единствен-

ный путь спасти свою жизнь. Боярская Дума приговорила Зюзина к смерти, но царь смягчил наказание, приговорив его к высылке в Казань и конфискации имущества.[205]

Когда жена Зюзина — женщина со слабым здоровьем — получила известия об аресте и пытке мужа, она умерла. Конфискованные вотчинные земли Зюзина были включены в состав частных владений царя, управляемых Тайным приказом.[206]

IV

Когда Никон посылал царю письмо Зюзина, он также передал свое согласие на избрание нового патриарха (со своей последующей отставкой) с тем, чтобы выборы состоялись в соответствии с канонами, как он советовал четырьмя годами раньше.

Царь направил к Никону архимандрита Иоакима, чтобы получить письменное заявление касательно тех условий, на которых он согласился бы сложить с себя сан. Никон написал его[207], но в Москве по этому поводу не было принято никакого решения. О том, что развитие событий шло неблагоприятно для Никона, свидетельствует освобождение 20 марта митрополита Ионы от должности местоблюстителя, что стало наказанием за принятие благословения Никона при возвращении того в Москву.[208]

Письмо восточных патриархов, содержащее ответы на вопросы, поставленные Собором, дошло до Москвы 29 мая 1664 г. и его изучение заняло много времени у московских властей.[209] Как уже говорилось, в тех вопросах не упоминалось имя Никона, и восточные патриархи тоже не упоминали его в своих ответах. Вопросы были сформулированы таким образом, что ответы так или иначе содержали достаточно материала, чтобы признать виновным любого, имеющего отношение к описанным проступкам. Но, несмотря на это, патриархи с большой осторожностью обходили прямой ответ на вопрос, виновен ли в тех самых проступках тот человек, о котором идет речь.

Ответы были написаны по-гречески. Лигарид перевел их на латынь, а какой-то москвич переложил их на русский с латыни. В русский текст попало несколько неточностей. Так, в ответе на вопрос об обязанности епископа или патриарха подчиняться царю русский перевод гласит, что епископ или патриарх обязан подчиняться царю "во всех вопросах" вместо "во всех политических вопросах", как написано в греческом оригинале. Неизвестно, сознательно ли сделан

этот пропуск Лигаридом (в его латинском переводе), или русским переводчиком, или оказался случайным. По всей вероятности, он был преднамеренным. Во всяком случае, ему суждено было сыграть определенную роль в решениях Собора.

Между прочим, существовало различие во взглядах между патриархами Константинопольским и Иерусалимским, с одной стороны, и Александрийским и Антиохийским — с другой, в их отношении к проблеме Никона. Как патриарх Дионисий Константинопольский, так и патриарх Нектарий Иерусалимский поддерживали в этом конфликте Никона. Помимо того, оба они считали Лигарида тайным католиком и интриганом. Нектарий еще в 1660 г. предал Лигарида анафеме.

В 1664 г. Нектарий написал царю, что Никон всего лишь защищал свои патриаршьи полномочия в духовных делах и вполне справедливо протестовал против вмешательства в них светских чиновников. Подписывая послание восточных патриархов, содержавшее их ответы, Нектарий добавил свое собственное мнение, что патриарха могут судить только епископы и что того патриарха, о котором идет речь, следует пригласить на заседание совета, чтобы он представил свои объяснения по данному вопросу. Если патриарх, вызванный на суд, не признает авторитет суда епископов, у него есть право апеллировать к патриарху Константинополя и другим восточным патриархам.[210]

И Дионисий, и Нектарий отказались приехать в Москву для участия в Соборе.

Патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский согласились приехать. Лигарид позднее заявлял, что их убедило красноречие московского посланника (фактически, агента Лигарида), дьякона Мелетия (грека). Следует добавить, что Макарий прекрасно знал из своего личного опыта (следует вспомнить о его посещении Москвы в 1655-1656 гг.), поездка в Москву обещает богатые подарки и приношения.

При таком положении дел для Лигарида возникла довольно неловкая ситуация. Один из греков, симпатизировавших Никону — митрополит Иконойский Афанасий — объявил, что согласно его сведениям, документ, дарующий Лигариду полномочия экзарха, является фальшивкой, как оно и было на самом деле. Он был сфабрикован друзьями Лигарида в Константинополе.

В январе 1666 г. царь Алексей послал в Константинополь в качестве своего тайного агента надежного человека — Савву, келаря Чу-

довского монастыря, чтобы тот выяснил правду. Патриарх Дионисий сказал Савве, что Лигарид обращался к нему с просьбой предоставить ему полномочия своего экзарха, но получил категорический отказ. Дионисий добавил, что на православном Ближнем Востоке хорошо известно, что Лигарид является римским католиком.[211]

Царь находился в затруднительном положении. Объявить о греховности и двуличии Лигарида означало бы не просто развязать общественный скандал, но и лишило бы его главного помощника в деле Никона, поколебало бы весомость обвинений и подорвало авторитет Собора. Короче говоря, это разрушило бы всю пирамиду обвинений против Никона.

Поэтому царь и бояре решили утаить сведения, привезенные Саввой, и попытаться реабилитировать образ Лигарида всеми возможными средствами. Скорее всего, по совету Лигарида тот самый дьякон Мелетий, который убедил Паисия и Макария принять участие в московском Соборе, был послан, чтобы перехватить их в Астрахани, с особыми указаниями — попросить их не держать никакого зла против Лигарида, пока они не расследуют все обстоятельства.

По мере приближения к Москве, Паисий и Макарий стремились сделать как можно больше, чтобы доставить удовольствие царю. Кроме того, они прекрасно понимали, что в случае падения Лигарида их собственное положение может стать неопределенным. И, конечно, они знали, что если уступят желаниям царя, то могут ждать больших подарков с его стороны. Как говорит А.В. Карташев, распаленные алчностью патриархи [Александрии и Антиохии], приняли Лигарида как своего друга и помощника в суде над Никоном.[212]

Прибывшее в Москву 2 ноября 1666 г., Паисий и Макарий были приняты с большими почестями. Царь дал Лигариду задание посвятить патриархов в смысл основных обвинений против Никона и в распорядок работы Собора.

Хотя Паисий и Макарий сделали вид, что верят в законность верительных грамот Лигарида, они, конечно же, знали, что эти бумаги фальшивые. Но не знали они в тот момент, что законность их собственных полномочий оказалась под вопросом. Как только патриарх Константинопольский Парфений IV (преемник Дионисия) получил известия об отъезде Паисия и Макария в Москву, он объявил их патриаршие престолы вакантными, а синод греческих епископов назначил новых патриархов Александрии и Антиохии.[213]

V

До официального открытия Собора дело Никона обсуждалось два дня на большом собрании в царской трапезной во дворце. На этом собрании присутствовали патриархи Паисий и Макарий, Лигарид, ряд ближневосточных и русских епископов и настоятелей, бояре, окольничие и думские дьяки. Были зачитаны и обсуждены выводы Лигарида по поводу обвинений против Никона, после чего собрание подтвердило, что Никон виновен по всем пунктам и подлежит смещению со своего поста. Поскольку состав этого собрания был практически таким же, что и состав Собора, результат дела был определен еще до суда.[214]

Официальные заседания Собора начались 1 декабря в том же помещении.[215] Патриарх Никон был доставлен к этому дню в Москву. Он взял с собой рукопись "Возражения", но ему не позволили представить ее на рассмотрение Собора.

Чтобы подчеркнуть, что его больше не признают патриархом, Никона продолжительное время держали перед закрытыми дверями в зал собрания. Однако когда ему позволено было войти все встали. Никон, все еще считая себя патриархом, прочел молитву о здоровье царя и его семьи, патриархов и всех христиан. Затем пристав указал ему на простую скамью. Но, он остался стоять перед царским троном. Так же поступил и царь.

Царь Алексей, приблизившись к тому месту, где сидели патриархи Александрии и Антиохии, открыл совещание Собора заявлением о жалобах на Никона, которого он обвинил в самовольном оставлении патриаршего престола, в оскорблениях в адрес царя и бояр, в поношении свода законов и отношения царя к церковным делам, в заявлениях, что русская церковь оскверняется вмешательством Лигарида в ее дела, и в прочих проступках. Затем, обращаясь к двум присутствующим восточным патриархам, царь попросил их допросить Никона по всем этим пунктам.

Никон в свою очередь спросил Паисия и Макария, дали ли патриархи Константинополя и Иерусалима свое согласие на суд над ним. Паисий и Макарий указали на подписи Дионисия и Нектария под совместным посланием восточных патриархов. Они не осмелились упоминать о полномочиях Лигарида, якобы полученных от патриарха Константинопольского. Между прочим, Лигарид, хотя и присут-

ствовал на Соборе и руководил его делами за сценой, на заседаниях пытался по мере возможности быть незаметным.

Допрос Никона продолжался на протяжении всего первого дня заседаний Собора, но на следующее заседание 3 декабря его не пригласили. Несмотря на отсутствие Никона, царь и бояре продолжали излагать свои жалобы и обвинения.

Никона вызвали на следующее заседание 5 декабря. Допрос вели Паисий и Макарий совместно с царем. Никон защищался. Когда царь попытался удержать его в благоговейном страхе перед авторитетом патриархов Александрии и Антиохии, Никон дерзко сказал патриарху Макарию: "Здесь вы держитесь высокомерно, но какой ответ вы дадите патриарху Константинопольскому?" К этому времени тот факт, что от них отрекся патриарх Парфений, стал известен Паисию и Макарию и ограниченному числу участников Собора. То, что Никон упомянул об этом, явилось раскрытием дипломатической тайны и совершенным шоком для руководителей Собора. Некоторые иерархи и бояре стали возмущенно протестовать, что Никон бесчестит восточных патриархов.

По совету царя Паисий и Макарий приказали, чтобы от Никона убрали крест, который всегда несли перед ним, как перед патриархом. Никону сказали, что его отрешат не только от сана патриарха, но и от священства, и объявят простым монахом (даже не иеромонахом).

Заседание Собора, вынесшее окончательный вердикт, состоялось 12 декабря, но не в царском дворце, а в патриарших палатах. Царь, избегавший щекотливых ситуаций, не появился. Он послал противников Никона — князя Никиту Одоевского и боярина Петра Салтыкова — чтобы те действовали от его имени. Никон не был допущен на собрание, ему было велено ожидать решения в передней. Когда Собор утвердил приговор, его члены проследовали в часовню Чудова монастыря. Никону было приказано следовать за ними. Затем ему зачитали приговор. Он был построен на основании приписываемых Никону грехов: оскорблял царя, вмешиваясь в дела, находящиеся вне патриаршей юрисдикции; по своей воле отказался от сана патриарха и оставил свою паству; основал монастыри с противозаконными названиями; называл себя "патриархом Нового Иерусалима"; он разграблял собственность других людей, чтобы обогатить свои монастыри; препятствовал назначению нового патриарха в Москве; оскорблял Собор своими обличениями;

как патриарх, был жесток по отношению к епископам.

За эти приписываемые ему преступления "Мы — патриархи учинили его всякого священнодействия чужда и чтобы он архиерейская не действовал, обнажили его омофора и епитрахиля... Именоваться ему простым монахом Никоном, а не патриархом Московским... Место же его пребывания до кончины жизни его назначили в монастыре, чтобы ему беспрепятственно плакаться о грехах своих".[216]

Собор постановил, чтобы Никон был отправлен в Ферапонтов монастырь в районе Белоозера. Его должны были сопровождать два иеромонаха, два дьякона, монах и двое мирян. Никона посадили в сани и под конвоем стрельцов увезли из Чудова монастыря. Толпа людей, почитавших Никона, как мученика, следовала за санями. Всякий раз, когда Никон пытался обратиться к ним, архимандрит Сергий, отвечавший за доставку Никона, препятствовал ему. Когда прежний управляющий Никона, обращаясь к Сергию, назвал Никона "патриархом", Сергий начал оскорблять его. Человек из толпы поклонников Никона с негодованием закричал на Сергия: "Кончай гавкать. Никон — патриарх Божьей волей, а не твоей".

Никона оставили на ночь в Москве. Отправка в место ссылки была запланирована на следующий день, 13 декабря. Во избежание бунтов агенты правительства распространили дезинформацию о том, что Никона повезут по улице Сретенка. Там собрались толпы с самого раннего утра, но Никона отправили другим путем и, таким образом, удалось избежать стычек.

К моменту отправки Никона царь прислал ему денег и роскошную меховую шубу. Никон отказался от подарков, несмотря на то, что был одет не достаточно тепло, чтобы защититься от сурового холода. По всему пути к Белоозеру толпы людей собирались, чтобы выразить ему свою симпатию. Стрельцы постоянно разгоняли эти толпы.[217]

Поезд Никона добрался до Ферапонтова монастыря 21 декабря. Архимандрит Иосиф, назначенный стражем Никона, получил следующие указания: "Наблюдать, чтобы Никон не писал писем и не получал их; запретить кому-либо оскорблять его; запретить ему вмешиваться в монастырские дела; снабжать его пищей и прочими необходимыми вещами, согласно его потребностям".

Однако оказалось не так-то просто полностью изолировать бывшего патриарха от внешнего мира.

VI

Покончив с Никоном, Собор обратил свое внимание на старообрядцев.

К 1666 г. движение старообрядцев широко распространилось на севере России и в районе Нижнего Новгорода, имело оно и верных последователей в Москве. Аввакум, находясь в ссылке в Мезени, активно защищал и пропагандировал "старую веру". Мощный центр сопротивления никонианству сложился в Соловецком монастыре. В Москве верующих поддерживала боярыня Морозова.

В связи с судом над Никоном старообрядцы и симпатизировавшие им прониклись новой надеждой, что их взгляды возобладают в правительственных кругах. Неронов, который формально признал официально установленную церковь, продолжал свое противостояние Никону и предложил собрать новый церковный Собор для примирения старообрядцев и епископов, верных правительству. Священник Никита Добрынин из Суздаля составил петицию в защиту догматов старообрядцев. Она была хорошо аргументирована и написана в мягком тоне.[218]

Царь созвал Собор в конце апреля 1666 г., пригласив лидеров старообрядцев, включая Аввакума, и симпатизирующих им. Но надежды Неронова на Собор не оправдались.[219]

Царь и бояре приняли все меры предосторожности, чтобы крепко держать в руках направление работы Собора. Действительными членами Собора были признаны только епископы и архимандриты. Секулярное духовенство (протопопы и священники) не имели голоса при принятии решений. Лояльность предполагаемых членов собора проверяли перед открытием заседаний, предложив каждому из них три вопроса.

Вопросы (по-видимому, предложенные Лигаридом) были следующими: (1) Являются ли восточные патриархи православными? (2) Являются ли греческие книги православными? (3) Являются ли решения церковного Собора 1654 г. законными? (Следует вспомнить, что на том соборе — при Никоне — было принято решение пересмотреть русские церковные руководства, чтобы приспособить их к греческим книгам).

Члены Собора представали перед царем и, без предварительного обдумывания, давали немедленный ответ. Несомненно, им было ясно,

что утвердительный ответ на них являлся предпосылкой участия в деятельности Собора. Каждый подписывал свое заявление, и таким образом, можно было ожидать, что все они будут на заседаниях Собора поддерживать правительство.

Александр из Вятки был единственным из приглашенных епископов, который симпатизировал движению старообрядцев. Подписав заявление, он решил прекратить открытое сопротивление официальной церкви и подписал специальное отречение от всех своих предыдущих протестов против никонианских книг. Многие старообрядцы и их поклонники, включая Неронова и монаха Ефрема Потемкина, тоже заявили о своем раскаянии.

Петицию Никиты Добрынина вручили Лигариду для изучения. Поскольку Лигарид не знал русского языка, перевести эту петицию на латынь было поручено ученому западнорусскому монаху Симеону из Полоцка (Полоцкому), проживающему в Москве с 1663 г. и сделавшему здесь блестящую карьеру. Лигарид написал возражение на эту петицию. Симеон, развивая аргументацию Лигарида, составил довольно длинный трактат против взглядов Никиты и прочих старообрядцев под заголовком "Жезл правления".[220] На Соборе использовались выдержки из книги Симеона, и петиция Никиты, как это и можно было предположить, была отвергнута, несмотря его протесты.

Собор постановил лишить Никиту, Аввакума и дьякона Федора, нежелающих никаких компромиссов с официальной церковью, духовного сана. Это было публично совершено в Успенском соборе. Вслед за этим, все трое были изолированы друг от друга, но некоторое время их держали в заключении в одном и том же монастыре. Никита и Федор не смогли выдержать сурового режима одиночного заключения, и подписали свое отречение от старой веры. Но ничто не могло сломить решимости Аввакума, и через некоторое время он был переведен в новое место заточения — монастырь Св. Пафнутия в Боровске.

Дело старообрядцев было предложено вниманию патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского на заседаниях Собора 1666-1667 гг. Их главным консультантом, как мы знаем, являлся Лигарид. Свои возражения на петицию Никиты Добрынина он дополнил примечаниями и представил их на рассмотрение патриархам. Лигарида поддерживал еще один грек — архимандрит Дионисий из Иверского монастыря на горе Афон, который проживал в Москве с

1655 г., знал русский язык и служил издателем в Печатном дворе. Дионисий презирал традиции русской церкви и считал их невежественными. Однако он не был компетентным богословом, а сводил все дебаты на более низкий уровень, говоря о разнице в деталях церковного ритуала, обвиняя русских в искажениях и ересях.[221] Тем не менее, его меморандум явился основанием для того, чтобы Собор вынес решение о виновности старообрядцев.

Собор аннулировал решения Стоглава 1551 г., обвинив Макария, который в то время был митрополитом, в невежестве и софистике. По словам Карташева, Собор 1667 г. "посадил на скамью подсудимых всю русскую московскую церковную историю, соборно осудил и отменил ее".[222]

Чтобы окончательно решить судьбу старообрядцев, как движения, Собор проклял их и предал анафеме. В добавок к этому, он рекомендовал царю считать старообрядцев еретиками и схизматиками (раскольниками) и использовать всю мощь своей власти, чтобы наказать их.

26 августа 1667 г. царь приказал, чтобы Аввакум, Никифор, Лазарь и Епифаний были сосланы в Пустозерск. В добавок к этому, Лазарю и Епифанию отрезали языки, что полагалось за богохульство.

VII

После свержения Никона царь и епископы должны были избрать нового патриарха. В январе 1667 г. их выбор пал на пожилого и бездеятельного архимандрита Троицкого монастыря Иоасафа (Иоасафа II в качестве патриарха). От него нельзя было ждать противостояния царю и боярам, чего нельзя было сказать о других церковных иерархах.

Царь Алексей принимал очень активное участие в суде над Никоном. Большая часть русских епископов также была против Никона и хотела от него избавиться. Однако немногие из них разделяли идеологические посылки обвинений против Никона, сформулированные Лигаридом, и одобренные царем и боярами.

Практической целью Лигарида было показать, что авторитет царя выше, чем авторитет патриарха, не только в государственных вопросах, но и в вопросах веры. В теоретическом же плане его аргументация являла собой выражение католической доктрины. Лигарид был достаточно осторожен, чтобы отрицать тот факт, что целый ряд от-

цов церкви выражает уверенность в том, что церковный авторитет (священство, sacerdotiuem) выше, чем государственный (царство, imperium). С другой стороны, Лигарид доказывал, что царь сочетает в своей личности оба типа власти и особенно — такой благочестивый царь, как Алексей. "У доброго царя будет еще добрее сын его, наследник. Он будет ... царь и вместе архиерей".[223]

Как только Никон сошел со сцены, русские епископы начали высказывать свое несогласие с попытками унижения авторитета церкви. Между прочим, они продолжили никонианскую линию аргументации. Местоблюститель митрополит Павел Крутицкий (занимавший эту должность до рукоположения Иоасафа в сан патриарха) и архиепископ Илларион из Рязани стали выразителями идей тех епископов, которых старообрядцы окрестили "никонианцами", поскольку те разделяли взгляды Никона на взаимоотношения между церковью и государством. Патриарх Паисий Александрийский заявил: "Те являются никонианцами и папистами, кто пытается сокрушить царство и возвысит священство". Однако, в конце концов, греки согласились на формулировку, приемлемую для русских епископов: "Царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх — церковных".[224]

Русские епископы не ограничивали себя в том, чтобы обеспечить теоретическое подтверждение равных прав патриарха и царя, каждого — в своей сфере: они хотели быть уверенными, что теория будет воплощена в практику, и требовали, чтобы Монастырский приказ, против которого Никон сражался с такой решимостью, был упразднен. Царю оставалось только уступить епископам, чтобы вознаградить их за выступление против Никона на заседаниях Собора. Соответственно, то, в чем он отказывал Никону, он даровал теперь прежним противникам Никона, ставшим его новыми последователями. Монастырский приказ был закрыт, и духовенство было освобождено от юрисдикции светских судов.

Глава 6

РУСЬ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ (1667-1682 ГГ.)

1. Восстание Разина (1667-1671 гг.)

I

Бунт донских казаков и крестьян под предводительством Степана Разина был яростным выражением оппозиции московским способам управления и тяготам общественного строя Московии, многие годы копившейся в различных слоях населения Руси.[1] Разинское восстание являлось частью серьезного кризиса, или точнее, комплекса кризисов, которые терзали Московское царство на всем протяжении второй половины XVII столетия и был преодолен лишь крайним напряжением его сил и при поддержке политической и социальной основы нации — дворянства, консервативных элементов посадских и старшины донских казаков. Большая часть высшего казачества Слободской и Левобережной Украины тоже поддерживали царское правительство.

В начале правления царя Алексея города бурлили недовольством, проявившимся в серии восстаний (Москва, 1648 г.; Новгород и Псков, 1650 г. и т.д.). Однако интересы посадских в определенной степени защитил Земский Собор 1649 г. и одобренный им свод законов (*Уложение*). Даже после этого они все еще облагались тяжелыми налогами и несли различные повинности в пользу правительства. Только высший класс купцов (*гости*) были освобождены от тягот этих повинностей. Чтобы удовлетворить интересы купцов, в особенности группы оптовых торговцев, царское правительство в 1667 г. издало

Новоторговый Устав. Бояр и дворянство удовлетворили предоставленные им Уложением гарантии их прав на крестьян, по которым владельцы вотчин и поместий могли требовать возвращения беглых крепостных без ограничения срока.

Изнуряющие годы войны с Польшей, ее союзниками (крымскими татарами) и Швецией (1654-1667 гг.), а также непрекращающиеся проблемы на Украине подвергали всю структуру Московского царства постоянному напряжению. Инфляция, последовавшая за провалом эксперимента с медными деньгами, привела к крупным волнениям в 1662 г. Финансовые реформы следующего года, упразднившие медные рубли, лишь частично оздоровили сложную ситуацию.

Войны требовали постоянной мобилизации боярской и дворянской кавалерии, в связи с чем практически ежегодно владельцы и держатели земли со своими свитами не присутствовали в собственных владениях значительную часть года. Это не могло не привести к ослаблению контроля боярских и дворянских управляющих имениями за крестьянами, которые, воспользовавшись ситуацией, толпами бежали из имений, к которым были прикреплены, а по пути часто разоряли господские дома. Взятые в целом, подобные случаи означали начало массового крестьянского движения, особенно в областях Рязани, Тамбова и Воронежа.[2] Многие беглые находили себе пристанище на средней и нижней Волге (где всегда была нужда в матросах и грузчиках), а также на Украине и на территории донских казаков.

Правительство предпринимало все меры, на которые оно было способно, чтобы арестовывать и возвращать беглых, однако реализовывать соответствующие указы было трудно. Основным принципом как у донских, так и у запорожских казаков являлся отказ в выдаче любого, ищущего убежища. На Украине каждый последующий гетман клялся Москве возвращать беглых, не имея большого желания на деле производить выдачу.

Духовно Москва тоже была ослаблена, ослаблена расколом. Предание староверов анафеме на Великом церковном Соборе 1666-1667 гг. сделало раскол непоправимым. Староверы открыто проявляли непокорность. Монахи Соловецкого монастыря на Белом море отказались принять никонианских священников и книги, а когда Москва направила для исполнения приказа воинское подразделение, монахи восстали против правительства (1668 г.). В господствующей православ-

ной церкви многих потрясло жестокое обращение с патриархом Никоном. Целые группы верующих сожалели о его положении, навещали его, заключенного в Ферапонтовом монастыре на севере Руси, и продолжали обращаться к нему как к патриарху Всея Руси. Возмущение низложением Никона открыто высказывалось на Украине и среди донских казаков тоже.[3]

В 1650-х и 1660-х гг. недовольство донских казаков усилилось в связи с изменениями в международных отношениях. Альянс украинского гетмана Выговского с крымскими татарами привел к возобновлению татарских нападений не только на пограничные области Московии, но также и на земли донских казаков. Московское же правительство было слишком глубоко вовлечено в дела Польши и Украины, чтобы оказывать существенную помощь донским казакам, которым турки и крымские татары преграждали выход к Азовскому и Черному морям.

Как и запорожцы, группы предприимчивых казаков имели обыкновение совершать набеги на турецкие и татарские территории побережья Азовского и Черного морей. Эти набеги наносили туркам и татарам существенный ущерб, а в случае успеха доставляли казакам не только удовлетворение от освобождения соотечественников, томящихся в турецком и татарском рабстве, но и богатую добычу.

Крупная кампания против Азова, подобная предпринятой в 1637 г., требовала серьезной попытки прорвать турецкую преграду, однако правительство Дона считало нужным избегать такой кампании, так как ее провал мог подвергнуть территорию Дона турецкому и татарскому нашествию, против которого была бы необходима поддержка Москвы, которая в то время была не состоянии ее оказать.

Между тем наплыв беглецов на Дон угрожал нарушить баланс между состоятельными казаками (так называемыми *"домовитыми"*) и бедными (*голытьбой*). Лишь немногим из вновь прибывших удавалось найти работу. Поскольку большая часть из них являлись крестьянами, было бы естественным, если бы им выделили землю для обработки. Однако это противоречило основному древнему закону донских казаков, который запрещал на их территории заниматься сельским хозяйством. Этот закон был нацелен на предотвращение образования больших земельных владений из опасений развития крепостного права. Трудности добывания средств к существованию на Дону вынуждали многих новичков присоединяться к голытьбе в пред-

приятиях, обещающих легкую добычу.

Поскольку путь на Черное море преграждал приказ Донского правительства, внимание предприимчивых элементов из казацкой голытьбы обратилось к Волге и Каспийскому морю. Суда московитов, доставляющие товары из Нижнего Новгорода в Астрахань, и торговые караваны, курсирующие по Волге, оказались доступной целью для отрядов искателей приключений. В 1659 году московское правительство выразило недовольство случаями грабежей руководству Донской армии, после чего сами власти Дона, раздраженные действиями *воровских казаков*, взяли штурмом их лагерь и казнили несколько предводителей.

Эти репрессивные меры не могли остановить брожение среди бедных казаков, особенно вследствие того, что Донская армия имела тесные контакты с Запорожьем. Запорожье в то время находилось под влиянием правобережного украинского гетмана Дорошенко, стоящего в оппозиции к левобережному гетману Брюховецкому и, соответственно, в к Москве.

Украинские казаки, ранее переехавшие в Московию, тоже находились в мятежном расположении духа из-за вмешательства московских воевод в их свободы. К 1666 г. *чернь* Левобережной Украины взбунтовалась. В тот год, после подавления мятежа в Переяславе, значительное количество разбитых мятежников бежало на Дон. Там некоторые из них вступили в казачий отряд атамана Василия Уса.[4]

Летом 1666 г. эти казаки появились у Воронежа и попросили у городского воеводы разрешения пройти в Москву якобы для поступления на службу к царю. Воевода, догадываясь об их намерениях, не желал давать подобного разрешения. Казаки все равно продолжили свой марш на север, в направление Тулы. Их ряды быстро увеличивались за счет крестьян и боярских холопов из имений, встречавшихся на пути и в течение всего похода разорявших дома своих господ. Казакам удалось приблизиться к Туле, однако их силы оказались недостаточными, чтобы взять эту мощную крепость, и вскоре они отступили.[5]

Когда атаман Ус с товарищами возвратился на Дон, власти Донской армии арестовали его вместе с несколькими сподвижниками и подвергли всех порке.

Походы Василия Уса в пограничные области Московии произвели сильное впечатление на тамошних крестьян. Толпы желающих избежать крепостного права потянулись в северные пределы терри-

тории Донской армии. Эти беглецы увеличили на Дону количество недовольных. Удавшийся лихой налет показал казакам, что крестьяне, изнывающие под гнетом крепостного права, находятся в мятежном состоянии духа и можно рассчитывать на их присоединение и поддержку, если начнется широкомасштабное восстание.

II

Вскоре на Дону появился новый лидер, способный начать такое восстание, – Степан Тимофеевич (Стенька) Разин.[6] Разин, (тогда в возрасте, примерно, сорока лет) обладал деятельной натурой, был бесстрашным человеком могучего телосложения и необузданного, авантюрного нрава. В нем сочетались противоречивые свойства. Он мог быть великодушным и крайне жестоким. Он был дружелюбен и чужд всякого зазнайства. Даже после того, как его последователи объявили его великим вождем, он оставался доступным для каждого из них. Как и основная их часть, он любил попойки и веселые празднества. Он мог переносить огромные физические нагрузки. Что имело еще большее значение, Разин оказался смелым и находчивым военачальником с несомненными стратегическими способностями.

Разин принадлежал к состоятельной, "домовитой" семье. Правительство Донской армии часто доверяло ему дипломатические и военные миссии. Так, в 1660 г., Разин входил в донскую делегацию царского посольства к калмыкам. Два года спустя он вместе с другим представителем снова вел переговоры с калмыками о военной поддержке против крымских татар. В 1663 г. Разин командовал отрядом донских казаков, которые при помощи калмыков и запорожцев воевали с татарами.[7] В 1661 г., после своей первой миссии к калмыкам, Разин был в Москве, по всей вероятности, в качестве члена Донской делегации, и оттуда совершил паломничество в Соловецкий монастырь на Белом море.[8]

По своему социальному положению Разин естественным путем стал бы уважаемым и влиятельным членом старшины Донской армии, но он выбрал другую судьбу, присоединившись к отчаянным бедным казакам и став их предводителем.

Морская экспедиция с соблазном сказочной добычи являлась для ее организатора наиболее перспективным способом завоевать авторитет среди казаков как богатых, так и бедных. Сама идея подобного похода отвечала предприимчивой природе Разина. Согласно тради-

ции донских казаков, всю добычу делили между участниками похода. Чаще всего бедный казак, как будущий член экспедиции, не имел средств на необходимое обмундирование и вооружение. В таком случае состоятельный казак предоставлял ему все, что нужно. За эту помощь ему отходила половина доли добычи получившего *вспоможение*. Предприятие напоминало совместную компанию.

Цели Разина простирались дальше финансовых дел экспедиции. Он связывал ее с честолюбивыми планами широкого политического значения. Лично для него успех предприятия такого рода мог дать возможность стать признанным лидером всей Донской армии, а не только казацкой голытьбы. Более того, Разин и его соратники думали масштабнее: вдохновляясь традицией Смутного времени, они мечтали о введении казацкой формы правления во всем Московском царстве. Успех запорожских казаков, начавших в 1648 г. украинское восстание против поляков, и борьба украинских казаков с Польшей и Москвой (в 1666 г. и позже) не могли не произвести впечатления на воинственно настроенных донских казаков.

Донские казаки, как запорожцы, традиционно выступали против крепостного права. Набег Василия Уса в 1666 г. выявил, что крестьяне в Московии находятся на грани бунта. Разин и его сподвижники были готовы возглавить этот бунт. Но прежде всего они должны были завоевать авторитет среди донских казаков, и успешная морская экспедиция казалась для этого наилучшим способом.

Ранней весной 1667 г. Разин в качестве будущего атамана запланированной экспедиции разместил свой штаб на донских островах, созданных весенним паводком, в излучине реки напротив излучины Волги. На его призыв собралось около тысячи бедных казаков и беглых крестьян.

Из этого стратегического пункта Разин мог угрожать Царицыну, а также поддерживать связь с новыми соратниками и налаживать снабжение из районов Воронежа и Слободской Украины. Посадские Воронежа откликнулись, выслав Разину муку и свинец.[9] В Слободской Украине представители Разина наладили контакт с украинскими поселенцами, имевшими собственные претензии к московскому воеводе. Полковник острогожского казацкого отряда обещал Разину свою помощь, если начнется восстание против московского правительства.[10] Некоторые друзья Разина среди яицких казаков говорили, что район Яика может быть удобной базой для операций по ниж-

нему течению Волги и в Каспийском море.[11]

Разин принял их план. Чтобы привести его в исполнение, казаки должны были перевезти суда и припасы через волок между Доном и Волгой, затем спуститься по Волге в Каспий и пройти морем вдоль северного побережья к устью Яика. Достигнув Волги, казаки собрали флотилию, захватив дополнительные суда, включая морские.

Первым предприятием Разина на Волге стало нападение на крупный речной караван, следовавший из Нижнего Новгорода в Астрахань. Этот караван состоял из нескольких судов московского правительства (на одном из них перевозили высланных из Москвы в Астрахань) и нагруженных товарами лодок, принадлежавших купцам. Караван сопровождал отряд стрельцов. Для московской администрации стало угрожающим предупреждением то, что стрельцы отказались защищать караван от казаков. Люди Разина предали смерти всех представителей Москвы, освободили пленников и предложили рядовым стрельцам присоединиться к казакам. Многие так и поступили; другие просто разошлись.[12]

Затем разинские суда спустились вниз по Волге мимо Царицына и Черного Яра, воеводы которых были бессильны остановить их. Ниже Черного Яра казаки по самой восточной протоке дельты Волги вошли в Каспийское море. Двигаясь вдоль северного побережья, они дошли до устья Яика, поднялись по реке и захватили Яицкий городок. Здесь стрельцы гарнизона опять не оказали им сопротивления, однако отказались вступать в армию Разина. Большую часть из них казаки убили; спаслись лишь немногие.

На зиму 1667-1668 гг. Разин расположился в Яицком городке. В ноябре его посетили гонцы, доставившие письма от царя и руководства Донской армии. В обоих письмах Разина убеждали прекратить мятеж и возвратиться на Дон. Разин ответил, что в конце концов попросит у царя прощения.

Пока же он собирал суда и людей для запланированного им дерзкого предприятия — морского похода на западные и южные берега Каспийского моря. С исторической и геополитической точек зрения, эту экспедицию можно сравнить с набегами руссов на Закавказье в X веке.[13]

И когда он стоял в Яицком городке, и в начале каспийского похода Разин поддерживал связь со своими приверженцами в Донской армии. Около семи сотен из ее воинов присоединилось к разинской

экспедиции у Терского городка в устье Терека. На самом деле известие об успехе Разина взволновало всю Донскую армию. Его авторитет возрастал. Глава консервативной партии, атаман Корнилий Яковлев, вышел в отставку. Новым атаманом избрали Михаила Самаренина (Самарина), более приемлемого человека для казаков в их теперешнем настроении.[14]

Ситуация на Дону серьезно беспокоила московское правительство, особенно после того, как гетман Левобережной Украины Брюховецкий в январе 1668 г. начал мятеж против царя. 14 февраля Брюховецкий послал письмо донскому атаману "и всем князьям Дона", в котором призывал донских казаков поддержать восстание запорожцев против Москвы. Он советовал донским казакам действовать в содружестве с "*паном* Стенькой" (Разиным).[15]

Примерно в это время Разин, или от его имени соратники Разина, пытались установить связь с низложенным патриархом Никоном, содержавшимся в Ферапонтовом монастыре. Посланники казаков навестили там Никона весной 1668 г. Некоторое время спустя архимандрит Ново-Спасского монастыря Иосиф доложил царю, что видел двух из этих казаков, а Никон признался ему, что казаки, почитая его законным патриархом, предложили ему свою помощь в освобождении. Иосиф также утверждал, что Никон рассказал о том, что донские казаки навещали его и раньше, когда он находился в Воскресенском монастыре, и говорили, что, если будет на то его воля, они соберут достаточно казаков и боярских холопов, чтобы заставить царя возвратить его (Никона) на патриарший престол.[16]

23 марта 1668 г. Разин выступил из Яицкого городка на Каспийское море. Его флотилия состояла из двадцати четырех судов, на которых находилось шестнадцать сотен человек. Перед выступлением Разин вооружил свои суда пушками, захваченными в этой крепости.[17] Казаки разграбили мусульманские города западного побережья Каспийского моря от Дербента до Баку. Достигнув персидского города Решт на южном берегу, Разин предложил шаху свои услуги в обмен на земли, чтобы расселить своих казаков в Персии. Переговоры по этому поводу уже начались, когда жители Решта прервали их, напав на казаков, оказавшихся захваченными врасплох. Казаки потеряли четыре сотни людей, прежде чем отплыли в другой персидский прибрежный город, Ферахабад, который они безжалостно разорили. Ими были захвачено много пленников, и, овладев находившим-

ся поблизости мысом, они предложили персам обменять их на русских и других христианских пленников, которых у персов было немало (зима 1668-1669 гг.).[18]

Весной 1669 г. Разин разграбил туркменские владения на восточных берегах Каспия. Позже казаки установили свой штаб на Свином острове, южнее Баку. Шахский флот атаковал их там, но был разбит. Персидский адмирал, Манади-хан, ушел лишь с тремя судами. Сын и дочь адмирала попали в плен к казакам. Разин сделал девушку (красавицу, как говорят) своей наложницей.

Казаки затем решили, что настало время возвращаться домой. Разин отправил гонцов астраханскому воеводе, князю И.С. Прозоровскому, с выражением готовности просить царя о прощении и обещал впредь верно служить царю со всей своей армией. 25 августа 1669 г. воевода встретил Разина и его товарищей у входа в свой приказ. Казаки сложили персидские штандарты, захваченные во время своих рейдов, и передали привезенных с собой персидских пленных. Казаки настаивали, однако, на получении выкупа за этих пленных. Они также отказались расстаться с остальной добычей, так как каждый казак уже получил свою долю добытого и их нельзя было попросить отказаться от нее. Воевода опасался перечить казакам. Он посоветовал жившим в Астрахани персидским купцам выкупить у казаков пленников, а со своей стороны отказался от государственных пошлин, обычных при подобных сделках. Из пушек, захваченных казаками в Яицком городке и Персии, у Разина еще оставалась сорок одна. Он уступил воеводе двадцать одну, остальные оставив у себя. Он также передал морские суда, сохранив за собой речные. Казаки пробыли в Астрахани десять дней, веселясь и продавая местным жителям шелк и другие товары по символическим ценам. Неудивительно, что они снискали необыкновенную популярность. Астраханцы считали Разина гениальным предводителем, настоящим *богатырем*, подобным описанным в древних сказаниях.

Разин передал сына персидского адмирала князю Прозоровскому. И, хотя он был увлечен персиянкой, ему показалось предосудительным позволить ей сопровождать его в дальнейших кампаниях в качестве наложницы. Это противоречило бы правилу, установленному им для всех членов армии, и его соратники могли бы выступить против, если бы он нарушил правила. Но Разин не хотел и освободить девушку. Служивший царю матрос, датчанин Ян Янсен Стрейс, посетивший

лагерь Разина около Астрахани, рассказал, что в один из своих приступов бессмысленной жестокости Разин бросил несчастную персиянку в Волгу как подарок реке. "Ты прекрасна, о Река, я получил от тебя горы золота, серебра и драгоценных каменьев. Ты — отец и мать моей чести и моей славы, и я виноват, что до сих пор не поблагодарил тебя. Я больше не хочу быть неблагодарным".[19] Этот эпизод запечатлен в одной из многочисленных народных песен о Разине:

Однажды, когда Стенька [Разин] шел на лодке по морю, сидя на волшебном ковре и играя с казаками в карты, а его наложница, пленная персидская девушка, сидела рядом с ним, поднялся шторм. Товарищи Стеньки говорят ему: "Море сердится на нас. Брось девушку в море [чтобы успокоить его]". Стенька бросил девушку за борт, и море снова стало спокойным.[20]

Комментируя мотивы поступка Разина, Костомаров связывает их с пережитками народных верований древних языческих времен, когда реки (и море) почитались как божества, и люди традиционно приносили им жертвы.[21]

4 сентября казаки выступили из Астрахани вверх по Волге к Царицыну. Астраханский воевода советовал царицынскому коллеге не продавать казакам спиртное, предупреждая, что навеселе они могут буйствовать. Воевода Царицына не решился отказать казакам в вине, однако вдвое поднял на него цены, чтобы предотвратить большие продажи. Казаки пришли от этого в ярость и попросту убили воеводу. Из Царицына Разин возвратился на Дон и у Кагальника разбил свой лагерь.[22]

Оставив Дон два года назад незначительным командиром небольшого отряда искателей приключений, Разин вернулся на родину влиятельным атаманом с авторитетом могущественного руководителя успешного морского похода, давшего его последователям огромный военный опыт, а также сказочную добычу. Люди Разина передали половину своей добычи домовитым казакам, которые лично не принимали участия в экспедиции, но при ее подготовке снабдили оружием и обмундированием казаков, что позволило тем присоединиться к походу. Доходы, полученные от этой сделки, не могли не увеличить популярность Разина среди казаков вообще.

Когда стало известно, что Разин со своим штабом находится у Кагальника, туда потянулись толпы бедных казаков с Дона и с территорий севернее Дона, а также из Запорожья. В результате этого

донские казаки разделились на две группы: разинскую армию и регулярное Войско Донское с атаманом Корнилием Яковлевым, состоящее в основном из домовитых казаков. (Яковлева к этому времени еще раз избрали атаманом.)

Весной 1670 г. Разин со своими последователями появился в Черкасске, тогда являвшемся столицей Войска Донского, и силой прорвался на круг, где выбирали членов Донского посольства для сопровождения возвращавшегося московского посла — дворцового чиновника (*жильца*) Герасима Евдокимова. Разин спросил Евдокимова, кем он был послан на Дон, царем или боярами? Когда Евдокимов ответил, естественно, что его послал царь, Разин назвал его лгуном, избил и приказал бросить в Дон. Корнилий Яковлев выступил против беззаконного поступка Разина, но тот попросил его не лезть не в свое дело. "Ты управляешь своим войском, а я буду управлять моим", — крикнул Разин гневно. Яковлев молча отступил. Некоторые домовитые казаки попытались поспорить с Разиным, но он скомандовал и их тоже бросить в реку. Несколько дней Разин правил в Черкасске единовластно, но не рассчитывал делать это долго. Все, к чему он стремился, — это дезорганизовать и парализовать официальное правительство Войска Донского настолько, чтобы оно не могло помешать ему в реализации его дальнейших планов.

Из Черкасска Разин со своими людьми отправился вверх по Дону в Паншин. Там к армии Разина присоединился Василий Ус и его казаки. В совокупности под командованием Разина теперь находилось семь тысяч казаков. Такое войско может показаться смехотворно малым для попытки свергнуть могущественное царское правительство. Но Разин и Ус рассчитывали на поддержку своего движения со стороны крепостных и холопов, "молодших посадских", казаков Запорожья и Слободской Украины, а также всех недовольных. По собственному опыту Разин знал, что местные представители армии и администрации Московии слабы, а стрельцы не желают сражаться с казаками.

Разин объявил, что он восстает не против царя, а против бояр, которые держат царя в неволе. Также были распространены слухи, что у Разина в лагере находятся и покойный царевич Алексей (скончавшийся незадолго перед этим), и патриарх Никон. Никон в то время все еще содержался в Ферапонтовом монастыре, где тремя годами раньше он принял посланников Разина, но, по всей видимости, отказался от пред-

ложения казаков освободить его и возвратить к власти. Было бы весьма соблазнительно предположить, что Разин намеревался претворить в жизнь это предложение в случае своей победы. В этой связи летом 1671 г., то есть после поражения восстания Разина, Никон утверждал чиновнику, ответственному за его заключение, что заранее знал о разинском бунте из откровения Божия. Никон, судя по всему, считал это восстание Божьей карой царю за его роль в низложении Никона. Никон предупреждал, что, если решения Великого Собора не будут отменены, Россию постигнут еще большие бедствия.[23]

Казаки отправили гонцов, чтобы объявить свою программу населению Тамбовского, Пензенского, Симбирского и Нижегородского уездов.

Стратегия Разина, оказавшаяся весьма разумной, состояла в том, чтобы сделать реку Волгу основной линией своих военных операций. Его первый удар был направлен против Царицына. Посадские открыли казакам городские ворота. Воевода Тургенев (возможно, предок писателя Ивана Сергеевича Тургенева), с небольшим количеством оставшихся верными ему людей, укрылся в крепостной башне. Казаки взяли башню штурмом. Тургенев попал в плен и на следующий день был казнен.

Захватив Царицын, Разин перекрыл главную линию связи между Москвой и Астраханью. Московское правительство ответило, направив вниз по Волге к Царицыну отряд в тысячу стрельцов. Одновременно второй астраханский воевода, князь Семен Иванович Львов, вышел к Царицыну из Астрахани с двадцатью пятью сотнями стрельцов.

Сначала Разин столкнулся с отрядом стрельцов, посланных против него с верхней Волги. Он попытался переманить их на свою сторону, заявляя, что поддерживает царя против бояр, тогда как стрельцы выполняют распоряжения изменников-бояр. Стрельцы тем не менее оказали упорное сопротивление. Половина из них погибла в сражении, остальные попали в плен. Офицеров убили, а три сотни рядовых насильственно записали в гребцы разинской флотилии.

Разин затем развернулся против астраханской армии. Эта ситуация оказалась совершенно другой, поскольку во время своего пребывания в Астрахани в предыдущем году казаки завели там много друзей. Как только лодки Разина подошли к Черному Яру, где тогда стояло войско князя Львова, астраханские стрельцы перешли на сторону Разина (4 июня). Казаки зверски расправились с офицерами, а ря-

довых приняли в свою армию. Жизнь князя Львова пощадил Разин.

Воевода Астрахани, князь Прозоровский, торопливо готовился к обороне города от приближающейся армии Разина. Среди его помощников были датчанин Давид Бутлер (капитан недавно спущенного на воду корабля "Орел", стоявшего на якоре у Астрахани) и англичанин полковник Томас Бэйли, командир отряда московских солдат. Прозоровский мало надеялся удержать город, поскольку стрельцам доверять было нельзя, а вспомогательные войска калмыков и черкесов были малочисленны.

Когда казаки 24 июня подошли к Астрахани, стрельцы и посадские встретили их с энтузиазмом. Немногих приверженцев Прозоровского убили, а он сам получил в сражении тяжелые раны. Слуги принесли его в собор, где митрополит Иосиф совершил над ним обряд святого причастия. Скоро казаки выломали соборные ворота и захватили всех знатных людей, которые со своими семьями искали спасения в соборе. Казаки выволокли их на крепостной вал. Разин приказал сбросить Прозоровского с вала. Сотни других пленников тут же погибли от рук казаков. Тела бросили в общую могилу у Свято-Троицкого монастыря. Монах, стоявший около могилы, насчитал четыреста сорок одно тело.[24] Бутлеру, Бойлу, Стрейсу и нескольким другим иностранцам, состоявшим на царской службе, во время беспорядков удалось спастись.[25]

После казней в городе начался всеобщий грабеж. Казаки разорили административные здания, дома казненных и огромные склады товаров русских, персидских, индийских и бухарских купцов. Награбленное затем поделили между собой. Разин даровал городу казацкую форму правления. Население разделили на тысячи, сотни и десятки. Каждая группа избрала собственного начальника. Общий сход (круг) народа выбрал главных чиновников.

Разин оставался в Астрахани примерно четыре недели. Затем они начали готовиться к кампании против Москвы. 20 июля Разин выступил вверх по Волге. Василия Уса оставили командовать в Астрахани. Флотилия Разина состояла из двухсот судов; две тысячи конных казаков двигались вдоль берега. Подходя к Царицыну, казаки отправили свою астраханскую добычу на Дон.

Разин без затруднений овладел Саратовом и Самарой, а затем подошел к Симбирску. Воевода Симбирска, Иван Богданович Милославский, родственник первой жены царя Алексея, должным образом

подготовился к обороне. Тем временем другой воевода, князь Юрий Никитич Барятинский, спешил в Симбирск из Казани. Ядро войска Барятинского составляли два отряда московских солдат, подготовленных иностранными офицерами, однако они были не полностью мобилизованы и в общей сложности насчитывали только тринадцать сотен человек. 31 августа Барятинский вышел к окрестностям Симбирска. Пять дней спустя к Симбирску подошел Разин. Последовавшая кровавая битва не принесла решающих результатов, но в тот момент посадские Симбирска впустили казаков в город. Милославский, однако, еще удерживал внутреннюю крепость. Барятинский, видя, что его сил недостаточно для решения этой задачи, отступил, чтобы добрать солдат.

Разин осаждал симбирскую крепость основными силами своего войска, тогда как небольшие отряды казаков рассеялись между Окой и Волгой в районах Симбирска, Тамбова, Пензы и Нижнего Новгорода. После прихода казаков, или даже при известии об их приближении, крестьяне поднимались против своих господ, а посадские в городах — против воеводы и богатых купцов. Нерусские племена этих районов — мордва, чуваши и черемисы (мари) — присоединялись к движению. В каждом городе, принявшем власть Разина, казаки вводили свой тип правления с атаманом и народным кругом. В каждом случае воеводу и его помощников судили на круге. Тех чиновников, против которых выдвигалось много жалоб, казнили. Тех, с которыми население находилось в хороших отношениях, оправдывали.

Разин также отправил отряд казаков, под командованием Федора Шадры, на юго-запад для связи со Слободской Украиной. В 1668 г. Разин наладил контакт с полковником острогожского отряда Иваном Дзинковским, которому в этот раз сообщили о подходе Шадры. Ночью 9 сентября Дзинковский и Шадра вошли в Острогожск и убили воеводу и его помощников. На следующий день казаки Шадры и Дзинковского вместе с горожанами провели круг, на котором зачитали прокламацию Разина, призывающую к истреблению представителей царской администрации и богатых людей.

Восстание стало распространяться в направлении Коротояка, однако скоро столкнулось с сопротивлением со стороны старшины острогожского отряда. Заместителю полковника Острогожска при помощи казаков, отказавшихся присоединиться к мятежу, удалось арестовать Дзинковского и его штаб. Жена Дзинковского, Елена,

отправила гонца на Дон, прося помочь освободить ее мужа. Гонца перехватили московские солдаты. Елену арестовали. Дзинковскому и двум его помощникам 29 сентября в Острогожске отрубили голову, а месяц спустя казнили Елену. Многих участников восстания повесили.

Хотя выступление в Острогожске было подавлено, новые волнения начались в нескольких других городах этого района, таких как Тор (важный центр солеварения), Чугуев и Коротояк. Брат Степана Разина Фрол отправился в Коротояк, чтобы руководить движением.[26]

Если бы восстание в Слободской Украине началось на два года раньше, оно могло бы слиться с движением Левобережной Украины. Однако к 1670 г. старшина Левобережной Украины уже восстановила свое прежнее положение под руководством гетмана Многогрешного, присягнувшего царю. Многогрешный симпатизировал политике старшины Слободской Украины, а не восставшей черни. Поэтому он послал в Слободскую Украину сильный отряд левобережных казаков на подавление восстания. Москва внесла свой вклад, отправив в район волнений князя Ромодановского, и вскоре восстание было подавлено.

III

В сентябре московское правительство послало несколько войсковых подразделений в Окско-Волжский район, чтобы остановить там крестьянское восстание и оказачивание городов. Самым видным воеводой из направленных туда был князь Юрий Алексеевич Долгоруков, который разместил свой штаб в Арзамасе. Все командующие правительственными войсками жаловались, что их силы недостаточны для решения поставленной перед ними задачи. Было выслано подкрепление, но в большинстве случаев дополнительные отряды не смогли добраться до места назначения из-за нападений на них мятежников по пути следования. Тем не менее примерно в середине октября Долгорукову и его соратникам удалось укрепить свое положение, разбив несколько крупных групп восставших, и, таким образом, они смогли приступить к разработке контрнаступления, чему благоприятствовало и резкое изменение в общей ситуации.

В конце сентября князь Барятинский, получив некоторое подкрепление и дав своим солдатам отдохнуть, повел их обратно в Симбирск. 1 октября Разин потерпел сокрушительное поражение, через

два дня после которого он решил бежать с донскими казаками. Другую часть войска — добровольцев из Астрахани, Царицына, Саратова и Самары — он оставил у Симбирска, чтобы Барятинский не заметил его отступления.

Когда Барятинский получил известие об уходе Разина (слишком поздно, чтобы преследовать разинские лодки), он и Милославский с двух сторон атаковали оставшихся мятежников. Лишь единицы уцелели в этой бойне.

Разин планировал закрепиться в Самаре, однако горожане не пожелали впустить его в город. Саратов тоже отказался принять его, и Разину ничего не оставалось как возвратиться на Дон. Скоро он обнаружил, что и там атмосфера изменилась. Домовитые казаки восстановили свое влияние в донских делах, а престиж атамана Корнилия Яковлева рос с той же быстротой, с какой падал авторитет Разина. Войско Донское отказалось предоставлять Разину какую-либо дальнейшую поддержку.

В Окско-Волжском регионе, однако, восставшие продолжали оказывать царским воеводам упорное сопротивление даже после поражения Разина у Симбирска. Только к концу года там удалось полностью восстановить царскую власть. Жестокие наказания и массовые казни захваченных в плен мятежников в конце концов запугали население.[27]

В феврале 1671 г. Разин предпринял отчаянную попытку захватить контроль в донском правительстве в Черкасске, но попытка не удалась. Он отступил в Кагальник, надеясь набрать новых последователей. И снова не достиг цели. 14 апреля верные Яковлеву казаки взяли Кагальник штурмом и сожгли крепость. Разина арестовали и выдали Москве. Там его допрашивали, но он не заговорил даже под самыми страшными пытками. 6 июня его казнили.[28]

Единственным крупным городом, который восставшие продолжали удерживать после поражения Разина и даже после его смерти, была Астрахань. Опасаясь, что население скоро повернется против них, Василий Ус со своими сподвижниками установил в городе режим террора. Они арестовали и казнили всех потенциальных лидеров растущей оппозиции, включая митрополита Иосифа и бывшего второго воеводу князя Львова (11 мая 1671 г.).[29]

В конце концов царь отправил на усмирение Астрахани войска под командованием боярина Ивана Богдановича Милославского.

Флотилия Милославского подошла к Астрахани в конце августа. Отбив несколько атак восставших, Милославский разбил лагерь на северной стороне города. Князь Касбулат Муцалович Черкасский со вспомогательными отрядами кабардинцев осадил Астрахань с другой стороны.

Милославский решил, весьма мудро, не пытаться взять город штурмом, а дождаться изменения в настроении жителей Астрахани. Он объявил астраханцам, что царь простит их, если они сдадутся без боя. Более того, Милославский дал знать народу, что любой может придти в лагерь и поговорить с ним. Через некоторое время все больше астраханцев начало покидать ряды восставших и переходить на сторону царского воеводы. 26 ноября Астрахань сдалась, и на следующий день Милославский со своим войском вошел в город. Удовлетворенный народными изъявлениями верноподданничества, Милославский воздержался от каких-либо карательных мер. Не арестовали даже главарей.[30]

Только летом следующего года царь отправил в Астрахань князя Якова Одоевского, чтобы арестовать и предать суду руководителей восстания. Пятерых казнили; других выслали в центральную Русь и там взяли на царскую службу.[31]

Даже несмотря на то, что разинское восстание закончилось провалом, личность Разина и его лозунг об упразднении крепостного права произвели сильное впечатление на казаков и крестьянство по всей Руси. О нем сложили многочисленные песни и сказания, некоторые из которых исполняли в русских деревнях еще в начале двадцатого столетия.[32]

2. Раздел Украины (1667-1682 гг.)

I

Московскому правительству удалось, хотя и с большими усилиями, подавить восстание Разина, и острейшая фаза глубокого кризиса, охватившего Московское государство и общество в конце 1660-тых гг., была преодолена. Однако подспудные очаги недовольства сохранялись в огромной части русского народа. Голытьба донского казачества, пусть временно и усмиренная, оставалась непокоренной. Крестьяне Московии продолжали возмущаться крепостной зависимостью и бежать от нее на Дон и Украину.

Староверы, преданные анафеме Великим Собором 1667 г., стали

непримиримыми. Соловецкий монастырь держался против правительственных войск до 1676 г.

Сложная ситуация в Московии не могла не отражаться также и на украинских делах. Запорожские казаки традиционно поддерживали тесные контакты с донскими. Не только запорожцы, но и все украинские казаки не желали выдавать Москве беглых крестьян. По существу, конечно, украинский кризис середины 1660-тых гг. имел и собственные социальные и политические корни и усугублялся международным соперничеством — политикой соседей Украины: Московии, Польши и Турции.

В 1667 г. Москва отказалась в пользу Польши от своих притязаний на правый берег Украины (исключая Киев), поскольку Московия была истощена, а также потому, что правобережные казаки, руководимые своей старшиной, предпочитали объединиться скорее с Польшей или Турцией, чем с Москвой. Многих московских государственных деятелей раздражали так называемые постоянные измены казаков, и они придерживались мнения, что Москве лучше оставить казаков в покое. Если Москва должна контролировать левый берег, то этот контроль необходимо, по крайней мере, значительно усилить. Таковой была позиция выдающегося дипломата Московии того периода Ордина-Нащокина, человека, который провел переговоры о перемирии в Андрусово, а после этого руководил политикой Москвы в отношении казаков вплоть до своей отставки в 1671 г.

Польша тоже имела проблемы с непредсказуемыми правобережными казаками. В 1665 г. пропольский гетман Тетеря, опасаясь, что собственные люди выдадут его левобережному гетману Брюховецкому, бежал в Польшу. Несколько кандидатов начали борьбу за *булаву* (знак гетманства), успеха добился Петр Дорошенко. Сначала он признал сюзеренитет польского короля над казаками, однако вскоре его возмутило отношение поляков к украинскому народу, и он решил обратиться за защитой к турецкому султану.

После изменения отношения Дорошенко к Польше старшина правобережных казаков избрала своим гетманом Ханенко. Монах Гедеон (Юрий Хмельницкий), в 1667 г. вернувшийся на Украину и поселившийся в Уманском монастыре, поддержал Ханенко.

Цель Дорошенко состояла в том, чтобы восстановить единство Украины, захватив власть над обоими берегами Днепра. Для достижения этой цели он пытался использовать сначала помощь Польши

против Москвы, а затем поддержку турок и татар против обоих: и короля и царя. Его политика в конце концов привела к полному разорению правого берега Украины и окончательному разделу страны. Таким образом, она принесла результаты, прямо противоположные тем, которых Дорошенко намеревался достичь.

Первый шаг к разделу Украины, уступка Москвой правого берега Польше в 1667 г., разочаровал не только Дорошенко, но и всех украинских казаков, хотя именно на них (или, скорее, на аристократической части старшины) лежала ответственность за предательство Москвы и переход на сторону Польши в 1659 г.

Затем среди казаков левого берега Украины, до сих пор верных Москве, распространился слух, что царь намеревается передать их Польше, часть за частью. Это усилило всеобщее недовольство и разочарование, а также социальные противоречия между старшиной и рядовыми казаками, между гетманом и городами. И гетман и города видели в царе арбитра; обе стороны просили расквартировать на левом берегу московские гарнизоны. Города выразили готовность передать московскому воеводе деньги, собранные в качестве местных налогов и сборов. Однако, когда Москва прислала собственных сборщиков налогов и начала перепись населения Украины, народ восстал.

Первоначально гетман Брюховецкий, из-за ссор с городами, сам согласился на то, чтобы из Москвы прислали сборщиков налогов. Теперь, чтобы выжить, он свалил вину на Москву и решил порвать с царем. Брюховецкий прекрасно понимал, что в обратном случае население левого берега призовет Дорошенко в качестве руководителя движения против Москвы.

8 февраля 1668 г. казаки Брюховецкого взяли верх над московским гарнизоном. Затем Брюховецкий разослал приказы казацким командирам других левобережных городов делать то же самое. Одновременно Брюховецкий направил письмо донским казакам с призывом поддержать Разина и подниматься против Москвы.

В этих обстоятельствах Дорошенко потребовал, чтобы Брюховецкий признал его гетманом обоих берегов. Брюховецкий направил послов к покровителю Дорошенко, турецкому султану, прося его о защите. Султан распорядился, чтобы крымский хан дал в помощь Брюховецкому отряд татар. Татары появились, но предпочли не вмешиваться в усобицу между двумя гетманами.

В июне 1668 г. Дорошенко со своей армией подошел к селу Ди-

канька, но сторонники двух гетманов созвали "черную раду" и отказались сражаться. По знаку Дорошенко над Брюховецким учинили самосуд его собственные люди. Через несколько часов казаки обоих берегов хотели убить также и Дорошенко, но ему удалось спастись. На следующий день он появился снова и был признан казацкой армией гетманом обоих берегов.[33]

Дорошенко с войском вернулся в Чигирин, назначив черниговского полковника, Демьяна Многогрешного, своим заместителем (*наказным гетманом*) на левом берегу. Однако, как только войска Дорошенко ушли, в Северщине (Северской земле) начали проявляться признаки недовольства. Воспользовавшись переменой в настроении народа, командующий московитов, князь Ромодановский, повел свою армию в Чернигов и штурмом взял новую крепость, в которой до восстания Брюховецкого стоял московский гарнизон. Многогрешный тогда выразил Ромодановскому желание признать царскую власть, но на определенных условиях. Черниговский архиепископ Лазарь Баранович и нежинский протоиерей Симеон Адамович служили посредниками в предварительных переговорах между Многогрешным и царем Алексеем.[34]

В январе 1669 г. в Москве приняли посольство от Многогрешного и левобережной старшины. Было решено созвать в Глухове раду для избрания нового гетмана. Рада собралась во дворе штаб-квартиры Ромодановского. В ней приняли участие архиепископ Лазарь Баранович, старшина, делегаты от рядовых казаков и посадских. Три дня, с 3 по 5 марта, рада обсуждала условия восстановления царского протектората, доставленные Ромодановским из Москвы. Некоторые из этих условий вызывали возражения как со стороны архиепископа, так и со стороны старшины, но Ромодановский отказался внести какие-либо серьезные изменения. Рада, таким образом, оказалась перед дилеммой: либо принять московские условия, либо порвать с Москвой. 6 марта все члены рады подписали предложенные статьи. Основные пункты Глуховского соглашения заключаются в следующем:

1. Царь посылает своего воеводу в четыре города (в добавление к Киеву): Переяслав, Нежин, Чернигов и Остер. Функции воеводы ограничиваются военной — командованием московским гарнизоном. Воевода не вмешивается в дела местного населения. В случае появления жалоб на злоупотребления со стороны московских войск, вое-

вода судит обвиняемых с помощью представителей украинского (малороссского) народа.

2. Количество реестровых казаков устанавливается в тридцать тысяч человек.

3. Казаки, удостоенные *дворянства* (прав русских дворян), сохраняют его. Царь продолжает жаловать дворянством заслуживающих того казаков, по представлению гетмана и старшины.

4. Гетман, старшина и "вся армия" направляют в Москву постоянного посла.

5. Московские войска, служащие на Украине, расквар-тировываются в домах горожан и крестьян, но не казаков.

6. Московским солдатам запрещается называть украинцев "изменниками".

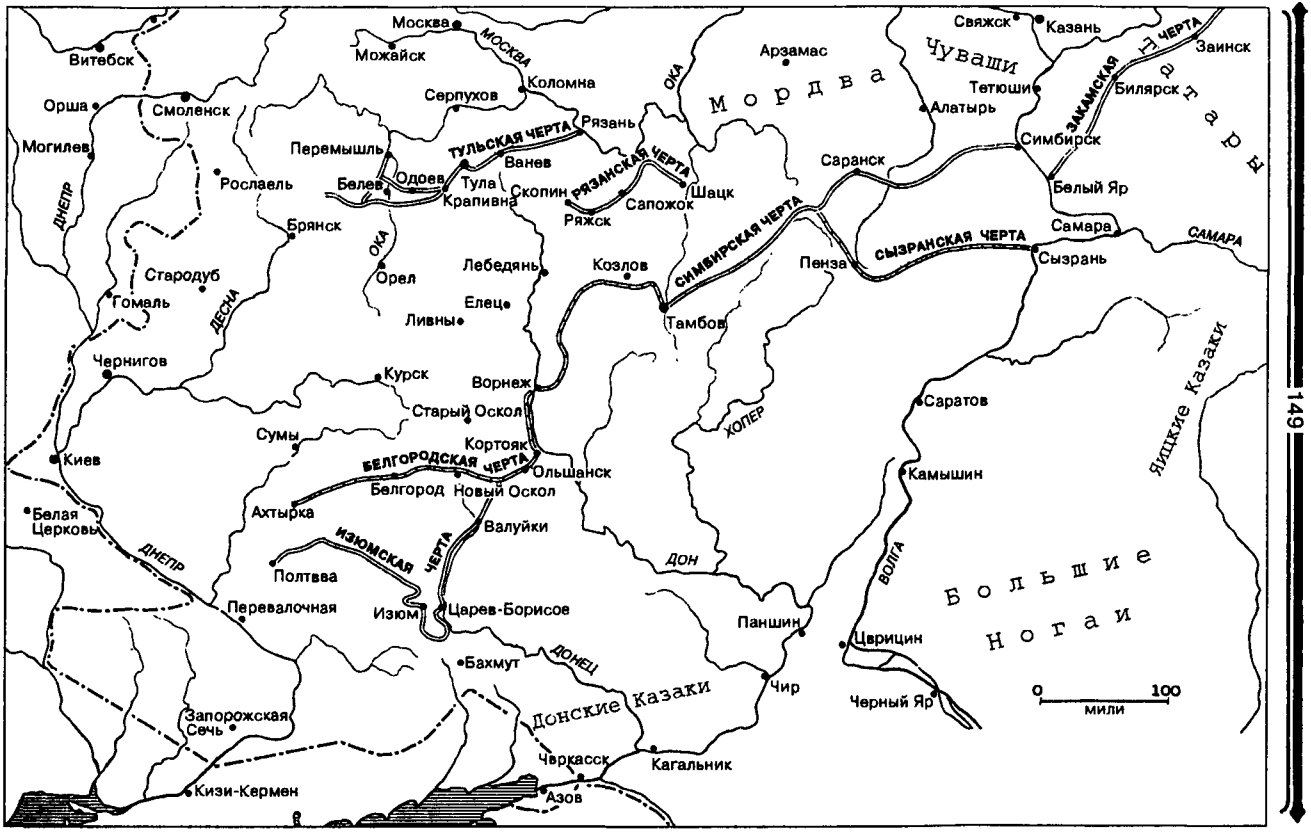
7. Делегаты от казаков присутствуют на московско-польских переговорах при обсуждении дел Малороссии, но избегают ссор [с поляками].[35]

После подписания участники рады проследовали на площадь перед собором. Там Ромодановский спросил, кто будет их гетманом. Единодушным ответом было: Демьян Игнатович (Многогрешный). Ромодановский передал Многогрешному царскую грамоту, после чего все присутствующие вошли в собор и присягнули на верность царю.

В Глуховских статьях нет ни единого слова о праве Москвы посылать в Малороссию сборщиков налогов. Московское правительство хорошо усвоило урок и не пыталось повторить этот эксперимент.

Дорошенко, будучи не в состоянии силой предотвратить отступничество Многогрешного, попытался дискредитировать нового левобережного гетмана, попросив Константинопольского патриарха отлучить его от церкви по основаниям морального порядка. Патриарх не желал делать этого, однако Дорошенко, являясь вассалом султана, оказал на прелата давление через турецкое правительство. Патриарх уступил. Многогрешный воззвал к царю. Алексей вступил в переговоры с патриархом, который объяснил свой поступок недостаточным пониманием сложной ситуации на Украине. Отлучение аннулировали.[36] Тем не менее авторитету Многогрешного среди украинского населения был нанесен определенный ущерб.

На 1670 г. приходился пик восстания Разина, и Москва не имела возможности проводить на Украине активную политику. К счастью для царя, Многогрешный и окружающая его старшина не сочув-



4. Фортификационные линии и южное направление Русской колонизации

ствовали ни разинской голытьбе, ни сторонникам Разина в Слободской Украине, а поддерживали воеводу, князя Ромодановского, в подавлении там восстания.

В январе 1671 г. в Москве произошло событие, которому суждено было сыграть исключительно важную роль как в непосредственной политике московского правительства, так и в будущем России. Первая жена царя Алексея, Мария Ильинична Милославская, умерла в марте 1669 г. Почти через два года Алексей снова женился. Его невестой стала Наталья Кирилловна Нарышкина, сирота из сравнительно бедной дворянской семьи. Ее опекуном был Артамон Сергеевич Матвеев, и именно в его доме царь Алексей впервые встретился с своей невестой. Несмотря на скромный официальный статус (Матвеев в тот момент являлся *думным дворянином*, членом Боярской Думы третьего чина), Артамон Сергеевич был одним из близких друзей и советников Алексея. Покойная жена Матвеева, Евдокия Гамильтон, происходила из Шотландии. Ее племянница, тоже Гамильтон, вышла замуж за дядю царицы Натальи, Федора Нарышкина. Из-за родственных связей между Матвеевыми и Нарышкиными Матвеев и стал опекуном Натальи.[37]

Вторая женитьба привела к смене людей, имеющих влияние при дворе и в правительстве. Родственники первой жены царя, Милославские, и все связанные с ними боярские фамилии постепенно утеряли свое былое влияние на царя. Матвеев стал ведущей силой в проведении внешней политики Москвы и управлении государством, особенно после отставки в том же году Ордина-Нащокина (его отставка не была связана с царской женитьбой). С 1669 г. Матвеев руководил *Малороссийским Приказом* (департамент Малороссии). В 1671 г. его назначили главой *Посольского Приказа* (департамент иностранных дел), но Малороссийский приказ остался в его ведении.[38] Из родов, связанных с Милославскими, оскорбленными себя почувствовали князья Голицыны. Военачальник, к которому Милославские относились враждебно, князь Григорий Григорьевич Ромодановский, получил от царя еще большую свободу действий, чем раньше.

Что касается будущего России, то 30 мая 1672 г. царица Наталья родила царю Алексею сына — здорового мальчика, которого нарекли Петром — ему суждено было стать первым русским императором, Петром Великим.[39]

После 1671 г. украинские дела полностью приняли на себя Мат-

веев и Ромодановский. Матвеев занимался общей политикой Москвы в украинском вопросе, а Ромодановский — военными задачами. Из-за подчиненности Дорошенко турецкому султану, Москва встала перед угрозой войны с Турцией. Ситуация, таким образом, стала исключительно напряженной и сложной, особенно в связи с тем, что, несмотря на все заверения в верности царю, гетману Левобережной Украины, Многогрешному, доверять было невозможно.

В 1669 г., из-за давления левобережного духовенства, старшины и рядовых казаков, Многогрешный счел необходимым покинуть Дорошенко и принять царский протекторат, подписав Глуховские Статьи. На самом деле Многогрешного возмущала суть статей, поскольку они означали увеличение над гетманом царской власти. Очень скоро он вступил в тайную переписку с Дорошенко.

Многогрешный не скрывал своего несогласия с Москвой по многим пунктам, и, напившись, мог вспылить, а напивался он нередко. Московское правительство стало относиться к нему с подозрением, и направило в резиденцию гетмана (город Батурин) отряд стрельцов в тысячу человек, с официальной целью защитить резиденцию от возможных нападений казаков Дорошенко и крымских татар.

Эта акция усугубила недовольство Многогрешного. Он не видел альтернативы переходу на сторону Дорошенко, и, чтобы расчистить дорогу восстанию, приказал капитану московских стрельцов уменьшить количество его людей в карауле. Чего Многогрешный не принял во внимание, так это настроения старшины. Они не пожелали последовать за гетманом и проинформировали капитана стрельцов о готовности Многогрешного к измене. Более того, ночью 13 марта 1672 г., группа старшины под руководством *обозного* (начальника квартирмейстерской службы) Петра Забелы взяла гетмана под стражу и отправила его в Москву. За доставку арестованного в столицу отвечал писарь казацкой армии Карп Мокревич. После ареста Демьяна его брат Василий постригся в монахи и бежал в Киев, где искал убежища под вымышленным именем в монастыре Киевского Братства. Когда об этом стало известно настоятелю монастыря, он раскрыл секрет московскому воеводе Киева, который немедленно приказал арестовать Василия и депортировать в столицу.[40]

В Москве Демьяна Многогрешного и его брата Василия судили за измену. Мокревич от имени старшины дал боярам показания, в которых обвинил гетмана в намерении начать против Москвы вой-

ну. Показания дали и несколько других людей, как русских, так и украинцев. Демьян Многогрешный сначала отвергал обвинения. Однако, после очных ставок с некоторыми свидетелями и пыток, он признал себя виновным в преступных намерениях. Обоих братьев, Демьяна и Василия, приговорили к смертной казни через отсечение головы. Казнь назначили на 28 мая в местечке под названием Болото, что в окрестностях Москвы. Оба брата были уже там, когда в последний момент от царя прибыл гонец с объявлением о замене смертной казни на ссылку в Сибирь.

Тем временем старшина решила созвать в Конотопе раду для выборов нового гетмана. Царь приказал князю Ромодановскому принять в ней участие. Заседания рады проходили в середине июня 1672 г. на берегу реки Красна, недалеко от Конотопа. Сначала зачли и подтвердили Глуховские статьи от 1669 г. Затем Ромодановский предложил несколько новых статей, и рада их одобрила. Среди новых статей были следующие:

1. Гетман не казнит и не смещает никого с поста без слушания дела в суде казацкой армии.
2. Гетман не поддерживает отношений с иностранными державами и с Дорошенко без разрешения царя и консультаций со старшиной в каждом конкретном случае.
3. При нападении на Польшу турок или Дорошенко избранный гетман не поддерживает их.
4. Гетман, старшина и казаки не предоставляют убежища беглым крестьянам из Московии.[41]

II

Выборы нового гетмана состоялись 17 июня. От имени царя Ромодановский объявил, что рада абсолютно свободна в своем выборе. Тогда гетманом единогласно избрали председателя суда казацкой армии Ивана Самойловича.[42] Сын священника, он начал свою карьеру в казацкой армии как писарь сотни. Затем он стал сотником, а впоследствии действующим полковником черниговского отряда. На Глуховской раде его выбрали председателем суда казачьего войска. Самойлович был умным, приятным человеком и знал, как заводить друзей. То, что его отец был священником, совсем не обязательно говорит об его неказацких корнях, поскольку у казаков, особенно в семьях старшины, существовала традиция позволять одному из сы-

новей принимать духовный сан. Самойлович оказался убежденным сторонником необходимости царского протектората для обеспечения безопасности Украины, и он оставался верным России во всех многочисленных перипетиях (несмотря на это, в 1687 г., во время регентства царевны Софьи, его враги в Москве и на Украине объявят его изменником, и царевна сошлет Самойловича в Сибирь).

Как практически у каждого украинского гетмана, у Самойловича были трения с Запорожьем, а многие члены старшины имели к нему претензии и жаловались на его авторитарный стиль. Многие считали его алчным. Несмотря на все это, он был довольно хорошим администратором и умелым военачальником. В международных делах Самойлович не доверял Польше и был уверен, что поляки, если им удастся подчинить Украину, попытаются уничтожить там Православие. По этим причинам Самойлович был против сближения Московии с Польшей.

Ромодановский, более одаренный военачальник, чем Самойлович, разделял отношение последнего к Польше. Два этих человека работали рука об руку и представляли собой эффективную команду.

Весной 1672 г. турецкий султан, в ответ на просьбу Дорошенко о помощи, направил в Подолию сильную турецкую армию. К экспедиции присоединился вассал султана, крымский хан. В августе турки осадили Каменец-Подольский, который считался самой мощной польской крепостью на Украине. Небольшой польский гарнизон отбил несколько турецких атак, но в конце концов сдался. Турки перестроили в мечеть римско-католический собор и несколько других церквей. Христианам оставили три храма: римско-католический, православный и армянский. Несколько польских девушек из семей шляхты силой увели в гаремы султана и пашей. Вскоре после установления в Каменце турецкого правления сам султан, Мехмет IV, торжественно вошел в город и проследовал в бывший костел, а теперь главную мечеть. Там в присутствии султана совершили обрезание восьмилетнему христианскому мальчику.[43]

Затем турки и казаки Дорошенко в Бучаче окружили поляков с отрядом верных им казаков под командованием гетмана Ханенко. Король Михаил вынужден был принять мир на унизительных для себя условиях: Польша должна была передать султану Подолию, а также все украинские провинции, удерживаемые Дорошенко; кроме того, Польша должна была выплачивать султану ежегодную дань.

Польский сейм не ратифицировал заключенный в Бучаче договор, и война продолжилась. И турки и поляки, по очереди, разоряли несчастный правый берег Украины.

Украинское население начало переселяться с правого берега на левый. Как Дорошенко, так и Ханенко полностью потеряли свой авторитет. На раде, состоявшейся в Переяславе в присутствии Ромодановского, Ханенко сложил с себя полномочия гетмана. Самойловича тогда избрали гетманом обоих берегов; Ханенко назначили полковником в Умань (17 марта 1674 г.). В заключение рады Ромодановский пригласил старшину обоих берегов на официальный банкет в своем штабе.

Во время банкета появился неожиданный гость: писарь армии Дорошенко, Иван Степанович Мазепа, который объявил о желании Дорошенко войти под царский протекторат. Ромодановский ответил, что готов принять Дорошенко в своей штаб-квартире, и Мазепа отбыл с этим известием.[44]

Однако Дорошенко передумал, и его войска, под командованием его брата Андрея, с помощью татар атаковали Черкассы и некоторые другие города. Ромодановский и Самойлович послали против напавших часть своей армии. Андрея Дорошенко в сражении ранили, его армию разбили и заставили отступить.

Петр Дорошенко тогда послал Мазепу к султану просить турецкие вспомогательные войска. Однако запорожский кошевой атаман Серко перехватил Мазепу на пути в Константинополь. Когда об этом стало известно Ромодановскому, он потребовал, чтобы Серко прислал Мазепу в его штаб. Серко уступил требованию, но написал Самойловичу, желая получить честное слово, что Мазепа не попадет в московскую тюрьму. После консультаций с Самойловичем Ромодановский отправил Мазепу в Москву. Самойлович написал царю личное письмо, прося того не заключать Мазепу под стражу.

В Москве Мазепе удалось завоевать уважение Матвеева, откровенно (внешне, по крайней мере) рассказав ему о своей деятельности у Дорошенко, а также проинформировав его (и, в целом, точно) о намерениях и основах политики Дорошенко, а также турок и поляков.

Как и Выговский, Мазепа принадлежал к дворянскому роду; он был убежденным православным; приверженцем политики и культуры Польши; хорошо образованным одаренным человеком и беспринципным политиком. На московских бояр произвели впечатление его

ум и знание политической ситуации на Западной Украине. Царь принял и одарил Мазепу, после чего бояре отправили его в Чигирин с письмом царя к Дорошенко, в котором того побуждали встать на сторону Москвы. Мазепа пообещал боярам, что, доставив письмо Дорошенко, он вернется в лагерь Ромодановского и Самойловича, чтобы оставаться там своего рода заложником. И Ромодановский и Самойлович получили указания обращаться с Мазепой хорошо, но в то же время строго охранять его и не допускать побега.[45]

Мазепа решил следовать линии поведения, принятой им ранее с Матвеевым, и продолжать создавать себе репутацию человека, верного царю. Поэтому, вручив Дорошенко царское послание, он явился к Ромодановскому и Самойловичу. Постепенно он завоевал полное доверие Самойловича. Самойловичу и в голову не приходило, что в конце концов Мазепа погубит его.

И Ромодановский и Самойлович своей главной задачей считали подготовку к тотальной войне с Турцией и крымскими татарами. Ни один из них не доверял полякам, и оба выступали против любого соглашения с ними, поскольку они полагали, что это будет означать отправку вспомогательных русских войск в Подолию, что распылит военную мощь России и поставит под угрозу силу военного удара русских в районе Дона, в будущем основного театра военных действий. Кроме того, они не верили, что поляки вовремя соберут свою армию для поддержки русских войск.

Поэтому воевода и гетман сошлись во мнении, что прежде всего необходимо не дать туркам воспользоваться вспомогательными татарскими силами, организовав против Крыма мощную кампанию, которая, в случае успеха, может привести к свержению хана или, по крайней мере, к его подчинению царю.

Нет сомнений, что воевода и гетман обсуждали свою идею с Матвеевым, и тот ее поддержал. В 1675 г. Ромодановский и Самойлович подготовили детальный план будущей крымской кампании. По их расчетам, достижение успеха в подобной кампании потребует основной части казацкого войска Самойловича и примерно пятидесяти тысяч московитов. Предполагалось, что в кампании примут участие запорожцы и донские казаки, а также несколько отрядов башкир и калмыков. В совокупности примерно 90 000 человек.[46]

Разрабатывая эти планы, Ромодановский и Самойлович ожидали, что московское правительство предоставит им полную и неогра-

ниченную свободу действий по руководству всем предприятием. Они были уверены, что царь Алексей поступит так по совету Матвеева. Алексей, конечно, мог бы так сделать, однако в этот момент судьба убрала его с исторической сцены: он скончался 30 января 1676 г. в возрасте 47 лет, вероятно, от болезни сердца.

III

Старший из выживших сыновей Алексея, болезненный Федор, стал царем. Это означало возвращение Милославских и их партии. Очень скоро Матвеева лишили всех постов и сослали в Пустозерск. Его владения конфисковали. Двух братьев вдовствующей царицы тоже выслали.

Людьми у власти стали, на время, двое Милославских, Иван Богданович и Иван Михайлович, а также дворецкий Богдан Матвеевич Хитрово.

Тогда как от Матвеева избавиться было возможно, Ромодановского они не осмелились снять с командования войсками на юге России, как им того ни хотелось. Ясно, что смещать прославленного командующего перед лицом возможности турецкого нападения было слишком опасно. Кроме того, в Москве в то время не было генерала, равного Ромодановскому по способностям, авторитету или опыту. Но все-таки новая администрация не доверяла Ромодановскому и решила по крайней мере поставить над ним наблюдателя, на которого могла бы положиться. Выбор Милославских пал на стольника, князя Василия Васильевича Голицына.

Голицын, родившийся в 1643 г., был образованным и просвещенным человеком, поклонником западного образа жизни.[47] До сих пор он делал карьеру придворного. В военном деле он не имел ни опыта, ни способностей. Несмотря на это, в мае 1676 г., царь Федор пожаловал ему боярство и назначил его воеводой Путивля.[48] Следует отметить, что дядя В.В. Голицына, Алексей Голицын, с февраля 1675 г. являлся воеводой Киева. В тот момент Алексей Голицын считал назначение в Киев своего рода почетной ссылкой. Теперь от двоих Голицыных — дяди и племянника — ожидали, что им удастся нейтрализовать влияние Ромодановского в украинских и турецких делах.

Князь Василий Васильевич поручили собрать общую информацию о текущих политических и военных делах на юге, для чего ему дали право писать "самому" (не дожидаясь специальных распоряже-

ний из Москвы) своему дяде в Киев, Ромодановскому и Самойловичу, а также всем московским воеводам на Украине и в пограничных областях Руси. Таким образом, хотя Ромодановского официально и не подчинили Голицыну, он оказался под его наблюдением, нацеленным на ограничение инициативы и свободы действий командующего. К тому же, под командованием Голицына было организовано отдельное армейское формирование. Вместо отправки Ромодановскому подкрепления московское правительство передало его Голицыну. Создавшаяся неразбериха сократила шансы Ромодановского и Самойловича в приближавшейся борьбе с Дорошенко и турками.

Дорошенко стоял в Чигирине. Он продолжал уговаривать султана и крымского хана выслать войска, чтобы дать ему возможность удержать Чигирин в войне с московитами и левобережными казаками. Одновременно, чтобы выиграть время, он поддерживал переписку с Ромодановским, выражая желание принять царский протекторат на условии, что царь назначит его гетманом Правобережной Украины. Ромодановский требовал сдачи без всяких условий, чего Дорошенко делать не желал.

В конце лета 1676 г. Ромодановский и Самойлович потеряли терпение и приказали атаковать Чигирин объединенными силами из пятнадцати тысяч московитов под командованием Григория Косагова и четырех отрядов казаков во главе с Леонтием Полуботком. Попытка Дорошенко контратаковать провалилась, и ему ничего не оставалось, как сдаться. Объединенный московско-казацкий гарнизон оккупировал Чигирин. Ромодановский и Самойлович доставили Дорошенко в Сосницу Черниговского уезда. В ноябре царь прислал к Самойловичу своего представителя с инструкцией отправить Дорошенко в Москву для подтверждения его присяги царю. Самойлович не был склонен выполнять это распоряжение. В феврале 1677 г. к Самойловичу прибыл другой представитель, чтобы еще раз переговорить об отправке Дорошенко в Москву. На сей раз Самойлович уступил желанию царя. 20 марта царь Федор дал Дорошенко аудиенцию. Ему приказали оставаться в Москве в качестве царского советника по турецким и татарским делам. Два года спустя его назначили наместником в Вятку.

Тем временем турецкая угроза Москве становилась все более серьезной. При посредничестве Людовика XIV Французского война между Турцией и Польшей закончилась, мир заключили в Журавне

17 октября 1676 г. По условиям мирного договора Правобережная Украина была поделена между Польшей и Турцией.

Капитуляция Дорошенко оставила турецкую часть Украины без правителя. Султан был вынужден назначить нового вассального гетмана. Так случилось, что кандидат нашелся непосредственно в Константинополе — Юрий Хмельницкий. В 1669 г. пропольский гетман Ханенко потерпел поражение от протурецкого гетмана Дорошенко. В этой борьбе Дорошенко поддержали белгородские (аккерманские) татары, посланные против Ханенко пашой Силистрии, по приказу султана. Ханенко спасся, а Юрий (монах Гедеон) попал в плен к белгородским татарам и был отправлен в Константинополь, где содержался под стражей. Теперь султан решил использовать его в качестве приманки. Турки знали, что Юрий не имел организаторских способностей, но они рассчитывали на авторитет имени Хмельницкого среди казаков. Правда, бывший Юрий являлся теперь отцом Гедеоном, однако это не стало препятствием. Под давлением султана патриарх Константинопольский освободил Гедеона от монашеского обета, и он снова стал Юрием. Затем султан сделал его князем Сарматии. Надпись на печати Юрия гласит: "Печать Княжества Малороссийской Украины".[49]

Карьера Юрия до сих пор не удавалась. Во время своего первого гетманства, как робкий слабохарактерный человек, он счел необходимым следовать руководству своих советников из старшины, которые постоянно унижали его. Хотя ему не хватало смелости противостоять людям, с которыми он имел дело, будь то друзья или враги, его глубоко ранило постоянное пренебрежительное отношение — или то, что он воспринимал как пренебрежение, — и время от времени он давал выход своим чувствам в приступах бессильной ярости.

Чудесная перемена в судьбе вскружила ему голову. Долго подавляемое страстное желание отомстить всем, кто ему навредил, стало теперь непреодолимым. Его прежняя робость превратилась в почти патологическую жестокость. 5 апреля 1677 г. новый князь Сарматии отправил послание запорожцам с призывом признать его власть. Казаки, прежде дружелюбно относившиеся к Дорошенко, растерялись, особенно потому, что они не любили Самойловича, который, как они утверждали, перестал посылать им провиант и обмундирование, а также лишил их контроля над переправой через Дон у Переволочной. Самойлович, в свою очередь, доложил царю, что запорожский

атаман Серко заключил перемирие с крымским ханом и ведет активную переписку с Юрием Хмельницким.[50]

В конце июля турки начали решительную кампанию против Чигирина. Экспедицией командовал Ибрагим-паша, по прозвищу *Шайтан* (дьявол). С ним двигался Юрий Хмельницкий с несколькими сотнями признавших его власть казаков.

4 августа турки и казаки Юрия подошли к Чигирину. Ибрагим-паша и Хмельницкий потребовали сдачи гарнизона, однако московский воевода крепости, генерал-майор Трауернихт, немец на царской службе, отказался рассматривать их требование. Турки начали осаду Чигирина. В этих обстоятельствах крымский хан привел на помощь туркам своих татар.

Тогда Ромодановский и Самойлович переправились через Днепр, несмотря на все попытки татар и турок преградить им путь. 28 августа московско-казацкая армия нанесла сокрушительное поражение силам противника. Как турки, так и татары понесли тяжелые потери и бежали в беспорядке, бросая своих убитых и раненых, а также пушки. На поле сражения насчитали четыре тысячи убитых янычар. Согласно докладу от 1679 г. посла Валахии в Москве, капитана Билевича, общие потери янычар составили восемь тысяч.[51]

Победители, однако, не преследовали обращенных в бегство врагов. Страна была полностью разорена татарами, и московские солдаты испытывали недостаток продовольствия и фуража.[52]

Планировалось, что Голицын приведет свои войска в Чигирин для подкрепления сил Ромодановского. Согласно дневнику шотландца, генерала Патрика Гордона, армия Голицына насчитывала примерно пятнадцать-двадцать тысяч человек. Его штаб был полон отпрысков известных боярских родов.[53] Армия двигалась медленно и, согласно Гордону, появилась в окрестностях Чигирина только 29 августа, то есть на следующий день после сражения. Голицын не встретился с Ромодановским. Шесть лет спустя, в петиции от 1683 г. к царевне Софье, Голицын утверждал, что Ромодановский вообще не сражался у Чигирина, потому что турки отступили при известии о его (Голицына) приближении к Днепру.[54] Этот документ показывает, до какой степени Голицын был способен искажать истину, говоря о человеке, которого ненавидит.

Прибытие армии Голицына в окрестности Чигирина ясно означало, что он теперь должен принять на себя контроль за ситуацией в

этом районе. Ромодановский и Самойлович отвели свои войска на левый берег Днепра. Когда, 12 сентября, армия Ромодановского проходила мимо лагеря Голицына, ни один из враждующих генералов не нанес визита другому.[55]

Снова оказавшись на левом берегу, Ромодановский и Самойлович советовали московскому правительству укрепить фортификационные сооружения Чигирина и расположить в крепости сильный гарнизон с большим количеством припасов, чтобы быть подготовленными к будущим нападениям турок. По мнению обоих лидеров, Чигирин следовало удерживать любой ценой, поскольку он являлся главной опорой украинской линии обороны.

После отхода Ромодановского и Самойловича Голицын посетил Чигирин и приказал восстановить некоторые сооружения и пополнить запасы снаряжения.[56] Отдав приказ, Голицын не проконтролировал его исполнения. Когда окольничий Иван Иванович Ржевский, назначенный в Чигирин воеводой, прибыл в город 17 марта 1678 г., он обнаружил, что стены крепости не восстановлены и никаких запасов не сделано. Ржевский был способным честным руководителем и немедленно начал необходимые работы.

И Ромодановский и Голицын провели зиму 1677-1678 гг. в Москве, дожидаясь указаний царя на следующий год кампании. Советники царя Федора прохладно относились к идее ведения против Турции тотальной войны. Они планировали лишь укрепить оборонительные линии Москвы против турецких и татарских вторжений. Они предусматривали возможность заключения с султаном мира, если его требования не будут чрезмерными. Желания Ромодановского и Самойловича удерживать Чигирин любой ценой не соответствовали этому настроению, и поэтому московское правительство решило ограничить власть Ромодановского. На кампанию 1678 г. царь назначил Голицына воеводой большого полка (генералом основной армейской группировки, или главнокомандующим). Ромодановский стал одним из четырех генералов, подчиненных Голицыну (остальными были князь Долгоруков, князь Лыков и князь Хованский).[57]

9 июля 1678 г. турки начали вторую кампанию против Чигирина. Турецкими войсками командовал визирь Мустафа. Как и в первой чигиринской кампании, турок поддерживали татары и небольшое казацкое войско под командованием Юрия Хмельницкого. При известии о приближении турецкой армии Ромодановский и Самойло-

вич поспешили с левого берега Днепра на помощь чигиринскому гарнизону. В тяжелом, хотя и не принесшем решительных результатов, сражении с силами противника русская армия, состоявшая из московских и малороссийских отрядов, твердо удерживала свои позиции. Турки и татары отступили в свой лагерь, откуда продолжали изматывать русских вылазками.

В результате упорных боев 3 и 4 августа русские захватили стратегическую высоту у Чигирина и, прорвав турецкую блокаду с одной стороны крепости, установили связь с гарнизоном, где они не обнаружили командующего, так как Ржевский 3 августа был убит турецкой гранатой.[58]

Если бы Голицын бросился на помощь силам Ромодановского и Самойловича, русским, возможно, удалось бы спасти Чигирин. 4 августа армия Голицына стояла лишь в нескольких верстах от крепости. Однако сам Голицын и члены его штаба были в нерешительности. У Гордона, который участвовал в защите Чигирина, вызывали негодование медлительность и отсутствие инициативы Голицына и его штаба.[59] На самом деле Голицын имел от Москвы инструкции, оставлявшие на его усмотрение решать, защищать Чигирин или нет. По всей видимости, он предпочел не защищать его. 11 июля Ромодановскому были посланы сходные указания, в которых добавлялось, что он может уничтожить крепость, если сочтет это необходимым.[60]

Не получив помощи от Голицына, Ромодановский оказался вынужденным оставить Чигирин. 12 августа он и Самойлович приказали гарнизону поджечь крепость и присоединиться к их армии. Русские затем отступили к Днепру и перешли на левый берег. Турки не задержались на развалинах Чигирина и тоже вернулись домой. Согласно Билевичу, их потери во второй чигиринской кампании составили одну треть их армии, которая первоначально насчитывала 100 тысяч человек.[61]

Потеря Чигирина нанесла тяжелый удар престижу Москвы, и сделала неизбежным уход из всей Правобережной Украины, исключая Киев.

Хотя турки не имели намерения возобновлять против Москвы широкомасштабную войну, они дали указание Юрию Хмельницкому обеспечить контроль султана на правым берегом Украины, в чем ему должны были помочь крымские татары. Поскольку казацкая армия Юрия была небольшой, он был вынужден полагаться преиму-

щественно на своих татарских союзников. Татар, как обычно, привлекла перспектива добычи, и они тщательно разоряли все на своем пути. В декабре 1678 г. Юрий выступил с татарами вдоль западного берега Днепра, и разорение продолжилось. Канев, Черкассы и Корсунь превратились в руины. Напрасно бывший наставник Юрия, архимандрит Черниговский Иоанникий Галятовский, умолял его положить конец кровопролитию и вернуться в монастырь. В январе 1679 г. Юрий переправился у Переяслава на левый берег Днепра и нанес еще больший ущерб населению. Вскоре, однако, гетману Самойловичу удалось отбить напавших.[62]

Юрий не мог удерживать территорию, разоренную им на правом берегу, и он расположил свою штаб-квартиру дальше на западе у Немирова (севернее Браслава). Для собственной безопасности он держал отряд из тысячи наемных охранников самого разного происхождения — татар, сербов, валахов и других. Из Немирова он рассылал прокламации (*universaly*) украинцам обоих берегов, но лишь немногие верили ему.[63]

Ни русские, ни татары не имели большого желания продолжать войну. В декабре 1678 г. царь направил к султану посла выяснить возможность заключения мира. Султан сразу же отдал распоряжение господарю Валахии, Иоанну Дуке, выступить в качестве посредника между Москвой и Турцией. В мае 1679 г. посол из Валахии, капитан Билевич, прибыл в Москву и уверил правительство, что султан примет мир при условии, что Турция сохранит территорию, удерживаемую Юрием Хмельницким (Подолию и Браслав).[64]

В тот же год начались переговоры между Москвой и ханом Крыма, который согласился действовать в качестве представителя султана. 3 января 1681 г. в Бахчисарае было заключено перемирие на двадцать лет. Турция сохранила Подолию, а Москва — Киев. Султан и хан дали слово не строить крепостей на территории между реками Буг и Днепр (территория Чигирина и Корсуня), не заселять ее, а оставить свободной. Запорожские казаки остались под властью царя. Русские (московиты и малороссы), взятые в плен турками и татарами, освобождались либо путем обмена на турок и татар, удерживаемых русскими, либо за выкуп.[65]

В марте 1682 г. султан утвердил договор. Однако в его ратификационной грамоте отсутствовал пункт о запорожских казаках. Так или иначе, эта трудная война закончилась. Среди русских пленников,

возвращенных в Москву, находился боярин Шереметев, взятый в плен поляками у Чуднова и переданный ими хану в 1660 г.

С заключением Бахчисарайского договора карьера князя Сарматии (Юрия Хмельницкого) резко оборвалась, поскольку султан больше не нуждался в его услугах. Юрию приказали возвращаться в Константинополь. Очевидно, вскоре после этого он умер.[66]

3. Русь и Ближний Восток (1667-1682 гг.)

I

Активные политические и торговые отношения Московии с народами Кавказа и Закавказья, нарушенные в Смутное время, начали постепенно восстанавливаться примерно в 1620 г. Через их территории пролегал также путь торговых связей между Московией и Персией, между русскими купцами и купцами империи Великих Моголов в Индии.

Астрахань продолжала оставаться главным центром восточной торговли Московии — и морской, через Каспийское море, и караванной, через туркменские пустыни и казахские полупустыни и степи. Тобольск и Тара в западной Сибири превратились в два базовых торговых центра. Активную роль в развитии коммерческих отношений Московии с центральной Азией (включая Сибирь) играли бухарские купцы.

В Смутное время ногайцы, прежде являвшиеся связующим звеном между русскими и казахами, отказались признавать власть царя и начали опустошительные набеги на приграничные земли Московии. Затем, в 1630-х гг., нашествие калмыков в район нижней Волги разорило эту территорию и подорвало силы ногайцев. В 1639 г. они возобновили вассальные отношения с царем. Калмыки тоже угрожали независимости казахов. В 1643 г. пришедшая из Джунгарии калмыцкая (ойратская) армия (как говорят, в пятьдесят тысяч человек) вторглась в Казахстан.[67]

Казахский хан Джангир заключил союз с ханом Бухары, и с помощью бухарских войск ему удалось остановить продвижение калмыков, которые, однако, захватили часть Семиречья (территория между реками Чу и Или).

Казахи, как и калмыки, были кочевым народом. Их стада состояли из лошадей, верблюдов и овец, а жизнь строилась на продвижении за стадами животных с летних пастбищ на зимние. На юге и юго-

востоке своей территории, то есть восточнее Сыр-Дарьи и в Семиречье, они занимались также и земледелием. В этом районе у них было несколько городов.

Казахское общество XVII в., как и у калмыков, было организовано по родовому принципу. Во главе стояли ханы (их также называли султанами), потомки Чингисхана. Объединение нескольких родовых общин называлось *аймак*. Привилегированные члены казахского общества, *бии* (ед. ч. *бий*, т.е. старшина), обладали значительными административными и судебными правами над родовыми общинами. В конце XVII в. увеличилась социальная и политическая роль *ходжей* (ед. ч. *ходжа*), верхушки исламского духовенства, и их стали допускать на собрания казахской аристократии.[68]

Большую часть казахов членов *аула* постепенно стесняли разного рода налогами, сборами в пользу аристократии и военной повинностью хану.[69] Эти социальные процессы были схожи с протекавшими у монголов и в результате привели к установлению строя, который В.Я. Владимирцов называет "кочевым феодализмом".

Политически казахи в XVII веке делились на три группы: три *жуза* — по-казахски, или три *орды* — по-русски. В Старший жуз (по-казахски Улу-Жуз; по-русски Большая Орда) входила территория от средней Сыр-Дарьи на восток до Семиречья. Средний жуз (Орта-Жуз; Средняя Орда) располагался от нижней Сыр-Дырьи на север до верховий Тобола и реки Ишим (почти до границ западной Сибири). Младший жуз (Кизи-Жуз; Малая Орда) пас свои стада между реками Иргиз, Верхний Илек и Яик.

Ханы и султаны жузов время от времени враждовали друг с другом. Однако племена и роды всех трех жузов чувствовали свою общность через единство языка, степной культуры и народного эпоса. Борьба с калмыками укрепляла национальное самосознание казахов. Это обстоятельство было психологической поддержкой тем ханам, которые, время от времени, пытались объединить все три жуза под единой властью. Таковым был хан Тауке, правивший с 1680 по 1718 г.[70]

Новое большое нашествие калмыков (ойратов) на южную часть владений казахов произошло в 1681-1684 гг. Калмыки захватили несколько казахских городов восточнее средней Сыр-Дарьи, включая Сайрам.[71]

Тауке старался поддерживать дружественные отношения с Бухарой. Примерно в 1690 г. он укрепил город Туркестан (на территории

Старшего жуза), где расположил свою штаб-квартиру.[72]

В начале своего правление Тауке настороженно относился к Москве: у него вызывало опасения усиление русской администрации на южной границе западной Сибири. В 1680-1682 гг. казахи совершили набег на русские поселения у озера Ямыш, а также на Тарханский Острог и свободные от налогов городки (*слободы*) Утецкая и Ялуторовск.[73]

Позже отношения Тауке с Москвой улучшились, и он обратился к Петру Великому с просьбой о защите от ойратов. Эти переговоры прервала смерть Тауке.

II

Двумя самыми значительными государствами в центральной Азии XVII века являлись узбекские ханства Хива и Бухара. Первое занимало территорию от центральной части восточного побережья Каспийского моря до нижнего течения Сыр-Дарьи. Оно сосредоточивалось вокруг древнего культурного района Хорезм. Столицей ханства сначала был Ургенч, а затем, примерно в 1645 г., столицу перенесли в Хиву.

Хан Хивы контролировал, или объявлял себя контролирующим, большинство туркменских племен и старался удержать их в подчинении. Временами, однако, хан Хивы мог пойти на уступки туркменам, чтобы заручиться их поддержкой против узбекской аристократии. Купцов и некоторых других горожан — многие из которых были иранского происхождения — и в Хиве и в Бухаре называли сартами.

Территория Бухарского ханства простиралась вдоль бассейна средней и нижней Аму-Дарьи. Значительную часть населения ханства составляли иранские таджики.

У кочевников (туркмен) и полуоседлых кочевников (части узбеков) основной формой экономической деятельности являлось скотоводство. Оседлое население (таджики и часть узбеков) занимались земледелием, садоводством и различными ремеслами. Земледелие и садоводство зависело от системы каналов (*арыков*) для орошения земли. К концу XVII века экономические условия ухудшились и продуктивность производства упала в связи с постоянными междуусобными распрями ханов и знати, а также из-за нападений внешних врагов, калмыков и персов.

В Хиве, как и в Бухаре, все земли находились под властью хана как верховного правителя. Фактически же, между государственны-

ми и частными землями существовало различие.[74] Государственные земли обрабатывали крестьяне (узбеки и таджики), платившие хану специальный налог (*харадж*), составлявший от одной восьмой до одной пятой урожая. Частные владения феодалов были двух типов: так называемые земли *малк* (арабский термин), освобожденные от какого-либо вмешательства хана и от государственных налогов; и земли *танхо* (персидский термин), пожалованные феодалам в качестве награды за службу хану, с правом собирать с крестьян подати определенный период времени. Такое владение несколько напоминало русское поместье. С ростом авторитета мусульманского духовенства при дворе ханов и среди аристократии происходило заметное увеличение земель *вакуф* (мечетей) и *медресе* (религиозных школ).

Ханы Бухары XVII в., начиная с 1599 г., являлись потомками бывших ханов Астрахани (Аштарханиды). Хивинские ханы, с 1603 по 1687 гг., происходили от Шибана (Шибаниды). В 1687 г. бухарский хан захватил трон Хивы и назначил своего наместника управлять ханством. Позднее наместник сам принял титул хана.

В Бухаре хан правил с помощью совета из военной и родовой знати, один из членов которого, называвшийся *инак*, являлся заместителем хана. Во главе армии и администрации стоял *аталык* ("приемный отец").

Политическая система Хивинского ханства в целом была аналогична системе Бухары, исключая то, что братья и сыновья правящего хана имели собственные уделы. В Хиве у хана было четыре инака, каждый из которых являлся главой племенного союза узбекских родов. Влиятельных вождей родов, беков, хан использовал в качестве своих представителей в городах и районах.

Туркменские племена номинально находились под властью хана, но фактически часто оказывались независимой силой.

Регулярная армия Бухарского ханства была небольшой. Она состояла из стрелков (стрельцов — в современных русских источниках) и конницы. В случае войны на службу призывались войска феодалов. Согласно докладам русских послов Б.А. и С.И. Пазухиных (1670-1671 гг.), общая численность при необходимости могла достигать 150 тысяч человек. Большинство не имело огнестрельного оружия. В Хиве, когда было необходимо, собирали сходную по составу, но значительно меньшую армию (пятнадцать тысяч).[75]

XVII век был периодом культурного упадка Бухары и Хивы. Тем

не менее литература и искусство не исчезли. Несколько написанных в Бухаре трудов по истории и мусульманскому праву свидетельствуют о деятельности там ученых и художников, продолжавших древние культурные традиции.

Особый интерес представляют две исторические работы Абулгази, хана Хивы (1603-1664 гг.): *Родословное древо туркмен* (написанная в 1659-1661 гг.) и *Родословное древо тюрков* (написанная вскоре после первой).

Абулгази почти десять лет провел в Исфахане в Персии (1630-1639 гг.), где он имел возможность изучать персидские исторические труды, среди которых и *"Джами ат-Таварих"* Рашид-ад-дина.[76] Он выучил персидский и арабский, однако свои две книги написал на узбекском языке и, таким образом, внес большой вклад в развитие узбекской литературы и науки.

В его первой книге описываются происхождение и исторические традиции туркмен, а во второй — узбеков. Для обеих книг источниками послужили устные традиции огузо-туркменского эпоса, включая древний эпический цикл огузов, известный под названием "Книга Коркуд".[77]

В обеих книгах Абулгази говорит о своем роде, а в *Родословном древе тюрков* дает некоторую информацию о себе. Из этого и других источников проступает биография автора, иллюстрирующая политику ханов центральной Азии в XVII веке, превратности, интриги, политические и социальные противоречия их мира и времени.

Абулгази, сын Араб-Мухамад-хана, родился в Ургенче в 1603 г. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, отец нашел для него невесту и отдал ему в удел половину Ургенча.[78]

Араб-Мухамад имел несколько сыновей. Два из них, Исфендиар и Абулгази, были от чингизидской жены, а два других, Хабаш и Ильбарс, — от жены найманского происхождения. В 1616 г. Хабаш и Ильбарс, подстрекаемые группой предприимчивых молодых узбекских аристократов, поднялись против своего отца. Исфендиар и Абулгази встали на его сторону. Одной из причин раздора явилось то, что два мятежных сына совершали набеги на Персию и Бухару, тогда как Араб-Мухамад хотел жить в мире с этими государствами.

Первая стадия продолжительной междуусобной борьбы длилась пять лет, когда наконец в 1621 г. восставшие сыновья одержали победу. Они взяли отца в плен и ослепили его. Исфендиару позволили

отправиться в Мекку в качестве паломника. Абулгази удалось бежать в Бухару.

Через год Илбарс приказал убить ослепленного отца и двух сыновей Исфендиара, а своего собственного брата, Авган-Султана, отправил к старшему брату Хабашу, чтобы тот сделал с ним то же самое. Вместо этого, Хабаш послал Авган-Султана в Москву, где его хорошо принял царь Михаил. Авган-Султан умер в Касимове в 1648 г.[79]

Последовали новые проблемы. Вместо Мекки Исфендиар отправился в Персию и попросил защиты у шаха Аббаса. Шах был рад случаю вмешаться в дела Хивы и предоставил Исфендиару три сотни конников, чтобы дать ему возможность совершить попытку вернуть хивинский трон. В походе к Исфендиару присоединился отряд туркмен. Первое нападение Исфендиара на Хабаша и Илбара закончилось провалом, однако, получив от туркмен и некоторых узбеков новую помощь, Исфендиар разбил армии противников, захватил своих сводных братьев и убил их (1623 г.).

Исфендиар, таким образом, стал ханом Хивы и дал в удел Абулгази Ургенч. Мир и дружба между братьями продлились недолго. Протуркменская политика Исфендиара раздражала большинство узбеков, а Абулгази находился на их стороне. Когда , примерно в 1627 г., Исфендиар еще раз разбил узбеков, Абулгази бежал к казахам.

После перемены в политике Исфендиара и в отношении к нему узбекских и туркменских родов и племенных вождей — типичное дело для политики центральной Азии того периода — некоторые из влиятельных туркмен, поссорившихся с Исфендиаром, пригласили Абулгази вернуться в Хиву. Последовала мирная передышка, но в 1630 г. Исфендиар обвинил Абулгази в поддержке выступлений против персидского шаха в северной провинции Хорасана и сумел, интригами и вероломством, отправить его шаху в качестве заложника.

Абулгази продержали в крепости Табарек у Исфахана почти десять лет. В 1639 г. он бежал сначала к туркменам, а затем к калмыкам. В декабре 1641 г. узбеки, жившие в дельте Аму-Дарьи южнее Аральского моря, прислали богатые дары калмыцкому хану Урлюку и попросили его позволить Абулгази вернуться к своему народу. Урлюк уступил их просьбе. В 1642 г. Исфендиар умер, и год спустя аральские узбеки объявили Абулгази своим ханом.

Однако туркмены отказались признать Абулгази ханом Хивы и предложили трон хану Бухары, Надир-Мухамаду, который посадил

в Хиве своего наместника. Абулгази провел против Хивы несколько кампаний, в 1645 г. захватил ее, и был объявлен хивинским ханом.

Он начал свое правление с репрессий против туркмен. Он пригласил их вождей со свитами на банкет, обещая им прощение. Те прибыли, а во время пира узбеки напали на своих гостей и жестоко убили всех (больше тысячи).

В 1646 г. Абулгази провел успешную кампанию против тех туркмен, которые ушли на юг, к персидской границе Хорасана. Кроме желания подавить туркменскую оппозицию, Абулгази руководили финансовые соображения – стремление пополнить казну доходами от военной добычи.

Русский караван примерно из двадцати пяти купцов, прибывший в Хиву в августе 1646 г., стал жертвой тех же стремлений. Когда караван достиг Хивы, ханские чиновники вежливо собрали пошлину с товаров, привезенных русскими купцами. Через пять дней Абулгази пригласил русских на обед к себе во дворец. Как только они вошли в здание, он приказал их схватить, связать и бросить в тюрьму. Все товары были конфискованы. Их стоимость превышала 10 000 рублей.[80]

Сначала Абулгази собирался убить их, но купцы посоветовали ему не делать этого, потому что в Астрахани было много хивинских торговцев, и русские приняли бы ответные меры. Хан согласился выпустить русских из тюрьмы. Освобожденных распределили между хивинскими купцами, которым приказали кормить их, за что русские должны были работать.

Купцы постоянно напоминали высшим чиновникам о возвращении товаров и разрешении возвратиться в Астрахань. Чиновники объясняли, что хан конфисковал их товары, потому что его казна была пуста, а он нуждался в деньгах, чтобы заплатить своим людям, купцы же получат возмещение в Астрахани, когда им позволят туда отправиться, от ханского посла Ших-Баба (на пути в Москву) из товаров хивинских купцов, находящихся в Астрахани.[81]

В мае 1647 г. одиннадцать русских купцов бежали из Хивы в Астрахань. Московское правительство приказало астраханскому воеводе составить список товаров, принадлежащих послам Абулгази и частным хивинским купцам, живущим в Астрахани, и держать все товары на таможне, пока потери ограбленных русских купцов не будут возмещены.[82] Дело длилось несколько лет, и требования русских купцов постепенно удовлетворили.

В течение большей части своего правления Абулгази воевал. Заручившись нейтралитетом Персии, он предпринял еще несколько кампаний против разных туркменских племен (1648, 1651, 1653 гг.). Одновременно ему пришлось отражать два калмыцких набега на свои владения (1649 и 1653 гг.).

Подавив, наконец, сопротивление туркмен, Абулгази выказал им большее расположение и тем умиротворил их.

Затем он обратил свое внимание на Бухару и в течение, примерно, шести лет постоянно совершал набеги на владения бухарских ханов, каждый раз приносившие ему богатую добычу (1655-1661 гг.).

В 1663 г. Абулгази посадил на трон Хивы своего сына Ануша, а сам удалился от дел, чтобы "посвятить себя покаянию и добродетели". В следующем году он скончался.

Коварный и циничный политик, Абулгази был одаренным военачальником и, для своего времени и окружения, человеком науки. Он написал о себе, что был одарен тремя видами знания: (1) знанием военного искусства; (2) знанием языков и искусства поэтического творчества; и (3) знанием истории.[83]

III

Торговые отношения между Московией и ханствами центральной Азии оставались активными на всем протяжении XVII в., и торговые соглашения доминировали в дипломатических отношениях между ними. Существуют документальные свидетельства о четырех русских посольствах в центральную Азию при царе Михаиле и четырех при царе Алексее.[84] Все эти дипломатические миссии сопровождали купцы.

Из Московии в центральную Азию двигались и многочисленные караваны частных купцов, как можно видеть из записей на таможнях, особенно в Астрахани.[85] Есть информация и о центрально-азиатских посольствах в Московию: двенадцати миссиях с 1613 по 1645 гг. и трех в период с 1671 по 1678 гг. из Бухары. Соответствующие цифры по Хиве следующие: четырнадцать посольств с 1613 по 1645 гг. и десять за 1646-1683 гг.[86]

Для путешествий из Астрахани в Хиву использовались два пути: морской, в Караганду, а затем через туркменскую пустыню в Ургенч; и сухопутный, вдоль северного побережья Каспийского моря к устью реки Яик, а затем через пустыню на западной стороне Аральско-

го моря к устью Аму-Дарьи.

Караваны из Астрахани в Бухару шли из устья Яика на восток от Аральского моря и Сыр-Дарьи в Туркестан и Ташкент, а затем поворачивали на запад в Бухару. В Туркестане сходились пути в Бухару из Сибири — Тобольска и Тары — и Астрахани.

Как и в конце XVI в., коммерческие операции между Московией и центральной Азией осуществлялись в трех формах: торговля представителей от имени царей и ханов; частная торговля и обмен товарами особой ценности, называемый обменом подарками.

В частной торговле статьями импорта в Московию из центральной Азии являлись хлопок и коленкоровые ткани, а также шелк. Обычными предметами экспорта были кожа, деревянные сосуды (блюда, ложки и тому подобное), мука, ткани (частично западноевропейские) и т.д.[87]

Списки товаров, экспортируемых русскими царями центральноазиатским ханам, включали моржовые клыки, золотые монеты, дорогие ткани, кожу и киноварь. Среди товаров этой категории, импортируемых из центральной Азии в Москву, были шелк, рубины и лазуриты.[88]

При специальной торговле — обмене ценными "подарками" — русские обычно посылали в Бухару и Хиву ценные меха (соболей, черно-бурых лис, горностаев), шубы, кречетов, самые лучшие ткани (западноевропейского производства) и русские кожи, а также сделанные на Западе зеркала и часы. В обмен русские получали дорогие восточные ткани, шкуры тигров и леопардов, драгоценные камни, щиты, инкрустированные золотом и драгоценными камнями, лошадей, иноходцев, а также редких животных и птиц, таких как тигры, черные обезьяны и говорящие попугаи.

На основе записей таможен Астрахани, Тобольска и Тары, из которых до нас дошла только часть, А. Чулошников подсчитал, что во второй половине XVII в. средняя годовая стоимость товаров, импортируемых из центральной Азии в Московию, составляла 50 000 рублей, примерно такой же, очевидно, была стоимость экспортируемых товаров. Годовой оборот торговли русских с центральной Азией, таким образом, можно оценить приблизительно в 100 000 рублей.[89]

Уникальной чертой в коммерческих отношениях Москвы с центральной Азией являлась торговля рабами, поскольку в Московии XVII в. рабство существовало наряду с крепостным правом. Рабов

(холопов) можно было официально покупать и продавать.

Однако хозяева-нехристиане не имели права иметь рабов-христиан, и экспорт рабов-христиан в мусульманские страны был запрещен. С другой стороны, рабов-нехристиан можно было продавать на экспорт. Таковыми являлись *языри*, восточные военнопленные, например, калмыки. Язырей можно было и импортировать в Московию.

Основные центры работорговли в Московии в XVII столетии находились в Астрахани, Тобольске и Таре. Купцы из Хивы и Бухары активно занимались этим видом коммерции, однако в XVII в. оборот был небольшим.[90]

Самым крупным центром работорговли в центральной Азии являлась Хива. Основную часть рабов из Московии, покупаемых и продаваемых там, составляли не купленные в Московии языри, а русские, взятые в плен во время набегов ногайцев и калмыков, а также башкиров во время их восстаний в 1662-1667 и 1676-1682 гг.

Захватившие обычно вывозили своих пленников из Московии и продавали преимущественно туркменам, которые доставляли их в Хиву для перепродажи хивинским и бухарским купцам.

Как и в случае с русскими, взятыми в плен крымскими татарами, перед Москвой вставала задача выкупа своих соотечественников из плена. Каждый московский посол в Хиве или Бухаре получал задание вести переговоры о выкупе как можно большего количества русских пленных. Частные русские купцы, ведущие дела с Хивой и Бухарой, тоже выкупали там русских невольников, когда это оказывалось возможным. Некоторых русских, пробывших в плену много лет, хозяева освобождали.[91]

Русские невольники в центральной Азии использовали каждую возможность проинформировать московское правительство о своем положении и попросить царя о спасении. Иногда русский купец, ведущий дела с Бухарой, привозил такую просьбу астраханскому воеводе, а тот направлял ее в Москву. Например, три таких петиции были получены в Астрахани в декабре 1668 г.

Эти просьбы показывают, что большинство русских, находящихся в Бухаре и Хиве, попали в плен к калмыкам, ногайцам и башкирам, которые потом продали их центрально-азиатским купцам. Среди пленников были бывшие жители русских городов и селений приграничных районов, средней и нижней Волги, Башкирии и западной

Сибири. Они утверждали, что в 1668 г. в Бухаре и Хиве находилось примерно двадцать тысяч русских рабов.[92]

И в дипломатии, и в торговле центральная Азия была важна для Руси не только сама по себе, но и как посредник между Московией и Персией и Индией. Русские дипломаты в Бухаре получали инструкции собирать информацию о ситуации и состоянии дел в Персии и Индии. Экспорт Центральной Азии в Московию обычно включал реэкспорт персидских и индийских товаров.

Однако Московия имела и прямые отношения с Персией, как дипломатические, так и торговые, и продолжала принимать усилия по налаживанию подобных связей с Индией (империей Великих Моголов). Индийские купцы жили не только в Бухаре, но и в Астрахани.

В первой половине XVII в. Персия вела серию войн с Турцией за контроль над Закавказьем. Московия, тогда же, страдала от постоянных нападений турецкого вассала, хана Крыма. Эта ситуация способствовала сближению Персии с Московией.

С другой стороны, статус Грузии в Закавказье оставался потенциальной причиной разногласий между царем и шахом (как и между царем и султаном). Грузию в тот период делили Турция и Персия. Турки удерживали западную часть страны (Мегрелию и Имеретию), персы – восточную (Картлия и Кахетию). Грузины не желали мириться с давлением мусульманских держав и искали помощи у Москвы.

В 1646 г. царь Алексей отправил в Персию посла, князя Козловского, чтобы объявить шаху о смерти своего отца Михаила и собственном восшествии на престол. В том же году русский купец, Анисим Грибов, отправился со сходной миссией в Бухару, но, из-за войны туркмен и калмыков против хана Абулгази и его узбеков, вместо обычного караванного пути ему повелели двигаться через Каспийское море и северную Персию.[93]

Судно Грибова вышло из Астрахани 17 октября 1646 г. и достигло Ферахабада на южном берегу Каспийского моря 26 ноября. Там Грибов узнал о проблемах в Бухаре и Балхе, которые закончились захватом последнего войсками Великого Могола.

Грибов решил не продолжать путешествия в Бухару, но попросил аудиенции у шаха Персии. Он прибыл в Исфахан в конце февраля 1647 г., был принят шахом Аббасом II и получил разрешение продать русские товары, которые он привез с собой, в Персии (вместо

Бухары) и купить персидские товары. Грибов купил много шелка и селитры. Успешно закончив торговые операции и везя с собой дружеское послание шаха к царю о важности русско-персидской торговли, Грибов возвратился в Москву в сентябре 1647 г.[94]

В 1650 г. посол шаха, Мухамад Кули-бек, совершил путешествие в Москву и привез 4 000 *батманов* селитры в качестве шахского подарка царю.[95]

Посол, однако, выразил недовольство тем, что банды донских казаков, плавающих по Каспийскому морю, нападают и грабят персидских купцов на море и на суше. Посол особенно отметил один подобный случай, который произошел недалеко от Баку. Русский воевода Терского городка арестовал казаков, имеющих к этому отношение, на их обратном пути. Чтобы удовлетворить персов, царь приказал казнить трех предводителей.[96]

В 1653 г. царский посол в Персии, князь Иван Лобанов-Ростовский, пожаловался, в свою очередь, что подданный шаха, хан Шемахи, угрожает Терскому городку и Астрахани и что означенный хан, а также персидский наместник в Гиляне, часто арестовывает и грабит русских купцов. Шах приказал освободить арестованных.[97]

Серьезный кризис в московско-персидских отношениях наступил в 1668-1669 гг. в результате морского похода Степана Разина на Персию. После подавления восстания Москва восстановила с Персией дипломатические отношения.

Торговля между Московией и Персией строилась на тех же принципах, что и с центральной Азией. Использовались те же формы: коммерческие операции царя и шаха, обмен подарками, частная торговля. Москва импортировала из Персии преимущественно шелк-сырец и селитру, а наиболее ценными статьями экспорта являлись меха и кречеты.

Ежегодный оборот московско-персидской торговли, очевидно, превышал оборот торговли Москвы с центральной Азией, составляя, по всей вероятности, сумму более 100 000 рублей.[98] В 1667 г. появилась новая форма коммерческих операций. Московское правительство заключило торговую конвенцию с компанией армянских купцов в Новой Джульфе.[99] В задачи компании входила монополизация всего экспорта из Персии шелка-сырца и доставка его в Астрахань и Москву, где правительство и купцы имели преимущественное право на его покупку. Только после удовлетворения их нужд, остаток мож-

но было продавать иностранцам (европейцам). Своим представителем в Москве компания назначила англичанина Брейна.[100]

Первым русским купцом, совершившим деловое путешествие в Индию (1466-1472 гг.), был тверичанин Афанасий Никитин.[101]

В 1532 г. Бабур, основатель империи Великих Моголов, направил в Москву посла с предложением дружбы великому князю. К тому моменту, как посол добрался до Москвы, Бабур скончался (28 декабря 1530 г.). Великий князь московский Василий III, не имея информации о положении дел в Индии, сомневался, предлагать ли свою дружбу индийскому правителю.[102]

Плодотворные торговые отношения между русскими и индийскими купцами сначала были установлены через центральную Азию, однако это произошло не ранее 1615 г., когда в Астрахани появилась колония купцов из Индии.[103]

В 1647 г. царь Алексей приказал астраханскому воеводе построить *двор* для индийских купцов. Из документов известно, что в 1649 г. этот двор функционировал.[104]

Из Астрахани некоторые индийские купцы распространили свою деятельность на Саратов, Ярославль и Москву. В 1648 г. индийский купец Сутур получил от царя Алексея заем в 4 000 рублей, оставив в залог товаров на сумму в 5 000 рублей.

Большинство индийских купцов, имевших дела с Россией в XVII в., были родом из Пенджаба и Синда. Они принадлежали к вишнуитским сектам и имели в Астрахани храм, где почитали бога Кришну.[105] Среди импортируемых из Индии товаров были драгоценные камни, дорогие ткани, специи, лечебные травы и рис. Экспорт в Индию включал меха, кожу, медь, лебяжий и гусиный пух и такие западные товары, как шерстяные ткани, зеркала, стекло, иголки, булавки и бумагу.

Русские купцы всегда выступали против свободы торговли иностранных купцов в Московии и хотели свести деятельность индусов к совершению сделок только в Астрахани.

В 1667 г. московское правительство издало так называемый *Новоторговый Устав*, по которому коммерческие операции иностранных купцов в Московии были значительно ограничены. Устав имел в виду в основном европейских купцов, однако задел, официально по крайней мере, и купцов с Востока.

Тем не менее индусы продолжали посещать ежегодную Макарьевскую ярмарку у Нижнего Новгорода, а также Москву. В 1679 г.

Посольский Приказ отвел в Москве специальное здание индийским, персидским и армянским купцам.[106]

В 1647 г. московское правительство решило отправить в государство Великих Моголов посольство для установления с Индией постоянных дипломатических и торговых отношений. Возглавил посольство астраханский купец Мухамед Юсуф Касимов. Он получил указание сначала отправиться в Бухару вместе с Василием Даудовым, назначенным туда послом.[107] Касимов получил инструкции из Посольского приказа 28 февраля 1675 г. В тот же день царь Алексей подписал письмо падишаху Ауренгзебу,[108] в котором он называл падишаха "наш брат, великий господин, высочество, правитель Индии и всей восточной страны" и выразил свое желание жить с падишахом в мире и дружбе.

Касимов должен был установить между двумя суверенами ежегодный обмен. Москва хотела получать из Индии серебро и драгоценные камни и предлагала в обмен меха. Касимов также был уполномочен нанять специалистов по строительству мостов и других мастеров, купить лечебные травы, семена садовых растений и небольших животных и птиц для царских владений. Более того, Касимов должен был при любой возможности выкупать русских пленных, находящихся во владениях Ауренгзеба, и в этом он преуспел.

Из Бухары Касимов отправился в Кабул (тогда владение Великих Моголов). Наместник Ауренгзеба в Кабуле доложил падишаху о миссии Касимова, но тот написал, что до сих пор в Индии не было русских послов. Он приказал своему наместнику выдать Касимову 2 000 рупий, обеспечить его безопасность, но отправить его обратно.[109]

IV

В XVII столетии важность Каспийского моря в истории отношений России (как политических, так и торговых) с центральной Азией, Персией и Индией очевидна.

Однако огромный перешеек между Каспийским и Черным морями — Кавказ — создавал трудности и имел собственное геополитическое значение в истории консолидации российской евразийской империи.

Завоевание Казани и Астрахани превратило Московию в каспийскую державу. Выход же к Азовскому и Черному морям все еще преграждали турки и крымские татары. В 1637 г. донские казаки захватили крепость Азов, ключ к этим морям, но они были не в состоянии удер-

живать ее без поддержки московских войск, а московское правительство, после созыва Земского Собора для обсуждения этой ситуации, пришло к заключению, что пока не готово начинать войну с Турцией. Донским казакам, таким образом, в 1642 г. пришлось уйти из Азова. В результате Московия могла использовать лишь каспийскую часть северного Кавказа для своих отношений с Кавказом в целом.

Главной опорой русского контроля над восточной частью северного Кавказа являлся Терский городок, расположенный в дельте реки Терек. К 1640 г. он представлял собой довольно мощную крепость, защищаемую тридцатью пушками и гарнизоном стрельцов. Терские казаки охраняли левый берег Терека, выше крепости по течению. В пригородах Терского городка жило семьдесят семей кабардинских *узденей* (князей), довольно много купцов (русских, армянских, азербайджанских и персидских) и мастера-ремесленники.[110] Западнее, при впадении в Терек реки Сунжа, в 1651 г. был восстановлен Сунженский острог, построенный в 1567 и покинутый в 1605 г.

Терская крепость и Сунженский острог угрожали дагестанским горцам, находившимся под протекторатом Персии. В 1653 году персидские и дагестанские войска осадили Сунженский острог. Небольшой русский гарнизон стрельцов и казаки оставили форт и отошли в Терский городок.[111]

Поскольку в это время московское правительство готовилось принять Украину в подданство царя, что означало войну с Польшей, оно не располагало свободными войсками для операций на Кавказе и не предприняло попыток вернуть Сунженский острог.

На запад от реки Сунжа жили кабардинцы, находившиеся под царским протекторатом со времен Ивана Грозного. Южнее центральной Кабарды лежали земли осетин, контролировавших Дарьяльское ущелье. Большая часть осетинских вождей племен северного склона Кавказской гряды являлись вассалами кабардинских князей. Осетины южного склона Кавказских гор были подданными грузинских (Картли) князей.

Между Кабардой и Черным морем жили адыги (черкесы), этнически родственные кабардинцам. Хотя большинство кабардинских князей принесли присягу Москве, большая часть адыгов признала власть турецкого султана и хана Крыма, который сам являлся вассалом султана. Турки построили семь крепостей на Таманском полуострове и в бассейне нижней Кубани (такие как Тамань и Темрюк) и держали там гарнизоны.

Как и в случае с крымскими татарами, важным источником дохода адыгейских и дагестанских вождей была охота на людей. Крымские татары при любой возможности нападали на кабардинцев и селения тех адыгейских князей, которые отказались признать турецкую и татарскую власть. Мужчин, женщин и детей брали в плен и продавали в рабство. В Кафе (в Крыму) находился главный рабовладельческий рынок Турции. Более того, адыгейские вожди продавали в рабство и собственных соплеменников низкого происхождения, захваченных во время своих междуусобных войн.[112]

В Дагестане мы обнаруживаем такую же ситуацию: захват пленников в феодальных усобицах между вождями, а также во время набегов дагестанских монархов на Россию, Кабарду и Кахети. Дербент на Каспийском море и Шемаха в Ширване тоже были важными центрами работорговли.[113]

Каждый год значительное количество *язырей* (пленников) бежало в русские владения, главным образом в Терский городок. Дагестанские вожди могли требовать их выдачи.[114] Чтобы избежать такой возможности, большая часть беглецов принимала христианство. После этого они были в безопасности.

Крымские ханы, поддерживаемые турками, продолжали притеснять Кабарду, но уже не имели возможности угрожать Терскому городку. Кабардинцы — по крайней мере большинство их князей — поддерживали Московию и донских казаков в борьбе против крымских татар и, при случае, против Турции. Во время Смоленской войны 1632-1634 гг. кабардинцы воевали с малыми ногайцами (в то время вассалами турецких султанов и крымских ханов) и, таким образом, косвенно помогали войскам московитов. В 1646 г. отряды кабардинцев вместе с русскими сражались против азовских татар, малых ногайцев и крымских татар,[115] а в 1677-1678 гг. кабардинские войска поддерживали московско-украинскую армию при защите Чигирина от турок.[116]

В отношениях Руси с двумя христианскими народами Закавказья, грузинами и армянами, важную роль играла не только политика и торговля, но и религия.

И грузины, и армяне обратились в христианство в IV в., но во время разногласий V и VI веков Армения встала на сторону монофиситов. В XV веке значительное количество армян, живших за пределами собственно Армении, приняло унию с Римом. И армяно-григори-

анская (монофиситская), и грузинская (православная) Церкви были автокефальными, во главе с собственным *Католикосом*.

К XVII в. Грузия и Армения были поделены между Персией и Турцией. Грузия, состоящая из нескольких царств, сохранила основы национальной политической организации. Каждый царь стал вассалом шаха или султана. В реальности любой из этих двух суверенов мог вмешиваться в процесс выдвижения царя, и персидский шах стремился поддерживать тех членов грузинского царского рода, которые повернулись к Персии и приняли Ислам.[117]

Высший класс грузинских феодалов-землевладельцев составляли князья (по-грузински, *tavad*); русские называли их боярами. Менее именитую знать (по-грузински, *asnaur*) в русских источниках называют боярскими детьми. Основная часть народа, крестьяне (*glekh*), — крепостные царя или знати.

Крепостное право в Грузии в тот период приближалось к рабству. Владелец мог не только передавать крестьянина вместе с землей как крепостного, но и отдавать и продавать его — даже заграницу. Грузинский царь Теймураз I Кахетинский обвинял князей Дадиани в продаже туркам от десяти до пятнадцати тысяч христианских мальчиков ежегодно, а князей Гуриели — в передаче подобным образом по меньшей мере двадцати тысяч человек.[118]

Сэр Джон Чарден, посетивший Мегрелию в последней четверти XVII в., писал, что "Мегрелия в настоящее время сильно обезлюдела, здесь не больше двадцати тысяч жителей. Тогда как не более чем тридцать лет назад, в ней жило не меньше восьмидесяти тысяч человек".

Причиной этого Чарден считал войну и продажу знатью рабов персам и туркам на уровне более двенадцати тысяч человек каждый год.

"Три тысячи каждый год они привозят прямо в Константинополь, чтобы обменять на ткани, оружие и другие товары, которые доставляют, как я уже сказал, в Мегрелию".[119]

В Армении, в некоторых восточных районах (отошедших к Персии), остатки национальной аристократии еще сохранялись. В западной же части, контролируемой турками и курдами, армянское население находилось под прямым правлением, т.е. в полной власти, завоевателей.

Кроме различных налогов и сборов в пользу Персии и Турции, армян принуждали поставлять определенное количество мальчиков и девочек в качестве специальной дани шаху и султану. Собранных

детей обращали в ислам. В Турции мальчиков помещали в отряды янычар; в Персии — в охрану шаха (*гулам*). Девочек отправляли в гаремы султана, шаха, их придворных, знати и военачальников.

В общем, положение армян при персидском режиме было менее тяжелым, чем при турецком. Для грузин — наоборот.

В 1615 г. шах Аббас назначил Иса-хана, принявшего ислам грузинского князя, правителем Кахетии, однако народ восстал под предводительством двоюродного брата Иса-хана, царя Теймураза. Весной 1616 г. шах повел в Кахетию карательную экспедицию. Восстание подавили; Теймураз бежал в Имеретию, находившуюся под турецким протекторатом.

Почти две трети населения Кахетии было депортировано в Персию, в Мазандаран и Хорасан. На их место поселили туркмен. Оставшуюся треть кахетинцев вытеснили в горные ущелья. Подсчитано, что, включая убитых и взятых в плен во время войны, Кахетия в тот год потеряла 230 тысяч человек.[120]

Теймураз обратился к турецкому султану за поддержкой против Персии, чтобы вернуть Кахетию. Ничего не получив, он отправил посольство в Москву с просьбой принять его в качестве вассала и защитить Грузию (1623-1624 гг.). Так как Московия еще не оправилась от разрушений Смутного времени, царь Михаил и патриарх Филарет не смогли пообещать ему активной помощи.

В 1636 г. Теймуразу удалось вернуть Кахетию, и он снова попросил царя о защите. В 1637 г. в Кахетию поехало московское посольство во главе с князем Ф.Ф. Волконским. В 1639 г. Теймураз и его сын принесли присягу царю. Москва, однако, все еще была не в состоянии прислать в Кахетию войска, и в 1648 году Теймуразу снова пришлось бежать в Имеретию.

Под его влиянием царь Имеретии Александр принес клятву верности царю Алексею (1651 г.). Тогда Теймураз отправил в Москву своего внука Ираклия, чтобы просить царя прислать в Грузию войска.[121]

Из этого ничего не вышло, и в июле 1658 г. Теймураз сам отправился в Москву с просьбой. Он чувствовал, что новый упор в политике Русской церкви, осуществляемый царем Алексеем и патриархом Никоном, на более близкие связи с православным христианством Ближнего Востока может помочь в его деле. Но так произошло, что к моменту прибытия Теймураза в Москву отношения между царем и патриархом обострились. Собственно, инцидент, повлекший за со-

бой открытый разрыв между Алексеем и Никоном, произошел как раз во время торжественного вступления Теймураза в город.

Однако не религиозные отношения, а международная ситуация не позволяла для московскому правительству активно вмешиваться в события в Закавказье; войны с Польшей и Швецией опустошили московскую казну, а московско-украинские отношения угрожали новым кризисом. В самом деле, гетман Выговский готовился перейти на сторону поляков. Договор между Польшей и Украиной был подписан в Гадяче 6 сентября 1658 г. Теймураз возвратился в Имеретию, разочарованный в своих надеждах. Его внук Ираклий остался в Москве.

В 1661 г. царь Картли, Вахтанг V (Шах-Наваз, после принятия ислама), вторгся в Имеретию. Теймуразу ничего не оставалось, как сдаться. Вахтанг возвел своего сына Арчила на престол Имеретии и отправил Теймураза в Исфахан. Теймураз умер в 1664 г., приняв постриг.[122]

Человек неукротимой энергии, Теймураз провел всю свою бурную жизнь, отчаянно сражаясь с врагами не просто за свою личную власть и выгоды, а за выживание грузинского народа как христианской нации. Обстоятельства были против него. Как большинство грузинских аристократов того времени, он испытал влияние персидской культуры и персидского стиля жизни. Ученый и поэт, он был знаком с персидской литературой и перевел на грузинский язык романтическую поэму Фирдуоси "Юсуф и Зулейха".[123]

Имеретия находилась под турецким сюзеренитетом. Султан неизбежно стал бы протестовать против вторжения туда Вахтанга и Арчила, и в 1664 г. шах приказал Арчилу покинуть Имеретию. Затем шах заставил его принять ислам и назначил царем Кахетии.

Поскольку Вахтанг правил Картли, а его сын Кахетией, эти два царства практически объединились. Несмотря на то, что оба правителя официально являлись мусульманами, на деле они поддерживали в стране христианство и пытались укрепить царскую власть в борьбе с грузинскими феодалами.

Сын Аббаса II, Сулейман, после отца занявший трон Персии в 1667 г., высказывал подозрения по поводу намерений Вахтанга и Арчила. В 1667 г. он вызвал из Москвы Ираклия, внука Теймураза. Когда Ираклий прибыл в Исфахан, Арчил бежал из Кахетии в Имеретию, и шах предложил Ираклию трон Кахетии при условии, что он

примет ислам. Тот отказался. Шах тогда отправил в Кахетию мусульманского наместника, однако позволил Вахтангу продолжать править Картли. После смерти Вахтанга, в 1676 г., царем Картли был назначен его сын Георгий (мусульманин, как и отец).

Кавказ представлял для русских также деловой и коммерческий интерес. Терский городок стал важным центром транзитной торговли. Там была таможня и три ряда купеческих магазинов, один из них для гилянской торговли.[124]

Продовольствие для терского гарнизона, например, муку, иногда покупали в Кабарде и в Кумыцком (Тарки) районе. От кабардинских мастеров-оружейников получали кольчуги и сабли самого высокого качества. Некоторых из них пригласили поселиться в Астрахани, открыть там свои мастерские и обучать русских учеников. Самых лучших кабардинских мастеров побуждали ехать в Москву.

Взамен кабардинским послам дозволялось покупать в Московии товары, запрещенные для частной торговли, такие как ружья, чугунные и медные котлы, сукна и меха.[125]

Московские послы в Грузии, например, князь И.Ф. Мышецкий, посланный в Кахетию в 1640-х годах, и стольник Н.М. Толочанов, направленный в Имеретию на 1650-1652 гг., получали инструкции собирать информацию о сельском хозяйстве, ремеслах и торговле этих стран. Согласно их докладам, экономика Кахетии находилась в упадке, и торговля была незначительной. В Картли и Имеретии дела обстояли несколько лучше.[126]

Довольно много армянских купцов торговали в Москве, Астрахани и некоторых других городах Московии. Армянские ремесленники и художники тоже посещали Московию. В 1667 г. московская *Оружейная палата* приняла на работу известного армянского художника Ивана (Богдана) Салтанова. Он поселился в Москве навсегда и передал секреты своего мастерства многим ученикам, некоторые из которых, как К.И. Золотарев, сами стали признанными мастерами.[127]

4. Сибирь

I

На всем протяжении XVII столетия Россия была не в состоянии ответить на призывы грузин и армян о помощи против Персии и Турции. Русская закавказская политика того периода провалилась и политически, и экономически. С другой стороны, отношения с

центральной Азией приносили русским значительную экономическую выгоду.

Именно Сибирь оставалась самым важным районом деятельности русских на Востоке. Более того, из-за продолжающего процесса русской колонизации, Сибирь была близка к тесной интеграции с Московией.

Большое значение сибирских мехов в государственном доходе Московии и в частной торговле сохранялось до конца XVII в.

Полезные ископаемые являлись еще одним ценным естественным ресурсом, обнаруженным в Сибири. В первой половине XVII в. в нескольких районах западной Сибири разведали месторождения железной руды. Какой бы примитивной ни была русская металлургическая промышленность в Сибири, она прекрасно отвечала своей цели — производству инструментов и оружия, нужда в которых росла с увеличением русских вооруженных сил и экспансией сельскохозяйственной колонизации этих земель.

В 1660-х гг. разведка месторождений полезных ископаемых и металлургическая промышленность получили дальнейшее развитие, прежде всего из-за войн с Польшей и крымскими татарами (а позже и с Турцией), приводивших к увеличению потребности в вооружении и источниках доходов.

Московские финансы находились в плачевном состоянии; эксперимент с медными деньгами окончился полным провалом; отсюда — отчаянные поиски источников серебра и золота.

В 1658 г. горожанин (*посадский человек*) Алексей Жилин обнаружил в районе Енисея залежи меди, которые он предложил разрабатывать на обычных условиях передачи правительству 10 процентов выплавленной меди (один пуд из каждых десяти). Он получил из казны субсидию в 500 рублей. В помощь Жилину из Соликамска был отправлен опытный медеплавильщик Данила Михайлов.

Предприятие оказалось успешным, но в 1664 г. Михайлов донес, что Жилин обманывает правительство при выплате десятого пуда. Жилин не признал обвинения.[128]

К этому времени Жилин активно занимался и черной металлургией. Казацкий офицер из Якутска, Федор Охлочков, доложил Сибирскому приказу в Москве, что Жилин организовал на реке Соленая у Енисейска соляной, слюдяной и железоделательный заводы. Выплавляемый им металл прекрасно подходил для производства ору-

жия. Однако Жилин не платил налогов, и администрация Енисейска не понимала, на каком основании Жилин владеет землей и промышленными предприятиями.

Охлочков предложил Сибирскому приказу передать жилинские предприятия правительству, поскольку таким образом они принесут казне значительно больший доход.[129] Нет свидетельств, последовало ли правительство совету Охлочкова. По всей вероятности, от Жилина потребовали платить обычные налоги.

Другим исключительно инициативным предпринимателем в области горного дела и металлургии Сибири в 1660-х гг. был Дмитрий Тумашев, самостоятельно исследовавший район Верхотурья в поисках железной руды и драгоценных камней. Дмитрия учил горному делу его отец, Александр Тумашев, в 1640-х гг. открывший месторождение меди у Соликамска на западном Урале. Дмитрий нашел в Верхотурье и железо, и драгоценные камни, а также залежи слюды. С помощью своего брата Петра он построил плавильный горн и в 1669 г. поехал в Москву с образцами найденных им минералов и драгоценных камней. Правительство пообещало возместить ему понесенные расходы и поощрило продолжать геологоразведку в Сибири. Однако московские чиновники затягивали оплату и выдачу Тумашеву окончательных инструкций, и он уехал из Москвы без их разрешения. Тумашев вернулся в Верхотурье, намереваясь руководить и расширять свою литейню.

Когда Сибирский приказ узнал о его отъезде, воеводе Верхотурья направили приказ установить местонахождение предприятия Тумашева, сделать его описание и допросить Тумашева, его помощников и работников.[130]

Из доклада посланного для расследования чиновника стало известно, что литейня Тумашева состоит из печи с тремя горнами и кузницы, на которой трудились пятнадцать работников. Ежедневно выплавляется три однопудовых заготовки (один пуд равняется 36 английским фунтам). 164.5 пудов железа было обнаружено на складе.[131]

Тумашева взяли для допроса в Тобольск. Он утверждал, что в 1670 г. выплавил 145 пудов железа, каждый десятый из которых, как положено, передал правительству. В 1671 г., с сентября по декабрь, было выплавлено 223 пуда. Из этих цифр видно, что его дело развивалось с каждым годом. Ему дали официальное разрешение продолжать работы. Кроме того, правительство поручило ему регулярно проводить разведку драгоценных камней, меди и серебряной руды.

В других случаях правительственные чиновники сами проявляли инициативу в разведке минеральных ресурсов и организации их разработки. В 1667 г. старшим воеводой Тобольска назначили энергичного администратора Петра Ивановича Годунова. В ряду многих других занятий, он искал — и нашел — серебряную руду на восточных склонах Уральских гор в верховьях реки Исеть. Ему помогали местные жители, среди них монах Далматовского монастыря — Лот. Образцы отправили в Москву. При выплавке из одного килограмма руды было получено 2,08-2,34 грамма серебра. Дело Годунова продолжил Михаил Селин. В 1670 г. он добыл 60 пудов серебряной руды.[132]

В конце 1660-х гг. тюменский казак Федот Белоглаз и серебряных дел мастер Петр Черепанов разведали серебряную руду в верховьях Енисея. В 1669 г. Черепанов выплавил 51 грамм серебра из двенадцати килограммов руды. Он сделал из этого серебра кресты и кольца для продажи в Красноярске. Только в 1673 г. Белоглаз и Черепанов доложили о своей работе енисейским властям.[133]

В некоторых случаях русские получали информацию о полезных ископаемых от аборигенов. В 1669 г. тунгусский князь, Дай-Контайша, прислал гонца воеводе Нерчинска с известием, что тунгусы его племени накопали много серебряной и оловянной руды, но не знают, как ее плавить. Князь просил русские власти направить к нему русских литейщиков для работы с рудой.

Узнав об этом, московское правительство решило взять дело в свои руки. В 1676 г., с помощью другого тунгусского князя, русские нашли остатки древних копей, где еще можно было добывать руду. В 1678 и 1687 гг. новые залежи серебряной руды были обнаружены в районе реки Аргун. В 1689 г. Сибирский приказ распорядился построить на Аргуне завод по выплавке серебра. В 1700 г. его расширили и модернизировали.[134]

И в Нерчинске, и на Алтае серебряные руды содержали также и золото. Примерно в 1676 г. посадский человек Филимон Свешников доставил в Нерчинск образцы "желтой" руды.[135] Однако только в 1704 г. первый образец (менее двух фунтов) золото-серебряной руды привезли в Россию.[136]

Кроме залежей серебра и золота (и их остатков в старых копях), дополнительный источник драгоценных металлов составило разорение погребальных курганов, хранивших золотые и серебряные украшения правителей степных империй.[137]

В 1669 г. тобольский воевода Годунов доложил в Москву, что в курганах у реки Исеть найдено много золотых и серебряных изделий. Годунов дал задание монаху Лоту собрать от башкир всю информацию о древних копях и курганах.

Его башкирские информаторы рассказали Лоту, что в Уральских горах существует множество следов старых копей и кузниц, а немного западнее Иртыша находится покинутый древний город (каменные здания), где каждый год башкиры собираются для молитвы и клятвы не открывать расположения старых копей никаким пришельцам.

Из Тобольска послали чиновников, чтобы проверить достоверность собранной Лотом информации. Оказалось, что башкиры добывают из горы золото и серебро и тайно продают серебро русским (частным лицам, а не правительству) по цене 12 рублей за пуд. Тобольские чиновники не увидели на горе древних строений, но башкиры сказали им, что старый каменный город, где есть остатки древней кузницы, действительно существует в другом месте, на острове реки Иртыш.[138]

Мы не располагаем информацией, как много золотых и серебряных предметов из древних могил было найдено или куплено русскими в конце XVII столетия. Судя по всему, только часть из них дошла до царской казны. Разграбление продолжалось в начале XVIII в. Петр Великий приказал все обнаруженные древности хранить в созданной им *Кунст-камере*. Теперь они в музее Эрмитаж в Ленинграде.[139]

Без систематического изучения всех опубликованных и неопубликованных материалов по сибирской металлургии во второй половине XVII в. невозможно, даже приблизительно, оценить объем производства металлов. Большинство сибирских горнов были малы по размеру, однако их было много. Известные источники не всегда содержат данные об их производительности. Не существует полного списка даже зарегистрированных местными властями, а ведь было много незарегистрированных. В обширных и малонаселенных лесах Сибири частным горноразработчикам и литейщикам было не сложно избегать правительственного контроля и налогов. Во многих случаях местные власти сами имели доли в этих незаконных железоделательных заводах и поэтому помогали предпринимателю избегать ответственности. В любом случае, металлургия Сибири в тот период удовлетворяла значительную часть местных потребностей при производстве инструментов и оружия, а часть железа из западной Сибири даже доходила непосредственно до Московии.

II

На всем протяжении XVII в. русское население в Сибири продолжало увеличиваться, как вследствие колонизации, так и вследствие естественного прироста.

По оценке П.А. Словцова, в 1662 г. в Сибири было семьдесят тысяч русских.[140] Местное население Словцов оценил в 288 тысяч. Недавно Б.О. Долгих, проанализировав ясачные книги и другие архивные материалы, пришел к заключению, что в конце XVII и начале XVIII в. их насчитывалось 216 875.[141] Может показаться в связи с этим, что оценка Словцовым местного населения Сибири в XVII в. чересчур завышена. С другой стороны, его цифра для русского населения Сибири в 1662 г. представляется обоснованной.

Согласно переписи 1678 г., количество дворов посадских и крестьян дворцовых, монастырских и церковных земель Сибири равнялось 10 289. Людей других категорий следует прибавить к этому числу, однако их количество на 1678 г. неизвестно. В 1710 г. другие категории составляли более 30 процентов от населения в целом.[142] Если в 1678 г. пропорция была примерно такой же, то дворов было около четырнадцати тысяч, в каждом не менее шести человек (обоих полов, включая детей). Общее количество русских в Сибири в 1678 г., таким образом, можно оценить в восемьдесят четыре тысячи человек (возможно, больше).

Согласно В.И. Шункову, к концу XVII века количество русских дворов в Сибири достигло двадцати пяти тысяч, по меньшей мере одиннадцать тысяч из них были крестьянскими.[143]

Обширность территории Сибири и многократное превосходство по численности местного населения над русским требовали сильной администрации, хорошей организации связи (почтовых лошадей и станций) и соответствующих вооруженных сил.

С начала русской колонизации ключевым городом в административной системе являлся Тобольск, и поначалу все новые города и крепости, строившиеся по ходу русской экспансии, подчинялись Тобольску.

Такое административное и военное в главном городе, к которому принадлежали меньшие города, стал называться *разрядом* (мн. ч. — разряды, термин первоначально относился к основному управлению военной администрации только в Москве). Тобольский *разряд* вер-

вые упоминается в 1601-1602 гг.[144]

С последующим продвижением на восток возникла необходимость предоставить больше власти воеводам некоторых более отдаленных городов. В 1629 г. организовали Томский разряд. В 1638 г. воевода Якутска получил власть, соответствующую положению главы разряда. В 1676-1677 гг. был создан Енисейский разряд.[145]

Следует отметить, что разряд, введенный как форма административного управления в Сибири, позже послужил образцом для сходных административных реформ в самой Московии. При царе Михаиле в 1636 г. сформировали разряд для охраны московско-украинской границы. При царе Алексее создали Новгородский разряд (для защиты от шведов), Севский и Белгородский — в южной Руси (против крымских татар).

До образования других сибирских разрядов Тобольск являлся административной столицей Сибири. После учреждения новых разрядов тобольский воевода потерял большую часть своей прежней власти. Москва рассматривала сибирские разряды как более или менее независимые друг от друга. Все подчинялись Сибирскому Приказу в Москве, там дела каждого разряда велись отдельно. Кроме того, каждый воевода ревностно относился к собственной власти и всегда был готов оспорить право воеводы Тобольска действовать в качестве старшего.

Несмотря на все это, географическое положение Тобольска и другие обстоятельства сами собой делали власть его воеводы большей, чем других. Во многих делах тобольский воевода оставался посредником между московским правительством и воеводами более отдаленных городов. Тобольск превратился в основную базу людских ресурсов и запасов для всей Сибири, лагерь для колонистов и ссыльных, а также в главный центр получения информации об остальной Сибири. Распределять людей, оружие, продовольствие и другие припасы было легче из Тобольска, чем из Москвы.[146]

В связи с особым значением города, пост старшего воеводы Тобольска считался одним из самых важных в градации московских административных должностей. Его обычно выбирали из известного боярского рода, и, чаще всего, он был человеком уже прославившимся своим административным талантом и энергией.

Самым выдающимся руководителем из тобольских воевод при царе Михаиле был князь Юрий Сулешев. При царе Алексее наибо-

лее творческий и инициативный тобольский воевода — *стольник* Петр Иванович Годунов, занимавший пост старшего воеводы с 1667 по 1670 гг.[147]

Свою главную цель Годунов видел в содействии государственной власти (*государевым делам*) и государственным интересам (*государским прибылям*). Получив назначение в Тобольск, Годунов разработал широкую программу военных, административных, финансовых и экономических реформ, благодаря которым сумел решить много насущных и острострящих вопросов. Не все его реформы были успешны, но, взятые вместе, они оказались очень важными для будущего развития Сибири.

Как только Годунов в 1667 г. прибыл в Тобольск, он приказал произвести перепись населения во всех городах и сельских районах Тобольского разряда. Целью переписи, согласно инструкции Годунова местным официальным лицам, являлось выяснить как экономическое положение и способность платить налоги различных групп населения, так и обороноспособность городов, особенно расположенных в южной части западной Сибири, открытой для нападений калмыков, башкир и других противников.

Что касается военных дел, то Годунов решил не только реорганизовать вооруженные силы под своим командованием, но и построить укрепленную линию для защиты южной части Тобольской провинции (районы Шадринска и Тюмени).

Работа по возведению линии началась на востоке у городка Тарханский острог на реке Тобол. Оттуда она прошла вверх по Тоболу к Ялуторовску, а затем на запад вверх по реке Исеть, через Шадринск и Далматово к Уральской горной гряде. Общая длина линии должна была составить 472 версты. Она состояла из *засек* (преград из поваленных деревьев в лесных районах) и в некоторых местах из рвов и земляных валов. Между существующими укрепленными городами дополнительно построили несколько новых крепостей. За время службы Годунова на этом посту линию полностью не закончили, однако она служила своей цели.

Сибирские вооруженные силы первоначально состояли из стрельцов, казаков и вспомогательных отрядов местных жителей. В самой Московии, начиная примерно с 1630 г., при помощи иностранных специалистов создавались новые армейские подразделения. Большую часть из них расформировали после неудачной войны с Польшей

1632-1634 гг. При царе Алексее эксперимент повторили в более широком масштабе, и отряды нового типа — *рейтары* (кавалерия) и *солдаты* (пехота) — постепенно стали основой московских армий.

В 1661 г. один из предшественников Годунова в Тобольске, князь Иван Хилков, организовал два отряда модернизированных войск, кавалерийский и пехотный. Людей набирали на месте и отдавали на подготовку к инструкторам, каких смогли найти, большинство из которых сами не имели представления о новых методах.

Эти войска стояли небольшими отрядами в городках и селениях южной части Тобольской провинции. Когда Годунов прибыл в Тобольск, количество рейтаров приближалось к семи сотням человек, а солдат — к 850. Годунов нашел, что все они недостаточно подготовлены, большинство плохо вооружены, а их содержание — слишком дорого. Кроме того, Годунов понял, что и рейтары, и солдаты не соответствуют своей задаче — сражаться с калмыками или татарами. Рейтаров — тяжелую кавалерию — готовили воевать крупными отрядами: метод эффективный в войнах против Польши и Швеции, но не со степной конницей.

В связи с этим Годунов заменил два отряда одним, хорошо подготовленным подразделением легкой кавалерии — драгунами. Кавалерия драгун была более подвижной, чем рейтарская, и обучена воевать в пешем строю, на случай если возникнет такая необходимость.

Чтобы сократить расходы на новый отряд, Годунов установил для солдат и офицеров значительно более низкое жалованье. В качестве компенсации тем и другим дали право получить земельные участки, размер которых зависел от чина. Младшим офицерам полагалось от 9 до 24 десятин; старшим офицерам — от 27 до 90. Этот принцип применялся также к жалованьям других категорий служилых людей в Сибири.

Чтобы поддержать производство сельскохозяйственной продукции, Годунов принял меры к увеличению количества земель, обрабатываемых для государственных нужд (*государева* или *десятинная пашня*). В районах Тюмени, Тары и Пелыма провели перепись пахотных земель, чтобы предотвратить уклонение крестьян от сдачи зернового налога. Целью Годунова было сделать Сибирь производящей достаточно сельскохозяйственной продукции для того, чтобы ежегодная доставка зерна из Перми в Тобольск стала ненужной. Это ему удалось.

Ища способы увеличить государственные доходы в Тобольской провинции, Годунов приказал проверить население города Тобольска, чтобы выявить горожан, не зарегистрированных ни как служилые, ни как члены *посадской* (городской) тягловой общины. Таковыми являлись различные младшие родственники горожан: сыновья, младшие братья или племянники, которые, таким образом, до сих пор избегали службы или *тягла* (налогооблагаемого статуса).

Если в армии или администрации находились вакансии, этих младших родственников регистрировали на службу; остальных объявляли *посадскими*, как и младших родственников обычных посадских.

Практически на все категории населения (служилых, посадских, крестьян, казаков) наложили разного рода повинности. Работа их включала в себя постройку или ремонт речных судов и мостов, предоставление лошадей и повозок для транспортировки соли и топлива, уборку и ремонт улиц Тобольска и так далее. Все работы были действительно необходимы, да беда в том, что людям за нее не платили. Система, выгодная для государственной казны, но ненавистная народу, привела к многочисленным жалобам на Годунова.

Значительно более конструктивными были усилия Годунова по развитию промышленности, например, строительство мастерских для изготовления канатов, веревок и такелажа; винокуренного завода и железоделательных мастерских. Кроме того, Годунов также разведал месторождение серебряной руды.

Огромное значение имела поддержка Годунова таких научных работ, как создание общей карты Сибири и сбор данных о Китае.

Годунов прекрасно понимал важность глубокого знания ресурсов и потребностей страны, за которую он нес ответственность. Для широкомасштабного сбора информации он использовал официальные каналы, отсюда его инструкции подчиненным, программы переписей и т.д.

Обычно он предпринимал подобные шаги, предварительно обсудив их в узком кругу своих неофициальных советников, людей, которым он доверял, хорошо знавших эту страну и живущий здесь народ. Среди членов этого неофициального кружка был стрелецкий сотник Ульян Ремезов, человек острого ума, глубоко интересовавшийся географией и историей Сибири, многие считали его *волшебником.*[148]

Кроме опоры на эту группу постоянных советников, Годунов всегда стремился получить информацию и помощь от местных знающих людей. Так, при поисках месторождений железной руды в бассейне реки Исеть, Годунов положился на монаха Далматовского монастыря — Лота, горного специалиста-самоучку.

С другой стороны, со своими подчиненными в Тобольске и других городах Тобольского разряда Годунов вел себя надменно и властно. Исполненный идеей государственного приоритета и являясь в Тобольске представителем царя, Годунов требовал полного подчинения и уважения от своего младшего воеводы, князя Ф.Ф. Бельского, секретарей (*дьяков*) и других чиновников администрации, а также от народа в целом. Он считал своим долгом демонстрировать собственную власть при всех официальных действиях.

Тобольские служащие жаловались, что, когда Годунов работал в своем кабинете правительственного здания (*приказной избе*) в Тобольске, он выставлял охрану на улице под окнами. Они должны были стоять на часах без головных уборов как зимой, так и летом. "Никто из предыдущих воевод не требовал этого".

Когда Годунов по праздникам или торжественным случаям посещал службу в соборе, он организовывал впечатляющую процессию; по таким дням на площади перед собором устанавливались десять пушек.

Из-за высокомерного поведения Годунова и его попытки сконцентрировать высшую административную власть над всей Сибирью в собственных руках, он постоянно не ладил с другими сибирскими официальными лицами, такими как князь Бельский, воевода Верхотурья — Иван Колтовский и др. Многие из них жаловались в Москву. Поначалу их жалобы игнорировались, и в июне 1668 г. князя Бельского сняли с должности и вызвали в Москву. Годунов снова мог чувствовать себя в безопасности.

Но в следующем году в Москву поступили новые жалобы. В июне 1670 г. совместная делегация от тобольских служилых людей разных категорий, татар Тобольска и Тары, а также крестьян Тобольского района отправилась в Москву протестовать против новых налогов и повинностей, наложенных на них Годуновым. Это было время разинского восстания, и московское правительство внимательно относилось к настроениям военнослужащих и крестьян. В октябре Годунова освободили от должности и возвратили в Москву. Его нео-

5. Сибирь в XVII веке

фициальных советников, включая Ульяна Ремезова, выслали в отдаленные города (Ремезова сослали в Березов). Большую часть финансовых мер Годунова, считаемых населением непосильными, аннулировали.

Тобольск не только являлся самым важным городом в сибирской административной системе, он также стал интеллектуальным центром Сибири.

Русское население Сибири изобиловало людьми огромной энергии, предприимчивого духа и острого интеллекта. Именно они продолжали открывать новые земли и разведывать для своей страны полезные ископаемые. Их ряды постоянно пополняли приезжающие в Сибирь по собственной воле, люди, ссылаемые в Сибирь за оппозицию к Московскому правительству или церковным властям, а также иностранные военнопленные.

Две наиболее образованные группы сибирского общества, из которых происходило большинство тех, кого мы можем назвать (с необходимыми оговорками) интеллектуалами того периода, составляли духовенство и представители администрации, воеводы и их штат, дьяки и подьячие. Однако люди пытливого ума и значительного образования (по московским стандартам того времени) встречались также среди армейских и казацких офицеров, купцов и предпринимателей (*промышленников*).

Среди европейцев в Сибири (преимущественно это были ссыльные, но встречались и иноземные специалисты на русской службе) были личности такого высокого ума и образования, как хорват Юрий Крижанич.[149]

Крижанич приехал в Москву из Рима в сентябре 1659 г., и был принят правительством на службу в качестве ученого. Царь уполномочил его отредактировать и внести исправления в научный труд по славянской грамматике, а также составить словарь славянского языка. Его работа в Москве продолжалась только шестнадцать месяцев: в январе 1661 г. его сослали в Тобольск. Точная причина ссылки неизвестна, но предполагают, что в беседе с каким-то боярином он сказал нечто о царе Алексее, что боярин неправильно понял и счел оскорблением государя.[150]

Согласно инструкциям из Сибирского приказа, Крижаничу пожаловали хорошее денежное содержание. Тобольским властям приказали использовать Крижанича "для государевых дел, к которым

он подходит". Собственно, воевода позволил Крижаничу делать то, что он считает важным, и тот посвятил себя сочинительству.

Крижанич провел в Сибири пятнадцать лет, ему позволили вернуться в Москву только в 1676 г., после смерти царя Алексея. В 1677 г. он получил разрешение покинуть Русь. Крижанич отправился в Вильно, где вступил в Доминиканский монашеский орден. Он умер в Вене, во время ее осады турками, в 1683 г.

В Тобольске Крижанич завершил редакцию славянской грамматики, порученную ему еще в Москве. Кроме того, он написал собственное сочинение по славянской грамматике. Основная работа, созданная им в Сибири, касается принципов управления государством и приложения их к России. Она известна под названием "Диалоги о государственной власти", или "Политика".[151]

Крижанич также написал несколько богословских трактатов, один из них направлен против московского правила совершать новый обряд крещения над римскими католиками, желающими перейти в православие. (Когда Крижанич писал эту работу, московский Собор 1666-1667 гг. отменил правило). Другой труд Крижанича этого периода представляет собой выступление против староверов.

Известно, что, находясь в Тобольске, Крижанич также написал научную статью по географии и этнографии Сибири, а также небольшую работу о торговле с Китаем. Рукописи этих его трудов не обнаружены. В 1680-1681 гг., после отъезда из Московии, Крижанич написал на латыни "Историю Сибири" (также известную под названием "Relatio de Siberia"), некоторые части из которой использовал Н. Витсен в своей книге "Noord en Ost Tartaryen" (первое изд., 1692).[152]

В Тобольске Крижанич поддерживал тесные контакты как с иностранцами, так и с русскими. Среди иностранцев, живших там одновременно с ним, было четыре монаха-доминиканца, сосланных в Сибирь в 1656 г. (они оставались в Тобольске до 1664 г.), а также много поляков и литовцев. По всей вероятности, именно благодаря кому-то из этих иностранных ссыльных, Крижанич получил возможность читать свежие немецкие газеты (они поступали в Тобольск с известным опозданием, но, судя по всему, весьма регулярно).

Из русских, кроме государственных чиновников, Крижанич был знаком с некоторыми православными священниками и с высланны-

ми лидерами староверов. Аввакум, как нам известно, отказался беседовать с ним, однако Федор и Лазарь оказались готовы обсуждать религиозные темы.

Крижанич также стал близким другом купца Афанасия Андреевича Осколкова. Осколков часто ездил по делам в Москву и мог получать из Германии книги, необходимые Крижаничу для работы. Среди других русских друзей, упоминаемых Крижаничем в своих работах, — Ульян Ремезов. Крижанич также знал нескольких ссыльных украинцев.

В целом, список друзей и знакомых Крижанича читается как справочник по интеллектуальной элите Сибири 1660-х и 1670-х гг. и показывает разнообразие ее представителей и их интересов.

Во многих отношениях проблемы интеллектуальной жизни и столкновение идей и религиозных чувств в Сибири были сходны с переживаемыми в тот период в Москве. Особенностью тобольского круга, однако, являлся острый интерес к истории и географии Сибири, монголо-тюркскому миру южнее ее границ и к Китаю.

Работы Крижанича по Сибири и китайской торговле следуют традициям предшествующего тобольского географического исследования. Важной вехой на этом пути явилась карта Сибири, составленная при поддержке тобольского воеводы Петра Годунова в 1667 г., когда Крижанич уже был в Тобольске.[153]

Преемники Годунова продолжали собирать в Тобольске информацию по географии и этнографии Сибири. Что же касается связей с местными племенами и народами Сибири и территорий южнее ее, то следует отметить, что в 1678 г. в Тобольске было четыре переводчика с татарского языка, один — с калмыцкого и три — с остяцкого. Кроме того, было два переводчика с калмыцкого языка (и, по всей вероятности, с языка восточных монголов) для чтения официальных калмыцких документов и писем.

Карту Годунова дополнили примерно в 1672 г. Военному атташе шведского посольства в Москве в 1673 г., Э. Пальмквисту, удалось получить копии двух карт, очевидно, подкупив некоторых чиновников московского Посольского приказа.[154]

На основе исследований, проведенных в Тобольске в 1670-х и 1680-х гг., Семен Ремезов (сын Ульяна) начал в 1690-х гг. свою работу по географии, этнологии и истории Сибири. Его замечательный "Атлас Сибири" был завершен в 1701 г.[155]

5. Русско-китайские отношения (1667-1682 гг.)

I

Продвинувшись в 1650-х гг. в район Амура, русские вступили в контакт с Китаем (где к этому времени воцарилась династия Цин) и имели несколько столкновений с маньчжурскими войсками (см. главу 5).

Как русские, так и маньчжуры знали об опасности потенциального конфликта между Московией и Китаем. Чтобы избежать его, русские продолжили попытки заложить основу для договора с Китаем, который нормализовал бы русско-китайскую торговлю.

В 1668 г. в Пекин был отправлен русский торговый караван. Его глава, Сеткул Аблин, имел указания способствовать торговым отношениям между двумя странами и собрать информацию о Китае. Аблин получил аудиенцию молодого императора Канши (годы правления 1662-1722 гг.) и разрешение продать товары (на 4 500 рублей), доставленные им в Пекин. На вырученные деньги он купил китайские товары. Когда он привез их в Москву, их оценили в 18 751 рубль. Сделка, таким образом, оказалась весьма выгодной.[156]

В 1670 и 1671 гг. Пекин посетили русские купцы с товарами, а в 1674 г. в Китай отправился большой торговый караван, в который входили Филатьев и около сорока других русских купцов. Помощнику Филатьева, Г. Никитину, позже суждено было стать одним из ведущих русских оптовых торговцев.

Хотя торговые связи приносили доходы обеим сторонам, маньчжурское правительство все еще с подозрением относилось к намерениям русских в амурском регионе. В Пекине решили переселить тунгусов и другие местные племена Даурии с территорий вблизи от русской границы вглубь Китая, чтобы создать нейтральную зону южнее реки Амур. С оборонными целями и на случай возможной войны с Московией, Маньчжурию поделили на три военных района с центрами в Мукдене, Айгуне и Нингуте.[157]

Население Даурии было очень недовольно насильственным выселением на юг. Большинство с неохотой подчинилось, а тунгусский князь Гантимур ушел со своим родом на русскую территорию и в 1667 г. признал сюзеренитет царя Алексея. Маньчжурское правительство потребовало его выдачи, но русские власти отказали. Статус Гантимура заметно осложнил русско-китайские отношения пос-

ледующих лет. В 1685 г. Гантимур принял христианство и был окрещен Петром. Он получил дворянский титул и вошел в высшую группу — московское дворянство. Его потомки известны как князья Гантимуровы.[158]

Окончание польской войны (1667 г.) и подавление восстания Разина (1671 г.) позволило московскому правительству уделить больше внимания продвижению русских интересов на Востоке.

Кроме того, в 1670-х гг. ситуация в Европе не способствовала русской торговле с Западом. Третья англо-датская война длилась с 1672 по 1674 г. Война Голландии против Франции продолжалась до 1679 г.

После отставки Ордина-Нащокина царь Алексей доверил руководство иностранными делами Артамону Матвееву, в 1672 г. получившему чин окольничего, а в 1674 г. ставшему боярином.

По совету Матвеева правительство решило предпринять новую попытку расширить русскую торговлю с Китаем и Индией. В 1675 г. на Восток отправили два московских посольства: одно — в Индию, возглавляемое М. Касимовым, и другое — в Китай, под руководством Николая Гавриловича Спафария (Николае Спафар Милеску).

Николае Милеску, молдавский дворянин греческого происхождения, родился в 1636 г. Он получил прекрасное образование в высшей школе в Константинополе (Большой Школе), основанной патриархом Кириллом Лукарием (1621-1638 гг.).[159] Кроме двух родных языков, румынского и греческого (как современного, так и древнего, классического), Милеску овладел церковно-славянским (позже также и русским), латинским, турецким, итальянским и немного арабским. Он начал свою политическую карьеру при молдавском князе (господаре) Георгии Стефане (1653-1658 гг.). Это был бурный период в истории Молдавии и Валахии (обе являлись вассальными княжествами Турции), полный интриг и смен правителей. Милеску достиг придворного чина *спафара* (носителя меча), название которого соединилось с его именем (на русском — Спафарий). В 1664 г. он вышел из игры и переехал в Германию. Скоро он нашел место при эмигрантском дворе своего первого патрона Георгия Стефана, который к тому времени поселился в Штеттине (тогда находившемся под шведским владычеством).

В 1665 г. Георгий Стефан отправил Спафария с дипломатической миссией в Париж просить короля Людовика XIV дать указание французскому послу в Константинополе сделать попытку убедить султа-

на восстановить Стефана на молдавском престоле. Шведский король поддержал просьбу Георгия Стефана. Людовик XIV согласился с ней, однако это посредничество результатов не принесло. Тогда Георгий Стефан решил обратиться за помощью к царю Алексею. В 1668 г. царь пригласил его, его жену и их свиту (включая Спафария) приехать в Москву, но как раз в это время Стефан скончался. В 1669 г. его вдова Стефания одна прибыла в Москву. Это случилось вскоре после смерти царицы Марии, первой жены Алексея. При московском дворе задумали интригу с целью выдать румынскую красавицу за царя, однако из этого ничего не вышло. Стефания поселилась в одном из московских монастырей без принятия пострига.

Смерть Георгия Стефана оставила Спафария без господина, и он вернулся в Молдавию. Пострадав от интриг соперников, он отправился в Константинополь. Там, в январе 1677 г., патриарх иерусалимский Досифей посоветовал ему искать места в Москве и дал рекомендательное письмо к царю Алексею. Спафарий воспользовался помощью Досифея. Избегая румынские княжества, он ехал через Венгрию и Польшу. 23 мая у Смоленска Спафарий вступил в пределы Московии.

В Москве способности Спафария и его достижения в языках произвели благоприятное впечатление на Матвеева, и он назначил его постоянным переводчиком московского Посольского приказа. Вдовствующая княгигя Стефания, очевидно, тоже поддержала Спафария.

Спафарий стал близким другом Матвеева, который часто приглашал его к себе в дом принять участие в беседах с другими учеными друзьями. Спафарий читал Матвееву или обсуждал с ним многие религиозные и исторические книги. Больше того, Матвеев назначил Спафария наставником своего сына Андрея, будущего сподвижника Петра Великого.[160]

Когда, в 1674 г., было решено отправить посольство в Китай, Спафария назначили его руководителем, отмечая его отличное знание латинского языка и возможность справиться с поставленными задачами. К тому времени стало известно, что в Китае находится миссия иезуитов. Иезуиты служили учителями и личными советниками императора, который стремился не слишком распространяться о них, поскольку для большинства китайцев они оставались "западными варварами" (русских в Китае называли "северными варварами").

Иезуиты долгое время старались наладить сухопутный путь из Европы в Китай либо через Персию, либо через Московию. Поэтому

появление Спафария в Пекине было для них приятным событием. Главой иезуитской миссии в Китае с 1666 г. являлся бельгиец Фердинанд Вербиест.

Сам Спафарий и московский Посольский приказ тщательно готовились к этому путешествию. Спафарию предоставили всю информацию о Китае, имевшуюся в распоряжении Посольского приказа, а также материалы о Сибири и путях в Китай, собранные в Сибирском приказе.

Спафарий, таким образом, ознакомился с докладом Байкова. Кроме того, Крижанич прислал Спафарию, через А.А. Осколкова, свою записку о Сибири и заметки о торговле с Китаем.

25 февраля 1675 г. Спафарий получил царские инструкции посольству. Три дня спустя царь подписал свое письмо императору Канси.[161]

В послании китайскому императору царь Алексей предлагал установить между Московией и Китаем дружественные дипломатические отношения и экономические связи. Он информировал императора, что письма, ранее полученные из Пекина, в Москве прочесть не смогли, из-за отсутствия в московском Посольском приказе переводчика с китайского языка. Царь просил *богдыхана* (так русские называли императора) простить его, если его титул был неправильно сформулирован, так как полный титул был Москве неизвестен.

В инструкциях Спафарию приказали записывать в посольский дневник всю информацию о путях в Китай. Кроме этого, Спафарий должен был выяснить, существует ли путь из Китая в Индию, собрать информацию о шахе Индии, его имени, вероисповедании и узнать, как к нему обращаются соседние правители.

Особые задачи посольства состояли в проведении переговоров о репатриации русских, захваченных китайцами в плен, о регулярном обмене посольствами и о свободе торговли между двумя странами. Дело Гантимура намеренно исключили из списка проблем для обсуждения с китайцами.

Штат Спафария состоял из двух дворян, двух служащих Посольского приказа, греческого специалиста по драгоценным камням и другого грека, специалиста в медицине и лекарственных травах. Посольство имело с собой компас и астролябию. Среди книг, которыми снабдили Спафария, находились отчеты двух датских миссий в Китай.[162] Посольство также везло подарки китайскому императору и

высшим официальным лицам и товары для торговли.

4 марта Спафарий со своими людьми и военным эскортом выехал из Москвы в Тобольск, куда они прибыли 30 марта.

Спафарий провел там больше месяца, заканчивая последние приготовления к путешествию в Китай и собирая дополнительную информацию. Он привез с собой из Москвы четыре письма, ранее полученные из Пекина, которые никто не смог прочесть, и в Тобольске нашел человека более или менее знакомого с маньчжурским языком, которому удалось прочитать два из них.[163]

Спафарий сразу же нанес визит Крижаничу, и в течение пяти недель, пока Спафарий оставался в Тобольске, он видел Крижанича каждый день. Они вместе обедали и ужинали. Крижанич переводил Спафарию с датского на латинский доклад посольства Питера ван Хоорна в Китай в 1666-1668 гг., который Спафарий привез из Москвы. Крижанич также дал пояснения к своим заметкам о Китае и китайской торговле и подготовил записку о наилучших путях в эту отдаленную страну.

Бухарские купцы в Тобольске рекомендовали Спафарию ехать в Пекин через калмыцкие степи (путь, избранный Байковым в 1654 г.).

Крижанич указал Спафарию на недостатки этого пути и советовал ехать через Нерчинск и Даурию. Русские купцы, с которыми консультировался тобольский воевода, придерживались того же мнения, что и Крижанич (возможно, именно от них Крижанич получил свою информацию). Воевода убеждал Спафария последовать их (и Крижанича) совету, что Спафарий и сделал. Он выступил из Тобольска 2 мая 1675 г.[164]

5 сентября посольство добралось до Иркутска. Там власти сообщили Спафарию о продолжающейся миграции даурских племен из пределов Китая в Московию. Спафарий встретился с князем Гантимуром, который сказал ему, что ни при каких условиях не желает возвращаться на китайскую территорию. Спафарий заверил Гантимура, что царское правительство никогда не выдаст его китайцам.[165]

Информация об эмигрантах из Китая, полученная Спафарием в Иркутске, сделала для него очевидным, что эта проблема осложнит программу переговоров с китайской стороной.

Из Иркутска Спафарий отправился в Нерчинск и прибыл туда 4 декабря. Через две недели посольство выступило в Пекин. На пути китайские власти задержали Спафария более чем на месяц. Наконец,

15 мая 1676 г. посольство въехало в столицу Китая. Спафарию и его штату отвели неудобные помещения в ветхих зданиях. Снаружи выставили китайскую охрану. Спафарий отметил, что чувствовал себя, как в тюрьме.

Это было обычное начало. Однако, когда начались переговоры, они протекали более гладко, чем в случае с Байковым. Узнав, что Спафарий владеет латынью, император Канши назначил иезуита Вербиеста переводчиком переговоров. Предполагалось, что он будет лишь рупором китайских чиновников, ответственных за переговоры, но на самом деле его роль оказалось более значительной, в некоторых случаях он служил почти посредником. Вербиест также перевел Спафарию два оставшихся китайских послания царю.

Вербиест и Спафарий понравились друг другу. Вербиест был рад возможности побеседовать на латыни с новым человеком (в Пекине, кроме него, было только четыре иезуита, с кем он мог говорить по-латыни). Он также желал через Спафария установить связь с московским правительством.[166]

Способность Спафария говорить по-латыни с ученым советником произвела благоприятное впечатление на императора, а также на китайских официальных лиц.

И китайский мандарин спросил Вербиеста — действительно ли может посланник говорить с ним? — и тот ответил, что действительно, и весьма хорошо. Тогда они спросили посланника, нравится ли ему переводчик, и полностью ли они понимают друг друга. И посланник попросил их поблагодарить богдыхана за то, что он прислал такого человека, который не только может устно передать все дела двух государей, но и может перевести, слово в слово, их титулы и письма.[167]

Между официальными переговорами Спафарий и Вербиест имели время поговорить друг с другом наедине.

Иезуит сказал посланнику, что рад сделать для царя все, что в его силах, во имя Господа; он знал, что богдыхан будет спрашивать обо всем, особенно о Русской империи — действительно ли она такая большая, как на карте? И он [Вербиест] посожалел, что такой великий монарх должен был присылать свое посольство, потому что китайцы были варвары, не оказывающие почестей посланникам, как уже случилось с португальцами и датчанами; более того, присланные им подарки они называют и записывают как дань; а в письмах говорят, как хозяин со своим слугой; и в других случаях поступают неуважительно.[168]

Как и у Байкова, первые осложнения возникли по поводу царского письма и подарков императору. *Асканиама*[169] настаивал на том, чтобы Спафарий все отдал ему для передачи императору. Спафарий отказался подчиниться.

Наконец сошлись на компромиссном решении. Спафарий вручает послание царя и подарки большому совету высших чиновников (*Колай*) в императорском дворце. Император будет сидеть на троне за занавеской. Спафарий, таким образом, будет избавлен от исполнения низкого поклона (*кэтоу*). Церемония произошла 5 июня 1676 г., и конфликта избежали, однако более серьезные споры вызвал статус Гантимура. Китайцы сделали его выдачу условием заключения договора о дружбе с Московией. Спафарий категорически отверг предъявленное требование.

Несмотря на это, 15 июня богдыхан пригласил Спафария на чайную церемонию. Разговоров не велось. Когда же закончилась официальная часть приема, последовало некоторое замешательство. "Многие родственники царя и придворные не могли отвести взора от мантии посланника из соболей с золотом и украшений и орнаментов на всем его костюме." Образовалось, судя по всему, настоящее столпотворение, поскольку, как отметил в своем отчете Спафарий, "было трудно пройти сквозь них к воротам, где ждали лошади".[170]

Великолепный наряд Спафария произвел на китайцев такое сильное впечатление, что император приказал придворному художнику написать его портрет. Спафарий попросил сделать ему копию портрета, но, по-видимому, не получил ее, так как в его отчете о ней не упоминается.[171]

16 июня китайские официальные лица сообщили Спафарию, что император дал разрешение посольству русских продать свои товары и купить взамен китайские. Русским, однако, позволили иметь дело лишь с ограниченной группой китайских покупателей — родственниками императора, высшими чиновниками и несколькими купцами. Продажа и купля продолжались весь июль, но в своем отчете Спафарий жаловался, что "мандарины и все переводчики и все [китайские] купцы договорились между собой, какие цены они дадут за наши товары, и какие товары каждый из них будет брать".[172]

19 июля богдыхан дал Спафарию аудиенцию. Кроме высших чиновников, присутствовали два иезуита. По их совету Спафарий согласился преклонить колени, когда император спросил его, через од-

ного из иезуитов, о здоровье Его Величества, Государя Всея Руси. Спафарий ответил в соответствии с русской дипломатической формулой для этого случая. Затем император спросил его о его собственном возрасте, и Спафарий ответил, что ему сорок лет. Вторым вопросом императора, заданным Спафарию, был следующий: "Хан слышал, что ты ученый человек, и он желает знать, изучал ли ты философию, математику и тригонометрию?"

Спафарий ответил, что может претендовать на некоторое знание, о чем могут засвидетельствовать иезуиты, с которыми он часто беседовал.[173]

9 августа Вербиест сказал Спафарию, под клятвой секретности, "что хан намерен начать с царем войну, если тот не выдаст Гантимура; он также планирует захватить пограничные крепости Албазин и Нерчинск". Китайцы "знают, что сейчас гарнизоны там небольшие, а Москва далеко, тогда как они сравнительно близко; но тем не менее они планируют ждать, пока количество их войск на границе возрастет".[174] Таким образом, хотя Спафарий и знал о главном препятствии для заключения мирного договора с Китаем, он не мог его устранить.

13 августа Спафарию вручили подарки императора для царя, хотя Спафарий и отказался встать при этом на колени, через три дня одарили Спафария и членов его миссии.[175] Тогда же Спафария известили, что ему дозволяется оставаться в Пекине не более семи дней.

29 августа его пригласили во дворец, где ему должны были объявить императорское решение. Когда Спафарий прибыл, один из высших чиновников сказал, что он и его люди должны слушать решение на коленях.

И он не хотел. Но тогда московские дворяне, и боярские дети, и казаки стали просить его встать на колени и сами поклонились. Поэтому посланник положил свою подушку перед собой и преклонил колена.[176]

Придворный тогда объявил:

Хан выбрал не писать никакого ответа царю, и тому две причины: во-первых, потому что вы были непокорны, отказавшись принять подарки для вашего государя на коленях... во-вторых, даже если бы хан [император] и соблаговолил написать царю, все, что он хочет, — это получить Гантимура [что Спафарий отказался пообещать].

1 сентября Спафарий покинул Пекин. Хотя договор с Китаем и не был подписан, посольство Спафария дало свои результаты. Он собрал обширную информацию о Китае, его правительстве, системе управления и политических целях на Дальнем Востоке. На китайского императора и придворных произвела сильное впечатление личность Спафария, и благодаря этому они получили полное представление о Московском царстве и людях его населяющих.

Как нам известно, важным источником информации о Китае оказался для Спафария Вербиест. По всей вероятности, Спафарий, в свою очередь, передал Вербиесту значительную информацию о Московии, хотя, по очевидным причинам, не упомянул об этом в своем отчете.

Как остроумно заметил Джозеф Себес,

Участие иезуитов в ранних русско-китайских дипломатических отношениях — поразительный исторический феномен. Поистине удивительно, что небольшая группа европейцев, иностранцев и для Руси, и для Китая, миссионеров, с трудом выносимой, если не преследуемой в обеих странах, сыграла роль посредников в чрезвычайно важных дипломатических миссиях между этими двумя великими державами.[177]

Спафарий просил Вербиеста найти для него латинско-китайскую грамматику. Он сказал, что таковой не написано, но дал Спафарию свои карты Китая, *Atlas Sinensis*, а также экземпляр описания Китая иезуитом Мартини в его *Novus Atlas Sinensis*, впервые напечатанный на латыни в Амстердаме в 1655 г.[178] Вербиест также дал Спафарию для царя свою книгу по астрономии в Китае[179], и направил царю послание, которое просил Спафария сохранить в тайне. "Никто не должен знать [о нем], даже его братья иезуиты, потому что эти люди очень подозрительны, и он боялся".[180]

В своем письме Вербиест, сравнивая свой жребий со жребием Овидия, превозносит царя, предлагает ему свои услуги и просит назначения на должность переводчика к Его Величеству, поскольку он знает восемь языков. Он также с похвалой отозвался о мастерстве и достоинстве Спафария при исполнении дипломатической миссии.[181]

В ответ за услуги и подарки, Спафарий отдал Вербиесту, по его просьбе, икону Архангела Михаила, в окладе из серебра и золота, для иезуитской церкви в Пекине.[182]

В начале ноября Спафарий добрался до Селенгинска, где провел зиму и подготовил отчет царю. Из Селенгинска он выехал 3 мая

1677 г. и 7 июня прибыл в Енисейск. Там его остановил енисейский воевода, Михаил В. Приклонский, предъявивший указ царя Федора, по которому Спафария, всех членов его посольства, а также их личные вещи обыскал таможенный офицер и его люди. Посольскую казну, вместе с личными ценностями Спафария и других, воевода забрал в таможню, опечатал и отослал в Москву.

II

Царь Алексей скончался 30 января 1676 г., и престол унаследовал старший из сыновей от первого брака Федор. Перемена на троне принесла с собой перемену в политике. Под давлением клана Милославских Матвеева арестовали и выслали. Среди выдвинутых против него обвинений было и то, что Спафарий тайно читал ему "черную книгу" о магии.[183] Обвинение, очевидно, основывалось на извращении того факта, что Спафарий действительно читал и обсуждал с Матвеевым книги ученых. Некоторые из них были на латыни, которую Спафарий трактовал Матвееву.

В любом случае, было установлено, что Спафарий является близким другом Матвеева, и опала Матвеева не могла не сказаться на отношении нового правительства и к Спафарию тоже. Более того, определенные члены посольства Спафария выдвинули против него обвинения, такие как, например, в продаже некоторых царских подарков богдыхану в своих интересах и передаче китайцам копий карт России. Принесение православной иконы в дар иезуитской церкви в Пекине расценивалось как унижение православия.

Спафарий возвратился в Москву 3 января 1678 г. и был подвергнут допросу в Сибирском приказе. По поводу передачи иконы Архангела Михаила иезуитам, он объяснил, что казаки и другие русские, оказавшись в Пекине, ходят в иезуитскую часовню, поскольку там нет другой христианской церкви, и хорошо, что теперь они смогут помолиться перед православной иконой. Все другие обвинения в свой адрес Спафарий категорически отверг. Дело прекратили, а Спафария восстановили в его должности по Посольскому приказу. Однако до 1683 г. он не был вознагражден за свою миссию в Китай.

Вдобавок к отчету о миссии, Спафарий составил для царя систематическое "Описание Китая". Обе эти работы Спафарий написал в Сибири во время обратного путешествия. "Описание" датировано 17 ноября 1677 г. В России оно вызвало большой интерес, и в конце XVII

и в XVIII вв. с него сделали много рукописных копий. Книгу впервые напечатали в 1910 г.[184] Ее считали оригинальной работой Спафария до 1919 г., когда Джон Ф. Баддели доказал, что основная ее часть является переводом текста *Novus Atlas Sinensis* (1655 г.) иезуита Мартини, экземпляр которого Спафарий получил от Вербиеста. Только две главы о путях из Сибири в Китай и некоторые другие небольшие места написаны Спафарием.[185]

Отчет Спафария содержит точную и важную информацию об условиях, на которых маньчжурское правительство заключит с Москвой, как мы сказали бы сегодня, пакт о ненападении, и о твердом намерении Китая обеспечить свое господство в Даурии, если московское правительство не примет их условий.

Двумя основными условиями являлись выдача Гантимура и предписание казакам Амурского региона не причинять ущерба подданным Китая. К этому, 1 сентября 1676 г., китайские сановники добавили, что следующему русскому посланнику или менее значительному послу "следует сказать, чтобы он подчинялся нам во всем."[186] Под этим требованием, по всей видимости, подразумевалось строгое подчинение китайскому протоколу.

С этим предупреждением о серьезности ситуации в районе Амура московское правительство встало перед дилеммой: либо принять китайские условия и выдать Гантимура, либо заниматься необходимой подготовкой к обороне Даурии и посылать туда дополнительные войска. Однако положение Москвы не позволяло ей принять ни тот, ни другой курс.

Выдача Гантимура означала бы нарушение царского слова, а одним из основных принципов московского государственного права являлось то, что "царское слово — твердо". С практической точки зрения, предательство Гантимура подорвало бы веру всех сибирских народов в обещания московского правительства.

Принятие другого курса — наведения соответствующего боевого порядка для обороны Даурии — было невозможно из-за опасной ситуации в южной Руси и на Украине, тяжелой войны с Турцией, которая началась в 1677 г. и продолжалась до 1681 г. Затем, в 1682 г., восстали стрельцы в Москве, а между 1682 и 1689 гг. окружение царевны Софьи и князя В.В. Голицына состояло в Христианской лиге против Турции, и преимущественное внимание Москвы снова сосредоточилось на юго-западных границах Московии.

Тем временем китайцы принимали всяческие меры, чтобы увеличить свои силы в Маньчжурии и укрепить собственный контроль над монгольскими племенами.[187]

В 1683 г. маньчжуры окружили у Айгуна небольшой отряд казаков и большую часть людей взяли в плен. В 1685 г. маньчжурская армия, численностью 2-5 тысяч человек и хорошо вооруженная артиллерией, была отправлена к Албазину. Казацкий гарнизон под командованием воеводы Толбузина насчитывал лишь 450 человек.

Маньчжуры появились перед Албазином 13 июня и два дня спустя начали бомбардировку крепости. Казаки сопротивлялись несколько дней, за которые потеряли сто человек. Тогда священник, Максим Леонтьев, попросил Толбузина пойти с маньчжурами на соглашение. Китайский командующий согласился позволить русским отступить в Нерчинск.[188]

Однако около сорока[189] казаков предпочли сдаться маньчжурам и взяли с собой священника Леонтьева. Их доставили в Пекин, где из них и казаков, захваченных у Айгуна в 1683 г., создали отряд личной охраны императора, известный как Русская Компания. В этом императорский двор следовал традициям монгольских императоров XIII и XIV вв.[190]

Китайское правительство также отвело русским бывший буддистский храм, чтобы устроить там православную церковь. Максим Леонтьев стал ее первым приходским священником.[191]

Маньчжуры разрушили Албазин и отошли. Русские вернулись и восстановили крепость. В 1686 г. китайцы снова напали на нее. Осада продолжалась десять месяцев. В 1687 г. китайский император приказал своим войскам снять осаду из-за событий в Монголии: начавшейся там междоусобной войны между двумя соперничающими монгольскими ханами, один из которых оказывал маньчжурам мощное сопротивление.

Затем во враждебных действиях последовал перерыв, и каждая сторона начала прощупывать другую на предмет заключения мирного договора. В результате предварительных переговоров было решено созвать совещание русских и китайских полномочных представителей на границе между двумя странами.

Русскую делегацию возглавлял боярин Федор Алексеевич Головин. Он выехал из Москвы 26 января 1686 г. и в следующем году прибыл в Селенгинск, где остановился, чтобы обменяться с китай-

цами курьерами. Наконец было решено, что переговоры пройдут в Нерчинске.

Совещание началось 12 августа 1689 г. Маньчжурская делегация состояла из семи высших чиновников. В делегацию в качестве советников входили два иезуита, Т. Перейра и Ф. Гербилон; они сыграли в переговорах одну из ведущих ролей.

Договор заключили 27 августа. Его текст был написан на трех языках: русском, маньчжурском и латинском. По его условиям, русские сохраняли Нерчинск; русский гарнизон отходил из Албазина, а его крепость должна была быть разрушена.[192]

6. Церковный раскол

I

За пятнадцать лет между Церковным Собором 1667 г. и смертью царя Федора московскому правительству приходилось преодолевать один кризис за другим — восстание Разина, проблемы на Украине, война с Турцией, крестьянские волнения.

Хотя и с большими трудностями, Москва постепенно их преодолевала. Русская экспансия в Сибири продолжалась, пока не была остановлена китайцами в районе Амура. Несмотря на все тяготы крепостного права, производство сельскохозяйственной продукции росло. Промышленные предприятия разного рода, руководимые западными специалистами или их русскими учениками, приобретали все большее значение. Обученные регулярные отряды постепенно превращались в основу русских вооруженных сил. И, несмотря на попытки боярской аристократии получить большее влияние в правительстве, продолжался процесс бюрократической централизации.

Тогда как многие социальные и политические конфликты — реальные и потенциальные — были взяты под контроль, конфликт в психологическом отношении нации к государству и церкви не только оставался неразрешенным, но и, по сути дела, углублялся.

Церковь переживала двойной кризис: никонианцев и староверов. Правительство и официальная церковь пытались заставить замолчать богословскую оппозицию староверов суровыми наказаниями, налагаемыми на их лидеров.

Однако опасность ситуации для стабильности правительства лежала не столько в богословии староверов, сколько в сочувствии и поддержке, которые их движение завоевывало в различных слоях

населения, чьи требования были не просто религиозными, но также социальными и политическими. Хотя и религиозная по своему происхождению и сути, оппозиция староверов к власти потенциально составляла ядро широкого народного движения.

Староверы продолжали традиции национальной Русской церкви, считая себя единственно истинными православными. Хотя они и не отрицали (сначала, по крайней мере) необходимости церковной иерархии и церковной дисциплины, для них никонианцы являлись разрушителями устоявшихся канонов.

Однако, поскольку народная оппозиция церковным властям развилась внутри церкви, ею не могли управлять ни никонианские, ни старообрядческие иерархи, точно также ее не могло удовлетворить традиционное высокое богословие. Многие люди начали поиски прямого пути к Богу без посредничества официальных иерархов или обряда. Это направление мысли привело к интересу и поддержке народом различных радикальных религиозных течений, таких как капитоны, чье движение зародилось в 1630-х гг. Капитоны отрицали необходимость государства и его институтов (см. главу 3), в их движении присутствовали апокалиптические и эсхатологические мотивы. В 1645 г. один отшельник объявил, что новый царь Алексей — "Антихристово отродье".

Осенью 1651 г. против Капитона и его последователей приказали принять жесткие меры, но они рассеялись по лесам. К 1664 г. большое количество капитонов сосредоточилось в лесах между Шуей и Вязниками (в районе между Суздалем и Нижним Новгородом). Московское правительство, занятое конфликтом царя с Никоном, мало обращало внимания на их действия.

На основе протокола допроса приверженца Капитона Вавилы, проведенного в конце 1665 г., дознаватель сообщил властям, что в лесах поселились "неизвестные люди, духовные и миряне". Они говорят, что Благодать ушла из церкви; они сами не посещают церковные службы и запрещают другим. Когда новый человек приходит к ним, он получает кусок хлеба в качестве символа обращения в их веру и перестает ходить в церковь.[193]

Рядом с капитонами жили староверы, монахи и миряне. Некоторые из них полностью порвали с официальной церковью, другие посещали церковь, если священник соглашался вести службу по старым (дониконианским) книгам. Они могли даже исповедоваться та-

кому священнику и принять от него причастие. В противном случае они бойкотировали службу.

Митрополит Илларион Рязанский предупреждал высшие церковные и государственные власти о том, что эти лесные жители представляют угрозу как для церкви, так и для государства. "Они стараются спастись от Антихриста и его предтеч [подразумевая царя, патриарха и их служащих]. Они объявляют, что в этом году наступит конец света. Что же касается монахов, живущих на берегу озера Кшара, то они побуждают народ не дожидаться прихода Антихриста, а умирать от голода. Много мужчин, женщин и девушек сгинули подобным образом".[194]

Шведский дипломатический представитель в Москве, Лиленталь, в докладах своему правительству утверждал, что в лесах вокруг Костромы и Казани собралось шесть тысяч религиозных раскольников, и что они часто захватывают в церквах иконы, приносят их в леса и сжигают; они плохо относятся также и к [никонианским] священникам.[195]

Правительство отправило в район Суздаля и Нижнего Новгорода карательную экспедицию под командованием полковника Авраамия Лопухина и Артамона Матвеева. Их солдаты и стрельцы прочесали леса, сожгли скиты и арестовали всех раскольников, которых сумели изловить. Сам Капитон умер до прихода Лопухина, так, во всяком случае, тому было доложено. Захватили нескольких ведущих последователей Капитона, включая Вавилу, которого "за его глупость" сожгли на костре. Многих других посадили в тюрьму или сослали. Еще большему количеству людей удалось спастись.[196]

Некоторые раскольники предпочитали покончить с собой, чем попасть в руки стрельцов. В Вологодской земле четыре человека сожгли себя в 1666 г., и так же поступили несколько монахов в районе Нижнего Новгорода. Они называли подобное действие "очищением огнем".[197] Это оказалось началом ужасной практики принесения себя в жертву, позднее распространившейся как среди капитонов, так и в группах непримиримых староверов.

Примерно в 1680 г. один из последователей Капитона — Касилий Косматый, похвалялся, что отправил в лучший мир тысячу мучеников, убедив их либо умереть от голода, либо сгореть в огне.[198]

Наряду с подобными пассивными формами протеста началась и открытая борьба определенных групп раскольников. В 1668 г. монахи Соловецкого монастыря восстали против правительства в защиту

старой веры. Их бунт был подавлен стрельцами только через шесть лет. Позднее антиправительственные настроения распространились среди самих стрельцов. Группы староверов вместе с капитонами стремились защитить свои идеи. К 1680 г. ремесленниками и подьячими (преимущественно капитонами) в Москве был сформирован тайный кружок религиозной и политической оппозиции. Было составлено воззвание, призывающее народ к восстанию. 6 января 1681 г. член кружка, Герасим (подьячий, лишенный чина за ересь), взобрался на колокольню Кремля и оттуда сбросил воззвания людям, наполняющим площадь внизу. Его немедленно схватили и допросили. Под пыткой он упомянул имена некоторых своих сообщников. Последовали новые аресты.[199] Заговор подавили, однако его цели, вне всякого сомнения, вдохновили немало людей, поскольку его можно считать первопричиной стрелецких мятежей 1682 г.

II

Заметную роль в различных формах раскольнического брожения в тот период играли исступленные фанатики, известные под названием *Божьи люди*, или *Христы*. Позднее в устах людей, не принадлежащих к этому движению, их название превратилось в *Хлысты*.[200] Движение в целом называли Хлыстовством.

Хлысты считали своим непосредственным основателем и пророком некоего Данилу Филипова, жившего в середине XVII в. Он, говорят, был беглым солдатом, *беспоповцем* (человеком, не признававшим священников; впоследствии так называли целое направление старообрядничества) и учеником Капитона (тоже беспоповца). Полагают, что Данила был образован и имел много старых (дониконианских) книг. Согласно хлыстовским представлениям, пророки существовали среди них задолго до появления Данилы Филипова. По легенде, Божьи люди сражались против татар Мамая на Куликовом поле (1380 г.), и татары отрубили голову их пророку того времени, Аверьяну.[201]

Хлыстов было немного, и они не вмешивались в политику. Более того, большинство из них старалось не порывать открыто с православной церковью. Они посещали церковные службы и даже принимали причастие. Вероятно, именно по этой причине правительство и церковные власти сначала не обращали на них внимания. О них не существует никаких официальных записей XVII в., в любом случае

ничего не сохранилось. Первое упоминание о хлыстах в известных нам источниках — краткое описание *хлыстовщины* образованного митрополита Дмитрия Ростовского в его работе о староверах, написанной в 1708-1709 гг.[202]

Из-за недостатка внешней информации того времени о хлыстах в XVII в., все, что мы знаем о них в тот период, по крупицам собрано, очевидно, из их гимнов и традиций, которые были записаны в XVIII и XIX вв., однако некоторые, без сомнения, сложились в XVII в.

Хлысты не признавали достоверными ни старые (дониконианские), ни новые (никонианские) церковные книги. Единственным авторитетом для них было откровение Святого Духа, *Книга Голубиная*.[203]

Ф. Конибер ищет параллель хлыстовским принципам в форме раннего христианства, которую в широком смысле называют адоптианской ересью.[204] По адоптианской христологии, Святой Дух сошел с небес, приняв облик голубя, чтобы овладеть "человеком, рожденным от людей", Иисусом Назаретским. Воплощение Бога в Иисусе было, таким образом, его существованием, наполненным Святым Духом. "Благодать пророчества и избрания Господня не закончилась с Иисусом, но лишь вошла в него на новом витке жизни".[205] Точно так же, "хлысты полагают, что тело Христа после его смерти лежит в могиле, как тело любого другого человека. Воскресение на самом деле означает, что через Святого Духа, составлявшего его [Иисуса], Христос завещан им, преемникам, достойным того".[206]

Данила Филиппов, как говорят, изрек своим последователям двенадцать заповедей. Дошедшая до нас запись этих заповедей сделана, по всей видимости, в XVIII в., и мы не знаем, вся ли она подлинна.[207]

Вот первая заповедь, приписываемая Даниле:

Я Бог, предсказанный пророками, сошел на землю во второй раз, чтобы спасти души человеческие. Нет другого Бога, кроме меня.

Срёди других правил праведной жизни следующие:

Не пейте хмельного, не совершайте плотских грехов.

Не вступайте в брак. Те, кто в браке, живите со своей женой, как с сестрой. ... Пусть неженатые не женятся, женатые — расстанутся.

Не произносите лживых слов.

Не ходите на свадьбы, крестины или хмельные застолья.

Не крадите.

Посещайте один другого, предлагайте хлеб и соль [тем, кто придет к вам], любите, соблюдайте мои заповеди, молитесь Богу.

Верьте в Святого Духа.

Храните эти правила в тайне, не открывайте их даже отцу и матери, даже если люди будут бичевать вас или пошлют на костер, снесите это.

Хлыстовский Христос, или, по их вере, Святой Дух в таком Христе, избирал себе *Богородицу* (по-гречески — *Theotokos*) и двенадцать апостолов. Вместе, эта группа составляла направляющую духовную основу секты, хотя каждая община, называемая "корабль", имела своего пророка, иногда тоже именуемого Христом.

Цель их религиозных собраний состояла в достижении духовного единения со Святым Духом при помощи сдерживания дыхания и экстатических танцев. Это называлось *радение*, т.е. "ревностный труд" для призыва Святого Духа. К моменту, когда они достигали состояния экстаза, некоторые из них начинали произносить то, что они назвали "пророчествами" — отдельные фразы или слова, непонятные окружающим. Считалось, что языком этих людей говорит Святой Дух. В конце *радения* все участники в изнеможении падали на пол.[208]

Заповедь девственности (как и среди первых христиан) играла важную роль в психологии и настроениях хлыстов.[209] Говорили, что хлыстовские девушки — многие из них — с энтузиазмом соблюдали правило духовного супружества. Но для некоторых, как мужчин, так и женщин, напряжение оказывалось невыносимым. Отсюда идея предотвращения возможности греха нанесением себе увечий (кастрации). В течение XVII в. о подобной практике не упоминается, хотя отдельные случаи, очевидно, происходили. В XVIII в. *скопцы* (кастраты), хотя и придерживаясь тех же общих принципов и обрядов, что и хлысты, образовали отдельную секту.[210]

Хлысты, как правило, порицали практику членовредительства. Они считали, что плоть должно побеждать духовное усилие, а не хирургическая операция. "Это не победа, когда враг убит до сражения".[211]

Хлыстовский культ девственности, соединенный с их аскетичным стилем жизни, привлекал многих православных монахов и монахинь. Духовное единение со Святым Духом, к которому стремились хлысты, отвечало православному мистицизму. *Радения* давали выход чувствам, подавляемым монашеской дисциплиной. В результате в нескольких монастырях появились группы хлыстов.

Большинство приверженцев хлыстов составляли крестьяне и ремесленники, однако секта имела последователей и среди купечества.

В XVIII и первой четверти XIX в., некоторые члены аристократических фамилий, а также церковные прелаты стали сторонниками и даже участниками хлыстовского движения. Подобные случаи происходили также и в XVII в.

Хлысты утверждали, что, когда царь Алексей якобы приказал боярину Морозову изучить доклады о ереси и допросить их "Христа", Ивана Тимофеевича Суслова (преемника Данилы Филиппова), беседы Суслова произвели на Морозова благоприятное впечатление, и он отказался продолжать следствие (которое после этого поручили князю Одоевскому). Это, безусловно, позднейшая легенда.[212] Известно, что примерно в 1700 г. князь Ефим Васильевич Мещерский стал хлыстом и покровителем этого движения.[213] По всей видимости, расположение к хлыстам существовало еще до этого в семье Мещерского или его жены.

Что же касается доброжелательного отношения среди духовенства, то, когда епископ Досифей Ростовский получил доклады о деятельности хлыстов в его епархии и должен был провести расследование, он закрыл дело и освободил всех подозреваемых (1716 г.).[214] Вероятно, его прохлыстовские симпатии зародились задолго до того, как он стал епископом.[215]

Случаи участия некоторых хлыстов или их сторонников в оппозиционном к правительству движении тоже, очевидно, бывали в конце XVII в. Некоторые хлысты, наряду с капитонами, судя по всему, участвовали в заговоре 1680-1681 гг.

III

Осуждение старообрядческого движения Соборами 1666 и 1667 гг., карательные меры, предписанные царем, публичное покаяние нескольких выдающихся староверов и анафема, наложенная на них Собором, придали правительству и церковным властям уверенность в том, что это движение подавлено.

Скоро, однако, стало ясно, что подобная оценка ошибочна. Движение староверов демонстрировало поразительную жизненную силу. Оказалось, что его вожди имели колоссальную поддержку в значительных группах населения. Наказания и гонения правительства не могли поколебать дух Аввакума и его друзей. Их мученичество вызывало широкое сочувствие. Некоторые из вождей, прежде публично покаявшиеся, отказались от своих обещаний подчиниться. "У этих

людей [староверов] ... психология мученичества сложилась как способ отрицания светского вмешательства в религиозные дела. ... Историк церкви А. Карташев справедливо сравнил преданность старообрядцев своей вере с самоотверженностью древних израильтян, которая прослеживается в обвинительных заключениях их проповедников."[216]

В 1667 г. соловецкие монахи убедительно защищали старую веру в петиции к царю. Многочисленные ее копии разошлись по стране. В 1668 г., когда царь и патриарх категорически потребовали, чтобы монахи приняли никонианские книги и обряды, те поднялись на восстание.[217]

В это время Аввакум и другие сосланные вожди староверов активно сочиняли послания верующим, составляли полемические трактаты против никонианцев, формулировали основы старой веры и крепили духовное братство своих приверженцев.[218]

В декабре 1667 г. Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания доставили в Пустозерск. (Никифор вскоре после этого умер). В апреле 1668 г. к ним присоединился диакон Федор. Всех их должны были содержать отдельно друг от друга, и, поскольку в Пустозерске в то время не было специального тюремного здания, воевода приказал его построить. Строительство задержали суровые зимние морозы, недостаток лесоматериалов и рабочих рук, в связи с чем новое здание было готово лишь в концу 1669 г.[219] До его завершения ссыльных, хотя и плохо кормили, однако не подвергали строгой изоляции. Охранявшие их стрельцы почувствовали к ним расположение. Все ссыльные возобновили свои литературные занятия. Лазарь и Аввакум написали прошения царю; Федор — обширный трактат о Старой вере под названием "Ответ православных защитников религии по поводу Символа веры и других догматов".[220]

Прошение Лазаря в действительности представляло собой увещевание и протест. Лазарь напоминал царю о его долге защищать истинную веру, как это делали его отец (царь Михаил) и дед (патриарх Филарет). Он требовал нового суда и предупреждал царя Алексея: "Не думайте, что нас мало. Сотни тысяч человек на Руси готовы умереть за веру своих отцов".[221]

Письмо Аввакума носило личный характер, было мольбой за его семью. "По моим грехам я заслуживаю пустозерской тюрьмы. Но, святая душа, сжалься над моей женой и детьми ... Я благословляю тебя ...

Да простит нас Господь ... Мы всегда должны думать о смерти, об аде, о Царствии небесном и помнить наставления нашего [покойного] отца, протоиерея Стефана".[222]

Стефан, бывший вождь этих ревнителей, много лет являлся исповедником царя Алексея. Таким образом, в слегка завуалированной форме Аввакум передавал свой конфликт с царем на Божий суд и моральную ответственность святого человека, чью память почитали и Аввакум, и Алексей.

Аввакум также нашел различные пути, чтобы передать свои послания друзьям и последователям в Москве. Одним из посредников в этой секретной переписке служила жена Аввакума, Анастасия, сосланная на Мезень.

В Москве полуподпольным центром староверов являлся дом боярыни Морозовой. Морозова пришла к тому, чтобы всю свою жизнь посвятить делу Аввакума. Он был ее обожаемым духовным отцом, "светом и радостью ее души", как сказал Паскаль.[223]

Она посылала деньги Анастасии, информировала Аввакума об общине его последователей в Москве, просила отпустить ее незначительные грехи, истинные и мнимые, настаивала на его благословении. В душе искренне любя ее, Аввакум тем не менее в письмах к ней был строг и суров.

Как вследствие собственного богатства и положения, так и по статусу своего рода, Морозова играла заметную роль при царском дворе. Ее любила первая жена Алексея, Мария. Частично под влиянием Морозовой, члены других именитых родов московского общества, такие как Салтыковы и князья Хованский, Долгоруков и Волконский, сочувствовали староверам.

Смерть царицы Марии Милославской 3 марта 1669 г. лишила боярыню Морозову и ее круг не только друга, но и влиятельной покровительницы.

Мария, с ее приверженностью к старому русскому быту, сдерживала пристрастие Алексея к западным новшествам. После ее смерти царь психологически освободился, чтобы развивать свои вкусы более открыто. Род Милославских терял свое влияние, а звезда склонного к западничеству друга Алексея, Артамона Матвеева, восходила. Матвеев считал староверов упрямыми фанатиками, мешающими прогрессу в России. Московские церковные власти тоже настаивали на более тщательном контроле за религиозной оппозицией.

В Москве одним из самых ревностных защитников старых церковных традиций был "блаженный" (*юродивый*) Афанасий, принявший постриг под именем Авраамия. Он служил связным между Москвой и Мезенью и распространял трактаты и послания, приходящие из Пустозерска. 13 февраля 1670 г. Авраамия арестовали и допросили. После почти двух лет тюремного заключения, в начале 1672 г., его сожгли на костре. У него обнаружили письма и документы, свидетельствующие о тесных связях пустозерских ссыльных с Москвой через Мезень.

Правительство немедленно направило в Пустозерск и на Мезень специального представителя, *голову* (капитана) караульного отряда стрельцов Ивана Елагина, чтобы принять меры для прекращения деятельности ссыльных. На Мезени Елагин поместил жену и двух сыновей Аввакума в тюремную яму, а двум его мезеньским последователям приказал публично покаяться. Оба отказались и были повешены.

С Мезени Елагин отправился в Пустозерск. Действуя в соответствии с полученными инструкциями, он собрал четырех сосланных (протопопа Аввакума, священника Лазаря, диакона Федора и монаха Епифания), чтобы сделать им предложение. Если они согласятся подписать документ об их подчинении официальной церкви и принятии ими символа веры и способа осенения крестом, их освободят и простят. Все они категорически отказались.

14 апреля 1670 г. четырех заключенных повели на место публичной казни: Елагин объявил, что всех их ждет казнь через отсечение головы. Жители Пустозерска в благоговейном страхе, в большинстве своем сочувствуя заключенным, собрались вокруг плахи. Затем подьячий Елагина зачитал приговор: царь и бояре оказали Аввакуму милость, приказывая заключить его в яму вместо приведения в исполнение смертной казни, которой он заслуживает. Что касается остальных, то им должны были отрубить язык и правую руку. Лазарю и Епифанию однажды уже рубили языки, но, по всей видимости, часть языка сохранилась. Приговор привели в исполнение немедленно. Люди вокруг рыдали, повторяя: "Помилуй нас, Господи!"

После наказания пустозерских ссыльных, царское правительство обратило свое внимание на покровителей староверов среди боярских родов в Москве. Дворецкого Салтыковых арестовали и, после его отказа отвечать на вопросы, сожгли на костре. Молодого князя Ивана Хованского подвергли порке.

Боярыню Морозову сначала не трогали. Ее не запугали гонения на ее друзей. Напротив, ее дух закалился. Она почувствовала, что больше не может вести двойную жизнь — жизнь при царском дворе и деятельность влиятельного члена преследуемой религиозной общины. Она понимала, что ее высокое положение при дворе все еще может быть полезным для старообрядческого движения, но ее отвращение к образу жизни этого общества стало слишком велико. 6 декабря 1670 г. она тайно постриглась в монахини под именем Феодора в соответствии с обрядами староверов. Обряд совершил настоятель Досифей.[224]

После этого она прекратила исполнять какие-либо функции в придворных церемониях. 22 января 1671 г. ее пригласили на бракосочетание царя Алексея с его второй женой, Натальей Нарышкиной (чьим опекуном был Артамон Матвеев), но она отказалась, сославшись на плохое здоровье. Царь Алексей прекрасно понимал, что она не хочет иметь ничего общего с гонителями того, что она считает истинной верой. В конце лета Алексей предупредил Морозову, через посредников, что она должна подчиниться официальной церкви или приготовиться к наказанию. Одним из гонцов Алексея по этому делу был князь Урусов, муж сестры Морозовой Евдокии, преданно поддерживающий Феодосию-Феодору.

14 ноября 1671 г. Урусов открыл своей жене, что этой ночью Морозову арестуют. Евдокия поехала к Феодоре, чтобы быть с ней. Ночью появился архимандрит Чудова монастыря Иоаким (будущий патриарх) с дьяком и солдатами. Он посоветовал сестрам покаяться. Когда они отказались, их взяли под стражу и заковали в кандалы на глазах юного сына Морозовой Ивана. На следующий день Морозову и Урусову доставили для допроса в Чудов монастырь. Митрополит Павел спорил с ними всю последующую ночь, но они оказались непреклонны в своей верности Старой вере. Сестер разделили и затем поместили в два разных монастыря.

Тем временем молодой Иван Морозов умер от сильного нервного потрясения. Никонианский священник объявил его матери, что это ей Божья кара. Царь конфисковал все имущество Ивана.[225] Примерно в то же время на Дону арестовали и привезли в Москву близкую подругу Морозовой и Урусовой Марию Данилову (жену полковника Акинфа Данилова). Ее содержали в Стрелецком приказе. Эти три женщины — Феодосия-Феодора, Евдокия и Мария — были преданы

друг другу и своему общему делу. Им суждено было принять страдания и умереть за истинную веру.

В феврале 1672 г. патриарх Иоасаф II скончался. Его преемник, митрополит Новгородский Питирим, человек более миролюбивого нрава, просил царя освободить Морозову и Урусову. Алексей отказался и дал Питириму указание еще раз допросить двух сестер и Данилову и побороть их сопротивление. Питирим согласился на требование царя.

Три женщины, как прежде, оставались тверды в своем отказе покориться никонианской церкви. Тогда их подвергли пыткам кнутом и огнем. Даже полуживые после пыток, они все же не сдавались. Тогда их отправили в Боровск и посадили там в монастырскую темницу.

19 апреля 1673 г. умер патриарх Питирим. Его преемник Иоаким (который в ноябре 1671 г. в качестве Чудовского архимандрита арестовывал Морозову и Урусову) по рождению принадлежал к дворянству и начинал свою карьеру как офицер. Когда ему было тридцать пять лет, умерла его жена, и он постригся в монахи. Он не имел ни богословского образования, ни истинно религиозного духа. Он скорее был церковным администратором, чем прелатом. Иоаким продолжил политику патриарха Никона по защите монастырских земель от посягательств государственной администрации. Что же касается староверов, то он считал их врагами как государства, так и церкви, и, являясь в прошлом военным человеком, больше верил в карательные меры, чем в богословские диспуты.

По делу Морозовой и Урусовой Иоаким сначала ничего не предпринимал. По-видимому, царь Алексей колебался какое-то время прежде чем позволить патриарху вернуться к делам непокорных сестер. Но в апреле 1675 г. Иоаким отправил в Боровск подьячего, чтобы установить для заключенных более строгий режим содержания. У них конфисковали книги и иконы, а также дополнительную одежду. Два месяца спустя в Боровске появился дьяк Кузьмищев. Он перевел Марию из ее кельи в камеру к обычным преступникам. Феодору и Евдокию заключили в темную яму. Всем было запрещено, под страхом смерти, давать сестрам еду и питье. Несмотря на это, некоторые охраняющие их солдаты жалели женщин и время от времени передавали им воду, хлеб, яблоки и огурцы.[226]

Силы сестер быстро таяли. Первой умерла Евдокия (11 сентября). После смерти к Феодоре перевели Марию Данилову. Режим

их содержания усилили. Морозова умерла 1 ноября; Данилова — 1 декабря.

23 декабря правительственные войска, в течение пяти лет безуспешно осаждавшие оплот староверов у Соловецкого монастыря, предприняли новую попытку взять его штурмом, но снова потерпели неудачу. Вскоре, к счастью для правительства, один монах дезертировал и сообщил командиру стрельцов, что в одной из монастырских стен существует замаскированный проход.

Ночью 22 января 1676 г., во время сильной метели, отряд стрельцов проник внутрь и открыл ворота. В крепость ворвались осаждавшие. Монахи были захвачены врасплох. Некоторые оказали отчаянное сопротивление и сложили головы в сражении. Других арестовали и либо казнили, либо сослали; совсем немногие попросили прощения и покорились.

Когда известие о падении Соловков дошло до Москвы, царя Алексея уже не было в живых. Он умер на рассвете 30 января. Царем стал его старший сын Федор, болезненный мальчик четырнадцати лет. С ним к власти возвращался клан Милославских, или так казалось. Артамон Матвеев попал в опалу, его арестовали и лишили боярского чина. Земельные владения и почти все его имущество конфисковали (ему оставили только тысячу рублей). Его вместе с сыном выслали в Пустозерск.[227]

Таким образом, по иронии судьбы (или по умыслу его врагов?) Матвеев должен был разделить место ссылки с Аввакумом и его соратниками, которых Матвеев, находясь у власти, туда сослал. Стрельцы Матвеева обычно охраняли в Пустозерске заключенных староверов. Теперь у стрельцов был новый командир, и они должны были охранять также и своего бывшего командующего.

Какое-то время староверы надеялись, что колесо истории поворачивается и правительство станет относиться к ним более миролюбиво. Эти надежды не оправдались. Западные влияния при дворе не исчезли с Матвеевым. К этому времени они уже прочно укоренились в высших слоях московского общества. Царь Федор был воспитан в атмосфере полонофильства; он бегло говорил по-польски. Его наставник, Симеон Полоцкий, являлся автором яркого опровержения старообрядческих принципов. В политике два молодых советника царя Федора, Языков и Лихачев, скоро стали руководить московским правительством. Кроме того, патриарх Иоаким твердо держал бразды

правления церковной администрацией в собственных руках и не был склонен идти на какой-либо компромисс со староверами.

Среди приверженцев истинной веры распространилось отчаяние. Они чувствовали, что вот-вот наступит царство Антихриста. Тенденции, развивавшиеся среди староверов, беспокоили даже Аввакума.

В конце декабря 1678 г. тобольский воевода Петр Шереметев получил информацию, что толпы староверов и их сторонников собрались в скиту на берегу реки Березовка и находятся в состоянии религиозного экстаза. Доложили, что там произошло чудо: небеса раскрылись и появилась Дева Мария и ангелы.

2 января 1679 г. Шереметев послал отряд рейтаров, литовцев и татар разрушить скит и арестовать староверов. Однако сочувствующие, по всей вероятности, предупредили их об этом. Когда солдаты дошли до места, они нашли только дымящиеся руины; староверы сожгли строения и себя. В огне погибло 1700 мужчин и женщин.[228]

В Москве старообрядческий священник Исидор не только потребовал, чтобы были расторгнуты браки, заключенные никонианскими священниками, но и запретил истинно верующим вообще вступать в брак, даже по старому обряду.[229] Более того, Исидор и его последователи, Игнатий и Иона, исключили из своих молитв имя царя Федора, как еретика.[230]

Из своей тюрьмы Аввакум послал Исидору два письма, возражая против его отрицания брака.[231] По поводу молитвы за царя Аввакум писал Ионе: "Если и когда вы молитесь за царя отступника, не называйте его по имени, но говорите просто: "Боже, дай царю определенного имени победу над его супостатами, то есть владеющими царем демонами".[232]

В письме к Исидору Аввакум защищал царя Федора: "Почему не молиться Богу за царя Федора. Он хороший человек. Спаси, Господи, его и его благочестивый род: его деда, царя Михаила, и его великого прадеда, патриарха Филарета".[233]

Мы можем заметить, что Аввакум не упоминает отца Федора, царя Алексея, так как своей поддержкой никонианства он исключил себя из "благочестивого рода". Но Аввакум еще верит в возможность возвращения Федора на путь Михаила и Филарета.

Для этого казалось необходимым оказать на Федора некоторое давление. К 1681 г. настоятель Досифей (тот, который посвятил в монахини боярыню Морозову) пришел к заключению, что только

петиций к царю будет недостаточно и староверы должны поддержать мольбы силой, если понадобится. Он надеялся, что по крайней мере стрельцов можно убедить потребовать восстановления истинной веры, и что царь пойдет на это. Досифей обсудил свой план с Аввакумом. Тот одобрил: "Действуй во имя любви к Богу, но двигайся с благоразумием".[234]

Неудавшийся московский заговор 1681 г. показал, что капитоны и радикальные группы внутри движения староверов выступают больше за открытое восстание, чем за организованное давление на царя.

Разоблачение заговора капитонов, а также постоянно поступающая информация о литературной и другой деятельности староверов насторожили правительство и церковные власти. Было решено усилить карательные меры против староверов. Психологически, это был подходящий момент для облегчения положения выдающихся противников старообрядчества — бывшего патриарха Никона (высланного при царе Алексее) и боярина Артамона Матвеева (сосланного Федором).

Летом 1681 г. царь Федор издал указ, позволяющий Никону возвратиться в его Воскресенский монастырь. К этому времени здоровье Никона сильно пошатнулось. Он умер на лодке, везущей его обратно вниз по Волге, у Ярославля, 17 августа.

Матвеева в 1680 г. перевели из Пустозерска на Мезень (где жизнь была легче). В декабре 1681 г. царь Федор простил его, ему возвратили его прежние владения и пожаловали новое в Суздальском уезде. Он получил совет проследовать в Лух, городок между Суздалем и Нижним Новгородом.

Активные действия против староверов одобрил церковный Собор, созванный патриархом Иоакимом в феврале 1667 г. На основе решений Великого Собора в 1667 г. Собор 1682 г. дал наказ административным властям церкви и государства действовать сообща в подавлении любой раскольнической деятельности, искать главарей и брать их под стражу.[235] До окончания работы Собора правительство приказало пустозерских заключенных (Аввакума, Епифания, Лазаря и Федора) сжечь на костре. Приказ был исполнен 14 апреля.

IV

Болезненный царь Федор пережил Аввакума менее чем на две недели (он умер 27 апреля 1682 г.). Династический кризис и дворцо-

вая интрига, последовавшие за его кончиной, дали староверам шанс совершить попытку реализации плана Досифея.

Две партии соперничали за влияние при дворе — Милославские (клан первой жены Алексея) и Нарышкины (родственники второй его жены). Следующим по возрасту после Федора был его родной брат Иван (род. в 1666 г.), как и Федор, слабый здоровьем и вялый по натуре. Сводному брату Федора Петру (род. в 1672 г., сын второй жены Алексея) исполнилось тогда только десять лет, но он был энергичен и смышлен.

Бывшие советники Федора, Языков и Лихачев, решили поддержать кандидатуру Петра. Патриарх Иоаким присоединился к ним и быстро созвал претендующее на звание Земского Собора собрание церковных прелатов, государственных и придворных лиц и лишь отдельных представителей "народа" и объявил царем мальчика Петра. Артамона Матвеева немедленно призвали из Луха в Москву.[236]

Милославские не пожелали молча согласиться и тут же начали организовывать дворцовый переворот. Энергичная царевна Софья, старшая сестра Ивана (род. в 1657 г.), приняла на себя руководство. Софье и ее приверженцам удалось использовать недовольство рядовых стрельцов большинством своих полковников и капитанов.

Кроме обиды на полковников, в душе некоторых стрельцов жило сочувствие к староверам, и они были недовольны гонениями на них. Все это разожгло тлеющий пожар. Агенты Милославских распространили среди стрельцов слух, что Нарышкины планируют убить царевича Ивана, чтобы править самим от имени Петра. 12 мая в Москву из ссылки возвратился Матвеев. Можно было ожидать, что он возьмет бразды правления в свои твердые и опытные руки. Милославские вынуждены были действовать быстро.

15 мая стрельцы штурмом взяли дворец и потребовали выдачи Матвеева, братьев Нарышкиных и других бояр-изменников. Два дня стрельцы охотились за мнимыми изменниками и убивали их без всякой причины. Среди сложивших голову были Матвеев и выдающийся военачальник князь Григорий Ромодановский.

Стрельцы затем потребовали от своего имени и от лица солдат, гостей, купеческих сотен, посадских и ямщиков грамоту, подтверждающую их права и ограждающую их от притеснений бояр. Для себя стрельцы затребовали привилегированного статуса караульных отрядов, статуса "дворцовой пехоты". Эту часть прошения немедленно

удовлетворили, командующим назначили популярного среди стрельцов князя Ивана Алексеевича Хованского.

23 мая Хованский доложил Софье, что стрельцы настаивают на объявлении Ивана царем, чтобы он и Петр могли править вместе. Поспешно созванное совещание церковных и придворных официальных лиц одобрило идею. Через три дня совет духовенства и Боярская Дума решили, что Иван займет положение первого царя, а Петр — второго. Софья стала регентом.

Достигнув при помощи стрельцов своей цели, Софья и ее фаворит и главный советник князь Василий Васильевич Голицын должны были придумать, как поставить стрельцов под контроль. На деле брожение среди стрельцов продолжалось, и в движении появился новый фактор — староверы.

Хованский сочувствовал старой вере. Один из его близких помощников, стрелец Алексей Юдин, заместитель командира Воробинского полка, являлся ревностным старовером. Ситуация, казалось, созрела для попытки реализовать план Досифея. Можно было рассчитывать, что стрельцы поддержат петицию царям о восстановлении истинной веры. План Досифея также рекомендовал публичные дебаты между староверами и никонианскими богословами.

Подготовку аргументов для дискуссии взяли на себя наставники староверов: ученик Аввакума монах Сергий и священник Никита Добрынин, автор изложения старообрядческих принципов, написанного для церковного Собора 1666 г. Собор не только проигнорировал эту петицию, но и приказал лишить Никиту сана и посадить в тюрьму. В тяжких условиях одиночного заключения Никита покаялся, но позже отказался от своего покаяния. После непродолжительных лет бездеятельности, он снова был готов к борьбе.

Сергий привез экземпляр пространной петиции в Москву соловецких монахов, написанной в 1667 г. Он и Никита Добрынин использовали ее в качестве основы при составлении более короткого прошения, краткого изложения доводов в защиту истинного православия. Это резюме обсуждали на нескольких тайных собраниях делегатов от старообрядческих фракций стрельцов, монахов и нескольких мирян, среди которых самым выдающимся был Савва Романов. Текст петиции окончательно завершили к середине июня. Он был написан таким образом, чтобы привлечь к себе большую часть народа. Прошение должны были подать царям от имени стрельцов и посадских.[237]

23 июня Никита, Сергий и толпа их сторонников пошли в Кремль и передали экземпляр прошения князю Хованскому, который принял его и пообещал, что дискуссия состоится в течение двух недель. И действительно, торжественное собрание по этому поводу объявили на 5 июля.[238]

Староверы ждали открытой дискуссии, однако патриарх Иоаким не желал допускать этого. Еще более пагубным для дела староверов являлось противодействие царевны Софьи. От своих агентов она знала, что не все стрельцы на стороне староверов и, кроме того, она боялась, как бы они снова не вышли из-под контроля.

5 июля, примерно в 10 часов утра, процессия староверов, с зажженными свечами, иконами Богоматери и Страшного суда, евангелием и религиозными книгами, вошла в Кремль. За ней следовала огромная толпа. Все ожидали, что патриарх и другие никонианские власти выйдут и дискуссия состоится при всем народе.

Софья, однако, твердо решила предотвратить возможность мятежа. Староверов пригласили в Грановитую палату. Там их ждали царевна Софья, царица Наталья (Нарышкина), патриарх, митрополиты и много другой церковной и светской знати.

После обмена злобными репликами и обвинениями между никонианцами и староверами Никита Добрынин начал зачитывать прошение. Чтение несколько раз прерывали или сама Софья, или кто-то из официального духовенства. Софья возражала, что если Никон — еретик (как утверждалось в петиции), то и ее отец — тоже еретик.

Присутствующие стрельцы заявили, что они пришли к царям, а не к царевне. "Тебе, царевна, настало время принять постриг". В ответ Софья пригрозила увезти царей из Москвы и собрать против мятежников войска.

Так как приближалось время вечерни, заседание отложили, а новое назначили через неделю. Покинув Грановитую палату, "отцы" староверов с чувством победителей отправились на Красную площадь и еще раз прочли свою петицию народу.

Софья и Иоаким приняли решения не допускать продолжения дебатов. Агенты Софьи сыграли на религиозных разногласиях стрельцов, поскольку лишь некоторые из них были готовы сражаться за старую веру. Опираясь на поддержку большой группы стрельцов, Софья приказала арестовать предводителей старообрядческого движения. Сергия сослали в Ярославль; других — в район Терека. Никите

Добрынину ранним утром 11 июля отрубили голову, а его тело бросили собакам.

12 июля группа разъяренных стрельцов потребовала, чтобы цари выдали бояр, которые якобы намереваются уничтожить всех стрельцов. В прошении было отказано. Волнения в стрелецких полках продолжались. Софья и ее соратники заподозрили Хованского в подготовке дворцового переворота. В августе два стрельца донесли на него, докладывая, что он планирует убить царевну Софью и царицу Наталью, созвать Земский Собор для избрания себя царем, сместить патриарха Иоакима и выбрать нового патриарха, который признает "старые книги".[239]

20 августа, в качестве меры предосторожности, Софья и цари уехали из Москвы в Коломенское. В течение следующих двух недель поезд Софьи переезжал из одной деревни в другую, пока 13 сентября не остановился в селе Воздвиженское. Затем Софья призвала из Москвы всех бояр, придворных и дворян. Обезопасив таким образом свое положение, она была готова встретиться с Хованским.

Как высокое официальное лицо царской администрации Хованский тоже должен был явиться в Воздвиженское. Он имел сомнения по поводу намерений Софьи и держал охрану из пятидесяти пеших стрельцов. Он и его сын Андрей выехали из Москвы в Воздвиженское со своей охраной.

Получив информацию о его приближении 17 сентября (в день ее именин), Софья отправила сильный отряд дворянской кавалерии под командованием князя М.И. Лыкова с приказом взять под стражу на пути из Москвы Хованского, его сына и его помощника, стрельца Алексея Юдина. Лыковские кавалеристы быстро справились с охраной Хованского. Обоих Хованских и Юдина тут же казнили.

Когда стрельцы в Москве узнали о судьбе своих предводителей, они объявили чрезвычайное положение и приготовились к осаде. Софья и цари отправились в Троицкий монастырь. Из этой цитадели Софья и Голицын начали собирать армию, достаточную для кампании против Москвы. Стрельцы, не найдя поддержки в народе в целом, потеряли мужество, попросили прощения и согласились принять новые правила, устанавливающие более строгую дисциплину. Покорение стрельцов правительством Софьи означало окончательный провал плана Досифея.

В 1684 г. правительство Софьи, на основе решений церковного Собора от февраля 1682 г., выпустило новые драконовские правила против староверов.[240] Всех, не посещающих церковь, допрашивать, а подозреваемых в ереси — пытать. Признавшихся в ереси и отказавшихся покаяться — сжигать на костре. Населению районов, где живут староверы, запретить давать им приют под угрозой сурового наказания.[241]

Объявленное вне закона, движение староверов ушло в подполье. Истинно верующие были вынуждены прятаться или искать убежища в отдаленных территориях — на крайнем севере России, в лесах Поволжья, на Дону. Многие бежали через польскую границу.

Среди гонимых членов истинной веры распространились апокалиптические настроения. Казалось, наступает приход Антихриста и конец света. В религиозном экстазе многие староверы искали выхода из своего положения в принесении себя в жертву, как они поступали и раньше. Некоторые их наставники боялись, что верующим, когда власти начнут их пытать, не хватит духовной силы выдержать пытки, и в агонии они отрекутся и этим погубят свои души. Поэтому они рекомендовали своим последователям не ждать прихода карательной экспедиции, а совершать самосожжения. "И в огне вы спасаетесь. Огонь очистит все ваши грехи".[242] Подсчитано, что за период с 1684 по 1691 гг. в огне погибло не менее двадцати тысяч мужчин и женщин. Этот психоз беспокоил лидеров старообрядческого движения и вызывал возмущение большинства его членов. Настоятель Досифей проклял самосожжения и отказался молиться за их жертвы.

В 1691 г. ученик Досифея Евфросин написал решительное "Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей".[243] После этого эпидемия жертвоприношений пошла на убыль, хотя отдельные случаи имели место и позже.

При Петре Великом законы Софии о староверах были отменены, однако их обложили двойным подушным налогом. Согласившимся зарегистрироваться и платить подобный налог не досаждали.

Пользуясь ситуацией, два замечательных религиозных лидера, Андрей Денисов (1674-1735 гг.) и его брат Семен, сумели создать процветающий центр старообрядческой духовной культуры в ските на реке Выг в Олонецком уезде в северной России.[244] Они, таким образом, сохранили и распространили традиции Аввакума. К этому времени староверы почитали Аввакума как отца-основателя своего движения и святого.

7. Внутреннее развитие Руси (1667—1682 гг.)

I

Главной политической тенденцией развития Русского государства во второй половине XVII в. было сохраняющееся господство идеи абсолютизма, а с ней связан рост бюрократической системы управления.

Этот путь приведет к превращению Руси в *регулярное государство* западного типа во время царствования Петра Великого. Однако, прежде чем этот результат мог быть достигнут, строители абсолютизма в России — государственные деятели, военачальники и идеологи — должны были преодолеть немало препятствий.

Среди сил, которые могли — и иногда делали это — оказать сопротивление всемогуществу государства были Церковь, аристократия и Земский Собор.

Церковь, однако, была ослаблена расколом староверов. Эта группа не выступала против высшей власти царя, пока он защищал Православие. Но когда царь одобрил никонианские реформы церковных книг и обрядов, он, с точки зрения Аввакума и его последователей, предал истинную веру. Преследования староверов объединенными усилиями правительства и господствующей церкви только укрепили дух старообрядцев, и они перешли к открытому неповиновению. Когда правительственные силы подавили их сопротивление, многие из них, в отчаянии, предпочитали спасать свои души, принося в жертву собственные тела.

В господствующей церкви сохранилось никонианство, хотя самого Никона в 1666 г. низложили и сослали. Царь Алексей был вынужден сделать церкви некоторые уступки, в которых Никону он отказывал. Третий патриарх после Никона, Иоаким, оказался человеком энергичным и волевым. В последние два года царствования царя Алексея и во время правления царя Федора он играл важную роль не только в церковной администрации, но и в государственных делах.

Именно в патриаршество Иоакима были предприняты окончательные меры к упразднению *Монастырского Приказа* (1667 г.). Восстановив таким образом исключение духовенства из юрисдикции светских судов, Иоаким объединился с правительством в его репрессивной политике по отношению к староверам и поддержал царское самодержавие против аристократических проектов высшей группы боярства.

Иоаким ничего не имел против института Земского Собора в принципе. После кончины царя Федора он даже поспешно созвал специальную ассамблею, избравшую царем мальчика Петра. Это, разумеется, был чисто марионеточный Собор. Когда, в 1674 г., Иоаким взошел на патриарший престол, институт Земского Собора уже не функционировал.

В 1653 году Земский Собор одобрил решение распространить царский протекторат на Украину. После этого он уже не использовался. Существовало несколько причин, почему царь прекратил созывать Земский Собор.

Во-первых, после объединения с Украиной и неудавшегося объединения с Белорусией Алексей стал именоваться Царем Всея Великой, Малой и Белой Руси. Украинцы и белорусы присягали на верность царю, а не Земскому Собору, то есть России, а не Московии. В отношениях с Украиной, Белоруссией, а в связи с ними и с Польшей, царь не желал быть ограниченным Земским Собором.

Другой важной причиной прекращения деятельности этого совета было растущее отчуждение между сословиями (*чинами*) в Московии, особенно между дворянством и посадскими, двумя группами, сотрудничавшими при подготовке свода законов 1649 г. Большинство бояр, в свою очередь, возражали против притязаний дворян на равный с боярами социальный статус. Нарождающаяся русская буржуазия — гости (купцы) и промышленники — тоже требовали большего внимания к своим интересам, чем бояре были склонны уделить им. Они стремились к финансовому господству над розничными торговцами и посадскими.

В результате подобных трений царь стал предпочитать созывать специальные совещания представителей каждой социальной группы по отдельности, когда возникала необходимость обсудить их требования.

До конца правления царя Федора состоялись два таких важных совещания: одно для обсуждения необходимых финансовых реформ, а второе — по упразднению *местничества* (генеалогического старшинства на гражданской и военной службе) (1681-1682 гг.).

Боярская Дума составляла органическую часть русского правительства, работавшую в тесном сотрудничестве с царем, как это было во второй половине XVI в. Ключевая позиция в Думе в XVII в. принадлежала *первосоветнику*.

Первосоветниками в первой половине XVII столетия были боярин Иван Никитич Романов и, после его смерти, князь Иван Борисович Черкасский (умер в 1642 г.). Последний из известных первосоветников — князь Никита Иванович Одоевский, получивший этот высокий пост к концу царствования Алексея и сохранявший его до своей кончины в 1681 г.[245]

Почти все первосоветники принадлежали к самым именитым княжеским родам и, таким образом, представляли в правительстве аристократический элемент. Некоторые из них, как князь И.Б. Черкасский, стояли во главе центральной администрации царства. Положение Черкасского, со всеми необходимыми оговорками, можно сравнить с положением премьер-министра. Подобное положение занимал Борис Иванович Морозов в начале царствования царя Алексея, однако нет свидетельств, что он имел титул первосоветника.

После своей второй женитьбы царь Алексей пожаловал боярский титул человеку не принадлежавшему к кругу древних боярских родов, Артамону Сергеевичу Матвееву, и поставил его во главе администрации, можно сказать, назначил премьер-министром. Это вызвало недовольство многих князей и бояр. Им пришлось ждать смерти Алексея, чтобы получить возможность избавиться от этого одаренного государственного деятеля. Царь имел прерогативу жаловать боярство, однако при назначении на военные и административные должности его выбор ограничивали родовые притязания (*местничество*) кандидатов. Самое большее, что мог сделать царь, — это освободить от соображений родовой знатности назначения командиров для определенных кампаний, объявив их *без мест*, то есть освобожденными от традиционных правил, но даже это не всегда удавалось.

И все-таки ущерб, наносимый местничеством нормальной работе органов управления, особенно в армии, был очевиден. Первоначально местничество распространялось только на княжеские и именитые боярские рода. Храня традиции местничества, московская аристократия пыталась защитить себя от произвола великого князя (позже, царя) сверху, а также от претензий низшего дворянства снизу социальной лестницы.[246]

В течение XVII в. местничество утеряло свой чисто аристократический характер. Понятия местничества распространились среди дворянских офицеров и даже среди *дьяков*. В результате природа

института изменилась. В своей новой форме местническая система больше не могла удовлетворять нужды ведущих боярских и княжеских родов. В то же время местнические притязания и тяжбы продолжали сеять раздоры между самими боярами и подрывать престиж аристократии в целом. В связи с этим возник новый план — план обеспечения политического преимущества древних боярских и княжеских родов как высшего сословия русского государства. В этих условиях бояре не выступали против идеи упразднения местнической системы.

Инициатива подобного шага исходила от армейских офицеров, которые лучше, чем любая другая социальная группа, осознавали ущерб, наносимый местничеством. К концу 1681 г. под председательством князя Василия Васильевича Голицына была созван совет армейских офицеров, чтобы обсудить основные реформы для модернизации русских вооруженных сил. О необходимости реформ говорил анализ недавних войн. "В этих войнах противники показали новые тактические приемы, которые царские армии должны принять во внимание".

Было предложено заменить традиционное дворянское ополчение регулярной армией, состоящей из полков, подготовленных по современным западным образцам, и в связи с этим упразднить местничество. Голицын доложил об этом решении царю Федору. Патриарх Иоаким его поддержал.

12 января 1682 г. царь Федор повелел, "случаи местничества полностью искоренить; а для их полного искоренения и вечного забвения мы желаем, чтобы все прошения касательно прежних случаев и разрядные книги [которые рассматривались при назначениях в армии и органах управления] предать огню".[247] Это аутодафе произвели немедленно.

Чтобы удовлетворить желания аристократии, правительство царя Федора приказало составить книгу княжеских и боярских родословных. В нее также вошел высший слой дворянства, однако в целом книга подчеркивала значение аристократии. Она стала известна как *Бархатная книга*.[248]

Борцы за аристократические принципы желали не только престижа, но и власти. Они задумали план, по которому царю конституционно должны были помогать старшие бояре древних родов. Царь остается верховным правителем страны, однако *царская держава* де-

лится на несколько *государств*, каждое из которых возглавляет один из старших бояр — *царский наместник*.

Эти наместники поселяются *навечно* в Новгороде Великом, Казани, Сибири и некоторых других регионах. Проект по сути превращал Россию в аристократическую федерацию при верховном правлении царя. Федор был готов принять план, но сначала отправил его на одобрение к патриарху Иоакиму. Патриарх наложил на этот проект вето. Он считал, что претворение этого плана в жизнь приведет к распаду царства на отдельные княжества, что означало бы возвращение к системе уделов с ее междоусобными распрями, и погубит Россию.

Как комментирует Острогорский, "еще раз, незадолго до упразднения московского патриархата [Петром Великим], лидер Русской Церкви действенно продемонстрировал свое национальное сознание".[249]

Хотя аристократический план был отвергнут, в правительственных кругах чувствовали, что необходимо что-то сделать для обеспечения высшим боярам определенного места на государственной службе. С этой целью был разработан другой проект — табель о рангах высших постов в органах управления и армии. Он был предшественником гораздо более сложного табеля Петра Великого. Замечательной чертой этого проекта было разделение гражданской и военной службы.[250]

Первый ранг принадлежал верховному судье; второй — воеводе при царском дворе с функциями своего рода министра обороны. Боярин третьего ранга с титулом *наместник* Владимира, должен был председательствовать на заседаниях Боярской Думы. Среди служащих более низких рангов были командующие пехотой и кавалерией, начальники военных округов (*разрядов*), высшие придворные чиновники, уездные управляющие и т.д.

Стоит заметить, что гетман Украины ("обоих берегов Днепра") тоже вошел в табель о рангах. Ему присвоили довольно низкий, двадцать пятый, ранг. Получившего упомянули по имени (единственный подобный случай в этом проекте), Иван Самойлович, "верный подданный Нашего Царского Величества". "Он живет вместе с Запорожской армией в малорусском городе Батурине, и они должны быть всегда готовы послужить, где Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, им прикажем".

Об автономном статусе гетмана и Запорожской армии не упоминалось. Это свидетельствует, что правительство царя Федора, точнее один из самых влиятельных в нем людей на тот момент, князь Василий Голицын, желал сократить, или даже ликвидировать, автономию Украины. Во внешней политике Голицын выступал за соглашение с Польшей, по которому правый берег Украины (кроме Киева) в 1686 г. отойдет полякам. Кроме того, Голицын не любил Самойловича, с которым (и с князем Григорием Ромодановским) он не ладил во время второй Чигиринской кампании 1678 г.

Характерной чертой проекта являлось то, что в нескольких случаях русские названия чинов сопровождались греческими (византийскими). Это говорит о том, что в подготовке проекта принимал участие человек, или люди, знакомые с греческим языком. Много таких состояло в окружении патриарха Иоакима, что делает вероятным его доброжелательное отношение к этому плану. Проект был как раз готов для окончательного одобрения царем Федором, когда тот умер, после чего проект оставили.

Для модернизации Московского государства было важно навести порядок в хаотичной системе департаментов центральной администрации — системе *приказов*. Царь Алексей увеличил неразбериху, создав *Приказ Тайных Дел*, первоначально как свою канцелярию, но впоследствии передав ему управление своими личными поместьями. В первоначальной форме целью этого приказа было подчеркнуть усиление царского контроля над деятельностью правительства. Смешение государственных и личных дел царя, происшедшее в результате придания приказу новых функций, привело к возвращению на удельный путь и затушевыванию идеи абсолютизма. После смерти Алексея этот приказ-гибрид был упразднен.

Правительство царя Федора старалось реорганизовать структуру центральной администрации, объединяя небольшие приказы со сходными функциями в более крупные и комплексные. Еще до царствования Федора управление делами *вотчин* и *поместий* бояр и дворян, а также проведение переписей было сконцентрировано в *Поместном приказе*.

При Федоре, в 1678 г., *Пушкарский* (артиллерийский) *приказ* слили с *Рейтарским* (кавалерийским) *приказом*. За 1679-1680 гг. объединили несколько финансовых приказов. Эта реформа была завершена в 1684 г.[251]

Во второй половине XVII в. государство уделяло значительное внимание организации регулярной почтовой связи между Москвой и зарубежными странами.[252] Русское правительство нуждалось в ней для поддержания дипломатических и торговых отношений как с Западом, так и с Востоком. Западные правительства и купцы, в свою очередь, тоже были заинтересованы в подобной службе.

В 1665 г. царь Алексей дал распоряжение Приказу Тайных Дел заключить контракт с голландским купцом, Иоганном ван Сведеном, на организацию почтовой службы. За жалованье 1 200 рублей в год плюс 1 000 рублей на расходы ван Свиден взялся доставлять почту в Москву из Западной Европы каждые две недели и из Турции, Ирана и Индии периодически, с неопределенными интервалами.[253]

В 1667 г. ван Сведену поручили строительство в Дединово (на реке Оке) первого из нескольких запланированных морских судов для каботажа по Каспийскому морю. Флотилия, предполагалось, будет поддерживать торговые отношения с Персией и Средним Востоком, а также будет полезной для почтового сообщения между Московией и Ираном. Племянника ван Сведена, Давида Бутлера, назначили капитаном первого (и единственного) построенного судна "*Орел*".[254] Во время разинского восстания этот корабль был сожжен казаками.

После смерти ван Сведена его вдова и племянник были готовы взять на себя его контракт, однако вскоре, по настоянию Ордина-Нащокина, почтовую службу поручили заботам датчанина Леонарда Марселиса, сына Петра Марселиса, купца и промышленника, служившего русскому правительству в качестве дипломата с 1640-вых гг. Ордин-Нащокин снова консультировался с Петром Марселисом при подготовке *Новоторгового Устава*. Леонард Марселис заключил с рижским почтмейстером соглашение о почтовых маршрутах из Риги в Новгород и Москву через Псков. По соглашению с почтмейстером Вильно в 1669 г. организовали почтовый путь Берлин-Вильно-Смоленск-Москва. В 1670 г. Леонард Марселис умер, его отец скончался двумя годами позже. Русскую линию этого рода тогда представил сын Леонарда, Петр, умерший в 1675 г.

В тот же год, по рекомендации боярина Артамона Сергеевича Матвеева (преемника Ордина-Нащокина на посту главы Посольского приказа), царь Алексей доверил управление почтовой службой обрусевшему голландцу, Андрею Андреевичу Виниусу, сыну Андрея Денисовича Виниуса, в 1632 г. получившего царский патент на стро-

ительство железоделательного и оружейного завода под Тулой. Испытывая недостаток средств, Андрей Денисович был вынужден принять в качестве партнеров Петра Марселиса и его родственника Акема. В 1640-вых гг. эти двое удалили Виниуса из дела и стали владельцами. Назначение А.А. Виниуса, таким образом, было своего рода новым поворотом в усобице между семьями Виниуса и Марселиса.

Андрей Андреевич Виниус оказался прекрасным почтмейстером. Он продолжал возглавлять почтовую службу двадцать шесть лет. Кроме того, в 1677 г. его назначили дьяком (секретарем) *Аптекарского приказа*, а в 1689-м — дьяком Посольского приказа.

Модернизация русской армии в XVII в. наложила на страну новое финансовое бремя. В 1620-х гг. ежегодные расходы России на вооруженные силы составляли около 275 000 рублей. К 1680 г. они достигли примерно 700 000 рублей.[255]

В 1680 г. готовые к действиям вооруженные силы Московии состояли из (1) дворян, около шестнадцати тысяч; (2) московских стрельцов, двадцать тысяч; (3) регулярной кавалерии (рейтары), тридцать тысяч; и (4) регулярной пехоты (солдаты), больше шестидесяти тысяч.[256]

Во второй половине XVII в. московские вооруженные силы стояли несколькими группами по южной и западной границам царства. На этом основании было создано несколько военных округов под названием *разряды*.[257]

В 1654 г., после захвата Смоленска, организовали Смоленский разряд, а в 1656-м, в начале войны со Швецией, Новгородский разряд.[258] В 1663 г. создали Белгородский разряд, как оплот против крымских татар, а два года спустя — Севский разряд для защиты от потенциальных нападений поляков и антимосковских отрядов украинских казаков.

Система военных округов постепенно распространилась на большую часть России. После подавления восстания Разина появился Казанский разряд. В Сибири, Тобольске и Томске, разряды существовали с 1602 и 1627 гг. соответственно. В 1676 г. Енисейск стал центром отдельного разряда.[259]

Организация системы военных округов была завершена в 1680 г., когда в центральной части Московии создали четыре разряда — Московский, Владимирский, Тамбовский и Рязанский. Там обучали рекрутов, собирали вооружение и припасы для внешних разрядов. Что-

бы упростить финансирование разрядов и сделать их экономически независимыми, средства от налогов, собираемых в городах, принадлежащих внешним разрядам, не отправлялись в центральный финансовый приказ в Москве, а оставались в распоряжении властей каждого округа и использовались на местах. В конце концов разряды послужили моделью для *губерний*, введенных царем Петром.

II

К середине XVII в. в государственных доходах России значительную роль стали играть косвенные налоги, хотя их общий объем все еще был меньше, чем прямых. Традиционным прямым налогом в Московии являлся налог на землю, единицей которого была соха (см. глава 1). Два основных источника косвенных налогов составляли таможенные пошлины и откуп продаж спиртного.

Продолжительные войны с Польшей (1654-1667 гг.) и Швецией (1656-1659 гг., формально окончилась в 1661 г. по Кардисскому договору) пошатнули русские финансы. Появилась настоятельная потребность в реформах финансового управления. И тут появился А.Л. Ордин-Нащокин, который и взял на себя инициативу их проведения.

Подход Ордина-Нащокина к проблеме не был исключительно техническим. Он осознавал необходимость увеличения русского национального производства и дохода в интересах народа — увеличения *всенародных пожитков*. Он считал купеческое сословие основным двигателем экономического прогресса, а косвенные налоги — главной опорой государственного бюджета.

Русские купцы страдали от конкуренции иностранных торговцев, особенно с Запада, которым московское правительство еще во второй половине XVI в. пожаловало значительные привилегии. Поэтому, на всем протяжении XVII столетия, русские купцы продолжали просить царя упразднить эти привилегии. Внутри страны, русские купцы имели основания жаловаться на притеснения со стороны представителей администрации. Кроме этого, и в самом купеческом классе не было единства. Розничные торговцы, принадлежащие к тягловым городским общинам (*посадам*), возражали против преимуществ состоятельных оптовых купцов (*гостей*).

Начиная свои реформы, Ордин-Нащокин вынужден был принимать во внимание все эти противоречия. В то же время он не хотел исключать иностранных купцов из русской торговли, поскольку это

во многих отношениях было выгодно правительству, а также способствовало развитию промышленности.

Ордин-Нащокин начал экспериментировать с намечаемыми реформами еще до окончания войны с Польшей. В 1665 г., между двумя раундами незавершенных переговоров с поляками, его назначили воеводой во Псков, и он немедленно начал реорганизацию муниципальной администрации, торговых правил и системы пошлин.

Пытаясь положить конец притеснениям со стороны воеводы, дьяков своей администрации и богатейших купцов, Ордин-Нащокин создал муниципальный совет, чтобы представлять псковскую городскую общину. Посадским приказали избрать пятнадцать представителей на трехлетний срок. Каждый год пять человек из них, по очереди, должны были находиться на службе. Каждые три года надлежало проводить новые выборы. В обязанности муниципального совета входило рассмотрение тяжб между посадскими и уголовных дел, кроме убийств и государственной измены, которые оставались в ведении суда воеводы.[260]

Чтобы привлечь во Псков иностранных купцов, Ордин-Нащокин установил две ежегодные ярмарки, с 6 января и с 9 мая, продолжительностью в две недели каждая. Во время ярмарок пошлины не собирались.

Иностранные купцы, однако, должны были оплачивать одну треть стоимости покупаемых ими товаров не товарами, а серебряными гульденами (иохимсталерами, по-русски — *ефимками*). Русским купцам затем полагалось в таможне обменивать ефимки на московскую валюту. Эта практика составляла один из главных путей, по которому московское правительство получало серебро. Ефимки переплавляли в московские серебряные монеты, при значительной выгоде для государственной казны.

Чтобы предотвратить конкуренцию между русскими купцами и укрепить их позицию в сделках с иностранцами, Ордин-Нащокин рекомендовал каждому оптовому торговцу принимать в дело группу розничных купцов.[261] Подобная форма кооперации существовала в Московии и раньше в рамках семейных объединений (*торговых домов*).

Попытка Ордина-Нащокина ввести во Пскове муниципальное самоуправление встретило противодействие как со стороны представителей администрации, так и со стороны самых богатых купцов. В Москву пошли жалобы. Боярская Дума отменила нововве-

дения. Царь заменил Ордина-Нащокина на посту воеводы Пскова его врагом — князем Иваном Андреевичем Хованским. Однако эксперимент Ордина-Нащокина с торговыми и таможенными правилами не был забыт. Два года спустя ему предоставили возможность применить свои идеи более масштабно при подготовке государственного закона по торговле и пошлинам, обязательного для всей Московии.

При подготовке *Новоторгового Устава* его составители уделили серьезное внимание челобитной русских купцов царю Михаилу от 1646 г., а также Таможенному Уставу от 1653 г. Кроме того, Ордин-Нащокин консультировался с Петром Марселисом как с экспертом по внешней торговле.[262]

Новоторговый Устав (введенный в действие 22 апреля 1667 г.) стал важной вехой в экономической истории России.[263] Его составили в московском Посольском приказе под руководством Ордина-Нащокина, который лично написал вступительную статью.

Лейтмотивом *Устава* является то, что торговлю следует считать делом государственной важности, правительство должно поощрять купцов и предоставлять им свободу в ведении дела.

Во внешней торговле правительство с помощью Устава стремилась достичь активного торгового баланса. Это соответствовало понятиям и практике, существовавшим в то время на Западе (принцип *меркантилизма*). Поэтому главными целями Новоторгового Устава были увеличение импорта из заграницы золота и серебра, стимулирование товарооборота для сбора больших таможенных пошлин и помощь русским купцам в конкуренции с иностранцами.

Обычная таможенная пошлина, по Уставу от 1653 г., составляла 5 процентов, однако западные купцы должны были выплачивать ее золотыми дукатами или серебряными иохимсталерами (ефимками) по установленному курсу, составлявшему лишь половину от реального. Экспорт золота и ефимок запрещался. Иностранные купцы имели право продавать товары русским оптовикам, но не розничным купцам. Западным купцам дозволялось торговать в Архангельске и в городах, расположенных по западной границе Московии. Если они хотели доставить свои товары в Москву и продать их там, им приходилось платить двойную пошлину. Если какой-либо иностранный купец продавал товары розничному торговцу, и товары, и полученные им деньги подлежали конфискации.

Центрально-азиатская торговля шла через астраханскую таможню, а также тарскую и тобольскую в Сибири.

Процесс модернизации русских финансов во второй половине XVII в. коснулся как органов центральной финансовой администрации, так и системы налогов — прямых и косвенных — и их сбора.

К концу правления царя Федора *Приказ Большой Казны* стал самым важным финансовым учреждением, занимающимся сбором косвенных налогов (акцизов), а *Стрелецкий приказ* — управлением прямыми налогами (подоходными).

Успешной реформой в деле косвенного налогообложения явилось установление единой пятипроцентной пошлины, введенной Таможенным Уставом от 1653 г. и подтвержденной Новоторговым Уставом 1667 г.

Снова и снова, кроме сбора пошлин, правительство продолжало облагать купцов чрезвычайными дополнительными налогами: *пятой деньгой* (двадцати процентный подоходный налог), *десятой деньгой* (десяти процентный подоходный налог). Эта практика началась в 1614 г. в период восстановления после опустошений Смутного времени.[264]

В 1652 г., в ответ на настойчивое требование патриарха Никона принять меры к ограничению пьянства, царь Алексей издал указ об упразднении откупа алкогольных продаж и замене его государственной монополией.[265] Заинтересованность продавцов спиртного в увеличении продаж исчезла, продавать алкоголь на разлив запрещалось, а лавки должны были быть закрыты по воскресеньям и во время постов. Это привело к значительным потерям для казны. Одиннадцать лет спустя, во время финансового кризиса, к которому привела война с Польшей и провал эксперимента с медными деньгами, Боярская дума отменила указ от 1652 г. и восстановила систему откупа алкогольных продаж.[266]

Относительно взимания прямых налогов правительство царя Федора в 1679 г. провело важную реформу. Взамен старой посошной системы единицей налогообложения было решено сделать *двор*. В 1677-1678 гг. произвели перепись всех тягловых дворов. Как и раньше, дворовые рабы (*холопы*) бояр и дворян освобождались от налога. Однако рабов, поселенных их хозяевами на землю — *задворных* или *деловых людей*, — включили тогда в тягловое население.

Для сбора прямых налогов подсчитали количество дворов в каждой городской общине (*посаде*) и каждом сельском районе (*уезде*) и высчитали общую сумму ожидаемых от налогов поступлений. Представители жителей затем разделили эту сумму в соответствии с платежеспособностью каждого члена общины.[267] В указе от 5 сентября 1679 г. говорилось, что это сделано для того, чтобы богатые в пропорции не платили меньше, чем бедные, а бедные не были пропорционально отягощены больше богатых.[268]

Значительная часть прямых налоговых поступлений объединялась в один налог под названием *стрелецкие деньги*, поскольку в большинстве своем они ассигновались на содержание отрядов стрельцов. В зависимости от платежеспособности налогоплательщика и уровня благосостояния города или уезда, в котором был расположен двор, он платил от 80 копеек до 2 рублей ежегодно в качестве своей доли в этом налоге.

Кроме налогообложения, другим источником государственного дохода являлись прибыли от торговли и промыслов, находящихся во владении и управлении правительства. Самым доходным промыслом были зырянские солеварни в Соликамском уезде, годовое производство которых доходило до миллиона пудов соли с валовым доходом от продаж в 70 000 рублей. Производство поташа в Нижегородской губернии приносило не менее 10 000 рублей в год. О государственных рыболовецких артелях на Нижней Волге мы имеем лишь неполную информацию. Согласно Килбургеру, доход от продажи икры составлял примерно 40 000 талеров (около 20 000 рублей).[269] Общая сумма доходов этой категории неизвестна. Фискальные заведения и торговлю контролировал *Приказ Большой Казны*.

Давайте кратко рассмотрим государственный бюджет России на 1680 г. (записей о предыдущих государственных бюджетах до сих пор не обнаружено).[270] Суммы доходов и расходов давались отдельно по каждому приказу. Общих подсчетов не производилось. Чтобы дать более ясную картину баланса, необходимо произвести вычисления. Эту работу проделал Милюков.[271]

Годовой доход от прямых налогов — как регулярных, так и чрезвычайных — составлял примерно пятьдесят процентов общей суммы; от косвенных налогов — около 40-45 процентов; от других источников (включая судебные пошлины) — 5-10 процентов. Совокупный доход составлял 1 220 367 рублей. Это меньше суммы в 1 311 000, которую Котошихин дает для начала 1660-х.[272]

Государственные расходы Милюков перечисляет по следующим пунктам:

Армия	примерно 700 000	рублей
Царский двор (содержание и правление)	224 366	"
Государственные промыслы и торговля	67 767	"
Пенсии (пособия)	41 857	"
Средства связи	36 481	"
Общественные здания	100	"
Администрация	18 692	"
Итого:	1 125 323	рублей

Таким образом, примерно шестьдесят процентов государственных расходов составляли расходы на национальную оборону.

III

Ко времени правления царя Федора Россия находилась на распутье во многих смыслах этого слова. В политическом плане идея абсолютной царской власти, казалось, победила, однако аристократия не отказалась от притязаний на долю этой власти. А церковные иерархи, хотя и поддерживали власть царя, фактически руководили его политикой, особенно в церковных делах.

Реформы армии и органов управления еще не были завершены. На отряды стрельцов, поскольку они не входили в регулярную армию, положиться было нельзя. Многие стрельцы все еще находились под влиянием староверов.

В социальном плане крепостная зависимость крестьян в господских владениях приближалась к рабству. Крестьянское противодействие выражалось преимущественно в их попытках бежать, хотя в некоторых случаях они оказывали и открытое сопротивление правительственным агентам, посланным на розыск беглецов.[273] Все это подрывало стабильность режима. Московское правительство ничего не предпринимало, чтобы остановить продолжающееся усиление контроля господ над крестьянами. Хотя есть некоторые свидетельства, что князь Василий Голицын, один из влиятельных людей в администрации царя Федора и ведущий сановник во время регентства царевны Софьи, сам лично выступал за освобождение крестьян.[274]

Московия также испытывала муки глубокого религиозного кризиса. Раскол староверов не только разрушил единство Русской Церкви, но и создавал угрозу самому государству, поскольку староверы

находили сочувствие и поддержку среди тех, кто был не согласен с государственной политикой. Из-за раскола никонианская церковь потеряла десятки тысяч преданных членов. Отношения между лидерами господствующей православной церкви и староверами — гонителями и гонимыми — стали исключительно мучительными и враждебными. В то же время вожди обеих сторон одинаково непреклонно относились к Западу и старались остановить продолжающееся и неизбежное проникновение в Московию западных идей и западного образа жизни.

Во время правления царя Федора аристократия предприняла попытку объединиться в качестве господствующего высшего слоя русского общества и государства. Почти в оппозиции к этому дворяне стремились обеспечить себе те же права и привилегии, которыми располагала аристократия, и, таким образом, влиться в общий объединенный класс землевладельцев.

И бояре, и дворяне могли владеть и владели вотчинами (наследственными имениями) и поместьями (военными пожалованиями). Однако самые крупные вотчины принадлежали боярам, и исторически вотчина являлась главным оплотом боярской формы земельного права, как поместье — дворянской (особенно мелких дворян).

Первоначально поместье не было наследуемым имением. Помещик мог владеть им и использовать его только, пока он продолжал военную службу. Если он не должным образом исполнял свои обязанности, его поместье конфисковывали.[275] Человеческая природа — желание обеспечить себе, своей семье и своим детям средства к существованию — побуждала дворянина сделать поместье наследственным, то есть, говоря на языке юриспруденции, превратить свое поместье в вотчину.

Традиционно бояре, занимавшие командные позиции как в армии, так и в администрации, считали своим почетным долгом участвовать в военных кампаниях во главе своих отрядов. До середины XVI в. не существовало специальных правил, определяющих, какое количество воинов должен выставить каждый боярин.

Ситуация изменилась с введением служебного устава от 1556 г., по которому военная служба бояр и других владельцев вотчин приравнивалась к службе держателей поместий. Количество полностью вооруженных конников, подлежащих мобилизации от каждого землевладения (вотчины или поместья), исчислялось в зависимости от размеров имения (см. гл. I).

После этого указа различие между вотчиной и поместьем стало менее значительным, с точки зрения эффективности их военной службы. Правительство после этого разрешило держателю поместья, если он сам был стар или немощен, отправлять вместо себя на военную службу своих сыновей, братьев, племянников или других родственников мужского пола. После смерти его поместье могло передаваться его сыновьям или ближайшим родственникам на тех же условиях службы. Эту практику легализовало Соборное Уложение 1649 г. (Соборное Уложение, глава VII, статья 17).

И вотчинник, и помещик стремились укрепить свой контроль над крестьянами-арендаторами в его имении. Хотя, по Соборному Уложению 1649 г., крестьянин-арендатор потерял свободу передвижения и был прикреплен к земле, которую обрабатывал, юридически он еще признавался как личность. Он владел личным и движимым имуществом и имел право обращаться в суд.

Реально ситуация была иной. Крестьянин находился в административной власти хозяина имения и, будучи лишен права уйти, имел мало шансов возместить ущерб, нанесенный ему его господином. Обиженный слишком сильно, он мог убежать на юг, в пограничные степные районы, однако, если правительственные агенты его находили и арестовывали, он мог быть насильно возвращен в прежнее имение. В 1650-х и 1660-х гг. были арестованы десятки тысяч беглых крестьян-арендаторов.[276]

По желанию господин мог передать свои права на беглого крестьянина третьей стороне, даже до его поимки, например, покупателю его вотчины или своим кредиторам в качестве уплаты за заем. Он мог даже подарить свои права монастырю.[277] Постепенно такие передачи превратились в обычную практику не только относительно беглых крестьян, но и тех, кто оставался верным своему месту. Первый из известных прецедентов произошел в 1668 г., второй — в 1675 г.[278]

Продажа крестьян-арендаторов отдельно от земли, на которой они жили, противоречила в то время писаным законам. Для легализации подобной передачи продавец должен был написать отпускную (удостоверение об освобождении), а передаваемый крестьянин подписать *подрядную* (контракт арендатора с новым господином).[279] Делалось ли это в двух упомянутых выше случаях, нам не известно.

Однажды начавшись, эта практика продолжилась и распространилась, а требование освобождения и соглашения арендатора пре-

вратилось в чистую формальность, если вообще соблюдалось. В указе, изданном в 1721 г., Петр Великий написал, что мелкие дворяне в России привыкли и до сих пор продают крестьян-арендаторов и домашних холопов, как скот, "чего больше нет нигде в мире". Петр приказал ограничить подобную практику, "если невозможно положить ей конец", то по крайней мере продавать всю семью, но никого из членов по отдельности.[280] Проконтролировать исполнение этого указа было невозможно.

IV

Образование — один из самых важных факторов культурного развития нации. Ко второй половине XVII в. Московия располагала некоторыми условиями для начального образования, однако в ней не было ни средних школ, ни высших учебных заведений.

Двумя наиболее образованными группами являлись духовенство и служащие органов администрации — дьяки и подьячие. Что касается бояр и дворян, то в первой половине XVII в. не все из них даже умели читать и писать, однако к концу века процент грамотности значительно увеличился. За счет посадских. По подписям в протоколах нескольких московских посадских общин, высчитано, что в 1677 г. подписывающихся было 36 процентов, а в 1690 г. — между 36 и 52 процентами.[281] Среди крестьян грамотность была минимальной в течение всего XVII в. (немного выше среди государственных крестьян в северной Руси).

Что касается высшего образования, то православная церковь возражала против обращения к помощи европейцев, поскольку они опасались влияния со стороны католических и протестантских учителей. Два других потенциальных источника составляли греческие и западнорусские православные ученые. Еще в 1632 г. патриарх Филарет обращался к образованному греческому священнику с просьбой организовать в Москве духовное училище, но после смерти Филарета проект забросили (см. главу 3).

В 1640 г. киевский митрополит Петр Могила предложил царю Михаилу прислать в Москву киевских ученых, чтобы организовать школу для обучения латинскому и греческому языкам. Из этого плана ничего не вышло, однако несколько лет спустя, в начале царствования царя Алексея, Ф.М. Ртищев открыл подобную школу по собственной инициативе.

В 1665 г. в Москве создали школу для обучения латинскому языку и русской грамматике, для которой было построено специальное здание в Спасском монастыре "за иконным рядом" (Заиконо-Спасская школа). Ее возглавил выдающийся ученый и поэт Симеон Полоцкий. Цель школы состояла в подготовке дьяков и подьячих для административных органов. Сам Симеон Полоцкий преподавал там по меньшей мере два года.[282]

Грекофильские круги Москвы подозревали Полоцкого, выпускника Киевской Академии, в склонности к римскому католицизму, да и вообще были против обучения латыни. В 1680 г. школу, основанную на обучении греческому языку, организовали в Московском Печатном дворе, преимущественно для подготовки собственных сотрудников.

Московская элита так остро нуждалась в знании латыни — в тот период важного средства освоения западной науки, — что в 1682 г. был разработан устав учебного заведения, объединяющего обучение греческому и латинскому языкам — Славяно-Греко-Латинской академии.[283]

В учебный план академии входило изучение грамматики, поэтики, риторики, диалектики, философии, юриспруденции и богословия. Ректор и преподаватели должны были быть "благочестивыми и из набожной семьи, воспитанными в восточной православной вере русских или греков". Школа "должна быть открытой для людей [православного вероисповедания] любого чина, положения и возраста без установления различий". Главной целью академии являлось укрепление и защита православной веры. Ректор и преподаватели становились хранителями Национальной библиотеки. Еретические книги, обнаруженные во владении частных лиц, подлежали конфискации или передаче хранителям.

Предлагалось, что все иноземные ученые перед поступлением на русскую службу будут проходить проверку у руководства академии: в случае неодобрения, изгоняться из России. Люди, обвиненные в еретическом учении или богохульстве против православной церкви, допрашиваются ректором и, в случае виновности, подлежат сожжению на костре. Православный, перешедший в католичество, лютеранство или кальвинизм, подвергается такому же наказанию. Это было попыткой установить строгий церковный надзор над образованием всех русских и силой подавить любую оппозицию подобному контролю.

Царь Федор и патриарх Иоаким одобрили устав академии, однако только во время регентства царевны Софьи подходящие греческие ученые, братья Иоаникий и Софроний Лихуды, были приглашены и привезены в Москву. Официально академию открыли в 1687 г. Через два года молодой царь Петр сверг и заключил в темницу царевну Софью, а в 1700 г., после смерти патриарха Адриана (преемника Иоакима), Петр начал свои реформы, направленные на разрушение церковной монополии на образование и просвещение. Славяно-Греко-Латинская академия стала ядром *Московской Духовной Академии*, а светское образование и наука развивались независимо от нее.

Во второй половине XVII в. двумя важными институтами, через которые западные идеи и образ жизни проникали в высший слой московского общества, были царский дворец и Посольский приказ.[284]

Западнорусские ученые (украинские и белорусские), питомцы Киевской Академии, были проводниками западной гуманитарной науки. Киевские ученые, приглашенные в Россию в конце 1640-х и 1650-е гг., были специалистами по греческому языку. Обучение в Киевской Академии, однако, строилось на латыни.

Самым влиятельным западнорусским ученым в последнюю часть царствования Алексея и первые четыре года царствования Федора являлся разносторонний Симеон Полоцкий (1629-1680 гг.). Латынь была языком его научных исследований. Он хорошо знал также польский, но не был знаком с греческим. Полоцкого призвал в Москву царь Алексей в 1663 г. Три года спустя он принял участие в церковных Соборах 1666 и 1667 гг., заклеймивших староверов. Полоцкий перевел на латынь некоторые материалы для Паисия Лигарида и написал трактат против учения старообрядцев.

Симеон Полоцкий был активным проповедником (после его смерти опубликовали два тома его проповедей) и поэтом (он сочинял по-русски, польски и на латыни). Он ввел в русскую литературу силлабическую систему стихосложения поляков, которая займет главенствующее положение в русской поэзии на последующие восемьдесят лет. Полоцкий также сыграл роль в развитии русского театра. Он возбудил интерес царя Алексея к театральным спектаклям, рассказывая ему об украинских и польских драмах. Полоцкий написал в этом жанре два произведения — "Комедию притчи о блудном сыне" и "Три юноши в огненном горниле".[285]

Однако царь Алексей обратился за помощью в организации первого театра в Москве не к западным русским и не к полякам, а к немцам. В июне 1672 г., по совету Артамона Матвеева, царь поручил пастору Иоганну Готфриду Грегори из Немецкой Слободы поставить пьесы на библейские сюжеты в специально выстроенном для этого новом здании в царском селе Преображенское. Первый спектакль ("Эсфирь") состоялся 17 октября. Позже представляли переложение последних актов "Тамерлана Великого" Марло и комедию о Бахусе и Венере.

Сначала спектакли играли на немецком языке, но вскоре пьесы перевели на русский, и Грегори подготовил русских актеров. В некоторых постановках особое место принадлежало инструментальной музыке и пению. После смерти царя Алексея и отставки Матвеева спектакли прекратились.[286]

В 1667 г. царь Алексей назначил Симеона Полоцкого наставником своего старшего сына царевича Алексея, а когда тот умер — наставником Федора, следующего царевича по старшинству. Полоцкий также руководил образованием царевны Софьи. Федор овладел польским языком, увлекался польскими книгами, любил польское платье и музыку.

При царском дворе и среди бояр распространилось полонофильство. Василий Голицын и другие бояре знали польский язык и имели в своих библиотеках польские книги. Дом Голицына был выстроен и обставлен в западном стиле.

С польским культурным влиянием соперничала немецкая культура, шедшая из стран центральной и северной Европы (германских государств, Голландии, Дании и Швеции) либо непосредственно, либо через Немецкую Слободу. Ее воздействие чувствовалось и в театре, и в изобразительном искусстве, и в музыке, и в технике. Последний аспект оказался наиболее важным для ближайшего будущего.

Накопление технического знания, которому способствовали поселившиеся в Московии немецкие мастера и промышленники, продолжалось в течение всего XVII в. К 1682 г. русская элита развивала различные виды ремесла, отличающимся высоким качеством.

Чтобы развить и освободить потенциальные творческие способности, было необходимо дать московитам возможность овладевать основами науки и технологии, или открывая соответствующие школы на Руси, или отправляя русских за границу учиться в западных школах. Это понимал царь Борис Годунов в начале XVII в., однако

преждевременная смерть нарушила его планы.

Только во второй половине XVII в., при помощи киевских ученых, в Москве появились школы, где обучали гуманитарным наукам, однако так и не было открыто школ с преподаванием естественных и технических наук.

Русь нуждалась в технической модернизации. Этот процесс мог пойти быстрее или медленнее, принять более широкий или более узкий масштаб. Решающий толчок дал Петр Великий.

V

В разногласиях и внутренних противоречиях того периода русской истории творческие силы национальной экономики настойчиво трудились, приводя к неуклонному накоплению технического и, с меньшей скоростью, гуманитарного знания.[287]

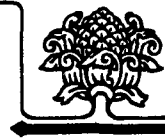
Продуктивность русского сельского хозяйства в XVII в., за исключением западной Сибири, была низкой. Высчитано, что на каждую *четверть* посеянной ржи получали только 2-5 четвертей зерна. В западной Сибири пропорция была выше — 8-10 четвертей.[288] С другой стороны, наблюдался постоянный рост валового продукта, так как площади пахотных земель увеличивались вместе с распространением сельского хозяйства на плодородные земли юга и запада. Благоприятным фактором являлось изменение системы налогообложения, в которой основной единицей стал двор. Это служило земледельцу стимулом, поскольку обработка дополнительных земель больше не предполагала увеличения налога.

Кроме сельского хозяйства, владельцы крупных имений занимались промыслами и торговлей. Многие, включая царя Алексея, организовали в своих вотчинах железоделательные, соляные, поташные, винокуренные и другие производства. Излишки товаров, а также зерно они обычно продавали на рынках, иногда доставляя их в самые отдаленные районы, например, в Архангельск.[289]

Во второй половине XVII в. в Московии значительное распространение получили более крупные промышленные предприятия, современными учеными называемые *мануфактурами*. Некоторыми из них, например *Пушечным двором*, производившим пушки, и *Оружейной палатой*, выпускавшей ручное огнестрельное оружие, управляло государство. На другие мануфактуры выдавались лицензии, преимущественно европейцам. Однако некоторыми мануфактурами владе-

ли и русские купцы и промышленники, например, Строгановы, Светешниковы, Никитины и другие. Часть мастеров были иностранцами, часть — русскими. Первые получали значительно более высокое жалованье. Неквалифицированные работы выполняли русские: либо наемные рабочие, либо крестьяне, "приписанные" к мануфактурам.[290]

Принимая во внимание увеличение сельскохозяйственного и промышленного производства, а также развитие торговли, можно хотя бы частично поверить воспоминаниям князя Бориса Ивановича Куракина (род. в 1676 г.). Он говорит, что к концу регентства царевны Софьи, в 1689 г., Россия стала страной изобилия.[291]



ГЛАВА 7

РИТМЫ ИСТОРИИ И АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

I Предварительные замечания

Тремя основными факторами в истории нации являются ее :жизненная творческая энергия, географическое окружение (пространственная координата) и темп развития на протяжении последовательных периодов ее эволюции (временная координата).

Географическое окружение может измениться — сжаться или расшириться в зависимости от движения населения и изменения политических границ. Нация может расшириться, поглощая новые этнические элементы и дополнительную территорию или же уменьшиться, теряя часть своего первоначального населения и территории политически и культурно в пользу соседствующей с нею нации.

Федерация русских городов и княжеств XII и первой трети XIII вв. базировалась на общих религиозных и культурных основаниях. Церковно-славянский язык составлял связующее звено между Россией и другими славянскими народами, принявшими православное христианство. Существовало два основных фонологических региона: южно-русская и северно-русская группы диалектов. Позднее, в монгольский период, украинский и белорусский языки, а также великорусский диалект. Два великорусских диалекта объединились и создали основу великорусского языка, теперь известного просто как русский.[1] Тем не менее люди, принадлежащие ко всем трем языковым ветвям, продолжали называть себя просто русскими, а свой язык русским в то время, как церковно-славянский оставался языком цер-

кви как в западной, так и в восточной России, и до сих пор он остается языком русской православной церкви.

В середине XIV в. большая часть Украины (за исключением Галиции, аннексированной Польшей) и вся Белоруссия признала власть великих князей Литвы. В 1569 г. Литва была вынуждена вступить в тесный политический союз с Польшей и отдала ей украинские земли. Это политическое деление между восточной и западной Россией было подчеркнуто социальными и культурными изменениями.[2] Западнорусская аристократия постепенно вошла в сферу польского влияния. К концу XIV в. православная церковь была подвергнута насильственному воздействию римского католицизма и потеряла определенное количество верующих, перешедших во вновь организованную униатскую церковь.[3] Западно-русское православие смогло в 1630-е гг. перенять западные формы образования. Православие сохранилось, но оно в определенной мере было окрашено римско-католическими традициями.[4]

Независимая от западной России Московия к середине XIV в. начала расширяться на восток и юго-восток, поглощая новые этнические элементы.

Даже на ранних стадиях русской истории многие финно-угорские, североиранские (аланские), черкесские и тюркские племена жили рядом с русскими, и часть из них (в особенности некоторые финно-угорские племена) были постепенно поглощены потоком русской колонизации. Этот симбиоз нашел отражение в народном искусстве и музыке, а также в языке.[5]

В середине XV в. великий князь Василий II расселил перешедших к нему на службу татар в районе Оки и основал вассальное Касимовское царство (ханство). Часть татарских князей получила города для обеспечения своего существования.

Вслед за завоеванием Казани десятки тысяч татар стали подданными московского царя, а после завоевания Сибири к ним присоединились еще и сибирские татары, остяки, монголы (буряты) и тунгусы. Татарские цари и царевичи играли важную роль при московском дворе и в армии до средины XVII столетия, подобно кабардинским князьям.

Хотя и численно меньшим, но постоянно растущим был приток в Московию выходцев с Запада. Заметным было различие в отношении московского правительства и церкви к западным христианским

традициям и восточным религиям. Русские считали нормальным, что люди, принадлежащие к нехристианским религиям, имеют собственные обычаи и верования. Хотя казанская кампания 1552 г. была чем-то похожа на крестовый поход, митрополит Макарий провозгласил принцип религиозной терпимости по отношению к завоеванным мусульманам. Христианские миссионеры должны были обращать в свою веру лишь тех, кто сознательно выбрал христианство, но им предписывалось не применять насилие. То же правило позднее было установлено и для Сибири. В противоположность этому, русские подозрительно относились к римскому католицизму и протестантизму и боялись их миссионерских притязаний. Поэтому римским католикам и (с немногими исключениями) протестантам не разрешалось строить церкви в Московии. И лишь только во второй половине XVII в. выходцы с Запада, обитатели Немецкой Слободы, получили право это делать, да и то только в пределах своей территории. Право римских католиков и протестантов возводить церкви и открыто исповедовать свою религию (но не пропагандировать ее) по всей России было одобрено Петром Великим.

Наиболее крупная группа выходцев с Запада, влившаяся в Московию во второй половине XVI и в XVII столетии, состояла из военнопленных (не возвратившихся домой в соответствии с условиями перемирия или мира). Среди них были литовцы (под этим именем подразумевались и белорусы), поляки, балтийские и иные немцы—наемники, служившие в польской и шведской армиях. Они нанимались на московскую службу, в особенности военную, и получали земельные наделы или другие средства к существованию.

В то же время многие выходцы с Запада, нанятые московским правительством в качестве инженеров и армейских офицеров, а также западные торговцы, имеющие дело с Московией, оставались здесь в поисках счастья. Многие из них переходили в православие и постепенно русифицировались.

Ни паны в русско-литовском сообществе, ни великие князья и цари Московии не рассматривали разделение восточной и западной Руси как окончательное. Паны рассматривали план включения Московии в сообщество в качестве его третьей составляющей. В 1493 г. Иван III начал использовать титул Государь всея Руси в своих отношениях с Литвой и таким образом заявил свои претензии на западную Россию.[6] Его внук, царь Иван Грозный, подтвердил эти притязания.

В смутное время Московия едва избежала судьбы поглощения польско-литовским содружеством и была слишком ослаблена, чтобы думать о последующей экспансии на Запад. Даже ее попытка обрести вновь Смоленск, потерянный в смутное время, потерпела неудачу.

Следующий ход в плане объединения с Московией был инициирован западной Россией, как следствие украинской народной войны 1648 г.

II

Изменение в численности населения затрагивает все три основных фактора в истории нации. Они изменяются вместе с уровнем рождаемости и смертности в каждый данный период. В Древней Руси первый показатель был высок, но таковым был и последний. Основными причинами высокой смертности были детские болезни, эпидемии, вспышки голода и военные потери: До второй половины XVII в. население вымывалось уводом масс мужчин, женщин и детей в плен в ходе постоянных татарских набегов.

Можно лишь догадываться о численности русского населения в домонгольский период. Предположительный подсчет относительно конца XIV и XV столетий может базироваться на числе налогооблагаемых районов (*тьмы*, мн. число от *тьма*), установленном монголами. В источниках упоминались сорок три таких района. Если предположить, что среднее количество населения тьмы равнялось двумстам тысячам человек, то общая численность населения восточной и западной России этого периода достигала восьми миллионов человек.[7]

Московские переписи XVI и XVII столетий, базирующиеся на посошной системе, не дают общей статистики населения. Новая единица налогообложения, хозяйство или двор, была введена в 1679 г. Для этого в 1678 г. была проведена перепись. Общее число налогооблагаемых хозяйств составило около 800 000.[8] Среднее число людей, живших в каждом хозяйстве, неизвестно. Оно должно было быть высоко, поскольку большее число людей, нежели ранее, собиралось в одном дворе с тем, чтобы доля каждого в выплачиваемых налогах была меньше.

Чтобы оценить число русского населения около 1678 г., нам следует начать с анализа цифр переписи Петра Великого, базировавшейся на подушном налоге.

Согласно первой переписи (*ревизии*) 1719 г., население России составляло около шестнадцати миллионов человек. Вторая перепись, около 1744 г., дала цифру около восемнадцати миллионов.[9] Сравнивая эти цифры с характеризующими XVII столетие, нужно принять во внимание, что территория России увеличилась в первой половине XVIII в. путем присоединения Эстонии и Латвии.

Принимая во внимание эту территориальную коррекцию и производя обратное вычисление при посредстве логарифмических графов, Борис Пушкарев пришел к цифре 12,8 миллиона для 1678 г. и 10 миллионов для 1650 г. При этом общем числе городское население Московии достигало 524 000 в 1652 г. и 658 000 в 1678 г. Коэффициент урбанизации оставался тем же (5,2 %).[10]

2. Пульс истории

Ритмическая периодичность в истории человечества зависит от действия космических, биологических, психических, географических, политических, экономических и социальных сил, а также климатических условий.

В истории нации или региональной группы наций периодичность в развитии зависит не только от внутренних причин, но также и от ее (их) положения в мире и связей с соседями в периоды войны и мира.

Изучение периодичности в киевский и монгольский периоды русской истории затруднено недостаточностью источников. Источники становятся более обильными в московский период, но до сих пор не было проделано никакого их систематического анализа с этой точки зрения.

Тридцать лет назад П.Н. Савицкий предложил изучение последовательных периодов экспансии и регрессии русской творческой активности. Он подошел к проблеме, рассматривая ее на базе имеющихся данных, "групп индексов" экономических циклов в Древней Руси.

Он обращался к ссылкам на прогресс торговли, ремесла, сельского хозяйства, технических усовершенствований, роста городов, колонизации целинных земель, строительной деятельности, развития образования и искусства как основы процветания. Периоды депрессии были определены преобладанием признаков, указывающих на ухудшение и упадок, вражеское вторжение, значительных вспышек голода, эпидемий и иных бедствий.

Как признал сам Савицкий, этот метод дает лишь пробные результаты, поскольку имеющиеся свидетельства по каждой "индексной категории" не систематичны. Множество взаимосвязанных категорий предполагает определенные коррективы, и хотя результаты Савицкого не могут считаться исчерпывающими, они все еще имеют значительную ценность для историка.[11]

В Киевском периоде истории Савицкий обнаружил постоянное колебание, короткие циклы, каждый из которых длился несколько лет и шел чередой друг за другом. Монгольский период начался с депрессии, за которой последовали переодические колебания.

Напротив, период формирования централизованного русского государства — "собирания русской земли" московскими великими князьями — был временем почти непрерывного увеличения активности русской нации (1452-1538 гг.).[12] Политическое объединение Великой Руси вокруг Москвы означало конец периода раздробленности с его междоусобными войнами. Хотя московитское завоевание уничтожило независимость процветающих республик Пскова и Новгорода и болезненно затронуло высший слой существовавшего там свободного общества, оно было необходимым для формирования Русского государства.

Это был период экономического роста, начальной стадией подъема роли дворянства и начала реформ в местной администрации.

Важным аспектом творческой активности в это время была широкая программа культового и оборонного строительства. В ее исполнении лидировали итальянские и псковские архитекторы, первым результатом стал Московский Кремль. Около 1490 г. началось строительство крепости Ивангород в балтийском регионе. Между 1511 и 1531 гг. были завершены крепости к востоку и югу от Москвы, служащие для защиты столицы от татарских набегов (Нижний Новгород, Тула, Коломна, Зарайск). Присутствовал и заметный прогресс в религиозной живописи.

Это был период религиозного многообразия. Внутри русской православной церкви утвердились два течения: одно из них, с соответствующими оговорками, может именоваться мистическим и наилучшим образом представлено старцем Нилом Сорским; другое, социальное, имело своим главным выразителем Иосифа Волоцкого. Одновременно несколько групп духовенства и мирян поставили под сомнение нерушимость православной догматики.

Они стали известны как жидовствующие, хотя не все из них находились под влиянием иудаизма. Значительное число их принадлежало к тому течению, которое может быть обозначено, как рационалистическое движение. Хотя противоборство этих различных тенденций подорвало религиозное единство нации, взятые вместе они свидетельствовали об интенсивности духовной и интеллектуальной жизни.

За этим "столетием подъема" последовал период депрессии на протяжении боярского правления 1538-1547 гг.[13]

В июле 1547 г наблюдался сильный подъем, связанный с влиянием Сильвестра и Адашева на правление молодого царя Ивана IV. Подъем замедлился в 1559 г. и исчерпал себя к 1564 г. Его, возможно, следует назвать "периодом экспансии Адашева". Он был отмечен динамичной и удачной внешней политикой, важными внутренними реформами, расцветом архитектуры и живописи, возвышением города Москвы как центра интеллектуальной, религиозной и художественной деятельности.

Среди специфических индикаторов этих экономических циклов одним из наиболее характерных был архитектурный. Инициатива в строительстве больших сооружений, в особенности из кирпича и камня, должна была исходить от правительства (часто лично царя), церкви (часто митрополита, а позднее патриарха), богатых купцов или городских общин. Такое строительство требовало кадры архитекторов и квалифицированных рабочих. И поскольку их работа встречала восхищение и духовную поддержку народа , то он играл в этом процессе важную психологическую роль. Итак, архитектурный показатель хорошо выявляет степень интенсивности национального усилия. Двумя выдающимися примерами такой попытки в период Адашева являются церковь Иоанна Предтечи в Дьяково (построена в 1553-1554 гг.)[14] и собор Покрова Богородицы (известный как собор Василия Блаженного, 1553-1560 гг.).

В 1565 г. начался период депрессии, который продолжался двадцать лет (до смерти царя Ивана Грозного). Это были годы опричнины (1565-1572 гг.) и Ливонской войны (закончившейся в 1582 г.).[15] Россия, в особенности в области сельского хозяйства, была серьезно ослаблена экономическим кризисом. Характерно, что кирпичные и каменные сооружения строились все меньше и к 1571 г. почти прекратили возводиться по всей стране.

Северо-восток Московии — уральский, средневолжский и камский регионы — был менее затронут депрессией, нежели центральная и западная части. Насильственная депортация многих дворянских семей в район Казани во время опричнины и приток крестьян в юго-восточные части нижегородского региона открыли новые перспективы для русской колонизации. Деятельность Строгановых в верховьях Камы привела к организации похода Ермака в Сибирь (1581 г.).

Эти начинания развивались в период правления Бориса Годунова (1584-1605 гг.). В целом он характеризовался постепенным восстановлением сил и прогресса, проявившегося в особенности в расширении русской колонизации в Сибири и в Диком поле на юге, чему способствовала новая система укреплений и защитных линий.

Архитектурный показатель данного периода отмечает, что вновь началось энергичное строительство каменных сооружений: стены Белого города в Москве (1585-1590 гг.), крепости Соловецкого монастыря (1591 г.) и Смоленского кремля (1597-1601 гг.). Однако последние годы правления царя Бориса были омрачены голодом, политическими интригами и социальными беспорядками.

Последующий период — Смутное время (1605-1618 гг.) — был катастрофическим. Подорваны были не только политический и социальный порядок, экономическая жизнь, ужасны были и реальные человеческие потери. И вновь, как и в период 1565-1584 гг., Урал и Сибирь были менее затронуты кризисом, чем центральная часть Московии.

После завершения польской и шведской войн начался период медленного восстановления и нового накопления сил (1619-1633 гг.). Возрастало население и увеличивался объем производимой сельскохозяйственной продукции. Благодаря умелому правлению патриарха Филарета, работа администрации значительно улучшилась. К концу периода были наняты западные эксперты для помощи в создании железодобывающей промышленности и в модернизации армии. Были приняты меры для укрепления фортификационной линии с центром в Туле с тем, чтобы защитить Москву от татарских набегов; возобновилась и архитектурная деятельность (церкви в Ярославле, Москве и Угличе, 1619-1628 гг.).

Польская война 1632-1634 гг. вызвала крайнее напряжение экономики и вооруженных сил страны и породила спад продолжительностью около пяти лет. В результате московское правительство отка-

залось защищать Азов, который был захвачен донскими казаками, и таким образом избежало войны с Турцией.

Новый период экспансии и накопления сил начался в 1638 г. и продолжался до начала новой войны с Польшей в 1654 г.

Социально этот временный период имел особую значимость для консолидации средних классов московского общества — дворянства и горожан — и укрепления боярского и дворянского контроля над крестьянами-держателями в своих земельных владениях. Новый судебник 1649 г. , бывший следствием московского восстания 1648 г., удовлетворил основные требования дворянства и горожан.

Вновь возобновилось в широком объеме строительство фортификационных сооружений на юге, призванное предотвратить угрозу татарских набегов. Украинское народное движение 1648 г. предвещало возможность еще одной войны с Польшей и сделало реорганизацию московитской армии актуальной задачей, что стимулировало наем большого количества западных военных специалистов для подготовки кадров постоянных войск по западному образцу.

Архитектурные показатели демонстрируют очевидный подъем в строительной сфере в конце этого периода. Троицкий монастырь в Муроме, церковь Вознесения в Устюге (оба сооружения завершены в 1648 г.) и Троицкая церковь в Никитниках в Москве (завершена в 1653 г.) были выдающимися примерами архитектурных достижений этого времени.

Период польской войны 1654-1667 гг. стал тяжелым бременем для человеческих и финансовых ресурсов. Чума 1654 г. привела к огромным человеческим потерям. "Медный бунт" 1662 г. выразил острое народное недовольство. Башкирское восстание того же года было подавлено с огромным трудом. Начало церковного раскола и конфликт между государством и церковью породил болезненный религиозный кризис.

И в то же время, в отличие от периодов опричнины царя Ивана IV, Ливонской войны и смутного времени, ранее накопленная сила нации не была истощена.

Большое внимание продолжало уделяться защитным линиям на юге, где был организован Белгородский военный разряд.

До окончания польской войны Ордин-Нащокин подготовил свой план финансовой реформы, а новый торговый статут вышел вскоре после подписания Андрусовского перемирия.

И вновь подъем архитектурной активности. Патриарх Никон построил Воскресенский собор (1658-1660 гг.), названный Новоиерусалимским, поскольку он строился как точная копия Иерусалимского. Среди других важных сооружений этого периода была оригинальная декоративная башня врат Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале (после 1660 г.).

Затем Московия содрогнулась от череды крестьянских бунтов, имевших своей кульминацией восстание Степана Разина, и одновременно столкнулась с восстанием на Украине.

Следующий период (1672-1682 гг.) включал последние четыре года правления царя Алексея и царствование Федора. Символично, что начало этого периода было отмечено рождением Петра Великого.

Это был период религиозного кризиса и возмущения крестьянства, но в то же время важных административных и военных реформ и распространения западных культурных веяний в высших кругах. Объем сельскохозяйственного и промышленного производства возрос. Архитектурный показатель также демонстрировал многогранную творческую активность. Замечательным памятником этого периода был причудливый деревянный дворец царя Алексея в Коломенском (начало возведения относится к 1667 г., а завершение строительства к 1681 г.). Симеон Полоцкий назвал его "восьмым чудом света". Среди церквей, построенных в этот период, были храм Иоанна Предтечи в Ярославле (начат в 1671 г., завершен в 1687 г.) и Троицкая церковь в Останкино (близ Москвы).

В целом, циклы 1538-1682 гг. могут выглядеть следующим образом:

1. 1538-1547 гг. Депрессия.
2. 1547-1564 гг. Экспансия Адашева (замедлившаяся после 1560 г.).
3. 1565-1584 гг. Спад (менее выражен в северо-восточной России и на Урале; начало натиска на Сибирь в 1581 г.).
4. 1584-1605 гг. Экспансия Бориса Годунова (остановлена великим голодом и боярскими интригами в 1602 г.).
5. 1605-1618 гг. Катастрофа смутного времени.
6. 1619-1633 гг. Реконструктивная экспансия в правление патриарха Филарета.
7. 1634-1654 гг. Постепенная экспансия, замедленная в следствии небольшого спада 1634-1638 гг.
8. 1654-1672 гг. Спад, холера 1654 г., война, восстание 1662 г., восстание Разина и восстание на Украине 1667-1672 г. При этом не

наблюдалось полной депрессии, в следствии экспансии в Сибири и конструктивных финансовых реформ в конце 1660-х гг.

9. 1672-1682 гг. Экспансия, сдерживаемая религиозными проблемами и народной неудовлетворенностью.

Даты каждого периода приблизительны. Во многих случаях экспансия начиналась медленно; в других, она замедлялась к концу периода; таким образом, период спада не всегда выражен. В-следствие инерции, конструктивные силы все еще работали и собранные силы истощались не сразу.

Принимая во внимание эти ограничения, мы можем установить, что основные периоды подъема были приблизительно столь же продолжительны, как и основные периоды депрессии: семь лет экспансии (№ 2 на таблице выше); двадцать лет спада (3); двадцать лет экспансии (4); тринадцать лет депрессии (5); четырнадцать лет реконструктивной экспансии (6); двадцать лет последовательно усиливающейся экспансии (7); восемнадцать лет регресса, "смягченного конструктивной деятельностью (8); одиннадцать лет "смягченной" экспансии (9).

Среди причин периодов подъема были: здоровая экспансия, конструктивное политическое лидерство и работоспособная администрация, равно как и мудрая внешняя политика. Депрессия порождалась истощающими войнами, иностранной интервенцией, социальными движениями и стихийными бедствиями, такими как эпидемии и голод.

Обуславливающим эти очевидные причины был ритм смены поколений. Например, поколение людей, активных в 1550-х (как и активное поколение 1480-х) характеризовалось высоким процентом одаренных личностей, а опричный террор практически уничтожил талантливые кадры.

Новое поколение — люди, рожденные в 1570-х-1580-х гг. — вышло на передовые позиции к началу смутного времени. Среди выдающихся личностей этого периода были: основной организатор национального сопротивления в 1611-1612 гг. Кузьма Минин и особо одаренный дипломат Иван Грамотин. Первый был государственным деятелем, на которого можно было положиться, а последний человеком циничным и нестабильным в своих политических пристрастиях. Грамотин, предположительно, родился в начале, а Минин в конце 1570-х. Многие другие погибли в бурных событиях.

Поколение, родившееся перед или в течение, смутного времени и бывшее активным в 1640-х и 1650-х гг., породило патриарха Никона (родился в 1605 г.). Его противник, князь Никита Одоевский, был несколько старше, а А.Л. Ордин-Нащокин младше (даты рождения этих двоих неизвестны).

К следующей возрастной группе, людей родившихся в 1620-х и ставших активными в 1650-х и 1660-х гг., относятся протопоп Аввакум (родился в 1620 г.) и А.С. Матвеев (родился в 1625 г.). Князь Василий Голицын принадлежал к следующему поколению (родился в 1643 г.).

Таким образом, переплетаются исторические периоды, производящие или уничтожающие таланты.

3. Пласты древнерусской культуры

I

Основы древнерусской культуры были заложены в эпоху древнеславянской истории.

Почитание солнца и преклонение перед силами природы составляли сердцевину древнеславянской религии. Род с его культом был основной социальной и религиозной единицей. Древнеславянская мифология выглядит обладающей определенным сходством с индоиранским митраизмом, а так же с культом Гелиоса (Аполлона) в Древней Греции. Эти религиозные верования были отражены в древнерусских традициях социального порядка, магии в сельском хозяйстве, охоте, ремеслах, устной литературе, искусствах и музыке.[16]

В X в. на это основание наложился новый культурный пласт — византийское христианство. В противоположность римской, византийская церковь разрешала вновь обращенным вести службы на национальном языке. Ко времени крещения Руси евангелие и некоторые из церковных руководств уже были переведены с греческого на старославянский в Моравии в результате миссии святых Кирилла и Мефодия (вторая половина IX в.). Работа продолжилась в Болгарии в X в. К этому времени восточные славяне имели в своем распоряжении основную христианскую литературу на понятном для них языке.

Они продолжали обогащать литературу новыми переводами, включая не только религиозные, но и византийские исторические сочинения. Киев стал главным восточнославянским центром такого рода деятельности. По своей форме искусство и церковная служба следовали византийским канонам.

Новая христианская культура была сперва привита в городах. Христианизация же сельского населения шла намного медленней. Длительное время народ продолжал лелеять свои древние верования и обычаи под тонким покровом христианской цивилизации. В результате развилось так называемое двоеверие.[17] Устная народная литература — ритуальные песни, погребальные причитания, былины и сказки, также как и народная музыка — сохраняли древние традиции.

Знаменитое "Слово о полку Игореве", датируемое концом XII в., занимало особое место в этом ряду. Как говорил Юрий Арбатский, это "была не литературная поэма в собственном смысле слова, а скорее памятник перехода от устного эпоса к письменной литературе... имеется надежное свидетельство, что "Слово" пелось, а не просто читалось; и существуют свидетельства, что оно базируется на древних текстуальных и музыкальных моделях, свойственных устному эпосу".[18]

Начиная с XIII в. русская церковь пыталась уничтожить оставшиеся традиции дохристианской религии (язычества) и магии. В 1551 г. московский церковный Собор запретил верующим участие в языческих обрядах ("еллинском бесовании"), "волховании" и "чародеянии".

После периода ученичества восточные славяне, опираясь на византийский фундамент, постепенно сумели развить свой собственный стиль в христианской литературе и искусствах. Их творческая зрелость в архитектуре выразилась в грациозных соборах конца XII в. и начала XIII в. в районе Владимира — Суздаля. Русская иконопись достигла наивысшего расцвета в XV в. в творениях таких художников, как Андрей Рублев и Дионисий.

Вторая половина XV в. и XVI в. могут действительно рассматриваться, как эпоха зрелости русской культуры. К этому времени христианство прочно утвердилось по всей стране. В архитектуре Успенский собор во Владимире (конец XII в.) послужил моделью построенного в Москве Аристотелем Фиораванти одноименного собора (1475-1479 гг.). Появились новые ярковыраженые национальные формы архитектуры (шатровый стиль). Литература и музыка (церковное пение) успешно вбирали в себя фольклорные традиции.

"Слово о полку Игореве" продолжало оказывать свое влияние на русскую литературу до середины XVI столетия. Текст повествования о победе Дмитрия Донского над татарами в 1380 г. — "Задонщина" — был имитацией "Слова". Предположительно, подобно "Сло-

ву", она пелась в соответствии с древними музыкальными правилами.

Само "Слово" читалось — и, возможно, пелось — во Пскове даже в XVI в. Это подтверждается фактом, что единственная рукопись произведения, которая уцелела в 1812 г. (когда оно погибло в московском пожаре во время вторжения Наполеона), была копией, сделанной в XVI в. псковским переписчиком. Сообщение псковского летописца о поражении русских от литовцев в битве под Оршей (1514 г.) было написано в стиле "Слова о полку Игореве".[19]

II

В отличие от новой высокой культуры, древняя славянская языческая цивилизация была к XVI в. в состоянии упадка. Древние эпосы (былины) и народные гуляния были еще популярны во всех слоях русского общества, но они постепенно изменили свой характер. Вследствие своей почти полной христианизации, массы теряли собственное понимание реального значения древних сакральных празднеств и стали предпочитать более легкие увеселения, подобные гротескной буффонаде шуток обученных медведей. Попытки церкви подавить остатки язычества ускорили упадок древнерусской народной культуры, хотя встречали сопротивление мирян многие годы.

Носителями народной культуры были *скоморохи*. Само название это имеет неопределенное происхождение.[20] Это странствующие актеры, музыканты, певцы и танцоры. Враждебность духовенства по отношению к ним отражена в поговорке "скоморох попу не товарищ".[21]

Скоморохи известны с киевского периода. В XV и XVI вв. они проживали в основном в двух регионах: один находился к югу от Новгорода, а другой — к северу и северо-востоку от Москвы.[22] Для того, чтобы добывать средства к существованию, они занимались ремеслами и торговлей. Для своей артистической деятельности скоморохи собирались в компании. Можно предположить, что первоначально они составляли могущественное тайное братство.[23]

В первой половине XVII в. московское правительство активно помогало церкви покончить с деятельностью скоморохов. В 1649 г. воеводе Тобольска было послано предписание с инструкциями о захвате и уничтожении скоморошьих музыкальных инструментов и масок, где бы они не были обнаружены. Дальнейшее устроение народных развлечений было запрещено, а те скоморохи, кто не подчинился указу, подлежали битью розгами.[24] Предположительно, схожие

приказы были отправлены и в другие части Московии. Поиск и уничтожение старых музыкальных инструментов велся одновременно и в Москве.[25]

Это был смертельный удар по скоморохам и по древней русской музыкальной и театральной культуре, которую они представляли. Скоморохи рассыпались в разных направлениях, и лишь малая часть их репертуара — в основном короткие сатирические и пародийные песни — оставили следы в фольклоре.[26] И даже во второй четверти XIX в. составитель знаменитого "Словаря живого великорусского языка" В.И. Даль знал в Нижегородской губернии крестьянина, который зарабатывал себе на жизнь скоморошеством.[27]

Искаженные фрагменты древних сакральных празднеств дожили в некоторых местах до начала XX в. Н.Н. Евреинов имел возможность наблюдать два таких представления — одно в Тамбовском уезде и другое близ Бобруйска в Белоруссии.[28] Одно из увиденных Евреиновым представлений, кажется, принадлежало к солнечному циклу, представлявшему смерть и грядущее воскрешение. Другое (козлиная пьеса) сравнимо с дионисиями Древней Греции ("козлиная песня" в греческой *трагедии, козлогласие* в древнерусском варианте).

Говоря исторически, древнее сакральное действо могло бы послужить основанием развития современного русского театра или же в любом случае развиваться как его форма. Эта возможность не реализовалась. Вместо этого московитская элита обратилась к Западу для удовлетворения своих театральных пристрастий. Церковь была враждебно настроена также и по отношению к Западу, но помешать постепенной "вестернизации" России не могла.

III

В течение киевского периода Русь находилась в состоянии активного общения с западными странами.[29] В монгольский период отношения между Россией и Западом стали более ограниченными, но не прекратились совсем. Новгород был в это время центром русской торговли с Европой. На юге русские купцы торговали с венецианскими, а затем генуэзскими колониями в Крыму.[30]

Взаимосвязи России и Запада были высоко развиты во второй половине XV в. во время царствования Ивана III. Его вторая женитьба на Софье Палеолог привела к приглашению в Москву выдающихся итальянских архитекторов. Москва вошла в дипломатические от-

ношения с папой, Венецией, Священной Римской империей, Венгрией и Данией.[31] Контакты с Западными странами не прекращались и при сыне Ивана III, Василии III.[32]

Во время правления Ивана Грозного англичане открыли арктический путь в Московию. Все большее количество западных технических специалистов нанималось на русскую службу. Ливонская война привела Россию к прямому контакту с балтийскими немцами, и московские дипломатические отношения с Западом получили свое дальнейшее развитие.[33]

С этого самого времени западное влияние оказывало все более сильное воздействие на политическую, дипломатическую, экономическую и культурную жизнь России. Это влияние захватило Россию в XVIII в.

4. Архитектура и живопись

I

До XVI в. живопись в России была всецело ориентирована на религию. Она рассматривалась как сакральное искусство. Ее основными формами были иконы и фрески.

Древнерусская архитектура также была по преимуществу религиозной, связанной с строительством церквей и монастырей. Другая ветвь архитектуры служила национальной обороне, строительству крепостей. И разумеется, для каждодневных нужд народа наиболее важной архитектурной деятельностью было строительство жилья.

В центральной и северной части России с древних времен дерево было единственным строительным материалом. После обращения Руси в христианство было постепенно освоено каменное зодчество (в камне и кирпиче) в соответствии с византийскими и грузинскими канонами. В XII и в первой трети XIII в. Владимиро-Суздальская земля стала центром русского искусства каменного зодчества, но артели мастеров были уничтожены монголами, или угнаны ими в плен.[34] Новгород и Псков были в меньшей степени затронуты монгольским нашествием, и каменные церкви продолжали строиться там в течение XIV и XV вв. В Москве подлинное архитектурное возрождение наступило лишь с привлечением Иваном III в 1470-х гг. итальянских мастеров.

Иконопись пострадала от монголов меньше, чем архитектура в связи с тем, что была в основном работой индивидуальной и могла делаться незаметно. Кроме того, многие из иконописцев были мона-

хами и находились под защитой церкви, которой монгольскими ханами даровались грамоты о неприкосновенности.[35]

Согласно древнерусским представлениям, иконописцы должны были рассматривать свою работу как долг перед Богом. Они должны были вести праведную жизнь, строго соблюдать посты и часто исповедоваться.[36] Эстетическим принципом иконописца было подчинение своей собственной индивидуальности религиозной сущности иконы. Работа должна была выражать его характерные черты и таким образом поддерживать стиль, существующий много лет. Однако стиль выражения мог меняться со временем и в различных регионах страны.

Это, как указывал Георгий Острогорский, делало возможным для выдающегося иконописца продемонстрировать свою индивидуальность и творческий гений. В результате "в России возникло оригинальное и независимое искусство [письма], которое в то же время оставалось верным византийским традициям".[37]

Византийским канонам противоречило изображение божества в реалистической манере. Не разрешалось создание образов Бога-Отца (Саваофа). Бог-Сын (Иисус Христос), поскольку он имел воплощение, мог изображаться во плоти как человек.[38] Святой Дух мог изображаться лишь символически, обычно как голубь.

Символическое изображение Святой Троицы, приемлемое для Византии, представляло собою трех ангелов, в образе которых Бог явился Аврааму (Биб. 18:1-15). На это намекает и послание св. Павла к евреям (13:2). В византийском и русском искусстве эта композиция стала известна как ветхозаветная Троица.

Икона была объектом благоговения, а не почитания. По словам св. Василия Великого, "благоговение по отношению к иконе относится к ее прототипу" (то есть к святому, чей образ представлен на иконе). После XIV в. иконы стали более широко использоваться в России, нежели в Византии, как в церквах, так и в домах.

В церквах это изменение было результатом изменения *иконостаса* (алтарного пространства). В Византии, равно как в Киевской Руси, алтарное пространство было отделено от остальной церкви низким барьером, к которому прикреплялось множество икон. В XV в. в России был введен новый тип иконостаса с пятью или шестью рядами икон.[39]

Иконы иконостаса располагались в определенном порядке.[40] Центральная композиция была известна в России как *Деисус*, что являет-

ся искажением греческого термина *deesis*, или молитвы. Он изображал Христа на троне с Богородицей по правую руку и св. Иоанном Крестителем по левую. Эти три фигуры (в полном Deesus) окружены образами архангелов, апостолов и отцов церкви.

Другим типом русской иконы была молельная икона для дома. Они в конечном итоге и стали особенно многочисленными. Ежедневная молитва перед ними создавала связь человеческого существа со святым образом.

II

На протяжении большей части XIV в. Новгород был центром русской иконописи, но в конце столетия эту роль взяла на себя Москва.

Первая половина этого века была эпохой возрождения эллинистических традиций в византийской живописи. Это влияние вскоре проникло и в Россию. Многие византийские художники приехали для работы в Новгороде и Москве. Наиболее знаменитым среди них был мастер Феофан, известный в России как Феофан Грек.

Феофан (родившийся в 1330-х гг.) прибыл в Россию в 1378 г. или незадолго до этого и оставался здесь до конца своей жизни (он умер между 1405 и 1415 гг.).[41] Сперва он работал в Новгороде, а после 1395 г. в Москве. Он был великим художником динамической индивидуальности, одинаково умелым в настенной живописи, иконописи и миниатюре. Как в Новгороде, так и в Москве многие русские художники и подмастерья работали с Феофаном, и из его мастерской выросла живописная школа. Но даже для тех русских художников, которые не были его учениками, сотрудничество с Феофаном имело большое значение. Величайшим среди них был Андрей Рублев.

В 1405 г. Рублев помогал Феофану в создании иконостаса и настенных росписей Благовещенского собора в Москве.[42] В это время Рублев (родившийся около 1370 г., умерший между 1427 и 1430 гг.) был уже сформировавшимся мастером.[43]

Он должен был испытать сильное воздействие мастерства Феофана и творчески обогатиться сотрудничая с ним, но сохранил свою индивидуальность. Святые Феофана — суровые аскеты; его Христос — неумолимый судья. Святые Рублева ближе людям, а его Христос — добрый пастырь. Наиболее известная работа Рублева — это "Троица". Она имеет огромное зрительное воздействие своей гармоничностью, тонкой цветовой гаммой и грациозными волнообраз-

ными фигурами трех ангелов. По словам Лазарева, круг — лейтмотив композиции этой иконы, которая проникнута безмятежным религиозным чувством.

Рублев работал в первой четверти XV в. Другим великим мастером золотого века русской иконописи, в последней четверти этого столетия, был Дионисий (родился около 1440 г.). В 1481 г. он был приглашен в Москву для написания икон к иконостасу нового Успенского собора, построенного Аристотелем Фиорованти.[44] Здесь Дионисий познакомился с итальянскими художниками и их искусством. Он основал свою собственную мастерскую, к которой позднее присоединились два его сына. Предположительно, он продолжал работать в Москве в 1480-х и 1490-х гг. В 1500-1501 гг. он и его сыновья расписали стены Ферапонтова монастыря к востоку от Белоозера.

Дионисий был многим обязан школе Рублева, но его стиль был иным. В вытянутых фигурах и лицах святых на его стенных росписях присутствует большой догматизм. Он и его сыновья стали мастерами миниатюр ("клейм") из жизни святых, окружавших главную фигуру иконы (так называемых *житийных* икон). В своих фресках Дионисий и его сыновья увлечены архитектурным и пейзажным окружением, которое на плоской поверхности стены кажется парящим в воздухе и создает впечатление декоративной легкости.

Третьим великим художником русской религиозной живописи после Рублева и Дионисия был неизвестный мастер, который в конце XV в. создал замечательную икону "Апокалипсис" в Успенском соборе.[45]

На этом закончился классический период русской иконописи, хотя ведущие деятели русской церкви старались сохранить традиции в церковной живописи. Стоглав 1551 г. рекомендовал писать иконы в соответствии с лучшими древними канонами, включая "Троицу" Рублева.

Но ничего не остается неизменным и это (причем не всегда к лучшему) неизбежно. К середине XVI в. развились новые тенденции в русской живописи, которые не могли заметить отцы Стоглавого Собора. Ирония состоит в том, что руководители Собора, митрополит Макарий и священник Сильвестр, сами способствовали этим переменам.

Нововведения в иконописи сперва появились в Новгороде под римско-католическим влиянием. Они состояли обычно в продуман-

ной композиции мистических и дидактических сюжетов. Другим результатом западного влияния было изображение Бога-Отца (Саваофа) натуралистически в образе человека.[46]

Когда Макарий, до того бывший архиепископом Новгорода, был избран митрополитом Москвы в 1542 г., то он привез с собой в Москву множество лучших новгородских и псковских иконописцев и художников по росписи стен. После московского пожара 1547 г., когда многие церкви сгорели, эти художники работали особенно много. Их работа направлялась Сильвестром и была одобрена Макарием.

Вскоре православность новых икон была поставлена под сомнение дьяком Иваном Висковатым. Он в особенности возражал относительно таких мистико-дидактических икон как "София" и изображений Бога Саваофа во плоти. Критика Висковатого была отвергнута митрополитом Макарием, хотя замечания дьяка соответствовали Стоглаву.

Другой важной чертой московской живописи во второй половине XVI в. была возрастающая привлекательность светских тем, в особенности исторических сюжетов. Реалистические сцены изображались на многих иконах и на миниатюрах иллюстрированных хроник.[47] Н.П. Кондаков особенно ценит цветовую гамму московских живописных изображений, как необычайное достижение.[48]

Уникальное собрание икон было создано около 1580-1620 гг. так называемой Строгановской школой.[49] Выдающиеся мастера, написавшие эти иконы, поначалу работали на богатую семью Строгановых в северо-восточной России и сообразовывались с их вкусами.

Строгановы предпочитали иконы малого размера, которые они могли свободно брать в свои частые путешествия. Лучшие из них отмечены тонким мастерством и блестящей цветовой гаммой. Позднее некоторые из этих художников, среди которых наиболее хорошо известен Прокопий Чилин, переехали в Москву.

Успенский собор в московском Кремле, построенный Аристотелем Фиораванти в 1476-1479 гг., был наилучшим памятником московской религиозной архитектуры.[50] По общей стилистике он следовал Успенскому собору во Владимире (1158-1161 гг.).

К средине XVI в. развились новые типы церковной архитектуры, подобные церквам шатрового стиля. Наиболее ранним примером такого зодчества была Вознесенская церковь в Коломенском (1530-1532 гг.). По словам Джорджа Хэмильтона, "за статической

геометрией куба из кирпича или обработанного камня последовал органический рост ели".[51] Фактически, шатровый стиль отразил в зодчестве более ранние проекты, осуществленные в дереве и типичные для архитектуры лесной зоны России,[52] когда единственным орудием строителей были топор и тесло, освоенные с наивысшим искусством. Конические или пирамидальные формы верхней части шатра над центральным пространством были продиктованы частично соображениями о предотвращении скапливания снега на крыше на протяжении длительной северной зимы.

Другой тип башенного церковного архитектурного проектирования в виде столпа особенно хорошо представлен в каменном зодчестве церкви Иоанна Предтечи в Дьяково (1553-1554 гг.).

Наиболее впечатляющим созданием московского каменного зодчества середины XVI в. был Покровский собор на Красной площади в Москве, более известный как собор Василия Блаженного, построенный в 1555-1560 гг. архитекторами Постником и Бармой.

Собор обнаруживает влияние как шатрового, так и столпного стилей, но комплекс в целом создает впечатление чрезвычайной оригинальности. С внешней стороны собор был первоначально окрашен в красные и белые тона. Яркая полихромность, сохранившаяся до наших дней, — итог работы проделанной в XVII в.

Михаил Алпатов характеризует собор Василия Блаженного как "несравненную ценность, как наиболее русский из всех древнерусских церквей, сияющее и смелое послание миру".[53]

III

В архитектуре, как и во многих иных аспектах жизни, XVII в. был эпохой динамического развития и поиска новых форм. Большое внимание оказывалось декоративной орнаментации. Большое количество церквей, нежели в предыдущем столетии, было построено по инициативе городских общин. Светские традиции в украшении и стенных росписях стали более выраженными, и как восточные, так и западные мотивы широко использовались в оформлении.[54]

Впечатляющим экспериментом в этом духе была церковь Рождества Богородицы в Москве (1649-1652 гг.). Она построена под влиянием собора Василия Блаженного, но имела свой собственный стиль. Комплекс состоял из двух частей: церкви и колокольни (в целом, пять шатровых завершений). Она была закончена как раз тогда, когда

Никон стал патриархом. Он считал ее архитектуру несоответствующей строгому религиозному духу и монументальной форме церквей XV в., образцом для которых был Успенский собор московского Кремля.

В 1655 г. Никон издал религиозные инструкции относительно строительства новых церквей в соответствии с канонами, одобренными церковными властями: церкви могли строиться с одним, тремя или пятью куполами, а строительство церквей шатрового типа было запрещено.[55] Эти правила не могли строго соблюдаться, особенно в деревянной архитектуре российского севера, которая продолжала идти своим собственным путем и достигла кульмиинации в начале XVIII в. в продуманности строения многокупольной церкви Кижей в Олонецком крае.

В своей собственной строительной деятельности Никон предпочел пятикупольный канон. Его наиболее амбициозным проектом был Воскресенский собор в Новоиерусалимском монастыре. Проект исходил из экуменических идей Никона (экуменических внутри православного мира).

В 1649 г. Никон получил от иерусалимского патриарха Паисия модель находившейся в этом городе церкви Воскресения, относившейся к XII в. Он использовал ее как отправную точку для основания Ново-иерусалимского монастыря в 1657 г. В строительство были вовлечены русские, украинские и белорусские мастера, но Никон так и не успел его завершить.

Работа началась в 1657 г. и приостановилась вовремя конфликта между Никоном и царем Алексеем. Возобновилась она во время правления царя Федора и завершилась в 1684 г. Собор был уничтожен в ходе немецкого вторжения в 1941 г.

В 1680-х – 1690-х гг. развился новый стиль в русской архитектуре – московское барокко. Он сформировался под влиянием украинского барокко и близкого знакомства русских архитекторов с западными стилями проектирования.

Развитие русской живописи в XVII в. характеризовалось ее нарастающим светским духом и уменьшающейся религиозностью. Начиная с 1650-х гг., влияние западного искусства становилось все более ярко выраженным.[56] Число профессиональных художников увеличилось. Царский двор стал центром художественной деятельности.

Среди царских художников в начале правления Михаила Федоровича были некоторые, начавшие работать ещё перед смутным временем; одним из них был Прокопий Чирин, принадлежавший к Строгановской школе. Он имел учеников и последователей, среди которых был создатель (имя неизвестно) иконы св. митрополита Алексия (написана в 1640-х г.). Кондаков комментирует, что эта икона "является столь великолепной по технике и столь прекрасной в благородном изображении на лице святых, что ее можно было бы приписать самому Прокопию, если бы присутствовали некоторые детали его художественной манеры".[57]

Наиболее известным русским художником второй половины XVII в. был Симон Ушаков (1626-1686 гг.), чья деятельность демонстрирует его знакомство с западным искусством и создававшим чрезвычайно натуралистические образы. Сам Ушаков и его последователи не считали, что натурализм противоречил идее иконы, но скорее, через приспособление к новым художественным вкусам, обогащал чувства набожных зрителей.

Однако для консерваторов новые стилистические образы отрицали сам принцип иконы и заменяли ее светским изображением. Один из них, сербский дьякон Иоанн Плешкович, отвергал манеру иконописи Ушакова, как святотатство.

Для отрицания аргументов Плешковича и других, друг и партнер Ушакова, Иосиф Владимиров, написал длинный трактат об иконописи в защиту нового направления.[58] Он рассматривал невежество, как главную причину консервативных нападок. Консерваторы не понимали, утверждал он, что образы на многих старых иконах выглядели жесткими и суровыми, поскольку эти иконы потемнели от времени. Далее Владимиров защищал натуралистическую манеру письма икон новой школы. "Мы созерцаем прототипы на иконах нашими духовными очами, но мы смотрим на образы нашими телесными глазами... Поэтому образы святых на иконах должны быть представлены натуралистично". (Интерпретация Г. Вернадского).

Староверы также отвергали новую манеру иконописи. Официальная православная церковь постепенно примирилась с нею, в особенности из-за переезда в Москву многих украинских и белорусских епископов и духовных лиц в конце XVII и начале XVIII веков.

Симон Ушаков был многосторонним художником: кроме иконописи, он преуспел во фресковой живописи, миниатюре и гравюре.

Среди настенной живописи в провинциальных церквах второй половины XVII в. наибольший интерес представляют работы в Ростове и Ярославле. Архитектурный комплекс в ростовском Кремле на озере Неро приобрел свой окончательный облик между 1660-ми и серединой 1680-х гг., благодаря митрополиту Ионе Сысоевичу.[59] Во время конфликта между царем Алексеем и патриархом Никоном митрополит Иона был назначен местоблюстителем патриаршего престола, но был отстранен с этого поста в 1664 г., из-за своих симпатий к опальному патриарху.

В дополнение к местным архитекторам и художникам Иона нанял умелых мастеров из Москвы, Ярославля и других городов. Стены построенных им церквей, были богато украшены фресками, в основном на ветхозаветные и евангельские темы. Манера письма была динамична; в фигурах присутствовала жизнь; гамма цветов была изысканна.

В церкви Спаса в Ростове имеется драматическая настенная роспись со сценами страстей Христовых. Особенно патетичен образ страдающего Христа, стоящего около Понтия Пилата перед разъяренной толпой, "кричащей "Распни его". Пилат представлен в боярском одеянии. Возможно, что для митрополита Ионы этот образ страстей Христовых был символическим воспоминанием о суде над патриархом Никоном в 1666 г. Иона присутствовал на нем.

Не менее удивительными, но написанными в иной манере, были фрески в церкви пророка Илии в Ярославле. В них библейские темы дали художникам возможность живого воспроизведения забавных историй и сцен. Подход был скорее светским, нежели религиозным. Большинство композиций этих сцен было выполнено под влиянием иллюстраций из библии опубликованной в Голландии в 1650 г.

Постепенное вхождение западных канонов в русскую архитектуру и живопись и их приспособление к русским вкусам и традициям могло бы стимулировать дальнейший органический рост русского искусства в конце XVII в. Эта возможность была упущена. Вместо этого западное искусство было практически оптом трансплантировано в Россию в XVIII столетии.

5. Литература

I

Древнерусская литература почти всегда писалась для определенной цели — религиозной, дидактической, исторической или полити-

ческой. Даже при этом большое внимание уделялось стилю, и хотя он не менялся в течение времени, с XV по XVII в. в нем поддерживалась склонность к тонкой "орнаментальности".[60]

Жития святых, хроники, квази-исторические труды с откровенной идеологической целью, полемические сочинения, военные повествования — таковы были предпочитаемые литературные формы XV и XVI столетий.

Художественная литература сводилась к фольклору и переводу с иностранных языков. Единственным произведением XVI в. приблизившимся к беллетристике, была "Повесть о князе Петре Муромском и деве Февронии", но она частично опиралась на сказочные мотивы.

"Высокая" литература, в особенности религиозная, писалась на церковно-славянском языке. В иных жанрах литературы возрастало использование обыденного языка, языка правительственных судов и фольклора.

Перевод играл важную роль в славянской и древнерусской литературе. Наиболее ранние переводы на церковно-славянский язык были сделаны в Моравии и Болгарии, а позднее в России и Сербии. До XV в. преобладали переводы с греческого. К концу же этого столетия московитские читатели имели уже большой выбор, в особенности греческой религиозной литературы, но были и такие светские работы, как византийские труды по истории.

Большое влияние на древнерусскую историческую литературу оказывала "История иудейской войны" Иосифа Флавия, переведенная с греческого в Киеве в XI в.[61] Ее влияние заметно в русских хрониках, хронографах, полемических трактатах и военных повествованиях даже XVII в. Некоторые из фразеологических оборотов Иосифа при описании битв стали клише.

Другим источником, повлиявшим на стиль русских военных повестей, было рыцарское "Повествование о Трое", написанное на латыни в XIII в. итальянским автором Гвидо де Колумна. Оно было переведено на русский язык в конце XV в.

Многие западные рыцарские романы появились в русском переводе в конце XVI и в XVII вв. Одним из наиболее популярных был "Бова королевич"[62], переведенный с итальянского "Буово ди Антона", опубликованного в конце XV в. В переводе некоторые слова были поняты превратно. Например, в итальянском оригинале мачеха Бовы, которая убила его отца, именуется шлюхой (meretrice). Это слово рассматривается переводчиком как ее собственное имя — Милитса.

Во второй русской версии в XVII в. в "Бову" были введены элементы русских сказок.

Во второй половине XVII в. начали появляться переводы на различные темы с польского, а также с латинского и немецкого языков. Среди произведений, переведенных с польского, был плутовской роман о приключениях и любви странствующего рыцаря Петра Златых Ключей. Оригиналом, на который ориентировалась польская версия, был французский средневековый роман.

Как "Бова", так и "Повесть о Петре Златых Ключей" стали особенно популярны как книги для всех. С конца XVII в. и до XIX в. огромное число их в сопровождении лубочных картинок печатались и перепечатывались для народного чтения.[63]

Иным характером отличался сборник коротких назидательных историй (многие из которых религиозные), известных как "Великое зерцало" (по латыни — "Speculum Magnum"). Латинская версия появилась в XII столетии и достигла своей окончательной формы около XVI в. Первый польский перевод появился в 1621 г. и много раз перепечатывался. Русский перевод с польского языка, хотя и в сокращенном варианте, стал столь же популярен.[64]

II

Как и в более ранние периоды, жития святых играли важную роль в литературе в XV и XVI столетиях. XIV и первая половина XV столетий — классический период русской агиографии и ее величайшего мастера Епифания Премудрого (умершего до 1422 г.) — автора "Жизнеописаний" св. Сергия Радонежского и св. Стефана Пермского.[65] Епифаний был вдохновлен духовными качествами этих двух святых, его произведения были в высшей степени художественны.

Другим выдающимся агиографом XV в. был серб Пахомий Логофет, который приехал в Россию около 1429 г. и умер там до 1484 г.[66] К XVI в. агиография приходит в упадок как литературный жанр, хотя новые жития святых и пересмотр более старых работ были еще многочисленны.

Замечательной и высоко оригинальной работой, рассматриваемой в это время как агиографическая, была легенда о Петре, князе Мурома, и мудрой деве Февронии, дочери простолюдина. Повествование было фактически художественным, редкостью в древнерусской литературе. Оно представляло собой историю любви, проник-

нутую элементами фольклора, спиритуализированную и смешанную с христианскими чувствами. После многочисленных препятствий и приключений Петр женился на Февронии и они правили Муромом "справедливо и смиренно". Когда приблизилась смерть, они приняли монашеский обет и умерли почти в тот же час.[67] Легенда могла появиться в XIII в. Сперва она существовала в устной форме, затем в письменной и достигла окончательного завершения в начале 1540-х гг. В 1547 г. Петр и Феврония были канонизированы церковью. О популярности этого произведения говорит тот факт, что сохранилось около полутораста ее рукописей.

В исторической литературе летописи и их своды дополнились так называемыми хронографами в XVI в.[68]

Двумя основными сводами первой половины XVI в. были Воскресенский свод и свод патриарха Никона. Первый был назван так, поскольку им владел Никон, который подарил его своему Воскресенскому монастырю; второй, поскольку Никон сохранил его для себя. В 1550-х гг. другая редакция Никоновской летописи была подготовлена и проиллюстрирована отличными миниатюрами (лицевая летопись).

Для описания событий XVI в. составитель Никоновской летописи использовал среди иных источников разряды (перечни армейских офицеров), дипломатические и государственные архивы. Летопись, таким образом, может быть названа правительственной публикацией. В 1550-х гг. ее главным редактором был Алексей Адашев; в 1560-х — Иван Висковатый.

Целью хронографов было ознакомление читателей с мировой историей: подразумевалась история Иудеи, древнего Ближнего Востока, Греции, Рима, Византийской империи и средневековых царств Сербии и Болгарии. Позднее добавилась информация о России и Западе.

Составители хронографа 1512 г. рассматривали русскую историю как важную часть мировой истории. Они полагали, что с падением Константинополя центр православного мира переместится в Москву.[69] Эта идея была близка теории Филофея о Третьем Риме, хотя был ли он одним из редакторов хронографа 1512 г. не установлено.

Идеологически связанным с хронографом 1512 г. было сочинение, в котором патриотическая концепция временами преобладала над историческими фактами — "Книга степенная царского родословия". Она была поддержана митрополитом Макарием и направлена на воз-

величивание исторического основания московского царства в семнадцати *степенях* (т.е. поколениях), кончая царем Иваном IV. Книга была написана возвышенным стилем, подобающим ее цели.

Смутное время прервало фиксацию московских государственных анналов. Вместо этого оно породило урожай современных литературных *сказаний*. Авторы пытались дать в них целостную картину событий (с немногими конкретными деталями) и философствовать о породивших их причинах. Большинство этих сказаний были написаны после избрания Михаила Романова.[70] В целом авторы видели в "смуте" божественное наказание за грехи правителей в период между смертью царя Федора и восхождением на трон Михаила Романова, а также за моральную деградацию народа.

Выдающееся место среди этих работ принадлежит "Сказанию" Авраамия Палицина и "Временнику" Ивана Тимофеева. В первой работе присутствует значительная стилистическая красочность, а книга Тимофеева перегружена приукрашенными деталями и отступлениями, его словарь полон искусственно созданными сложными словами, каждое из которых мешало пониманию. По словам князя Д.С. Мирского, стиль Тимофеева — это "сведение к абсурду московитской риторики".

Официальная фиксация событий не возобновлялась при новой династии после смутного времени, но некоторые летописи продолжали писаться в провинциальных городах. Пересмотр и написание хронографов продолжалось на протяжении почти всего XVII в. со все возрастающим вниманием к русским и западноевропейским делам.[71]

Русские военные сказания XVI и XVII вв. были близки историческим сочинениям и художественной литературе. Они появились в ответ на требования участников и современников важных событий. В некоторых из них описание событий сопровождалось комментариями их значимости с исторической и политической точки зрения. Некоторые были позднее приукрашены художественными элементами для развлечения читателей.

Одно из наиболее важных сказаний XVI в. рассказывало об осаде Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1580-1582 гг.[72] Хотя история и была написана в тонком московитском стиле, там присутствовало и ситуационное использование диалога.

Замечательное военное сказание XVII в. описывало захват донскими казаками у турок в 1637 г. Азова и его осаду турками в 1641 г.

Первоначальная редакция сказания представляла фактическую историю войны, но была позднее переписана в цветистом поэтическом стиле.[73]

Захват и осада Азова были также запечатлены в исторических песнях. Такие песни — производные от *былин* — занимали в устной литературе положение, схожее с историческими сказаниями письменной литературы.[74] В XVI в. появился цикл песен об Иване Грозном и завоевании Казани. Другие казацкие песни XVII века включали цикл о Ермаке, первопроходце — завоевателе Сибири, и Степане Разине, вожде казацко-крестьянского восстания.

Наряду с историческими песнями в русской устной литературе продолжали жить былины. Исполнители передавали их из поколения в поколение не только в XVII в., но и гораздо позже. Фактически былины все еще продолжали исполняться и их новые варианты создавались в дальних уголках северной России в Новое время.

При рассмотрении взаимоотношений между русскими былинами и письменной литературой в XVII в. особенно интересна "Повесть о Сухане". Она опиралась на былину о герое, носившем это имя. Письменная история походила по стилю как на былины, так и на военные сказания.[75]

Другим героическим эпосом, который первоначально передавался устно, была "Повесть об Еруслане Лазаревиче". Она имела персидское происхождение, базируясь на двух эпизодах "Шах-наме" Фирдоуси. Эпизоды из великой поэмы Фирдоуси обычно декламировались многие столетия после смерти Фирдоуси в Иране и Центральной Азии и также повлияли на тюркский эпос. Это повествование могло быть прямо заимствовано и переложено с персидского и тюркского варианта терскими казаками или московитскими купцами, имевшими дело с Центральной Азией. Русская версия была, вероятно, записана в начале XVII в. Как полная приключений сказка, она стала чрезвычайно популярной и была опубликована в лубочном варианте.[76]

III

Романы также писались в России XVII в. Наиболее интересным среди них во многих отношениях была "Повесть о Савве Грудцыне".[77] Как по содержанию, так и по форме ее неизвестный автор соединял архаические понятия с современными. Это было художествен-

ное повествование о сыне купца, его приключениях, неофициальной любовной связи, соглашении с дьяволом и его финальном покаянии (он становился монахом в конце рассказа). В то же время фон повествования реалистичен; даже имя героя принадлежит хорошо известной купеческой фамилии, и в ходе истории появлялись реальные исторические персонажи и упоминались действительные события, подобные взятию Смоленска русскими в 1632-1634 гг.

Традиционной концепцией русской литературы было то, что плотская любовь – деяние дьявола. Необычным в истории Саввы Грудцына было то, что его военные подвиги в смоленской войне совершались с помощью дьявола. Согласно повести, командующий русской армией боярин Шеин был взбешен успехом Саввы и отослал его домой. Этот эпизод отразил действительное отношение определенных пацифистских кругов русского общества, их оппозицию смоленской войне и их критическое отношение лично к Шеину. Утверждали, что война была несправедлива, поскольку была начата до истечения Деулинского перемирия. Пацифисты возражали против назначения Шеина командующим, поскольку, когда он был освобожден из польского плена после заключения Деулинского перемирия, поклялся полякам никогда не воевать с ними вновь. Когда Шеин сдался полякам в 1634 г. и вернулся в Москву, то был обвинен в предательстве (что было неверным) и казнен.

Именно на этом фоне можно наилучшим образом понять эпизод участия Саввы Грудцына в смоленской войне. Дьявол побуждал Савву сражаться в неправой войне, и поскольку Шеин (предполагаемо) был предателем, то выразил недовольство успехами Саввы на войне.

Совсем иной характер носило замечательное русское повествование XVII в. "Горе-Злосчастие".[78] Оно было написано белым стихом с четырьмя ударениями, что было похоже на былины. Дидактическая история показывала, как непослушание молодым человеком родителей, его беспробудное пьянство и хвастовство привели к разрушению его жизни. Его несчастье было персонифицировано в фигуре Горя-Злосчастия. Как отмечает Гудзий, Горе-Злосчастие было двойственностью, символизирующей внешнюю силу зла, которое владеет героем, и моральное опустошение его души. Герой в конечном итоге избегает Горя-Злосчастия традиционным путем, уйдя в монастырь. Его двойник, Горе, останавливается перед святыми вратами.

Сатирические повествования составили особую группу.[79] Большинство этих историй о продажных судьях, пьяницах-монахах, жадных священниках и т.д. были умными пародиями на язык и сюжеты судебных документов, церковной службы и религиозной литературы.

Уникальным памятником на фоне прочих произведений русской литературы выступает произведение, не предполагавшееся в качестве литературного — автобиография лидера старообрядцев протопопа Аввакума.[80] В этом документе, большого психологического и исторического значения, нашли выражение пылкая личность Аввакума и его религиозная непримиримость. Не менее оригинальным был его язык, специфический разговорный русский. Чижевский комментирует это обстоятельство, утверждая, что Аввакум "Обладал способностью, доступной немногим писателям — писать точно также, как и говорил".

Следует сказать несколько слов и о русской поэзии XVII в.[81] В первой четверти столетия русское стихосложение находилось под влиянием украинских "досиллабических" стихов (*виршей*). Это было результатом учащающихся контактов между русскими и украинцами (а также белорусами) в смутное время. Наиболее способным поэтом этого периода был князь Иван Хворостинин.

Силлабическое стихосложение было введено в Москве Симеоном Полоцким. Поскольку оно базировалось на определенном количестве слогов в каждой строке, то не подходило к русскому языку, который зависит от словесного ударения, но тем не менее доминировало в русской поэзии до 1740 г.

6. Философия и наука

I

Через принятие христианства и последующую доступность переводов работ греческих отцов церкви и иной религиозной литературы русские постепенно восприняли элементы христианской философии и до определенной степени философию Древней Греции.

В Византии также существовали различные коллекции афоризмов, и они были переведены на славянский язык. Они содержали цитаты из Платона, Аристотеля и иных греческих философов. Наиболее известной из этих коллекций в Древней Руси была "Пчела" (по-гречески "Melissa").[82]

Древнерусский читатель не прочитывал свою книгу бегло. Его метод чтения был статическим: он прочитывал сперва параграф и за-

думывался над каждым словом. Имея несколько базисных идей любого философа, он был способен реконструировать по крайней мере часть его аргументации, даже если и не следовал всегда собственной линии философа. Поэтому даже те, кто прочитывал лишь философские афоризмы в сборниках типа "Пчелы", могли извлечь из этого некоторую пользу.

В дополнение к переводам греческих философских трудов многие трактаты были переведены с древнееврейского, некоторые из которых, в свою очередь, были ивритскими переводами с арабского. Большинство из них были сделаны в XV в.

В XVII в., в особенности после основания Киевской Академии, московитам стали доступны теологические и философские работы украинских и белорусских ученых, бывших выпускников Киевской Академии. Программа Академии включала преподавание философии (равно как и физики), и обучение студентов было на уровне римско-католических и протестантских высших школ того времени.

Суммируя, можно сказать, что с XI по XVII в. русские имели в своем распоряжении значительное количество философской литературы, переведенной с других языков или же (в XVII в.) заимствованной из западной Руси.

В ознакомление древнерусских читателей с элементами платоновской философии, через контакт с византийскими христианскими сочинениями, важную роль сыграл перевод "Ареопагитик", произведения VI в. и неверно приписываемого св. Дионисию Ареопагиту, жившему в I в. Смесь христианского мистицизма с неоплатонизмом была включена в "Четьи Минеи", знаменитую энциклопедию христианской литературы XVI в. митрополита Макария.

Платоновский идеал мудрого правителя имел огромное влияние на московитскую политическую философию, и показательно, что цитата из Платона была включена в речь митрополита Макария на коронации Ивана Грозного в 1547 г.[83]

Главным источником проникновения идей Аристотеля в Древнюю Русь была "Диалектика" св. Иоанна Дамаскина, первая часть его главной работы "Источник знания" (по-гречески "Pege Gnoseos"). Она была переведена на славянский, предположительно, в Сербии не позднее XV в. "Диалектика" Дамаскина, вероятно, поспособствовала философскому образованию русской элиты более, нежели какая-либо иная работа восточных и византийских ученых, доступная в славянском переводе.[84]

В 1570-х гг. "Источник знания" был вновь переведен князем Андреем Курбским (уже тогда жившим в Литве) совместно с князем М.А. Оболенским. Первоначально они перевели третью часть работы, "Разъяснение православной веры" (уже доступную в болгарском переводе X в.), а затем "Диалектику". Они, очевидно, не знали о существовании более раннего славянского перевода. Курбский получил копию "Источника знания" (возможно, базельское издание 1548 г.), в которой греческий текст и латинский перевод были напечатаны параллельно. Как Курбский, так и Оболенский знали латынь, но не знали греческого. Возможно, что кто-нибудь, знакомый с греческим, помог им проверить латинские переводы. Оболенский (о чем нам сообщает Курбский) изучал философию на латыни с юности.[85]

В своем четвертом послании Ивану Грозному Курбский иронически советовал царю почитать книгу Иоанна Дамаскина. "Я полагаю, что в твоей земле она не была полностью переведена с греческого языка; но тут, в нашей стране (имеется в виду Литва), благодаря Христовой благодати, она была полностью переведена и исправлена с большим старанием".[86]

В том же столетии, когда славянский перевод "Диалектики" св. Иоанна Дамаскина стал доступен русским, философский труд арабского ученого Аль-Газали (1058 — 1111 гг.) был переведен на русский язык (возможно, в Белоруссии) не прямо с арабского текста, а с перевода на иврите. Он назывался "Цели философа" (Makasid al-falasifa). Первая часть его была посвящена логике.

Это было в основном разъяснением арабского неоплатонизма, некоторые аспекты которого Аль-Газали рассматривал как несовместимые с исламом. Оно получило высокую оценку в Испании и на Западе в целом в XII и XIII вв.[87] Обсуждая различные воззрения на природу телесного существа, Аль-Газали писал: "На этот предмет существует три взгляда. Некоторые говорят, что тело состоит из частей, которые не могут быть разделены разумом или физически; другие полагают, что тело не является сложным, но просто и принадлежит одной субстанции; третьи же утверждают, что тело состоит из материи и формы".[88]

Внимательное отношение русских читателей к эти переводным философским работам иллюстрируется обнаруженным на полях рукописи древнерусского перевода "Логики" Аль-Газали пометкам чи-

тателя относительно параллельных философских терминов из славянского перевода "диалектики" св. Иоанна Дамаскина, объясняющих термины, использованные в переводе "Логики" Газали.[89] На основании этого примера мы можем быть уверенны, что древнерусские читатели из рядов образованной элиты хорошо понимали переведенные философские тексты своего времени, которые для некоторых современных ученых выглядят неуклюжими и непонятными.

Дабы продемонстрировать современному читателю, что древнерусский перевод "Логики" Аль-Газали был разумным, В.П. Зубов (в 1951 г.) перевел части этого труда на современный русский язык, стараясь сохранить в неприкосновенности структуру предложений и порядок слов. Текст был совершенно понятен.[90]

Знакомство русской элиты XV и XVI вв. с переведенной теологической и философской литературой, а также существование в древнерусском языке философской терминологии (хотя и не однозначной) были отражены во многих русских идеологических и полемических произведениях этого периода.

Теологически-философская трилогия о космическом значении Святой Троицы был написан в Москве Ермолаем-Еразмом в середине XVI в.[91] Книга выявила его знание работ отцов церкви и византийской религиозной литературы, равно как и некоторых апокрифов. Первая часть, "О троице и единстве", была историческим и полемическим введением. Вторая и наиболее значимая озаглавлена "О божественном тринитарном творении". Третья часть представляла собою длинную молитву Святой Троице. Троица для Еразма была онтологическим принципом: "Бог создатель своей божественной власти дал тринитарную сущность всем своим творениям". Как физический, так и духовный миры отражают троичный принцип. В физической природе мы различаем огонь, сумерки и темноту; в человеке (части живой природы) — разум, слово и душу. Космос проникнут божественной троицей.

В XVII в., особенно во второй его половине, московиты обратились к киевской (украинской и белорусской) учености для обретения своего направления в образовании и философии. Преподавание философии в Киевской Академии базировалось на Аристотеле. Предлагались также курсы по логике и психологии. Среди рукописей этих курсов, хранящихся в Государственной библиотеке Украины в Киеве, находятся "Учебник логики" Иоси-

фа Горбатского (1639 г.) и "Трактат о душе" Иннокентия Гизеля (1645-1647 гг.).[92]

Некоторые рукописные копии киевских лекций по философии нашли свой путь в Московию во второй половине XVII и в начале XVIII в.[93] Религиозные и философские книги, напечатанные на Украине и в Белоруссии, были очень популярны в Московии в XVII в. Однако в первой половине века, равно как и к его концу, московские церковные власти недружелюбно взирали на их импорт.

Патриарх Филарет был особенно подозрителен относительно отклонений от православия в книгах, опубликованных в западной Руси, и в 1627 г. запретил московитам покупать их. В эти дни были сожжены в Москве шестьдесят экземпляров "Комментариев к Евангелию" Кирилла Транквийона Ставровецкого (1619 г.). Отношение московитского правительства и церкви изменилось при царе Алексее и патриархе Никоне, и продажа западнорусских изданий была вновь разрешена в Москве.

В 1672 г. Киево-Печерский монастырь открыл книжную давку в Москве. Однако, два года спустя, патриарх Иоаким запретил продажу ряда западнорусских изданий. Этот приказ был повторен его наследником Адрианом. Но в реальности эти частичные запрещения были малоэффективны.[94]

II

Центром культуры Древней Руси была не наука, а религия, гуманитарное знание и искусства. И все же русские были проницательными наблюдателями природы, и многие из них обладали исследовательским складом ума. Древнерусские ремесленники имели хорошие практические познания в химии и физике. В соляной промышленности новгородские мастера были знакомы с принципом концентрированных растворов; они также знали, как регулировать осаждение соли при изменении температуры. Наибольший вклад был сделан русскими в математику, астрономию и географию. Выдающимся математиком был Кирик Новгородец, дьякон Антоньева монастыря (родился в 1110 г.).[95]

Религиозный и интеллектуальный фермент в России последней четверти XV и начала XVI вв. стимулировал интерес в различных отраслях науки. Это был период полемики между, так называемыми, жидовствующими и их противниками, среди которых, кроме Иосифа Санина (Волоцкого), наиболее активным был архиепископ Нов-

городский Геннадий. Жидовствующие зависели от ивритской научной литературы (в славянском переводе), а Геннадий от западных (в основном римско-католических) работ. Его главным советником был доминиканский монах славянского происхождения (предположительно, хорват) Беньямин.

Обе стороны интересовались математикой и астрономией. Это было частично результатом апокалиптических настроений, которые распространились среди русских с приближением 1492 г. (7000 г. от сотворения Мира). С завершением седьмого тысячелетия со дня творения многие люди ожидали приход конца света. Жидовствующие высмеивали эти страхи.

Для православных было значимым то, что византийская *пасхалия* (paschalia) — таблица для обнаружения пасхального дня каждый год заранее — оканчивалась 7000 годом (с 1 сентября 1491 г. до 31 августа 1492 г.). Было необходимо рассчитать новую Пасхалию для следующего тысячелетия, для чего были необходимы сложные математические и астрономические расчеты. Работа по этим расчетам была частично проделана в Москве в канцелярии митрополита, но в основном в Новгороде, под руководством архиепископа Геннадия. Paschalia на 1493 г. была готова вовремя.

Геннадий, очевидно, игнорировал трактат XII в. Кирика Новгородца, предпочитая западные источники. Среди них была относящаяся к XIV в. работа Гийома Дюрана "Rationale divinorum officiorum" ("Объяснение церковных обрядов"), рассматривавшая и проблемы календаря. Первое печатное издание ее появилось в Майнце в 1459 г. В 1495 г. Геннадий заказал русский перевод его части (со страсбургского издания 1486 г.).[96]

Среди переведенных ивритских работ был так называемый "Шестокрыл". Он состоял из шести таблиц движений луны. Первоначально эта лунная таблица служила для вычисления даты пасхи, но позднее, кажется, также использовалась для предсказаний будущего.[97]

Другой астрономической работой, переведенной с латинского на русский в этот период, была "Космография" английского ученого XIII в. Иоанна Сакробоско (Иоанна Голливудского). Латинский оригинал был озаглавлен "De Spaero mundi". Она была напечатана в 1472 г. и переиздавалась много раз до XVII в. Автор описывал семьдесят девять сфер, несущих звезды и планеты вокруг неподвижной земли.[98]

Принципиальная ценность древнерусских оригинальных трудов по астрономии состояла в аккуратной фиксации в хрониках таких необычных астрономических явлений, как затмения солнца и луны, кольца вокруг солнца и появление комет. Русские хроники были более полны в этом отношении, нежели западные и, таким образом, оказались бесценными для современной астрономической науки, в особенности, для изучения данных о периодичности и орбитах комет.[99]

1543 г. – дата публикации "De revolutionibus orbium coelestium" Коперника – ознаменовал начало современной астрономической науки на Западе, хотя теория Коперника не была сразу же принята даже там. Русские познакомились с ней лишь в середине XVII в. через перевод Епифания Славинецкого и его помощников космографической работы Иоанна Блэу "Theatrum orbit terrarum sive Atlas novum" ("Зерцало всея вселенной или атлас новый"). Латинский оригинал появился в 1635-1645 гг.; перевод был сделан в 1655-1657 гг. Блэу разъяснял системы Птолемея и Коперника и отмечал, что "лучшие математики" предпочли последнего. Он написал наиболее важное для Запада географическое исследование, переведенное на русский в XVII в.

Собственный вклад русских в географическую науку в XVI и XVII вв. состоял в открытии, исследовании и подробном описании Сибири и прилегающих земель, а также в целом в картографии.[100]

Московитская администрация нуждалась в графических картах России и прилегающих территорий не только во имя знания, но также и из практических соображений. Многие чертежи частей Московии должны были быть выполнены в конце XV и в первой половине XVI в. Некоторые из этих чертежей были использованы Герберштейном для его карты Московии.

В 1552 г. Иван Грозный, предположительно по предложению Адашева, приказал подготовить общий чертеж карты всего царства. "Большой чертеж" был, вероятно, сделан в течение правления царя Федора под руководством Бориса Годунова. Ни эта карта, ни ее копия, изготовленная в 1627 г., не сохранились, но объяснительная "Книга к большому чертежу" дошла до наших дней.

Первый общий чертеж карты Сибири был выполнен по приказу воеводы Тобольска, Петра Годунова, в 1667 г. Чертеж был откорректирован в 1672 г., и работа эта была позднее продолжена Семеном Ремезовым, чья детальная карта Сибири была завершена в 1701 г.[101]

К середине XVII в. русские технические специалисты достаточно свободно разбирались в физике, химии и геологии, которые были необходимы для работы в промышленности, в мастерских военного снаряжения, в металлургии, архитектуре, ювелирном деле и т.д.[102]

Техническое знание продолжало накапливаться через опыт предыдущих поколений русских ремесленников и постепенный приток зарубежных специалистов и продвигалось вперед, благодаря переводам и применению западной технической и научной литературы. К концу XVII в. в России существовала значительная группа образованных людей, способных служить ядром распространения современной науки.

Предпосылками для этого были: подобающее образование в философии и логике, знание латыни (бывшей все еще лингвистическим инструментом научного образования), а также высокий уровень научных центров. Философия, логика и латынь компетентно преподавались в Киевской Академии. В XVII в. обучение в этих областях стало доступным московитам с открытием Славяно-греко-латинской Академии.

Академия Наук, первое высшее по уровню научное учреждение в России, была создана Петром Великим в 1724 г. и активно функционирующая с 1725 г. Хотя первые члены академии были приглашены с Запада, одной из ее целей было воспитание русских ученых. Для этого при ней было создано учебное заведение.

Его успех хорошо иллюстрируется судьбой Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765 гг.). Двадцати лет от роду Михаил, сын поморского рыбака и кораблестроителя, чувствуя жажду знания, приехал в Москву и записался студентом в Славяно-греко-латинскую Академию, где он получил философское образование и изрядно изучил латынь. В 1735 г. он был членом группы двенадцати лучших студентов, которым была предложена стипендия в учебном заведении при Академии наук. Ломоносов стал одним из величайших ученых своего времени и символом прогресса науки в России.

Михаил КАРПОВИЧ

ИСТОРИЯ РОССИИ

ИМПЕРСКАЯ РОССИЯ

(1801-1917 гг.)

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Целью этого исследования был рассказ о фундаментальных фактах в исторической эволюции России с начала XIX века до революции 1917 г. Внешняя политика, в силу ограниченного объема работы, рассматривалась лишь в тех случаях, когда она затрагивала внутреннее развитие страны.

Все даты даны в соответствии со старым русским календарем, который оставался в действии до 1918 г.

Автор благодарен за дружескую помощь в пересмотре рукописи своим коллегам профессору Руперту Эмерсону и м-ру М.Т.Б. Спэлдингу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Университетский преподаватель общего курса европейской истории всегда сталкивается с задачей поиска подходящего для его занятий материала для чтения, который не слишком специализирован и одновременно не слишком элементарен. Для многих тем, обладающих особой значимостью, такой материал в настоящее время недоступен.

Беркширские исследования по европейской истории планировались как предназначенные для подобной ситуации. Темы, взятые для рассмотрения, принадлежат к числу тех, по которым не существует легко доступного материала для чтения, адекватного потребностям общего курса по европейской истории. Авторы, являющиеся опытными преподавателями, активно ведут исследовательскую работу, избегая простого элементарного представления фактов и предлагают взамен интерпретативное обсуждение, подходящее более зрелой точке зрения студентов колледжа.

Конечно же, эти исследования не притязают на какой-либо вклад в историческую литературу в научном смысле, но каждый автор в достаточной мере обладает специальными знаниями об исследуемом историческом периоде, знаком с источниками и использует последние научные публикации по теме. С тем, чтобы желающие далее ознакомиться с литературой по любому вопросу, могли иметь некоторое руководство, представлена краткая библиография работ на западноевропейских языках, особо сфокусированная на новейших трудах.

Каждое из исследований предназначено для недельного чтения. Деление на три приблизительно одинаковые главы, которые самодостаточны и удобны для однодневного задания, должно сделать серию, в целом легко приспособленной к современным потребностям проведения занятий в колледже. В каждом случае редакторы попытались поддержать и акцентировать эту фундаментальную гибкость.

В случае особой потребности в тексте будут представлены карты и диаграммы, но в целом подразумевается использование в ходе чтения хорошего исторического атласа, например, созданного Шепэдом.

Ричард А. Ньюхол, Лоренс Б. Пакард, Сидней Р. Пакард

ИМПЕРСКАЯ РОССИЯ (1801-1917 ГГ.)

ГЛАВА I
Россия в первой половине XIX века

Формирование Российской империи

В октябре 1721 г., после заключения Ништадского мирного договора, зафиксировавшего решительную победу России над Швецией, благодарные и обожающие члены российского Сената наградили своего императора титулом "Отец Отечества, император, могущественный". Так официально появилась Российская империя. Но ко времени кончины Петра Великого (1725 г.) многое нужно было ещё сделать для трансформации имперской идеи в живую реальность. Петр заложил структурные основания империи и оставил наследникам задачу завершения строительства.

При Петре Великом империя еще не достигла своих "естественных границ" даже в пределах великой восточной равнины. Из трех фундаментальных проблем русской внешней политики, доставшихся ему от своих предшественников, он смог решить лишь одну. Были достигнуты берега Балтики, и обладание ими Россией было закреплено, Петру не удалось захватить для России берега Черного моря, а западные территории, которые в течение нескольких столетий являлись предметом соперничества между Россией и Польшей, были все еще за границами империи. Лишь в царствование Екатерины II эти жизненно важные вопросы были в конечном итоге разрешены, а до тех пор имперский статус России был нестабильным.

Аналогичная недостаточность политической стабильности проявилась и во внутреннем развитии России. До конца XVIII столетия династия не имела твердых оснований. Неудачный закон об имперском наследовании, обнародованный Петром в 1722 г., позволяющий государю избирать своего наследника даже вне правящего дома, открыл путь самым разным неожиданным изменениям. Можно сказать, что в России XVIII века проблема престолонаследования играла столь же всеохватывающе важную роль, как и в Англии Тюдоров. Со времени кончины Петра до восхождения на трон Екатерины (1762 г.) почти каждая смена государя сопровождалась дворцовой революцией. Прямая линия наследования была установлена лишь после смерти Екате-

рины, а при Павле I притязания династии на русский трон получили законное основание (Закон о престолонаследовании 1797 г.).

Хотя русская монархия XVIII столетия была сильна, но не имела в своем распоряжении адекватной административной машины. Компетенция высших государственных институтов была плохо определена; даже их отношение к высшей власти не было четко сформулировано. Сенат, например, который был основан Петром, чтобы наблюдать за всей администрацией, одно время потерял свое влияние, с тем, чтобы позднее приобрести значимость, почти превышающую государеву. Исполнительные департаменты центрального правительства были также плохо организованы. "Коллегии"[1], позаимствованные Петром в Швеции, скоро утратили свою роль, и их фактическое устранение к концу столетия оставило вакуум, подлежавший заполнению. Еще хуже было состояние местной администрации. В этой области Петр достиг очень малого и достигнутое им было, возможно, наименее удачным в сделанном им. Его непосредственные наследники также не могли исправить ситуацию. Лишь в правление Екатерины II Россия получила довольно продуманную систему местного управления, которая с незначительными изменениями должна была просуществовать до реформ Александра II.

В культурной жизни России на протяжении значительной части XVIII столетия царили хаос и смятение. Древней цивилизации московитской Руси, которая начала терять свое единство и силу на протяжении XVII столетия, был нанесен смертельный удар рукой царя-реформатора. Но должен был пройти некоторый период времени, прежде чем она была заменена иной, столь же полной системой верований и идей. Через ставшим нарицательным "окно", прорубленное в стене, разъединявшей Россию и западноевропейскую культуру, в страну нарастающим потоком хлынули различные зарубежные новшества — немецкие, шведские, голландские, французские и английские. Первые результаты этого воздействия не могли не быть ошеломляющими. В малом кругу образованных русских многие потеряли душевное равновесие. Результатом была либо рабская имитация заграничных стереотипов, доведенная до крайности, либо чрезвычайная смесь новых идей и старых привычек. За исключением немногих, в интеллектуальном и моральном облике людей этого периода не было ни стабильности, ни оригинальности. Довольно очевидно, что все столь жадно и быстро позаимствованное из зарубежья долж-

но было быть переварено и ассимилировано до возведения подлинно национальной цивилизации на новых основаниях. Сначала даже необходимые средства выражения совершенно отсутствовали. До второй половины XVIII века Россия не имела необходимых печатных устройств, прессов и даже, в должной мере, развитого литературного языка. Лишь в царствование Екатерины были получены ощутимые результаты во всех этих направлениях и создана основа для творческих достижений.

Империя в XIX веке

В начале XIX столетия мы обнаруживаем завершение периода подготовки, и империя становится окончательным и жестко установленным фактом. Даже в это время она была крупнейшим государством в Европе. Она раскинулась по всей восточноевропейской равнине от Балтики и Северного Ледовитого океана на севере до Черного моря и Каспия на юге; в Азии она обладала всей Сибирью. Дальнейшее расширение в течение XIX столетия сделало территорию империи равной шестой части суши планеты. Этими новыми приобретениями были Финляндия, центральный район Польши (в дополнение к пограничным провинциям, присоединенным к России в ходе трех переделов), Бессарабия, Закавказье, закаспийские и центрально-азиатские территории, а также приамурские и приморские провинции Дальнего Востока. Как бы ни были впечатляющи все эти завоевания, они были менее значимы, чем приобретения предшествующего периода. Для России также не было необходимым на новой фазе ее имперской экспансии предпринимать какие-либо резкие усилия и идти на жертвы, как это делалось ранее.

С приходом XIX столетия Россия в первый раз в ее истории ощущала безопасность. Ее старый неприятель — Польша — был на время устранен. Швеция со временем привыкла к утере своего балтийского превосходства. Российские отношения с Турцией претерпели глубокое изменение: Россия более не была защищающейся стороной, а, напротив, развивала свою собственную агрессивную передневосточную политику. Что же касается российской азиатской границы, то завоевание Кавказа и Центральной Азии было достигнуто в серии колониальных войн, которые слабо ощущались в центре империи. Наконец, на Дальнем Востоке Россия не встретилась с какими-либо сильными антагонистами до начала настоящего столетия и, таким образом, могла

расширять свою территорию в этом регионе практически без боев. С начала XIX столетия и далее российское положение среди европейских наций более не составляло вопроса. Она обычно признавалась как одна из великих европейских держав и начала играть активную, временами даже решающую роль, в европейских делах.

Территориальная и этнографическая структура империи была в высшей степени сложной. Ее ядром было древнее Московское царство — центр, север и юго-восток европейской русской равнины, которая была постепенно заселена в течение предшествующих столетий великорусской ветвью русского народа. Со времени разделов Польши русские государи также обладали всеми землями, которые были заселены малороссами (украинцами) на юго-востоке и белорусами на западе. Иные приобретения принесли с собою в границы империи территории, заселенные некоторыми нерусскими группами: финнами, балтийскими немцами, латышами, эстонцами, литовцами, поляками, молдаванами, грузинами, армянами, татарами и многими другими азиатскими племенами.

Империя, однако, была более гомогенной, нежели полагают многие. Великороссы не только представляли наибольшую этническую группу, но также составляли единый массив во всех центральных регионах империи. И если мы добавим к великороссам украинцев и белорусов, численное преобладание русского населения над нерусскими национальностями станет еще более решающим.[2] Как украинское, так и белорусское национальные движения относятся к более позднему периоду. В первой половине XIX века проблема общения с этими группами не была особенно трудной. То же в целом справедливо относительно более отсталых пограничных провинций империи, где, как это было на Кавказе, на закавказских территориях и в Центральной Азии, имперская администрация при всех ее ошибках и недостатках была вне сомнения цивилизующей силой.

Бесконечно более сложную проблему представляли западные провинции империи. Здесь имперское правительство должно было иметь дело с населением, находившимся во многих отношениях на более высоком уровне цивилизации, нежели русские, и с традициями независимого или же полунезависимого существования, присущими им. Среди них поляки и финны, конечно же, являли собою особый пример. Некоторое время как Польша, так и Финляндия сохраняли особый статус в границах империи. Русское правительство признавало

их привилегии до тех пор, пока последние не пришли в острый конфликт с растущими тенденциями централизации имперской администрации; затем они были либо урезаны, либо упразднены. Здесь имперский режим потерпел неудачу. До конца своего существования он не смог установить постоянный способ сосуществования, который бы удовлетворял обе стороны.

Другая сложность, с которой постоянно сталкивалась имперская администрация, состояла в колоссальных расстояниях, которые отделяли одну часть империи от другой. Она остро ощущалась на протяжении первой половины XIX века, когда коммуникационные пути оставались весьма слаборазвитыми. Первая благоустроенная дорога между Москвой и С.-Петербургом была закончена в 1830 г., и тридцать лет спустя Россия все еще имела немногим более пяти тысяч километров таких дорог. Первая железная дорога была построена в 1838 г., и в течение следующих нескольких десятилетий строительство железных дорог прогрессировало довольно медленно: в 1867 г. протяженность всех железнодорожных линий в России составляла менее трех с половиной тысяч километров. Едва ли необходимо подчеркивать, что это состояние дел было громадным препятствием гладкому и эффективному функционированию имперского механизма. Когда Александр I умер в Таганроге в ноябре 1825 г., новость о его смерти достигла С.-Петербурга через неделю. Можно легко представить себе ситуацию, когда дело касалось менее значимых вещей. Чем более отдаленными были провинции империи, разумеется, тем в большей степени это их затрагивало. Вследствие недостаточности средств коммуникации Сибирь, например, оставалась в течение XIX столетия слабо заселенной колонией. Лишь после создания транссибирской железной дороги в начале XX века этот обширный регион стал интегральной частью империи.

Наследие прошлого: самодержавие, дворянство, крепостничество.

Правительство империи в начале XIX столетия было абсолютной монархией, не подчиненной никаким конституционным ограничениям и не ограниченной на практике какими-либо соперничающими институтами или сильными социальными группами. Созданное одновременно с появлением национального государства на Руси самодержавие[3] поддерживалось и постепенно наращивало власть вследствие необходимости национальной обороны и имперской экс-

пансии. Со времени Петра Великого оно потеряло свой полурелигиозный и патриархальный характер, но не отказалось от какой-либо части своей власти, и даже стало еще сильнее, чем ранее. Старая феодальная аристократия ушла, традиционный боярский совет (*Дума*) был упразднен, национальная ассамблея (*Земский Собор*) исчез, церковь утратила свою независимость — осталось лишь самодержавие.

В течение XVIII века русское самодержавие было всесторонне вестернизировано (т.е. ориентировано на Запад). Теперь оно было великой монархией того же типа, что возникли в Западной Европе на протяжении первых столетий Нового времени. Оно находилось в особо тесных отношениях с германскими монархиями Габсбургов и Гогенцоллернов. Его психология была практически той же, что в Берлине и Вене. Его идеалом было "регулируемое государство" — исключительно западная концепция — и оно любило приписывать себе цивилизаторскую миссию в границах империи.

Это не пустое утверждение. Это было самодержавие, которое в начале XVIII столетия провело очистительную культурную революцию и заложило основы, на которых постепенно поднялась современная русская цивилизация. И после Петра русская аристократия, вне зависимости от личных качеств ее представителей, продолжала во многих случаях лидировать в культурном развитии страны. Екатерина II является, разумеется, выдающимся примером. Что бы не думали о недостатках ее политики, следует отметить, что ее покровительство искусствам и наукам, ее интерес к образованию, ее меры по обеспечению социального благосостояния дают ей право рассматриваться в качестве "просвещенного деспота". Александр I старался продемонстрировать просвещенный деспотизм того же типа, когда взошел на трон в 1801 г.

Российская империя начала XIX столетия унаследовала от предшествующего периода не только его форму правления, но также его социальную организацию. На вершине социальной лестницы находилось первое сословие страны — благородное. К этому времени осталось очень мало благородных семейств, которые могли проследить свое происхождение от древней феодальной аристократии средневековой Руси. Новое благородное сословие было недавнего происхождения. Оно постепенно выросло из класса "военных служилых людей", который был создан самодержавием в ходе XVI и XVII столетий с целью национальной обороны и имперской администрации. В правление

Петра Великого благородное сословие все еще было "царскими слугами", обязанными служить правительству всеми своими способностями, но в течение XVIII в. им постепенно удалось отделаться от этих обязанностей, сохраняя и даже в значительной степени увеличивая свои привилегии. В правление Екатерины II они стали привилегированным слоем, имеющим особые экономические и социальные права, более не обусловленные службой и воплощенные в хартии, дарованной им государыней (1785 г.). Дворяне были освобождены от личного налогообложения и обязательной военной службы, они освобождались от телесных наказаний, они обладали исключительным правом иметь крепостных, а до 1801 г. имели монопольное право землевладения. Тем же указом 1785 г. благородное сословие получило корпоративную организацию с правом собирать ассамблеи для обсуждения и управления делами. Им также разрешалось выбирать своих глав (предводителей дворянства) в каждой провинции и районе.

Как бы ни были важны эти привилегии, они не означали освобождения дворянства от государственного контроля. Не опирались они и на конституционные основания. Указ, дарованный дворянству самодержавным государем, мог быть отменен другим самодержцем (он в действительности был отменен Павлом I, а затем восстановлен Александром I). Таким образом, привилегии дворянства никоим образом не составляли ограничения самодержавия: они были социальными и экономическими, а не политическими. Если при Екатерине II дворянство играло всецело значимую роль в правительстве, то это объясняется особыми условиями времени — необходимостью для государыни, обладавшей сомнительными законными правами на трон, основывать свою власть на поддержке дворянства. Ни Павел, ни Александр I, ни Николай I не чувствовали совершенной зависимости от этой поддержки, и ни один из них не может быть назван поистине "дворянским царем".

И все же, при всех этих оговорках, следует отметить, что, вследствие своей социальной значимости, дворянство, обладало большим влиянием в государственных делах. Экономически оно было сильнейшей группой в России, поскольку землевладение оставалось главным источником богатства в стране. Дворяне составляли "сообщество" в узком смысле этого слова, сверкая при имперском дворе и преобладая в социальной жизни как в городских центрах, так и в деревенских районах. На протяжении XIX в. дворянство и образован-

ный класс оставались почти синонимичными терминами. Именно из их рядов рекрутировалось большинство армейских офицеров и чиновников гражданской администрации. В провинции они доминировали до второй половины XIX в. Они не только имели вотчинную юрисдикцию над крепостным населением их поместий, но обычно также обладали всеми важными постами в местной администрации.

Основой экономического и социального господства дворянства было крепостничество, еще один институт, являвшийся наследием прошлого. Вместе с аристократией и новым дворянством крепостничество развилось в тот период русской истории, когда формировалось национальное государство при лидирующей роли Москвы. Его появление частично было обусловлено экономическими причинами, которые имели тенденцию увеличения материальной зависимости крестьян от землевладельцев. Но этот экономический процесс был усилен и убыстрен правительственной политикой, которая была ориентирована как финансовыми, так и военными целями. Крестьяне были наиболее крупной группой налогоплательщиков в стране, и лишь они могли трудиться, культивируя земли "военных служилых людей". Для обеспечения сбора налогов и возделывания земель, правительство хотело контролировать миграционные тенденции русских крестьян, дабы заставить их оставаться на местах, или, иными словами, прикрепить их к земле. К середине XVII в. процесс закрепощения был завершен. На долю XVIII столетия оставалось только территориальное расширение крепостничества и укрепление его уз.

К началу XIX в. власть землевладельцев над крепостными стала фактически всеохватывающей и почти безграничной. Землевладелец имел право распоряжаться личностью крепостных: продавать их, закладывать, дарить. Он также имел право эксплуатировать труд своих крепостных безвозмездно. Некоторых из них он мог оставить в своем хозяйстве в качестве домашних слуг, в то время как большинство было занято возделыванием его земли. Или же он мог заменить эту барщину денежным налогом — наподобие отхожей ренты — выплачиваемой ему крепостными из собственных заработков. Более того, землевладелец обладал полицейской властью над своими крепостными и был единственным судьей во всех случаях, кроме наитягчайших преступлений. Правительство, однако, не было всецело на стороне землевладельца. Его долгом было обеспечивать еду своим крепостным в периоды плохого урожая и голода. Был установлен пра-

вовой барьер для эксплуатации труда крепостных: что касалось барщины, то провозглашался ее максимум в три дня в неделю (1797 г.), хотя во множестве случаев землевладельцы игнорировали правительственное законодательство. Наконец, согласно закону, помещикам запрещалось плохое обращение с крепостными. Но опять же, подобно случаям сверхэксплуатации, закон отнюдь не всегда соблюдался и многие обидчики без сомнения оставались ненаказанными.

Между дворянством наверху и крестьянством у основания социальной лестницы посредине находились средние классы русского общества — различные категории обитателей городов и духовенство. Ни численно,[4] ни по своему влиянию эти группы населения не были особенно важными. Относительная слабость средних классов оставалась одной из наиважнейших черт русской социальной организации до самого конца имперского режима; она была, конечно же, еще более четко выражена в начале XIX в. Городская жизнь была слабо развита, и не существовало сильной и влиятельной буржуазии западно-европейского типа. По закону высшая категория купцов имела те же привилегии, что и дворянство: подобно дворянам, они не подвергались личному налогообложению, принудительной военной службе и телесным наказаниям. Тем не менее их социальный статус был ниже. В качестве класса они не обладали голосом в правительственных вопросах. Они не играли важной роли в культурной жизни страны и не принадлежали к "обществу". Они оставались сторонней группой, почти кастой, молодые люди редко сочетались браком вне рамок своего собственного класса и, как правило, наследовали от своих отцов их социальный статус и их занятия.

То же справедливо и относительно духовенства. Хотя его представители пользовались теми же послаблениями, но нельзя видеть в них привилегированный слой. За исключением малого количества высшего духовенства, социальное положение этой группы было униженным, а жизнь священников деревенских приходов видимо не отличалась от крестьянской.

Новые тенденции политических идей и экономического развития

Русская история богата противоречиями. Особенно разительны среди них привнесенные вестернизацией России. Открывая путь западноевропейским влияниям, русское самодержавие было в основном ориентировано соображениями практического порядка: оно

желало прежде всего укрепить национальную оборону и улучшить правительственную машину. Но, следуя этому курсу, оно неминуемо способствовало развитию новых тенденций, которые в конечном итоге должны были подорвать его основания. Итак, в определенном смысле самодержавие способствовало своему собственному уничтожению.

Свести процесс вестернизации к заимствованию западноевропейской техники, сохраняя нетронутой русскую культурную изоляцию, было практически невозможно. За западной технологией и способами жизни шли западные идеи. И среди них были идеи конституционного правления, гражданского равенства и личной свободы. При Екатерине II само правительство некоторое время поддерживало распространение в России философии французского "Просвещения"; сочинения Монтескье, Вольтера, Дидро и других энциклопедистов получили знак одобрения государыни. Верно, что Екатерина преуспела в соединении сильного обожания принципов французской философии с столь же сильным убеждением, что самодержавие — единственно возможная форма управления в России. Также верно, что ее первоначальный энтузиазм по отношению к либеральным идеям значительно поостыл после того, как разразилась Французская революция, и к концу ее жизни почти совсем исчез. Но не все из ее подданных были готовы сделать выводы из указаний французских учителей, подобные выводам императрицы, и не все захотели остановиться, когда она пожелала, чтобы они не шли далее. Во второй половине XVIII в. "*вольтерьянство*" стало довольно важной чертой в интеллектуальной жизни небольшой группы образованных русских.

Другой влиятельной силой стало *масонство* с его идеями универсального братства и его акцентом на гражданском долге. Для многих это было лишь позой или преходящей интеллектуальной модой; но существовало и меньшинство искренних и серьезных людей, для которых новые идеи имели жизненное и постоянное значение. Уже во время Екатерины мы видим формирование в России либерального общественного мнения и появление политической оппозиции. Не без основания Новиков и его группа московских масонов, с одной стороны, и Радищев с его знаменитой книгой "Путешествие из Петербурга в Москву" (1790), с другой стороны, рассматривались как предшественники русской интеллигенции более позднего периода.

Все три опоры традиционного, социального и политического порядка стали предметом атаки и критики. Принципу самодержавия

был противопоставлен идеал конституционного правления. Преобладание дворянства обсуждалось во имя гражданского равенства; крепостничество подверглось критике, как нестерпимое проявление социальной несправедливости. До сих пор оппозиция сводилась лишь к небольшой группе образованных людей, и она скорее принимала форму литературного крестового похода, нежели организованной политической деятельности. Но даже в этой форме она была значима как начало движения, которое непрерывно росло, увеличиваясь по силе и количеству до тех пор, пока оно не вылилось в открытый конфликт между правительством и либеральной частью общественного мнения. В глазах этих людей самодержавие престало быть исторической необходимостью. С завершением в общих чертах имперской экспансии и с достижением, в большей или меньшей степени, гарантий безопасности от иностранного вторжения, казалось, более не было оправдания постоянной диктатуре. И с развитием национальной культуры цивилизующая миссия самодержавия также стала спорной. Образованные русские повзрослели и начали ненавидеть правительственную опеку. Вскоре они должны были потребовать для себя долю в управлении национальными делами.

В то время, как интеллектуальный прогресс вел к вызову мудрости и действенности социального и политического порядка, в экономической жизни страны постепенно шли важные изменения. В конечном счете эти изменения должны были подорвать крепостничество и с ним социальное господство помещиков-землевладельцев. И все же многие десятилетия отделяли Россию от периода, когда она должна была ощутить полную силу промышленной революции с ее неизбежными и далеко идущими последствиями. Но даже в начале XIX в. можно четко различить некоторые новые явления, которые готовили почву для этой революции. Накопление капитала внутри страны и увеличивающееся участие России в международной торговле вело к более быстрому росту промышленности и торговли. Под воздействием этого развития сельское хозяйство, хотя все еще базировалось на крепостничестве, начало изменять свой характер. Землевладельцы все более и более обретали интерес к производству для рынка. Это в особенности справедливо для плодородного юга, где сельскохозяйственное производство, благодаря быстро возраставшему в России экспорту зерна, получало значительный стимул к развитию. На севере, где земля не была столь плодородна, землевладельцы демонстрировали

постоянно растущее желание обратиться от сельского хозяйства к иным сферам экономической деятельности. Здесь они использовали труд крепостных на фабриках, созданных в своих имениях, или же получали доходы в основном, если не полностью, от заработков собственных крепостных.

Как на юге, так и на севере экономическая система, базировавшаяся на крепостничестве, пыталась не без некоторого успеха адаптироваться к новым условиям. Но со временем стало все более и более очевидным, что в дальней перспективе крепостничество было несовместимым как с промышленным прогрессом, так и с ростом капиталистического сельского хозяйства. Производительность труда крепостного была низкой, и ее нельзя было значительно поднять. Недостаток свободного труда был серьезным препятствием для дальнейшего развития промышленности. Конфликт между крепостничеством и жизненными потребностями нарождающегося русского капитализма становился неизбежным.

Политика государства при Александре I (1801-1825 гг.) и Николае I (1825-1855 гг.)

Чрезвычайно трудной задачей для Александра I и Николая I была необходимость считаться с подобными обстоятельствами. С одной стороны, они унаследовали жестко установленные политические традиции — традиции, которые они почитали своим долгом сохранить. С другой стороны, они столкнулись с развитием новых тенденций, которые были естественным результатом изменившегося международного положения России. Эти новые тенденции неизбежно приходили в конфликт со старым положением дел. Оба из этих правителей пытались, каждый по своему, ответить на требования новых времен, не принося в жертву основания старой политической системы. В определенных отношениях подобная попытка имела частичный успех, в других же терпела фиаско. Если временами в правительственной политике при Александре и Николае присутствовали очевидные противоречия, то это, возможно, было неизбежным: противоречия заключались в самой ситуации.

Главной заботой русского правительства этого периода было, во-первых, приведение в порядок собственного дома, то есть установление должным образом организованной и эффективной административной машины, которой прежде недоставало. В результате админис-

тративная реформа имела первенствующее значение по отношению ко всем иным проблемам правительственной политики. Целью было превращение русского правительства в "хорошо регулируемую монархию", которая отныне будет базироваться на жестком основании закона, создать систему правительственных агентств с четко очерченными сферами деятельности и определить их отношение к высшей власти путем, который сделает любую дальнейшую неопределенность невозможной. Эта цель была, по крайней мере частично, достигнута. Именно в первой четверти XIX в. родилась обновленная российская бюрократия. В этот период также новые понятия законности впервые нашли свой путь в Россию и принцип разделения властей был применен более или менее последовательно. Инициатива в законодательстве принадлежала лишь государю, но каждый закон подлежал сперва обсуждению в Государственном Совете (1810 г.) — организации правительственных экспертов -, назначенных императором, который занял место Сената как высшего государственного института. Исполнительная ветвь государства была представлена министерствами, которые были в конечном итоге организованы в 1811 г. Это были государственные департаменты обычного западноевропейского типа, каждый из которых обладал хорошо определенной сферой компетенции и каждый из которых находился под управлением министра, который был лично ответственен за легальность его деятельности. Несколько позже реформа центрального правительства получила необходимое завершение в публикации систематического кодекса российских законов (1832 г.). Как кодификация законов, так и организация российской бюрократии на современной основе были по сути делом одного человека, Михаила Сперанского (1772-1839 гг.), чей административный гений остается, возможно, несравненным в русской истории.

Даже после того, как эта работа была завершена, оставалась еще широкая пропасть между идеалом и реальностью. Рядом с обычной законной процедурой развилась практика исключительного законодательства, и администрация не всегда чувствовала себя связанной границами закона. Следует помнить, что как реформа местной администрации, так и реформа судопроизводства были проведены лишь во второй половине XIX века. И все же, несмотря на все эти ограничения, система центрального правительства, организованная в этот период, была колоссальным улучшением более или менее хаотичных условий, преобладавших в XVIII в. С малыми изменениями она сохранилась

почти неизменной до конституционной реформы 1905-1906 гг., и, с чисто технической точки зрения, была довольно действенной. Более того, используя слова современного историка, с этого времени существовали "правильный и неправильный пути ведения государственных дел в России"; само по себе это было немаловажным достижением.

Хотя и происходили изменения в центральной администрации, самодержавие оставалось в неприкосновенности. Но в дни правления Александра I, однако, возможность его трансформации в ограниченную монархию постоянно обсуждалась в правительственных кругах. Фактически эта дискуссия одобрялась самим государем. Воспитанный в "республиканском духе" и высказывающий свое восхищение либеральными принципами, Александр вновь и вновь возвращался к идее написанной конституции для России, с тем, чтобы лишь отбросить ее каждый раз, когда она должна была стать реальностью. Например, он обсуждал конституционную хартию для русских людей с теми своими близкими друзьями, которые составляли его "неофициальный комитет" в первые годы его правления. Именно по его приказу несколько лет спустя (1809) Сперанский подготовил продуманный проект конституции, который остался одним из наиболее знаменитых документов в истории русской политической мысли. И вновь в 1819-1821 гг. другой его помощник, Новосильцев, подготовил по запросу императора проект имперской конституции, на сей раз на федералистской основе. Известно, что ни одна из этих попыток не дала каких-либо практических результатов, и в каждом случае это происходило из-за колебаний самого Александра. Было бы несправедливым обвинять Александра в простом лицемерии. Объяснить неудачу его конституционных проектов на основе предполагаемого радикального изменения его воззрений -- изменения, которое в середине его жизни сделало его из либерала реакционером -- было бы упрощением проблемы. Фактом является то, что на протяжении жизни Александра I либерализм и уважение самодержавия продолжали сосуществовать в сложной и противоречивой природе: его либерализм не включал какого-либо понятия самоуправления, хотя император и желал конституции, но хотел иметь такую, которая бы не ограничивала свободу действия государя.

В отношении к этой проблеме Николай I не испытывал подобных противоречий. У него глубоко укорененная вера в священность его миссии и чистосердечную приверженность принципу самодержавия были соединены с чувством собственного долга бороться с "духом ре-

волюции" как дома, так и за рубежом. Внутренние и зарубежные события поддерживали его в этом отношении. В России его восхождение на трон сопровождалось неудавшейся попыткой революции (восстанием декабристов 1825 г.), а в Западной Европе ему было предначертано увидеть революционные взрывы 1830 и 1848 гг., поэтому стержневым мотивом его политики стала решительная защита "легитимности" в России и за ее пределами. И, несмотря на это, Николай не менее Александра болезненно осознавал вопиющие проявления зла русской жизни искренне желая исправления ситуации, иллюзорно надеясь, что возможно достигнуть этой цели, оставляя незыблемыми основания существующего строя. Иными словами, он желал реформ, а не реформы с большой буквы. И даже их он хотел проводить лишь бюрократическими средствами, без взаимодействия с теми независимыми общественными элементами, которым он столь глубоко не доверял. Отсюда и многочисленные "секретные комитеты", которые на протяжении первой части его правления почти непрерывно обсуждали различные реформы. Отсюда также и глубокий рост при Николае того, что может быть названо "личным правительством" императора. За исключением Петра Великого, ни один другой русский государь никогда не входил лично в такое количество деталей администрирования и не оставлял для себя столь большую долю государственных дел. Вот почему во время правления Николая I "Личная Канцелярия Его Величества" стала одним из наиболее важных государственных институтов. Другим проявлением той же тенденции стала поощряемая Николаем практика неожиданной посылки каких-либо облеченных доверием генералов (обычно его личных помощников) с инспекционной проверкой в провинции. Задачей этих новых посланцев государя было исправление ошибок и нарушений местной администрации, которая с очевидностью не могла эффективно контролироваться через обычные каналы. В определенном смысле эта процедура была разительным свидетельством слабости имперской системы.

Проблемы общей политики были значительно осложнены парадоксальной ситуацией в некоторых пограничных районах империи. Наиболее острой была, конечно же, польская проблема. В 1815 г. Польское королевство стало частью Российской империи, сохраняя в своей внутренней жизни автономный статус. Польше была дарована конституция, которая по тем временам была, возможно, наиболее либеральной в Европе. Она имела свою собственную законодатель-

ную ассамблею, свою собственную администрацию и хартию гражданских свобод. Это было поле, на котором Александр I мог испробовать свои конституционные теории — и эксперимент не был удачным. Вследствие неспособности Александра последовательно играть роль конституционного монарха и нежеланием поляков расстаться с идеей восстановления независимой Польши, отношения между русским государем и его польскими подданными стали весьма натянутыми к концу жизни Александра. Более того, многим в России казалось, что империя не может продолжать оставаться частично самодержавной и частично конституционной. Сам Александр, без сомнения, осознавал это противоречие, когда инструктировал Новосильцева в составлении конституционного проекта, который предполагаемо приведет к реорганизации империи на федералистской основе. Поскольку из этой попытки ничего не вышло, более реальной стала реализация иной альтернативы: если можно сделать Россию страной с конституционным строем, то можно и лишить Польшу ее конституции. Эта задача выпала на долю Николая. Когда в 1830 г. поляки подняли общее восстание, чтобы получить назад утерянные провинции и независимость, Николай почувствовал себя свободным нарушить договор. После того, как восстание было подавлено, конституцию отменили. На бумаге поляки все еще сохраняли некоторую степень автономии, но фактически до окончания правления Николая I Польша жила при военном режиме. Финны и балтийские немцы сумели сохранить свой привилегированный статус в большей или меньшей неприкосновенности на длительный период, в то время как Закавказье и Бессарабия управлялись почти с самого начала, как просто русские провинции.

Вслед за реформой имперской администрации проблема крепостничества занимала самое главное место в правительственной политике первой половины XIX в. Она, конечно же, была не менее сложна и не менее противоречива. Как Александр, так и Николай понимали, что ситуация становилась менее и менее удовлетворительной и что следовало что-либо сделать для ее улучшения. Возникшие экономические факторы, со все возрастающей силой, постоянно работали на подрыв оснований крепостничества, а моральный протест против закрепощения человека усиливался среди передовых групп образованных русских. Сами крепостные были неутомимы, и в течение тридцати лет правления Николая было не менее 556 серьезных выс-

туплений. С начала века правительство предполагало конечное освобождение крепостных, но вновь и вновь пугалось этой огромной задачи, боясь серьезных и, возможно, фатальных возмущений в социальной и экономической жизни страны. Преобладала точка зрения, что освобождение крепостных должно сопровождаться урегулированием земельного вопроса, а это было невозможным, по крайней мере без частичного, отчуждения собственности землевладельцев. Даже всемогущее русское самодержавие, естественно, содрогалось перед лицом перспективы такого ущемления глубинных интересов землевладельцев-дворян. Вот почему правительство предпочитало вариант постепенного освобождения на базе инициативы, исходящей от самих землевладельцев. Закон, опубликованный Александром в 1803 г., позволял землевладельцам при желании освобождать своих крепостных и наделять их землей на базе денежной компенсации. Результаты закона были незначительными, поскольку большинство землевладельцев не желали расстаться со своей собственностью, а крестьяне, как правило, не имели денег, чтобы заплатить за землю. В 1842 г. правительство Николая попыталось облегчить процедуру для обеих сторон: согласно этому новому закону, землевладельцы могли разрешить крестьянам постоянное землепользование, сохраняя для себя право собственности, а крестьяне могли платить за землю особыми услугами ее владельцу. Но этот закон так же, как и ему предшествующий, был практически недейственным.

В этих условиях правительству оставалось возможным лишь введение специфических и частичных улучшений. Были приняты, например, законы, которые запрещали как продажу крепостных на публичных аукционах, так и разделение членов одной семьи, и были предприняты усилия с целью контроля произвола землевладельцев путем определенных наказаний, которым они могли законно подвергать своих крепостных. При Николае положение государственных крестьян было несколько улучшено в результате определенных административных изменений. Более важные меры были предприняты по отношению к крестьянам тех пограничных регионов, где помещики были нерусского происхождения. В балтийских провинциях крепостные были лично освобождены, но без предоставления им каких-либо земельных наделов. В западных провинциях повинности крепостных по отношению к их землевладельцам были определены законом, что означало существенное улучшение их положения.

Что же касается общей проблемы крепостничества, правительство продолжало вращаться в подобии порочного круга, всегда сознавая необходимость реформ и все же не желая идти на радикальное решение. Никто лучше не сформулировал ситуацию, чем сам Николай. "Нет сомнения, — сказал он в 1842 г., — что крепостничество в его настоящем состоянии — зло, которое ощущаемо всеми и очевидно всем, но задеть его сейчас означало бы, конечно, породить еще более ужасающее зло".

При обращении к образовательной политике государства мы обнаруживаем столь же парадоксальную ситуацию: более широкое распространение образования в России было жизненной необходимостью, но часто ощущалось и сильное опасение относительно конечного результата образовательного процесса. Правящим кругам казалось, что следует предпринять особые меры предосторожности, чтобы новые идеи не подорвали лояльности народа по отношению к установленной власти; следуя этому курсу, очевидно, они существенно ставили под вопрос успех своего собственного образовательного начинания. В начале правления Александра были сделаны весьма обещающие шаги в сфере народного образования. Под руководством вновь созданного министерства образования, первого подобного института в русской истории, был достигнут значительный прогресс в отношении высшей и средней школы. Вместо одного университета, которым Россия удовлетворялась до конца XVIII в., теперь существовало шесть. К ним в правление Николая добавились некоторые технические школы, подобные технологическим институтам в С.-Петербурге и Москве. В течение первой половины XIX в. значительно выросло число средних школ, но все еще значительно отставало развитие начального образования. В начале столетия был разрешен значительный объем свободы в преподавании, и не предпринималось каких-либо попыток классовой дискриминации в образовательной системе. Ситуация изменилась к худшему в более поздний период царствования Александра, и наступила реакция, затронувшая в особенности университеты. Это было частью общей системы цензуры, которая была направлена на контроль духовной жизни нации и борьбу со всеми опасными отклонениями от официально принятой догмы. С этого времени и до реформ, начатых Александром II, эта система строгого государственного контроля как образования, так и литературы, оставалась отличительной чертой русской жизни. Она стала особенно сильна при Николае I, который, как мы

знаем, почитал своим священным долгом противостоять "революционному духу". Именно при Николае были приняты меры для исключения низших классов из верхних подразделений образовательной системы. Существовало очевидное противоречие между желанием правительства способствовать образованию и его попыткой подавить свободомыслие. Оно желало того, что современник назвал "огнем, который не будет гореть".

Цивилизация и общественное мнение

Тем временем происходило большое изменение в культурной жизни страны. Период ученичества закончился; первая четверть XIX в. стала эпохой рождения России как новой национальной цивилизации. С небольшими исключениями люди XVIII столетия были либо простыми учениками Западной Европы, либо — в самом лучшем случае — застенчивыми зачинателями независимого культурного развития. Образованные русские начала XIX в. были равны своим учителям во многих, если не во всех отношениях. Они были уверены в себе и своем праве сказать желаемое на своем национальном языке, хотя все еще использовали западные формы выражения, но применяли их свободно и в духе критического восприятия. И на всем заимствованном из Западной Европы они стали оставлять безошибочный знак своей собственной национальности.

Первые представители новой русской цивилизации принадлежали почти исключительно к привилегированному меньшинству. И лишь в 30-е годы XIX в. представители непривилегированных классов стали слышимы в различных сферах интеллектуальной и художественной деятельности. Но даже в середине столетия культурная жизнь России все еще была отмечена преобладанием дворянства. Вот почему обычно говорят о цивилизации этого периода как цивилизации дворян-землевладельцев. Она в особенности расцветала при дворе в С.-Петербурге, в литературных салонах Москвы и в деревенских "дворянских гнездах". Ее существование базировалось на социальном неравенстве, но осознание этого факта не должно сделать нас нечувствительными к ее особому очарованию и красоте. Видимое выражение этой красоты обнаруживается в архитектуре этого периода. Будучи западноевропейской по своему истоку, она была творческой адаптацией неоклассического стиля "ампир" конца XVIII и начала XIX вв. Более формальный и величественный в официальных строениях

С.-Петербурга, он получил более интимное и ярко выраженное русское выражение в Москве и в провинциальных усадьбах дворянства, где он кажется совершенно гармонирует с русским деревенским пейзажем. Но наиболее значимые триумфы новой русской цивилизации были достигнуты в сфере литературы. В целом правление Александра и Николая останутся золотым веком русской литературы. Этот период увидел как полный расцвет русской поэзии, так и подъем русского романа. Пушкин, великий русский поэт, начал писать при Александре, но достиг вершин своей литературной карьеры при Николае. Лермонтов, еще один великий поэт, всецело принадлежит ко времени Николая, и то же справедливо относительно Гоголя, отца русского романа. Последние годы царствования Николая были отмечены публикациями первых работ Тургенева, Толстого, Достоевского и Гончарова. В его же правление Глинка создал национальную школу русской музыки, а Александр Иванов завершил свое "Явление Христа народу", возможно, первую гениальную работу в истории русской живописи Нового времени.

Расцвет искусств и литературы, несмотря на систему суровой правительственной цензуры, возможно, не является удивительным. Литературная и художественная деятельность, как кажется, не находится в каком-либо прямом отношении к форме правления или общим политическим условиям. Демократические Афины и абсолютистская Франция одинаково дали рождение великим и стойким цивилизациям. Удивительно лишь, что самодержавная Россия периода запретительных мер, всеобъемлющих и достаточно радикальных, оказалась неспособной к контролю прогрессирующего либерального общественного мнения. Соединились многие обстоятельства, чтобы дать либерализму хорошее начало в ранней стадии правления Александра. Либеральная ориентация самого государя и слухи относительно планируемой конституционной реформы сыграли роль могучего стимула движения в этом направлении. Затем пришли наполеоновские войны, которые привели значительное число образованных русских в прямое взаимодействие с различными потоками западной политической мысли. Многие русские офицеры вернулись в свою страну после 1815 г. с интенсивным желанием увидеть введение политических изменений на родине. Разочарование, последовавшее за неудачами всех конституционных проектов, сформировало слабо организованную политическую оппозицию. Картина того, как правительство поддерживает конституционный режим в Польше и Финляндии, оставляя самодер-

жавие лишь для самих русских, добавила не меньше горечи к этой неудовлетворенности. Таким, в общих чертах, был генезис так называемого движения декабристов — первой попытки политической революции в истории России периода Нового времени (1825 г.). Движение было обречено на поражение, поскольку сводилось к малой группе образованных людей, было разделено внутри на умеренное и радикальное крылья и, наконец, было плохо организовано и не обладало развитой тактикой революционного движения. Но даже неудачное оно произвело очень сильное впечатление на общественное мнение, и декабристы рассматривались последующим поколением русских либералов и революционеров как пионеры свободы.

В течение тридцати лет царствования Николая самодержавие оставалось высшей силой, и никто не решался открыто бросить вызов его ужасной власти. Но если и не присутствовало политического действия, существовала обильная мысль, которая становилась все более интенсивной в результате невозможности применения теорий к жизни. Александр Герцен, современник происходившего, назвал этот период "удивительным временем внешнего рабства и внутреннего освобождения". Первоначально мысли поколения, последовавшего за декабристами, не были направлены на политику. Оно прошло через период энтузиазма заинтересованности абстрактными философскими принципами в изложении немецкой идеалистической философии того времени. От Шеллинга через Фихте к Гегелю — таков был путь, по которому пошли выдающиеся представители "Молодой России" до той поры, пока большинство из них не стало "отчаянными гегельянцами". Но в самой интенсивности их философских занятий присутствовало нечто, указывающее изначально, что все эти теории означали для них что-то большее, нежели интеллектуальные спекуляции. Именно в "кружках" спорящих этого периода, имевших своим центром в основном Московский университет, сформировались некоторые наиболее характерные черты последующей русской *интеллигенции*: ее идеализм и непрактичность, ее акцент на теории и нежелание компромисса, ее интерес к этическим проблемам и желание служить человечеству. И также в ходе этих дискуссий молодые прогрессивно мыслящие дворяне впервые соединили свои усилия с представителями низших классов, которые искали свой путь в образованное общество. В грядущем эти новые элементы должны были дать интеллигенции собственное групповое сознание и способство-

вать триумфу в ее рядах более радикальных тенденций. Среди основоположников этой группы наиболее примечателен Белинский — первый выдающийся русский литературный критик. Превратив литературную критику в инструмент старательно замаскированной политической и социальной пропаганды, он смог оказать могучее воздействие на молодежь своего поколения, парализуя таким образом, в значительной мере, энергичные усилия цензуры.

В сороковые годы XIX столетия мы наблюдаем формирование в России уже политических по своей природе сильных мыслительных течений. Именно в эти годы бушевала битва между западниками и славянофилами. Основной темой дискуссии был смысл русской истории и будущая судьба России. Для западников различие между Россией и Западной Европой существовало лишь по степени. Вследствие неблагоприятных условий своего исторического развития Россия отстала от западных наций по своим политическим и социальным институтам, равно как и по цивилизационному показателю. Но фундаментально она проходила через те же фазы исторической эволюции, и ее задачей является движение с удвоенной энергией по дороге вестернизации, чтобы догнать более развитые нации западного мира. Поэтому западничество стало кардинальным учением всех групп образованных русских, желавших для своей страны конституционного правления. В своей философии западники, как правило, были рационалистами, и их отношение к религии было либо враждебным, либо безразличным. Для славянофилов различие между Россией и западным миром было радикальным. Русская история была резко отлична от западноевропейской, а ее цивилизация базируется на совершенно иных принципах. Это — различие между миром романо-германским, с одной стороны, и славянским миром, с другой (отсюда и имя славянофилов). Для славянофилов оригинальная русская цивилизация, в истории которой греко-православная религия играла наивысшую роль и была ценнейшим приобретением, которое всеми силами следует сохранить в неприкосновенности. Вместо следования за западными нациями, стоящими перед угрозой неминуемого упадка, Россия должна была сказать новое слово в человеческой истории. В особенности следует избегать зла западного индустриализма. В своей крестьянской общине Россия имеет весьма ценный институт, на базе которого в конечном итоге можно воздвигнуть лучшую экономическую систему, которая будет соответствовать требованиям социаль-

ной справедливости. В России также нет места западноевропейскому парламентскому конституционализму. Специфически русский тип правления – благосклонное самодержавие, которому помогает народный консультационный орган типа Земского Собора XVII в.

На первый взгляд, доктрина славянофилов выглядела как воспроизведение официально поддерживаемой формулы, которая гласила "православие, самодержавие, народность". Вот почему славянофилов столь часто обвиняли в реакционных тенденциях. Однако это серьезная ошибка. Славянофильская доктрина, выраженная устами ее ранних представителей, была проникнута широким либеральным духом. Они представляли себе самодержавие непохожее на правление Николая I с его подавлением общественного мнения и возвеличиванием бюрократического контроля. Оно выглядело патриархальной и одновременно демократической монархией, служащей цели социальной справедливости и базирующейся на свободно представленной народной поддержке. Аналогичным образом славянофильская концепция православия сводилась к свободной и независимой церкви, которая будет занимать ведущее место в духовной жизни страны, благодаря своей внутренней свободе, а не вследствие поддержки государством. И наконец, они желали спонтанного и беспрепятственного развития русской нации, а не жесткой формулы официального национализма, навязанного стране сверху.

Здесь, таким образом, была общая территория, на которой могли встретиться западники и славянофилы. Обе школы стояли за общественный контроль за бюрократией, обе требовали личной свободы и прежде всего обе настаивали на отмене крепостничества.

Другим важным феноменом в истории русских политических идей этого периода было рождение социализма. Его истоки были также западноевропейскими, но в этом случае основное влияние исходило из Франции, а не Германии. Сочинения Сен-Симона и Фурье послужили отправной точкой развития русской социалистической доктрины. Пока еще эта доктрина отличалась чисто теоретической природой и была достоянием немногих интеллектуалов; тем не менее, именно в самом этом кругу людей литературы создавались теории, которые несколько десятилетий спустя стали источником вдохновения революционной деятельности. По своим общим взглядам эти ранние русские социалисты, наиболее выдающимся представителем которых был Александр Герцен, занимали особое промежуточное

положение между западниками и славянофилами. Они разделяли с западниками критическое отношение к прошлому и настоящему России, а также предпочтение рационалистической философии, но находились ближе к славянофилам в их недоверии к западноевропейской парламентской демократии и верили в миссию России нести новый образ миру, а также идеализировали крестьянскую общину, которая казалась им ядром лучшего социального порядка. Едва ли нужно добавлять, что социалисты находились в еще большей оппозиции к существующему политическому режиму, нежели западники или славянофилы.

Крымская война и распад старого порядка

Царство Николая завершилось военным и дипломатическим поражением России в Крымской войне (1853-1855), которая лицом к лицу столкнула страну с коалицией ведущих западноевропейских держав. Непосредственный источник войны заключался в конфликте между интересами России на Переднем Востоке и устремлениями Франции и Англии в этом регионе. Россия хотела установить свой контроль над проливами и утверждала свое право протектората над греко-православными подданными султана, в то время как ни французы, ни британцы не желали усиления ее влияния на Переднем Востоке. Немаловажной причиной было и чувство недоверия, возбужденное в общественном мнении Западной Европы русской внешней политикой в первой половине XIX в.[5] Это была политика активного вмешательства в западноевропейские дела от имени священного альянса при Александре и в защиту "легитимности" при Николае. В обоих случаях она неизбежно сталкивалась с растущими тенденциями распространения демократии и национальной независимости, которые стали столь четко выражены в этот период европейской истории. В 1830-1831 гг. Николай активно противостоял как июльской революции во Франции, так и борьбе Бельгии за независимость; подавление им польского восстания сделало его в высшей степени непопулярным у французских и британских либералов, чьи симпатии были всецело на польской стороне. В 1848-1849 гг. он вновь попытался противостоять революции во Франции и выступил против конституционного движения как в Пруссии, так и в Австрии: он поддерживал австрийское правительство дипломатически и финансово в его борьбе с итальянскими националистами и послал армию в Австрийскую империю, чтобы помочь Францу-Иосифу раздавить вен-

герское восстание.[6] В результате, когда разразилась война, порожденная передневосточным вопросом, то она приняла в глазах западноевропейских либералов видимость крестового похода против самодержавия и "восточного варварства" в защиту свободы и цивилизации. Изоляцию России сделали еще более полной ее союзники, Австрия и Пруссия, не только не пришедшие ей на помощь, но и принявшие по отношению к ней стратегию, которая была далеко не дружелюбной. При таких условиях Крымская война оказалась очень неблагоприятной для России. Несмотря на храбрость ее солдат, Россия потерпела поражение на своей собственной территории, в основном из-за плохого снабжения и управления армией. Исход войны был тяжелым ударом по русскому военному и политическому престижу.

Она была также тяжелым ударом по авторитету русского правительства у себя дома. Как оно могло требовать безусловного повиновения от своих подданных, когда оказалось неспособным защитить место России в международных отношениях? И не война ли продемонстрировала с болезненной очевидностью вопиющие недостатки русской жизни, экономическую отсталость страны, некомпетентность бюрократии, бесчестность многих чиновников и общую слабость общественного духа? Чувство национального унижения добавило масла в огонь неудовлетворенности, который горел годами в душе русской интеллигенции. Среди них стала почти универсальной оппозиция существующему порядку вещей. Чувство неправедности старой системы и необходимости немедленных реформ более не было лишь достоянием западников и славянофилов, но разделялось также многими консерваторами. Сам Николай был вынужден прийти к заключению, что его режим потерпел поражение. Он умер с сознанием горько обескураженного монарха, оставив своему сыну и наследнику в высшей степени лишенное порядка владение.

Глава II
Реформа и реакция (1855-1905 гг.)

Реформы Александра II

Правление Александра II (1855-1881) является вехой русской истории; в этот период произошла серия далекоидущих реформ, которые глубоко изменили жизнь страны. Александр II не был рефор-

матором по своей природе. Но он был достаточно умен, чтобы увидеть знамения времени и достаточно храбр, по крайней мере в начале своего правления, чтобы подчинить свои личные чувствования государственным соображениям. Некоторые из его реформ страдали изначально от компромисса с интересами власти; другие же были искажены в результате реакции, которая последовала на протяжении его собственной жизни. Вследствие этих фактов, "великие реформы" были сурово раскритикованы и их мудрость была поставлена под вопрос в свете последующего развития, но они имеют историческое значение по сравнению с прежним порядком вещей, который и должны были изменить. Изменения выдержали эту проверку, и принятое деление русской истории на дореформенный и пореформенный периоды кажется всецело оправданным.

Самым важным событием царствования Александра II было упразднение крепостничества (1861 г.). Подобный акт вряд ли можно было далее откладывать. Экономическое развитие и давление общественного мнения постепенно подрывали основы крепостничества в то время, как неспокойствие крепостных заставляло правительство бояться нового всеобщего крестьянского восстания. Подобно своим предшественникам, Александр II начал с попытки убеждения помещиков взять на себя инициативу; соответственно, он указал им, что "лучше отменить крепостничество сверху, чем ждать его самоупразднения снизу". Но когда увидел, что эта инициатива реализовывалась медленно и что большинство русских дворян все еще оставались приверженцами крепостнического всемогущества, он решил взять дело в свои руки. Именно правительство заявило на ранней стадии дискуссии ничего не желающему дворянству, что освобождение должно сопровождаться решением земельного вопроса для освобожденных крепостных. Реформа фактически проводилась самодержавным государем при содействии нескольких просвещенных бюрократов и либеральной части общественного мнения, против сильной оппозиции со стороны большинства дворянства. В течение трех лет шла суровая борьба относительно условий предполагаемого урегулирования вопроса; если конечные результаты и не были всецело удовлетворительными для крестьян, все же несравненно больше отвечали их интересам, нежели при оставлении всего этого дела в руках землевладельцев.

Юридический аспект реформы, устранение закрепощения людей, выступает как ее наиглавнейшая и, в то же время, наиболее полезная черта. Сам факт того, что более 40 миллионов человеческих существ были освобождены, позволяет оправдать описание освобождения как "возможно величайшего индивидуального правового акта в мировой истории". Однако экономическая сторона реформы с очевидностью открыта для критики. В целом, крестьяне оставили в своих руках ту часть земли, которую им разрешали как крепостным использовать, чтобы прокормить себя. Помещики получили компенсацию от государства за потерю этой собственности, но крестьяне должны были выплатить сумму ее стоимости казне ежегодными взносами, растянутыми на период сорока девяти лет. Условия варьировались применительно к различным местам и различным группам крестьянства, но в большинстве случаев земельные наделы были слишком малы, а выкупные платежи оказались непосильным бременем для крестьян. Но даже при этом реформа предполагала насильственное отчуждение значительной части помещичьей собственности, и в России условия разрешения земельного вопроса после освобождения были значительно более щедрыми, нежели чем в большинстве западноевропейских стран. Однако одна черта этого решения была довольно неудачной. Как правило, земля не отдавалась сразу же индивидуальным крестьянам, а передавалась деревенским общинам, чьи члены должны были получить одинаковые наделы в соответствии с правом периодического передела. Двигаясь этим курсом, начинатели реформ были направляемы частично интересами фискальной политики (община становилась ответственной за платежи налогов и выкупа ее индивидуальных членов), а частично желанием предотвратить потерю крестьянами земли и формирование сельского пролетариата. Последующее развитие показало, что община не могла успешно выполнять предполагаемые функции, становясь одновременно препятствием прогрессивному развитию сельского хозяйства.

Освобождение имело большую значимость не только само по себе, но и в качестве начала множества важных реформ. С упразднением крепостничества патриархальная юрисдикция и полицейская власть помещиков над своими крепостными автоматически исчезла, и в то же самое время был нанесен удар по престижу дворянства в сельских районах. Последовательная реорганизация местного управления, находившегося до этого времени всецело в руках дворянства, стала

императивом. В 1864 г. в России был установлен институт земства. В выборах в районной земское собрание участвовало три группы: землевладельцы, крестьянские общины и определенные категории городского населения. Районное земство избирало постоянное правление и посылало представителей в провинциальное земство, которое в свою очередь избирало собственное правление. Как в районах, так и в провинции земства занимались проблемами общественного благосостояния в то время, как общие административные функции и исполнение полицейской власти оставалось в руках царских чиновников. Для собственных нужд на местном уровне земствам разрешалось собирать налоги. Его члены избирались на базе неравного ценза, и помещики-землевладельцы таким образом занимали наиболее выдающееся место. Тем не менее, при сравнении с дореформенной ситуацией, эта система была решительным шагом вперед. Был открыто признан принцип самоуправления и предоставлена возможность различным социальным классам для сотрудничества во имя улучшения местных условий. То, что эта возможность не игнорировалась, очевидно из факта совершения земствами в период их существования весьма ценной работы, которая в большой мере способствовала экономическому и культурному развитию сельской России.

Едва ли менее важными, нежели эти изменения в местном самоуправлении, была судебная реформа (1864 г.). Для того, чтобы оценить ее значимость, следует принять во внимание условия, которые существовали в первой половине XIX в. Старые суды принадлежали к худшим чертам дореформенной России. Базируясь на классовых различиях, осуществление законности было в руках плохо оплачиваемых, плохо обученных и зачастую коррумпированных чиновников, которые были зависимы от власти и состоятельных классов. Слушания в суде были закрытыми и на них не присутствовали адвокаты для защиты обвиняемого. Процедура была затяжной и очень дорогостоящей. Реформа 1864 г. провозгласила принцип "равенства всех перед законом" и покончила с классовыми различиями. Суды стали независимыми от администрации, судьи не подлежали снятию с должностей и хорошо оплачивались. Судебные процедуры стали публичными, была введена коллегия присяжных и учреждена адвокатура. Вся процедура от судов низшей инстанции до высшей была последовательно реорганизована. С этого времени Россия обладала судебной системой, которая могла иметь позитивный баланс при сравнении с системами цивилизованных стран.

Последней реформой чрезвычайной важности стала реорганизация армии (1874 г.). До этого времени все бремя военной повинности лежало на низших классах населения, которые должны были служить в армии очень длительное время и в особо суровых и дисциплинарно тяжелых условиях. Реформа 1874 г. установила всеобщую военную повинность.[7] Срок действительной службы был сокращен с двадцати пяти до шести лет, и ее условия были значительно улучшены. Обращение с солдатами стало несравненно более гуманным, вся система их подготовки была реорганизована, и стало уделяться особое внимание проблеме общего образования рядовых. Подобно новым судам, новая армия стала символом российской модернизации.

Россия после реформ

Не трудно заметить, что все основные реформы Александра II были ориентированы в одном направлении — по линии подрыва законодательных барьеров, которые старый порядок установил между различными классами. Упразднение крепостничества покончило с фундаментальным различием между теми, кто был лично свободен и несвободными. В земских собраниях освобожденные крепостные сидели рядом со своими бывшими владельцами и рассматривались, по крайней мере теоретически, как равные представители иных классов. Новые суды вводили идеал "равенства всех перед законом" и, как правило, следовали этому идеалу на практике. И наконец, реорганизация русской армии базировалась на демократическом принципе обязательной военной службы каждого гражданина. Однако следует заметить, что даже после освобождения крестьяне не стали полноправными гражданами. Как члены сельской общины они не могли распоряжаться своей собственностью, а их свобода передвижения была несколько ограниченной. За мелкие провинности они были судимы специальными судами на основе особых законов. А подушный налог, который они все еще должны были платить и от которого были избавлены иные классы, был знаком их социальной униженности. Но даже при этой ограниченности общий эффект реформ должен был привести Россию гораздо ближе к гражданскому равенству.

Тот же уравнительный процесс "работал" в сфере экономических и социальных отношений. В результате освобождения дворянство потеряло не только значительную часть своей земли, но также и бесплатное обеспечение трудом. Вследствие отсутствия инициативы,

специального образования и капитала многие бывшие владельцы крепостных не смогли приспособиться к новым условиям. Было много случаев немедленного банкротства, и еще более многочисленны были ситуации, когда владельцы имений предпочитали продавать свою землю, не борясь против неблагоприятных обстоятельств. Переход земли от дворян к недворянским владельцам оставался одним из наиболее примечательных явлений в экономической жизни России до конца имперского режима. Вместе с дворянским землевладением уходила постепенно социальная гегемония дворян в стране.

Утраченное дворянством было приобретено иными социальными классами. И лишь после освобождения в России начался тот подъем средних классов, который шел в Европе столетиями. Ускоренное развитие промышленности, внимание которому будет уделено в другом разделе, вылилось в рост буржуазии; богатство иного плана, нежели земля, стало служить основанием высокого социального положения. Рост торговли сделал торговый класс более многочисленным и более значимым, у многих купцов присутствовало усилие подняться над своими прежними социальными и культурными стандартами. Работа в земствах и новых судах, даже в некоторых правительственных департаментах стала привлекать многих общественно заинтересованных людей, которые при прежнем режиме отвергли бы правительственную службу и приговорили себя к бездействию. Экономический прогресс предполагал увеличение числа технических специалистов; растущая потребность в народном образовании и общее интеллектуальное пробуждение были ответственны за общее увеличение числа учителей, писателей и журналистов. В первый раз в русской истории врач, адвокат, университетский профессор, инженер вышли на первый план в качестве важных и влиятельных членов общества. Можно сказать, что в России появился новый класс профессионалов.

Русская *интеллигенция*[8], сформировавшаяся в предшествующий период, была глубоко затронута всеми этими изменениями. Сводившиеся сперва к прогрессивным членам дворянства, ряды интеллигенции теперь быстро увеличивались профессионалами и вообще представителями средних классов. Просвещенные дворяне более не были носителями стандартов образования и прогресса. Их места занимались интеллектуалами среднего класса, которые обычно были менее культурно рафинированы и более радикальны в своих социальных и политических воззрениях. И лишь с появлением элементов среднего клас-

са интеллигенция приобрела определенное групповое сознание и стала становым хребтом политической оппозиции.

Ни в одной другой сфере прогресс средних классов не был столь выражен, как в образовании. Реформы играли роль могучего стимулятора интеллектуальной жизни страны; существовала распространенная и постоянно растущая потребность в знании практически всех групп населения. В течение второй половины XIX века наблюдался постепенный прогресс в университетах и средних школах; более того, именно в этот период, благодаря активному участию земств, было положено подлинное начало инициатив в области начального образования. Не только увеличилось число школ, но и значительно изменился баланс между группами учеников, принадлежащих к различным социальным классам. В этой сфере, равно как и в других, дворянство постепенно теряло свое былое преобладание; к концу периода учащиеся благородного происхождения представляли лишь меньшинство как в университетах, так и в средних школах. Что же касается правительственной политики, то она, как и прежде, оставалась противоречащей сама себе, претерпевая колебания от либеральной в одно время до реакционной в другое. Но никакие искусственные препятствия не могли эффективно преграждать путь культурному совершенствованию средних классов и, в меньшей степени, даже крестьянства. Развитие в школах было лишь отражением общей тенденции социальной эволюции в стране. Начиная с периода реформ, в России росло демократическое общество при самодержавном правительстве.

Кредо "интеллигенции"

Новые социальные группы, которые стали преобладающими в рядах интеллигенции, принесли с собой новые идеи. Выдающиеся русские интеллектуалы предшествующего периода были романтиками и идеалистами, взращенными школой немецкой метафизики и глубоко заинтересованными философией, поэзией и искусством. Даже когда они стали вовлечены в дискуссии по политическим и социальным проблемам, их политика сохраняла широкую философскую ориентацию. Новое поколение, занявшее место этих ранних интеллектуалов, было иным. Они любили называть себя "критическими реалистами". Они не пользовались метафизикой и выражали незаинтересованность эстетической стороной жизни. Универсум для них был "не храмом, а мастерской", и они надеялись быть ремеслен-

никами прогресса, имея своим инструментом научное знание. Эта позитивистская реакция против романтического идеализма предшествующего поколения была одной из выдающихся черт движения, известного как "нигилизм", характерного для 60-х гг. XIX в. Нигилизм был в первую очередь восстанием молодежи против традиционных авторитетов; своей главной целью он имел освобождение индивида от сложившихся установлений. Ничто не было священным для нигилистов (отсюда и их имя); ничто не могло быть принято как истинное, если не выдерживало проверки рациональной критикой. Эмансипация женщины была их любимым боевым кличем, и, в действительности, русская девушка, принадлежавшая к образованному классу, была эмансипирована задолго до своей западноевропейской или даже американской сестры. Хотя нигилизм, как таковой, был свободен от определенного социального характера, этот общий вызов авторитетам не мог не иметь революционизирующего эффекта.

Реальное социальное движение появилось в следующем десятилетии с так называемым "народничеством". В противовес нигилистам народники интересовались не освобождение индивида, а обнаружением решений социальной проблемы. Преобладающей идеей народничества был моральный долг интеллигенции служить "народу", отождествлявшемуся на практике с крестьянством. В течение столетий образованный класс России жил и развивался за счет страданий крестьянства; теперь настало время вернуть долг. Интеллектуалы должны "идти в народ", жить и работать среди крестьян и вести последних по пути культурного и социального прогресса. В начале 70-х гг. юные парни и девушки, принадлежавшие к образованному классу, сотнями начали занимать различные должности в деревнях, чтобы претворить в жизнь эту идею. Движение было отмечено воинствующим духом, а также отсутствием практической подготовленности и слабо развитым чувством реальности.

Как нигилизм, так и народничество были крайними проявлениями новых интеллектуальных тенденций среди молодых русских радикалов, но многие из их фундаментальных положений были широко приняты интеллигенцией и им было суждено преобладать в умах образованного класса длительное время. Можно сказать, что на протяжении второй половины XIX в. большинство русских интеллектуалов оставалось социально и политически ориентированным почти при полном исключении какого-либо иного духовного интереса. Идея

гражданского долга преобладала. Искусство для искусства стало опасной ересью, и вся художественная деятельность должна была быть подчинена требованиям утилитарной природы. В целом, эпоха поэзии закончилась, и идеал истины сменил идеал красоты не только в литературе, но также в живописи и в некоторых случаях даже в музыке. Критика стала скорее политической и социальной, нежели литературной и художественной. Роман, картина, пьеса или поэма приветствовались или отвергались не вследствие их собственных достоинств, а поскольку они были прогрессивны или реакционны. Типичный представитель интеллигенции был либо безразличен, либо открыто враждебен по отношению к религии и был склонен к глубокому сомнению относительно каждой идеалистической интерпретации универсума. Как обычно, присутствовали и заслуживающие внимания исключения: гиганты, подобные Толстому и Достоевскому, могли идти собственным путем, что не мешало их популярности. Но позволительное для гения не прощалось менее значимым людям. Как правило, интеллигенция была нетерпима и бескомпромиссна в своем отношении к инакомыслящим.

Революционное движение при Александре II

Сперва может показаться загадочным, что реформы Александра II, какими бы далекоидущими они не были, не смогли удовлетворить прогрессивные группы русского общества, и что первые два десятилетия после освобождения увидели рост российской политической оппозиции, который был гораздо более безоговорочным и решительным, нежели ранее. Сказать, что эта оппозиция была всецело спровоцирована правительственной реакцией, едва ли будет верным: первые революционные прокламации, взывавшие к ожесточенной борьбе против правительства, появились уже в 1861-1862 гг., когда движение реформ все еще было в стадии подъема; первое покушение на жизнь императора имело место в 1866 г., лишь через пять лет после освобождения. Пробуждение политической оппозиции может быть приписано скорее той общей атмосфере изменения и обновления, которую привнесли в жизнь великие реформы. Как и в эпоху раннего правления Александра I, реформистская политика правительства вновь сыграла роль могучего стимула развития передовых политических и социальных идей среди образованных классов русского народа и, как и прежде, прогрессивное общественное мнение было впе-

реди правительства. На дарованные реформы оппозиция ответила требованием больших реформ.

Для либералов[9] отмена крепостничества и введение самоуправления были лишь прелюдией к тому, что они именовали "завершением строения", установлением в России системы национального представительства. Некоторые конституционные проекты этого периода исходили от дворянства, которое жаждало политических приобретений как компенсации за свои экономические потери при разрешении вопроса об освобождении. Другие проекты были менее эгоистичны по источнику и были продиктованы теоретическим предпочтением конституционного правления. Радикалы шли гораздо дальше, нежели либералы. Они желали не заменить самодержавие парламентским режимом, а провести полное уничтожение старого социального порядка.

Изначально революционное движение 60-х и 70-х гг. находилось всецело под влиянием социалистов. В течение этих десятилетий русский социализм приобрел как определенное учение, так и боевую организацию. По своей теории и практике он значительно отличался от западноевропейского социализма того же периода. Он базировался не на учении Карла Маркса, а на идеях русских писателей, подобных Герцену и Чернышевскому. Он разделял веру славянофилов в особенности русского исторического развития и рассматривал русского крестьянина, жившего в сельской общине, как социалиста по инстинкту и традиции, чьей миссией было спасение России от капитализма и перенесение ее прямо в коммунистическую эру. Частично вследствие этой теории и частично из-за того факта, что русский капитализм все еще был на первой стадии развития, ранние русские социалисты за малым исключением были значительно более заинтересованы крестьянством, нежели промышленными рабочими. Их социализм, иными словами, имел аграрный характер. Другой фундаментальной чертой, отличавшей большинство русских социалистов этого периода, было их полное недоверие к парламентской демократии, которая в их глазах не имела какой-либо ценности даже как промежуточная стадия развития. Они желали более или менее непосредственной социальной революции, а не постепенного приближения к социализму длительным путем эволюции.

Однако, первоначально не существовало единства взглядов относительно подходящих средств осуществления революции. Некоторые

признавали необходимость предварительного периода пропаганды для образования и организации крестьянства, другие верили в свою способность разжечь всеобщее крестьянское восстание без значительной подготовки. Оба метода были испытаны теми, кто "пошел в народ", но ни один не оказался удачным. Пропагандисты были непоняты народом и в то же время легко обнаружимы полицией, а революционные обращения наиболее нетерпеливых народников не смогли спровоцировать всеобщего мятежа. Именно тогда идея прямой атаки на правительство под руководством организованного меньшинства овладела умами большинства русских радикалов. Ко времени, когда западноевропейский социализм начал искать союзника в лице массового движения, представленного либо профсоюзами, либо политическими рабочими партиями, русские социалисты чувствовали себя вынужденными выбрать узкий и опасный путь революционного заговора.

Преобладание этой идеи среди радикальных групп интеллигенции порождено политикой государства. Либеральный пыл периода раннего правления Александра был весь израсходован на напряженный порыв покончить с крепостничеством. Эта и другие реформы встретили колоссальную оппозицию со стороны тех реакционеров, которые так никогда и не примирились с новым порядком вещей. На протяжении правления Александра II они продолжали бороться с более либеральными элементами за преобладание в правительственных советах в то время, как легко поддававшийся внушению император колебался между двумя взаимоисключающими политиками. Враги реформ умело использовали каждую возможность для укрепления своего влияния на государя. События, подобные польскому восстанию 1863 г. и первому покушению на жизнь Александра в 1866 г., были интерпретированы как показывающие опасность уступок и необходимость более жесткой политики. С ростом революционного движения эти аргументы приобрели более открытый характер: для борьбы с радикализмом предполагалось необходимым урезать уже дарованные реформы. Вновь была укреплена цензура и ограничена свобода преподавания. Процессы, связанные с прессой и политическими оскорблениями, были изъяты из ведома суда присяжных. Бок о бок с обычной судебной процедурой постепенно устанавливалась продуманная система особой юрисдикции, при которой обвиняемые судились либо военными трибуналами, либо при посредстве простых административных указов. Земства были подчинены жесткому пра-

вительственному надзору и в их деятельность постоянно вмешивались местные власти. Кроме того, оказывалось жесткое сопротивление любому предложению, направленному на ограничение самодержавия и расширение принципа самоуправления на управление национальными по масштабу делами.

Реакция не могла устранить эффекты реформ и восстановить прежний порядок вещей, но она в значительной мере замедляла развитие России и, порождая горечь и недоверие, сделала особенно трудным мирное разрешение основных проблем страны. Одной из наихудших черт этой политики было нежелание различать радикальные чаяния революционеров и более скромные требования конституционалистов. За немногими заслуживающими внимания исключениями правители России не могли оценить мудрость политики, которая бы боролась с революцией путем реформы. Подобная попытка была предпринята в последние годы правления Александра его министром внутренних дел Лорис-Меликовым, мудрым и способным государственным деятелем, который, будучи настроенным подавить революционную деятельность, был тем не менее готов удовлетворить некоторые желания прогрессивных групп русского общества. В конце концов ему удалось убедить императора одобрить его проект (иногда неверно характеризуемый как "конституционный") по приглашению представителей общественных организаций для сотрудничества с правительством по выработке программы дальнейших реформ. Его попытка была обречена на провал убийством Александра II революционерами в марте 1881 г.

Это трагическое событие было итогом отчаянной борьбы, которую маленькая банда целеустремленных революционеров развязала против правительства в последние годы правления Александра. В 1871 г. революционеры организовались под именем "Народная воля". Это была очень централизованная и секретная организация, избравшая терроризм своим главным оружием. Убийства нескольких видных чиновников стали прологом к серии отчаянных покушений на жизнь императора. Хотя усилия террористов в конечном итоге увенчались успехом, движение в целом должно рассматриваться как политически бессмысленное. Оно значимо лишь как выявляющее характер и взаимоотношения основных сил, вовлеченных в борьбу. С одной стороны, мы видим бескомпромиссное и упрямое самодержавие, с другой — столь же бескомпромиссных и упрямых революционеров. Меду двумя огнями находились защитники среднего курса, русские либера-

лы, которые, в то самое время, как радикалы швыряли бомбы, а правительство отвечало казнями, поднимали свой голос, требуя и предлагая соблюдать сдержанность. Трагедия конституционного движения в России состояла в том, что оно представляло либерализм среднего класса, не опираясь на достаточно активный и многочисленный средний класс, способный давать ему силы. Не имея достаточной собственной социальной базы, оно могло лишь всецело объединиться с одной из двух полярностей и потому было обречено на провал своих усилий по организации мирного обновления страны.

Политическая реакция при Александре III

Александр III (1881-1894 гг.) находился под глубоким влиянием обстоятельств своего восхождения на трон. Убежденный консерватор, он последовательно солидаризировался с реакционерами в их борьбе против либералов, еще являясь наследником престола. Убийство его отца утвердило его в этом отношении. В нем он усмотрел прямую атаку на власть государя, ведущуюся силами разрушения, которые надлежало отбросить и подавить без всякой жалости. Именно под влиянием этого трагического события Александр III решил отказаться от проекта Лорис-Меликова, уже одобренного его отцом, но не опубликованного. Манифест нового императора объявлял русским людям его твердое намерение "укреплять и охранять самодержавие от любого возможного посягательства". После краткого периода колебания и неясности, в течение которого некоторые реформаторские тенденции предшествовавшего правления все еще имели право на существование, правительство Александра III в конечном итоге двинулось по пути полной политической реакции. Этот реакционный курс проводился до конца царствования и был завещан Александром III своему сыну и наследнику Николаю II.

В весьма значительной степени эта политика была оформлена и вдохновлена человеком, само имя которого стало символом реакции — Константином Победоносцевым. Бывший профессор гражданского права в Московском университете, Победоносцев был учителем Александра с ранней юности последнего и приобрел несомненное влияние на ум своего царственного ученика. В качестве прокурора Священного синода он был одним из наиболее влиятельных членов правительства и оставался в этой должности на всем протяжении царствования Александра III и в начале правления Николая II.

Победоносцев был более, чем реакционным государственным деятелем: он был философом реакции. Он звучно обличал парламентскую демократию, свободу прессы, разделение церкви и государства и даже всеобще образование в качестве величайших ошибок новых времен, ведущих к разрушению всего сильного и здорового, что присутствовало в нации. Он хотел спасти Россию от всех этих тяжких зол любой ценой. Под его влиянием старая формула "православие, самодержавие, народность" была возрождена и получила новую силу в ее практическом применении. на время было подавлено не только революционное движение, но даже умеренные либералы были жестко порицаемы и обречены на молчание. Цензура была вновь укреплена, а свобода преподавания и далее урезана. Законы относительно местного самоуправления были пересмотрены, а земства подпали под более пристальное наблюдение правительства. Одновременно было значительно увеличено представительство дворянства в земских собраниях за счет иных классов. Дворянство вновь стало фаворитом короны. Идея состояла в том, что дворяне представляли собою естественную опору самодержавия и как таковые должны были получить помощь в завоевании вновь лидирующего положения. Среди иных дел дворяне были призваны помогать правительству в патерналистском контроле над крестьянством. В 1889 г. была создана должность "земельного капитана". Эти "земельные капитаны" были местными чиновниками, назначаемыми правительством из рядов землевладельческого дворянства для осуществления административной власти и даже до некоторой степени для осуществления судебной власти над крестьянами в сельских районах.

Поддержка православия выразилась в политике преследования религиозных инакомыслящих, так называемых "староверов" и сектантов.[10] Некоторым из них практически было отказано в легальном статусе, и они соответственно были загнаны в подполье. Положение католиков и лютеран (наиболее многочисленной протестантской деноминации в России) было значительно лучше. Они легально признавались как законные религиозные организации, имевшие особую церковную организацию и собственность. Но даже и они подвергались дискриминации. Попытка обращения греко-православного верующего в католицизм или лютеранство была наказуемым по закону деянием, в то время как преступлением считалось также мешать католику или лютеранину перейти в православие. В случае смешан-

ных браков дети автоматически становились православными безотносительно к пожеланиям их родителей.

Политика правительства по поддержке греко-православной церкви нашла параллель в отношении к национальным меньшинствам. Здесь присутствовал лозунг "Россия для истинно русских". Те, кто предположительно были по происхождению чистыми великороссами, должны были обладать преимуществами над белорусами и украинцами, не говоря уже о представителях чуждых рас. В пограничных районах "русификация" стала обычной практикой. Предпринимались попытки заставить нерусских обитателей этих регионов отказаться от своих собственных национальных традиций и признать превосходство русской культуры. Эта политика проводилась с особым рвением по отношению к полякам, которые потеряли после подавления восстания 1863 г. последние остатки своей былой автономии. Даже немецкие бароны балтийских провинций, которые многие поколения были лояльными подданными русской монархии, теперь также подверглись дискриминации, хотя и в несколько более мягкой форме. Однако среди всех наиболее пострадали евреи. С начала XIX в. большинство их жило в границах определенной территории, известной как "еврейская черта оседлости". При Александре III границы "черты" были сужены и было усилено запрещение на проживание за пределами "черты". Гражданские права евреев были подвергнуты многим неприятным для них ограничениям, и лишь ограниченное число еврейской молодежи имело разрешение на учебу в школах и университетах.

С исторической точки зрения, реакционная политика Александра III представляла собою безнадежный анахронизм. Она была попыткой реставрировать прошлое, которое умерло и не подлежало возрождению. Опора правительственной политики на альянс самодержавия и дворянства упускала из виду общую тенденцию русской социальной эволюции после освобождения. С отменой крепостного права базис власти и влияния дворянства был безвозвратно подорван. Ни экономически, ни социально, ни интеллектуально дворяне более не могли господствовать в стране, не принимая во внимание иные классы. Не менее удачной, нежели этот союз с дворянством, была и тенденция заменить широкую концепцию империи как политической структуры, защищающей многие расы и народности, жесткой формулой исключительного национализма, опирающегося на узкий этнический базис. Это был решительный шаг назад, если сравнить

его с более космополитическим взглядом на имперское правление периода Екатерины II или начала XIX века. В этом заключался симптом смертельной болезни: русское самодержавие было обречено на быструю деградацию, и приближаясь к концу, оно теряло имперское сознание.

Индустриальная революция

Как уже было показано, в начале XIX в. капиталистические тенденции стали отчетливо различимы в экономической жизни России. И все же пока русская национальная экономика оставалась под властью крепостничества, эти тенденции не могли развиваться в полную мощь собственных возможностей. В этом отношении также освобождение было поворотным пунктом. После некоторого периода неизбежного замешательства, в течение которого экономическая жизнь страны приспосабливалась к новым условиям, начался ускоренный капиталистический индустриальный прогресс, который может быть обозначен как приход в Россию индустриальной революции. Этот период был свидетелем быстрого развития тех технических средств, без которых никакое капиталистическое развитие не возможно. Размах железнодорожного строительства был одной из главных черт русской жизни второй половины XIX в. Сперва концессии на строительство железнодорожных линий давались правительством частным компаниям. Как правило, это оказалось довольно неэффективным, и их деятельность сопровождалась различными сомнительными финансовыми операциями. С характерным для него патернализмом правительство вскоре решило взять дело в собственные руки. Многие частные железные дороги были куплены казной, а новые линии строились и управлялись прямо государством. Государственные железные дороги в итоге стали преобладающими в России, в то время как частные линии, которые были разрешены, подвергались довольно жесткому правительственному контролю. К концу XIX в. Россия увеличивала железнодорожные пути более стремительно, чем любая другая страна Европы. Если же развитие ее железнодорожной системы все еще отставало от потребностей страны, то это объяснимо тем, что она начала широкое железнодорожное строительство довольно поздно и еще более — огромным размахом ее территории.

Еще одной наиважнейшей проблемой были кредитные учреждения. В дореформенный период Россия практически не имела кредитной системы, достойной этого имени. И только после освобождения современная банковская система получила свое развитие в стране. Здесь, разумеется, частная инициатива должна была сыграть наиважнейшую роль. Но даже в этой сфере участие правительства было гораздо более активным, нежели в капиталистических странах западной Европы. Кроме Государственного банка обычного типа, русское правительство учредило особые собственные кредитные институты. Наконец, одной из главных забот государства в течение рассматриваемых десятилетий было улучшение денежной ситуации. Со времени Крымской войны Россия жила при весьма неудовлетворительном режиме обесцененной бумажной валюты. Начиная с 1862 г., несколько весьма способных министров финансов попытались установить золотой стандарт, постепенно увеличивая резерв казны. Но лишь в 1897 г. эта попытка оказалась удачной. О воздействии этой денежной реформы на экономическое развитие России едва ли нужно говорить особо. Она не только создала условия стабильности для торговых операций внутри страны, но и поставив российскую валюту на равноправную базу с иными странами, также сделала возможным весьма значительный приток иностранного капитала в Россию в форме кредитов и капиталовложений.

С железнодорожным строительством и финансовыми реформами было тесно связано быстрое индустриальное развитие страны. Значительный прогресс был достигнут в металлургической индустрии при серьезном воздействии открытия больших запасов угля и железа в южной России. Другой отраслью промышленности, которая к концу столетия демонстрировала значительные успехи, было производство текстиля, в особенности в центральной России. Торговля росла вместе с промышленностью, и присутствовал значительный рост количества совместных предприятий, что было относительно новым явлением российской экономической жизни.

Никто из русских государственных деятелей этого периода не был столь тесно связан с промышленной революцией, как Витте, министр финансов с 1892 г. по 1903 г. Если Победоносцев был символом политической реакции, то имя Витте символизировало экономический прогресс. Будучи далеко не либералом, он был прекрасным оппортунистом, бизнесменом в политике и "современным деятелем" по свое-

му мировоззрению и методам. Лишенный личного обаяния и не всегда способный пробудить доверие в окружающих, он заслуживал признания величественностью своих планов и техническими способностями их воплощения. Именно Витте довел до конца денежную реформу, несмотря на сильную оппозицию, и именно он направлял некоторое время железнодорожное строительство в России, будучи в значительной степени ответственным за строительство великой Транссибирской дороги в 1892-1904 гг. Являясь твердым приверженцем индустриализации и идеала экономически независимой России, Витте не жалел сил на поддержку развития русской промышленности при помощи политики протекционистских тарифов, правительственных гарантий и субсидий.

Одним из неизбежных результатов промышленной революции был рост в России городского пролетариата. Впервые в русской истории правительство встретилось с рабочей проблемой в ее современной постановке. В течение этого раннего периода капиталистического развития условия труда в России были особенно неудовлетворительными, также как это было в большей или меньшей степени в других странах в период схожей экономической трансформации. В силу общей отсталости страны, еще вчера отринувшей крепостничество, эти условия были возможно значительно хуже в России, нежели они были где-либо еще. Как правило, фабричные рабочие страдали от сверхурочного труда, плохой зарплаты, питания и жилищных условий. На безжалостную эксплуатацию своего труда пионерами русского капитализма рабочие отвечали спорадическими взрывами негодования и плохо организованными забастовками. Правительство чувствовало, что оно должно вмешаться и попытаться улучшить ситуацию. В 1882-1886 гг. было принято первое рабочее законодательство в России. Являясь довольно скромным по охвату и относясь в основном к защите женщин и детей, эти первые фабричные законы представляли достойное начинание в нужном направлении. Десятилетие спустя (1897 г.) они были дополнены законом, ограничивающим рабочий день взрослых до двенадцати с половиной часов днем и до десяти часов ночью. Для обеспечения соблюдения этих законов была введена должность фабричного инспектора. Но деятельность этих инспекторов не была достаточной для преодоления упрямой оппозиции со стороны многих работодателей. Более того, ситуация усугублялась тем фактом, что до 1902 г. правительство не разрешало су-

ществование профсоюзов. Не удивительно, что при таких ограничениях улучшение условий труда не было ни быстрым, ни достаточно существенным для предотвращения роста неудовлетворенности среди рабочих масс городов.

Аграрный кризис

Хотя русская промышленность демонстрировала быстрый и в определенных отношениях впечатляющий прогресс, русское сельское хозяйство проходило период продолжительного кризиса. Что касается глобального сельскохозяйственного производства, то этот кризис частично объясняется общей депрессией, от которой страдало европейское сельское хозяйство в течение последних десятилетий XIX века в результате увеличивающейся конкуренции со стороны неевропейских стран. В России присутствовал дополнительный фактор: очень сложная ситуация, в которой оказались многие помещики после освобождения. Как подчеркивалось выше, возможно, большинство бывших крепостников не имели ни капитала, ни инициативы, которые бы позволили им приспособиться сразу же к новым условиям. С другой стороны, даже при наличии кредитов, которые они могли получить от специального Земельного банка, основанного для них правительством, многие дворяне не смогли наилучшим образом использовать эту помощь. Итак, нужен был длительный период времени, прежде чем в России мог появиться новый тип крупного землевладельца, способного организовать сельскохозяйственное производство по капиталистическому типу. Но наиболее тяжелой проблемой было положение крестьян. Хотя условия и были несхожими в разных местах и среди различных групп крестьянства, нет сомнений, что ситуация, в которой крестьяне оказались к концу XIX в., в целом была неудовлетворительной. В особенности зловещим был тот факт, что большая часть русского народа жила в нищете и не всегда имела возможность заработать для себя на пропитание или расплатиться по своим долгам с государством. Временами, как это было в суровый голод 1891-1893 гг., ситуация становилась почти катастрофической, но даже в периоды хорошего урожая уровень жизни в деревнях оставался в большинстве случаев очень низким.

В обсуждении русской аграрной проблемы обычно уделялось особое место двум факторам в качестве причин обнищания крестьянства: недостаточности земельных наделов, полученных крестьянами

при освобождении, и сумме выкупных платежей за землю, которая вкупе с налогами составляла для них слишком тяжелое бремя. Хотя и невозможно отрицать очень неблагоприятное влияние этих факторов, не следует преувеличивать их значимость. Именно в общих экономических условиях внутри страны нужно искать главную причину кризиса. Общая ситуация может быть суммирована как случай аграрного перенаселения. Главная беда состояла в том, что наряду с быстрым ростом сельского населения наблюдалось весьма малое развитие в сельскохозяйственной технике, земля использовалась не лучшим образом и крестьянские урожаи оставались очень низкими по объему. В то же время относительно запоздалая индустриализация страны сделала невозможным для фабрик поглотить излишек крестьянских рабочих рук. Капиталистическое сельское хозяйство не было достаточно развито, чтобы дать рабочие места этим труженикам. В результате большинство крестьян скапливалось в сельскохозяйственных регионах центральной России без какой-либо реальной возможности улучшить условия своей жизни. В глазах крестьянства, единственным средством от этой болезни было получение большого количества земли. Это оно и пыталось сделать, покупая и арендуя землю у помещиков. Но поскольку методы земледелия оставались столь же отсталыми, как и прежде, это расширение крестьянских владений не принесло какого-либо существенного улучшения и в то же время добавило, как это было в случае арендованной земли в особенности, финансовое бремя на плечи крестьянства.

Следует еще принять во внимание и другой фактор: превалирующий тип постоянной жизнедеятельности крестьянина. Сельская община вторгалась в общий ход экономического развития в деревне. Системой открытых полей, при которой индивидуальные владения крестьян делились на разбросанные широко полосы, и периодическим переделом земли община препятствовала личной инициативе и вводила элемент нестабильности, который должен был очень негативно влиять на все попытки технического совершенствования. В то же время, вследствие круговой поруки в выкупных платежах и налогах, община вторгалась в свободу передвижения сельского населения России. Таким образом она препятствовала естественному процессу социальной дифференциации в деревнях и искусственно удерживала в переполненных сельских районах многих из тех крестьян, которые в противном случае порвали бы свои связи с землей и искали бы занятия в иных местах.

Было бы несправедливым сказать, что русское правительство этого периода игнорировало беды крестьянства. При Александре III было предпринято множество важных мер, имеющих своей целью борьбу с сельскохозяйственным кризисом и улучшение условий жизни крестьян. В 1881 г. выкупные платежи были снижены почти на двадцать семь процентов; пять лет спустя был устранен подушный налог. В 1882 г. был основан Крестьянский земельный банк с тем, чтобы обеспечить крестьянам кредиты для покупки земли, но деятельность банка приобрела реальную значимость лишь после 1905 г. Наконец, миграция крестьянства в азиатскую Россию стимулировалась политикой организованной государственной помощи, которая оставалась относительно неэффективной вплоть до постройки Транссибирской железной дороги.

Хотя все эти меры были важны, но не были достаточными для решения крестьянской проблемы. Частично потому, что правительственной политике все еще недоставало необходимой силы и последовательности, но, в основном, вследствие общей экономической ситуации, продолжения аграрного кризиса и "земельного голода", остававшегося наиболее сильным мотивом в классовой психологии русских крестьян.

Освободительное движение и русско-японская война

В течение всего правления Александра III политическая неудовлетворенность и социальные волнения в основном сдерживались в подполье. Но восхождение на трон Николая II (1894-1917 гг.) открыло новый период в истории русского революционного движения. Новый государь, чьей судьбой стало завершить династию Романовых, принял свои обязанности с намерением "поддержать принцип самодержавия столь же твердо и неколебимо, как это делал его незабвенный отец". Реакционная политики Александра III продолжалась практически по всем направлениям; в определенных отношениях она стала еще более интенсивной. Так, например, была предпринята первая серьезная попытка нарушить автономию Финляндии, которая до этого времени сумела сохранить свои привилегии более или менее нерушимыми. Представители земства, которые при восхождении на трон нового императора осмелились выразить в весьма лояльном стиле свою надежду на более либеральную политику, были жестко одернуты за эти свои "бессмысленные грезы". Влияние Побе-

доносцева оставалось наивысшим, а другие твердые реакционеры продолжали занимать наиболее важные посты в администрации. Однако, очень скоро стало ясно, что правительство более не в силах предотвратить взрывы политического негодования простыми репрессиями и что силы оппозиции росли в стране, над которой самодержавие постепенно теряло контроль. С конца 90-х гг. XIX века оппозиция начала принимать более широкий и в то же самое время усиливающийся радикальный характер до того, как обрела кульминацию в 1905 г. в открытом и частично победном конфликте с правительством.

"Освободительное движение", как оно известно в русской историографии, значительно отличалось от более ранней фазы революционного движения. Вследствие общей демократизации русского общества, шедшей с периода реформ Александра II, а также в результате индустриальной революции, оппозиция теперь получила более широкий социальный базис, нежели имела ранее. Она была также лучше организована и выработала более определенную программу. Одним из судьбоносных событий этого периода было появление в России марксистского социализма с его акцентом на революционную миссию промышленного пролетариата и ведущую роль классовой борьбы. В растущем классе промышленных рабочих, неудовлетворенных условиями труда, русские последователи Карла Маркса обрели плодотворную почву для собственной пропаганды. В 1898 г. была организована Российская социал-демократическая партия (с.д. — в сокращении), которая несколько лет спустя раскололась на две фракции, одна из которых возглавлялась Плехановым, а другая Лениным. Первые, называемые меньшевиками, ожидали, что грядущая русская революция будет "буржуазной" по своему характеру, что приведет к установлению в России политической демократии как подготовительному шагу по пути к социализму. Последние, большевики, настаивали на необходимости прямого следования от свержения самодержавия к полной реализации социалистического идеала. Другая социалистическая партия, которая была организована приблизительно в то же время и приняла имя социалистов-революционеров (с.р. — в сокращении), возрождала аграрную традицию народников, концентрируя внимание на крестьянстве. С лозунгом "Вся земля рабочему народу" она обрела отклик со стороны крестьян, страдавших от "земельного голода". В своей тактике эсеры также следовали примеру прежних русских революционеров, избирая терроризм как одно

из своих главных средств, что реализовалось в серии убийств непопулярных чиновников. Хотя как социал-демократы, так и эсеры могли обеспечить себе значительную народную поддержку, лидерство оставалось в руках интеллектуалов: активные члены все еще в основном рекрутировались из полных энтузиазма юных представителей образованного класса. Одной из характерных черт русского революционного движения была значительная роль в нем университетского студенчества. Вновь и вновь нормальная академическая жизнь университетов прерывалась студенческими политическими забастовками и демонстрациями.

Параллельно с ростом социалистических партий наблюдалось и развитие либерального движения, стремившегося к установлению в России представительного правительства и конституционного режима. С самого начала русский либерализм нашел убежище в земских собраниях. Правительство очень старалось сдержать земства в узких пределах неполитической деятельности, но, несмотря на это, прогрессивные элементы земских деятелей неизбежно все более вовлекались в национальную политику. В отсутствие каких-либо парламентских институтов земства играли роль школ самоуправления. Однако, к концу XIX в. либерализм смог обрести многих сторонников среди профессиональных групп, которые постепенно разрастались с момента освобождения крестьянства. Именно комбинация этих двух моментов — земских деятелей и представителей свободных профессий — породила в 1903 году так называемый "Союз освобождения". Находясь под руководством таких людей, как Струве и Милюков, каждый из которых был выдающимся ученым и писателем, и насчитывая в своих рядах лучших интеллектуалов страны, "Союз освобождения" стал на некоторое время играть ведущую роль в оппозиционном движении, которому дал свое имя. Он послужил в конечном итоге ядром конетитуционно-демократической партии, известной как кадетская.

Либеральное движение уже развивалось, когда Россия оказалась вовлеченной в новую войну. Эта война была результатом экспансии России на Дальнем Востоке, которая привела ее в конфликт с расширяющимся могуществом Японии. Хотя и сомнительно, что вооруженный конфликт между двумя нациями был абсолютно неизбежен. Рассматривая эту проблему, следует различать жизненные и законные интересы России, с одной стороны, и империалистичес-

кую политику русского самодержавия, с другой. Русская экспансия по направлению к Тихому океану, начало которой относится к XVI в. (если не ранее), была стихийным движением русского народа, а не организованным правительственным завоеванием. Была приобретена и заселена постепенно вся Сибирь в процессе движения первопроходцев и колонизации, который очень походил на последовательное "завоевание Запада" американским народом. Строительство Транссибирской магистрали было ориентировано в основном на облегчение этого процесса заселения путем сближения Сибири с центром страны, а также на обеспечение торгового выхода для растущей экономической активности восточной части империи. Согласно договору, заключенному между Россией и Китаем в 1896 г., часть железной дороги была проложена через китайскую территорию, пролегая от северной Манчжурии и таким образом значительно укорачивая линию, которая в противном случае должна была бы следовать очень сильному изгибу государственной границы. Хотя Китай отдал России на время концессии суверенные права внутри железнодорожной зоны, это само по себе не должно быть предметом порицания, как подобные же соглашения, заключенные в связи с Панамским и Суэцким каналами. Как это было неизбежно при подобных обстоятельствах, восточно-китайская железная дорога, таково было ее имя, стала инструментом русского экономического влияния в Манчжурии. Эта политика могла остаться довольно мягкой формой империализма по типу "мирного проникновения" и не обязательно мешала возможности установления взаимопонимания с Японией. Этой возможности помешала последующая серия актов: захват Порт-Артура и Ляодунского полуострова (1898 г.) и более всего политические интриги в Корее, проводимые группой безответственных искателей приключений, которые, к сожалению, обрели влияние при русском дворе. Именно этот взрыв открытой агрессивности в значительной степени и привел к антагонизму с Китаем и Японией, породил сильные сомнения иных зарубежных держав, помешал осознанию реальной сути русских национальных интересов на Дальнем Востоке и послужил прямой причиной русско-японской войны (1904-1905 гг.).

Едва ли необходимо пересказывать известную историю войны, которая закончилась драматически неожиданным поражением России, нанесенным Японией. Этому результату способствовали мно-

гие факторы первостепенной значимости. Япония имела свою базу вблизи от театра военных действий в то самое время как Россия была отделена от него огромным расстоянием и имела лишь единственную одноколейную дорогу для перевозки войск и снабжения их. Япония начала войну в полной готовности, а Россия, несмотря на ее агрессивную политику, была застигнута врасплох. Кроме того, для Японии война была мерой национальной защиты, в то время как русские люди оставались к ней безучастными или даже враждебно относились к империалистической политике правительства.

В политической истории России конфликт с Японией сыграл роль, весьма схожую с Крымской войной. Вновь проведение военных операций обнаружило фундаментальную слабость и недостатки существующей системы. И вновь унижение нации лишь добавило горючего в политическую неудовлетворенность, которая скапливалась длительное время. Неудачная война открыла новый период во внутреннем развитии страны. Эксперты расходятся относительно решительного характера победы Японии. Но на последней стадии борьбы военные соображения стали для России вторичными по значимости. Мир надлежало заключить, поскольку летом 1905 г. страна уже находилась в судорогах революции.

Глава III
Конституционный эксперимент (1905-1917 гг.)

Революция 1905 г.

Революция 1905 г. не вылилась в разрушение социального порядка, желаемое радикалами, не принесла она и полной реализации более скромных требований конституционалистов. И все же ее результаты были достаточно далекоидущими, чтобы позволить нам рассматривать ее как начало нового периода русской истории. В неменьшей степени, нежели реформы Александра II, она изменила всю жизнь нации и открыла путь новым и значимым явлениям.

В течение первого периода революции русское самодержавие столкнулось с грозной коалицией всех оппозиционных сил страны. На время либеральные конституционалисты и радикальные социалисты действовали совместно. В конце 1904 г., после убийства министра внутренних дел Плеве, правительство впервые ослабило свою политику подавления; земские конференции стали инструментом выражения

непосредственных требований оппозиции: созыва представительной ассамблеи и обеспечения российскому народу гражданских свобод, гарантированных конституцией. Программа земства была немедленно подхвачена различными профессиональными группами на серии политических банкетов, устроенных по всей России зимой 1904-1905 гг. Множество профессиональных объединений, организованных с очевидно политическими целями, в конце концов слились во впечатляющий союз союзов, возглавляемый Милюковым, признанным лидером конституционалистов. В то время как эта организация либеральных сил действовала открыто, социалисты интенсифицировали свою подпольную деятельность. Социалисты-революционеры были ответственны за многие драматические убийства реакционных чиновников и в то же время занялись подстрекательством к восстанию недовольных крестьян сельских районов. С другой стороны, социал-демократы сконцентрировали свое внимание на индустриальных городских рабочих, которых они постарались завоевать своей революционной программой. Их задача была в значительной мере облегчена событиями 9 января 1905 г., когда процессия санкт-петербургских рабочих, направлявшаяся к имперской резиденции для изложения своих жалоб царю, была обстреляна войсками и многие рабочие были убиты или ранены. Эффект "кровавого воскресенья" должен был усилить радикализм рабочих масс, и в течение весны и лета 1905 г. все индустриальные регионы России действительно стали свидетелями настоящей эпидемии забастовок, которые почти полностью остановили производство. Одновременно, под влиянием революционной пропаганды, поднялись страдающие "земельным голодом" крестьяне во многих провинциях европейской России, сжигая и грабя близлежащие имения и иногда убивая помещиков.

Другим важным фактором в этой ситуации было революционное движение среди национальных меньшинств пограничных районов. Остро ненавидя политику насильственной "русификации", применявшуюся к ним правительством в предшествующие десятилетия, поляки, евреи, жители балтийских провинций и Закавказья соединились с русскими революционерами во имя борьбы с общим врагом. Правда следует сказать, что это еще не было сепаратистским движением. В большинстве случаев требования национальных меньшинств не шли далее программы равноправия и местной автономии. Они желали не отделиться от империи, а увидеть ее реорганизацию на демократической и федералистской основе.

Встретившись с ужасающим союзом враждебных сил, правительство оказалось в очень затруднительной ситуации. Вовлеченное в катастрофически неудачную войну, материально дезорганизованное и морально изолированное, оно попыталось спасти ситуацию мелкими уступками. Оно было вынуждено, однако, признать поражение, столкнувшись в октябре 1905 г. с необычайно действенной всеобщей забастовкой, которая на несколько дней почти парализовала жизнь страны. В этой чрезвычайной ситуации Николай II обратился за советом к Витте. С характерным для него реализмом этот опытный государственный деятель предложил своему государю одну из альтернатив: либо установить военную диктатуру, либо, если это неприемлемо, дать народу конституцию. Учитывая, что основная часть армии все еще находилась на Дальнем Востоке и что дух непосредственно имеющихся в распоряжении войск был довольно неопределенным (произошли изолированные революционные вспышки как в армии, так и на флоте), император с неохотой принял последнее предложение.

Манифест 17 октября 1905 г. даровал русскому народу гражданские свободы и представительное законодательное собрание, основанное на демократическом выборе. Не может быть сомнения относительно значения этого заявления. Хотя само слово и не использовалось, оно содержало определенное и торжественное обещание конституции. Публикация манифеста была встречена почти со всеобщим ликованием по всей России и оценивалась оппозицией как действительная победа. Однако последующие события показали, что беды России не закончились и что правительственные уступки, хотя и были важны, не смогли сразу же приостановить революционное движение. Социалисты все еще склонялись к реализации своей радикальной программы, настаивающей на полном упразднении монархии, установлении в России демократической республики, национализации земли и иных далекоидущих социальных реформ. Под руководством совета рабочих депутатов, организованного в С.-Петербурге, забастовки продолжались, и в конце декабря 1905 г. разразилось неудавшееся вооруженное восстание в Москве. Непосредственным результатом этой политики было внесение раскола в ряды оппозиции. Либералы, теперь организованные в конституционно-демократическую партию, не желали следовать за своими неуправляемыми социалистическими союзниками; две группы вскоре расстались. Разделение произошло и в рядах самих либералов, и их умеренное крыло

сформировало отдельную партию, принявшую имя октябристской. В то время как кадеты решили бороться за расширение вновь приобретенной политической свободы, октябристы были полностью удовлетворены октябрьским манифестом и не желали идти дальше.

В целом, постепенно наступила общепринятая реакция против издержек революции, которая в результате очень помогла правительству. Многие помещики, которые еще вчера аплодисментами встречали резолюции земских конференций, теперь, после того, как их имения были сожжены крестьянами, были готовы расстаться со своим либерализмом и обратиться за защитой к властям. Не следовало ожидать и от владельца фабрики, чей доход печально сократился в результате нескончаемых трудовых неурядиц, сохранения значительной дозы первоначального энтузиазма относительно политической свободы. Население естественным образом устало от продолжительного волнения и испытывало желание вернуться к мирному и спокойному существованию. Присутствовала также и национальная реакция, порожденная той ведущей ролью, которую сыграли в революции национальные меньшинства. Одним из ее проявлений было антисемитское движение, которое приняло особо широкий размах в западных провинциях европейской России, где жило много евреев. Еврейские погромы произошли во многих районах; в некоторых случаях полиции не только не удавалось подавить волнения, но она фактически поддерживала и даже инициировала их.

Во всех этих явлениях правительство обнаружило немалое успокоение. Его изоляция закончилась, поскольку в дополнение к оппозиционным группам теперь существовали консервативные партии, которые были готовы его поддерживать, подобно октябристам и националистам, или открыто реакционные правые партии, выступавшие за реставрацию старого порядка. При активном участии местных властей во многих городах были сформированы *союзы русского народа* (или истинно русских людей), которые обеспечили иллюзию широкой народной поддержки самодержавия. Наиболее же важным был факт сохранения лояльности по отношению к монархии рядовым составом армии. С помощью войск правительство начало энергичное подавление беспорядков. Военное положение было провозглашено во многих провинциях империи, специальные "карательные экспедиции" были посланы в особо взбудораженные районы, было проведено множество арестов и казней. К 1907 г. порядок был уста-

новлен по всей территории страны, а революционные организации оказались обреченными на бездействие.

На протяжении всего этого кризиса либералы оставались в крайне затруднительным положении. Хотя они и могли обрести гораздо более широкий социальный базис, нежели имевшийся у них когда-либо до того, они все еще не были достаточно сильны, чтобы контролировать ситуацию. Для достижения собственной цели им следовало объединиться с иными силами; и все же они нашли почти невозможным постоянно находиться в союзе с революционерами или правительством. Предпочитая путь мирной эволюции к демократическому и парламентскому режиму, кадеты не симпатизировали радикальным требованиям социалистов, равно как и их революционной тактике. В то же время они не доверяли правительству и подозревали его в неискренности конституционных заверений. Степень оправданности их подозрений может обсуждаться. Верно, что после своей победы над революцией правительство противостояло искушению вернуться назад к старому порядку вещей и не отменяло дарованной конституции. Но верно и то, что оно не упускало возможности сделать эту конституцию как можно более безобидной и что многие его члены, начиная с самого императора, сожалели о сделанных под давлением уступках.

Именно в этой атмосфере взаимного недоверия и враждебности государственная Дума, так именовалась русская представительная ассамблея, должна была начать свою деятельность. Избранные на базе подлинно демократического выбора, первые две Думы (1906 и 1907 гг.) прошли период короткого и бурного существования. Обе всецело контролировались оппозицией и не желали сотрудничать с правительством, которое, в свою очередь, нашло их требования слишком радикальными и совершенно неприемлемыми. Неизбежным результатом в каждом случае был роспуск Думы после очень краткого периода функционирования. В июне 1907 г. правительство наконец решилось на радикальный пересмотр избирательного цензa императорским декретом. Это фактически привело к *государственному перевороту,* поскольку основные законы, опубликованные в 1906 г., предусматривали согласие Думы на любое изменение избирательного закона. Случившееся послужило реализации поставленной цели, и третья Дума, избранная в 1907 г., имела безопасное проправительственное большинство. Если бурная карьера пер-

вых двух Дум может рассматриваться как эпилог революции 1905 г, то с третьей Думой начинается история русского конституционного эксперимента.

Дума и правительство

Политический порядок, установленный в России после революции 1905 г., часто описывался как "фальшивый конституционализм", а Дума воспринималась лишь как "дымовая завеса самодержавия" или "удобное орудие в руках правительства". За преобладание этой идеи ответственны представители русской оппозиции. В пылу борьбы за реальное парламентское правление для них было естественным подчеркивать или даже преувеличивать многие ограничения, от которых должна была страдать работа Думы. Для историка, однако, этот период выглядит в несколько ином свете. Даже если в России не было парламента, в ней, конечно же, присутствовал конституционный режим. И хотя царь сохранял свой исторический титул самодержца, это была скорее всего лишь словесная уступка многовековой традиции и очевидный анахронизм. В действительности, его власть более не была абсолютной, поскольку она была ограничена основными законами, которые требовали обязательного согласия Думы в законодательной сфере. Строго говоря, русское самодержавие прекратило свое существование с публикацией манифеста 17 октября 1905 г.

Разумеется, следует отметить, что Дума, как она в конце концов сложилась, не была реальным парламентом в современном смысле этого слова. Прежде всего, она не представляла весь народ, базируясь на ограниченном и неравном избирательном цензе, который был в пользу крупных землевладельцев и городской буржуазии в ущерб низшим классам. Национальные меньшинства также подвергались дискриминации по сравнению с чисто русским элементом населения. Также важны были ограничения, наложенные на власть Думы. Согласно основным законам, которые могли изменяться лишь по инициативе короны, император имел исключительное право направлять внешнюю политику и полный контроль над исполнительной властью. Министры были ответственны лишь перед ним, и все назначения как в армии, так и на гражданской службе делались от его имени и не требовали дальнейшего подтверждения. Определенная часть бюджета объявлялась "бронированной", т.е. изъятой из-под контроля Думы. Параграф 87 основных законов оставлял за правительством

право издавать чрезвычайные законы в промежутке между сессиями Думы в виде имперских указов. Это оказалось удобным изобретением для проведения тех мер, которые встретят сильную оппозицию. Хотя подобные законы должны были впоследствии передаваться для ратификации Думе, последняя, сталкиваясь в каждом случае со свершившимся фактом, обычно обнаруживала значительное препятствие на пути свободного решения. Наконец, для создания большего контроля над деятельностью Думы старый бюрократический Государственный совет был преобразован в верхнюю палату, и его согласие стало необходимым для преобразования проектов в законы. Поскольку лишь половина его членов избиралась, и исключительно от общественных организаций, представлявших высшие группы русского общества, в то время как вторая назначалась царем, на Государственный Совет можно было надеяться как на орган эффективного сопротивления, если Думе вздумается продемонстрировать нежелательное стремление к реформам.

И все же нельзя сбрасывать со счетов Думу как малозначительный фактор в русской политической жизни после 1907 г. Весьма важным был сам факт того, что принцип самоуправления был теперь распространен на поле деятельности национальной администрации, из которого ранее он был столь последовательно исключен. Более того, несмотря на вышеупомянутые ограничения, Дума все еще была способна оказывать реальное влияние на ведение государственных дел. Хотя, как мы видели, она адекватно не представляла русский народ, Дума, тем не менее, могла формулировать требования независимых общественных элементов, а с ее трибуны правительственная политика могла подвергаться критике, не подлежащей цензуре и получающей широчайшее распространение. Не была Дума и всецело бессильной в ее отношениях с исполнительной властью. Она все еще сохраняла право рассматривать и голосовать по поводу большей части бюджета и, соответственно, каждый министр, желавший прохождения своих расчетов через Думу, был в определенной степени должен искать ее благорасположенности. Другим оружием в руках законодательной палаты было ее право запроса, т.е. требования объяснений от глав департаментов исполнительной власти. И хотя, даже при безусловной цензуре, в подобной ситуации с министром, пользующимся доверием государя, ничего не случалось, русские бюрократы не оставались всецело безучастными к отношению общественных

представителей. На практике, под влиянием Думы, многие департаменты центрального правительства стали заметно обновленными и либерализированными.

Наконец, в течение немногих лет ее мирного существования Дума смогла провести различные законодательные меры, составляющие в их целостности довольно надежное позитивное достижение. Был введен в действие план всеобщего образования, и также приняты ассигнования на соответствующее ежегодное увеличение числа начальных школ по всей империи. Были приняты меры по наделению крестьян полными гражданскими правами, ставящими их в равное положение с иными классами; была упразднена должность "земельных капитанов", а юрисдикция мирских судей расширена и на сельские районы. Земские институты были введены в девяти провинциях дополнительно, было принято важное трудовое законодательство и достигнуто значительное улучшение в сфере национальной обороны. В целом, Думе удалось "сделать себя незаменимым фактором национальной жизни России и сохранить, несмотря на все препятствия на ее пути, живую суть, неотрывную от самого принципа народного представительства" (Милюков).

Отношения же между Думой и правительством оставались не удовлетворительными даже после радикального изменения избирательного закона, который обеспечил преобладание умеренных элементов в законодательной палате. Автор этого законопроекта Петр Столыпин (премьер-министр в 1906-1911 гг.), едва ли может быть назван последовательным конституционалистом в жестком понимании этого слова, поскольку он редко колебался в применении неконституционных методов, когда считал их необходимыми. Следует отметить, что он честно ценил сотрудничество с Думой в законодательной сфере и не хотел возвращения назад, к старому самодержавному правлению Россией. Являясь человеком прямого характера и больших способностей, он именовался своими поклонниками "русским Бисмарком" и обвинялся оппозицией как крайний реакционер. Сегодня можно оценить его здраво и без преувеличений. Кажется очевидным, что он был всецело за развитие России; назвать его реакционером было бы со всей очевидностью несправедливым. Его аграрная политика[11] демонстрирует обладание им даром предвидения и целеустремленностью. Но при всех этих выдающихся качествах ему не хватало широты взгляда и тонкости, а потому он и не стал подлинно

великим государственным деятелем. В своих методах он часто был слишком диктаторски ориентирован, и ему было неведомо, как обращаться с людьми и партиями. Его кончина была трагична и в определенном смысле символична. В 1911 г. он был убит агентом тайной полиции, который в то же время был членом революционной организации. Лишь за несколько месяцев до этого сам Столыпин защищал в Думе использование агентов-провокаторов, видя в них необходимое оружие в войне правительства против революционеров.

После смерти Столыпина правительственная политика по отношению к Думе стала более непоследовательной и подверженной колебаниям. К концу имперского режима в России не существовало единого кабинета, каждый министр был прямо ответственен перед императором, а премьер-министру принадлежала лишь роль почетного председателя. Результатом было то, что хотя некоторые члены правительства были более или менее либерально ориентированы и желали сотрудничества с Думой, другие были открытыми реакционерами и без колебания демонстрировали свою враждебность по отношению к народному представительству. Поскольку император не желал играть роль конституционного монарха, реакционеры могли временами побеждать в правительственных советах и ставить разнообразные преграды на пути законодательного собрания. В результате этой политики умеренное крыло Думы постепенно начало сдвигаться влево до тех пор, пока не был подготовлен путь для политического взаимопонимания между кадетами, с одной стороны, и октябристами и даже некоторыми националистами — с другой. Альянсы думских партий накануне мировой войны предвещали новый конфликт между конституционной оппозицией и силами реакции, засевшими в правительстве. И среди этих двух сторон у оппозиции были гораздо большие шансы на успех, поскольку она шла в общем потоке русской социальной и интеллектуальной эволюции.

Экономическое развитие в начале XX века

Несмотря на русско-японскую войну и тяжелые внутренние проблемы, начало XX века для России было периодом замечательного экономического прогресса. После краткого перерыва, порожденного революцией 1905 г.., когда была невозможна обычная производственная деятельность, русский капитализм возобновил свое развитие с обновленной силой и увеличивающейся скоростью. Был достигнут

необычайный рост производства текстиля, металлургии и горнодобывающей отрасли. Продолжалось быстрое железнодорожное строительство, и в 1912 г. Россия по протяженности железных дорог была второй после США. Быстро росли города, и в 1914 г. городское население составляло 18 % от общего количества населения империи, что было значительным увеличением, если сравнить этот уровень с 13% в 1897 г. и лишь 8% в 1851 г. Хотя сельское хозяйство все еще оставалось основой национальной экономики, Россия была на пути становления как индустриальная держава.

Характерной чертой русской экономической жизни в этот период был рост индустриальной кооперации, имеющей тенденцию контроля как производства, так и торговли продуктами некоторых главных отраслей промышленности. Эта концентрация капитала помогла использованию наилучших технических методов и произвела решительное изменение к лучшему условий, преобладавших на ранних стадиях индустриального развития. Хотя роль, которую играло правительство в финансах и индустрии, продолжала оставаться очень важной, частная инициатива утверждала себя с большей силой, нежели ранее; существовала заметная тенденция со стороны русских промышленников опираться в меньшей степени на правительственные субсидии и поддержку, и в большей — на собственные ресурсы. Одновременно происходили значительные изменения в отношении между зарубежным и отечественным капиталом, инвестированным в русскую промышленность. Если в начале XX в. преобладание в этой сфере все еще принадлежало зарубежному капиталу, то к 1910 г. условия стали радикально иными, и национальный капитал находился на подъеме. Не может быть более сомнения, что капитализм глубоко пустил корни в экономическую жизнь страны и доказал свою жизнеспособность.

Не менее важным было развитие в области сельского хозяйства. Здесь также присутствовало постепенное увеличение продукции, хотя не столь разительное, как в некоторых отраслях промышленности. Значимым явлением был успех капиталистического сельского хозяйства, которое смогло организовать крупномасштабное производство и получить, используя технические улучшения, более лучшую отдачу от своего типа фермерства, нежели средний крестьянин. Последнему до сих пор мешала система открытого поля, отсталые методы обработки земли и недостаток капитала. Крупное фермерство, сконцентрированное на производстве более ценного урожая, было

ответственно за значительную часть российского сельскохозяйственного экспорта.

Однако до тех пор, пока большинство крестьянства оставалось в малой степени затронутым общим экономическим прогрессом, аграрная проблема не могла рассматриваться как разрешенная, и вся национальная экономика характеризовалась отсутствием постоянного и стабильного основания. Особая важность проблемы была в равной степени оценена правительством и оппозицией, но методы, с которыми они хотели подойти к ее решению, были весьма различны. Наиболее радикальные предложения исходили от социалистов-революционеров, которые настаивали на национализации земли как панацее от бед русской экономики. Более сдержанная программа была сформулирована конституционными демократами: она предполагала разделение среди крестьян всей земли, принадлежавшей государству, царю и монастырям, а также обязательное отчуждение некоторой части земли частных владельцев в пользу крестьян; за потерю своей собственности помещики должны были получить от правительства компенсацию по "соответствующей цене".

На это и похожие предложения правительство отвечало категорическими возражениями. Их выразители настаивали, и не без основания, что если вся доступная для сельского хозяйства земля будет разделена между крестьянами, то реальное увеличение их владений будет относительно незначительным и, таким образом, не принесет значительного улучшения. Правительство отказалось также нарушать принцип частной собственности. Оно выразило большую озабоченность относительно судьбы широкомасштабного фермерства в России, важного по сути для общего экономического развития страны. Под руководством Столыпина оно выдвинуло собственную аграрную программу, направленную на улучшение условий жизни крестьянства, не атакуя частную собственность или не компрометируя успех капиталистического сельского хозяйства. Правительственная программа не исключала и расширения крестьянского землевладения. В 1905 г. Крестьянский государственный земельный банк, чьи операции до этого времени велись на довольно ограниченной основе, получил увеличенные полномочия, которые позволили ему стать эффективным инструментом активной аграрной политики. Значительное количество государственной и царской земли было продано крестьянам через этот банк. Многочисленные имения частных вла-

дельцев, многие из которых были очень напуганы аграрными восстаниями 1905 г., также перешли в руки крестьян с финансовой помощью банка. Земля, которую банк помог купить крестьянам в течение периода 1883-1912 гг., достигала протяженности 43 миллионов акров, что было рекордом, едва ли имеющим параллели в истории какой-либо другой страны.

Другим важным моментом в государственной программе была организация помощи крестьянской миграции из густозаселенных сельских районов европейской России в слабозаселенные азиатские провинции империи. И здесь вновь лишь в 1905 г. политика помощи получила реально широкое распространение, соизмеримое с важностью задачи. Специальные научные экспедиции периодически посылались департаментом колонизации сельскохозяйственного министерства в различные части азиатской России для рассмотрения подходящих территорий, и каждый год агенты департамента готовили для заселения большие участки земли (в основном в Сибири). Поселенцы получали землю в постоянное пользование за выплату незначительной ренты, и множество иных привилегий, таких, как сниженные железнодорожные тарифы, ссуды на дорожные расходы и временное снятие налогов. Более того, как в районах европейской России, так и в регионах нового поселения правительство развило достаточно эффективную систему экспертной сельскохозяйственной помощи вместе с земствами, которые также уделяли большое внимание этой проблеме. К 1914 г. в России было около десяти тысяч сельскохозяйственных экспертов, вовлеченных в помощь крестьянству по улучшению методов земледелия.

Однако подлинным сердцем столыпинской аграрной программы было законодательство, относящееся к сельской общине (1906-1911 гг.). Являясь прямой противоположностью предшествующей правительственной политике, оно было направлено на постепенное устранение общины и поощрение индивидуального землевладения среди русских крестьян. Согласно столыпинским законам, каждый член общины имел право требовать свой надел из общей земли деревни в полную собственность. Следующим шагом было фактическое огораживание полученной таким образом земли; это давало возможность владельцу иметь компактно расположенный участок, а не широко раскиданные полосы, как это было при системе открытых полей. Цели Столыпина при поддержке этого законодательства были по своей сути как экономическими, так и политическими: он возра-

жал против общины как препятствия на пути сельскохозяйственного развития и хотел создать в России многочисленный класс мелких землевладельцев, составляющих как консервативную силу, так и оплот антиреволюционных сил.

В пылу своей борьбы против правительства члены оппозиции с силой атаковали законы 1906-1911 гг., как простую политическую хитрость со стороны Столыпина и пример бюрократического вмешательства свыше в общественные обычаи. Они также настаивали, что его политика была благосклонна по отношению к богатым крестьянам в ущерб иным. Однако в исторической перспективе аграрное законодательство Столыпина выглядит чрезвычайно прогрессивной мерой. Оно полностью гармонировало с общим направлением капиталистического развития страны. Некоторое время социальная дифференциация продолжалась в деревнях, индивидуалистические тенденции выходили на первый план и община быстро теряла свою жизнестойкость. Именно благодаря этому общему фону столыпинское законодательство достигло довольно значительных результатов в течение его действия на коротком промежутке времени. К концу 1913 г. около 24% всех крестьянских хозяйств в европейской России получили возможность преобразовать свои общинные владения на базе индивидуальной собственности.

Накануне мировой войны аграрная проблема в России все еще была далека от своего разрешения, но уже на пути к нему. В руках у крестьян было более 75% всей пахотной земли в стране; личная инициатива была освобождена от мертвящего влияния общины; финансовое бремя крестьянства было в значительной мере облегчено отменой в 1906 г. баланса выкупных платежей; улучшения в сельском хозяйстве стали доступны мелким фермерам через деятельность земств и правительства; существовала возможность увеличения заработков в связи с общим прогрессом в национальной экономике. Еще одним позитивным фактором первостепенной значимости был громадный рост в России кооперативного движения. В 1914 г. в стране было более тридцати тысяч кооперативных сообществ различного рода с преобладанием сельских жителей. Это движение помогло крестьянам адаптироваться к новым экономическим условиям, научило их самостоятельности и групповой солидарности, а также дало им прямые материальные преимущества, существенным образом снижая роль посредничества. Хотя полные и достоверные статистичес-

кие данные недоступны и следует учитывать большое разнообразие местных условий, нет сомнения, что в целом русская деревня становилась более состоятельной, а уровень жизни крестьян постепенно повышался.

Условия труда в городских центрах также демонстрируют значительное улучшение по сравнению с состоянием, которое превалировало в течение предшествующего периода. В 1912 г. Дума приняла законодательство, которое устанавливало для рабочих страхование здоровья и по поводу несчастных случаев. Зарплаты постепенно повышались, в особенности в С.-Петербурге и Москве, в то время как на многих фабриках, где они оставались довольно низкими, проводилась политика замены денежных выплат бесплатным жильем, медицинским обслуживанием и образовательными возможностями. В 1906 г., наконец, стала законно разрешена организация рабочих профсоюзов, и хотя правительство сразу же начало ограничивать их развитие, некоторым из них удалось выжить и оказывать определенное воздействие на предпринимателей-хозяев. Среди последних вырастал тип "просвещенного промышленника", который был значительно более озабочен благосостоянием рабочих, чем когда-то ранние пионеры русского капитализма. Ни в городах, ни в деревнях улучшение условий существования рабочих масс не было достаточно радикальным, чтобы сразу же рассеять общественную неудовлетворенность, накопившуюся за столетия, но оно было знаком того, что социальные проблемы страны могут в конечном итоге обрести мирное решение.

Культурный прогресс при конституционном режиме

Не только тело, но и душа России становились сильнее и здоровее в течение десятилетия, которое предшествовало мировой войне. Прогресс в области образования был не менее разителен, нежели в экономике. Наиболее актуальной проблемой было уменьшение в наиболее короткое время ошеломляюще высокого процента неграмотности, превалирующего в стране. Дума, правительство и земства взялись за эту задачу с энергией и целеустремленностью, не имевшими прецедента в русской истории. И лишь в этот период начальное образование в России было в конечном итоге поставлено на твердую основу. В 1908 г., когда план всеобщего образования был впервые рассмотрен как практическое предложение, в стране существовало

менее ста тысяч начальных школ. К концу 1913 г. эта цифра возросла до ста пятидесяти тысяч и были выработаны определенные планы по устроению в следующем десятилетии большого количества новых школ, достаточного для заботы о каждом ребенке в империи. Реализация этого плана была более или менее обеспечена соответствующими высокими ассигнованиями: в 1914 г. затраты на народное образование были увеличены на 628% по сравнению с бюджетом 1894 г.

В средних школах и университетах (их теперь было одиннадцать по сравнению с шестью в первой половине XIX столетия) быстро росло число студентов; в то же время эти образовательные институты становились все более и более доступными для низших классов. Существовал и значительный прогресс в сфере свободы обучения. Даже в средних школах политическое давление со стороны правительства стало едва заметным. Университеты, которые со времени публикации нового статута 1905 г. управлялись самим своим персоналом на базе академической автономии, пользовались практически полной свободой преподавания. Существовали все же иногда острые конфликты между университетами и правительством, но эти конфликты возникали почти всегда из-за политической активности студентов и не имели ничего общего с характером преподавания.

Говоря в целом, конституционный режим принес с собой весьма значительное ослабление правительственной цензуры. Конечно, в течение периода реакции, который последовал за революцией 1905 г., цензура все еще оставалась очень активной, но по сравнению с предшествующим периодом ее усилия не были ни столь далекоидущими, ни столь эффективными. Революционные события стимулировали дискуссию по политическим и социальным вопросам, и это продолжалось даже после подавления революции. Ежедневная пресса занимала теперь гораздо более важное место в национальной жизни, нежели ранее, и оппозиционные газеты могли, несмотря на все препятствия на их пути, представить свои взгляды и влиять на общественное мнение. Столь же важным феноменом было движение к религиозной терпимости. Закон, опубликованный в 1905 г., сделал религиозную принадлежность делом свободного выбора каждого российского гражданина и дал "староверам" и сектантам законный статус, хотя и сохранил еще привилегированное положение греко-православной церкви. В ней самой были слышны голоса за освобождение церкви от государствен-

ного контроля; среди мирян и духовенства началось значимое движение за созыв церковного собора и восстановление патриархата.

Одним из позитивных результатов конституционной реформы было освобождение интеллектуальной жизни образованных русских от исключительного влияния политики. С учреждением Думы, формированием легально признанных партий и ослаблением цензуры был создан более широкий выход для политической энергии и интересов. Это позволило разнообразным сферам интеллектуальной деятельности получить независимость. Чистая наука, искусство для искусства и абстрактная философская мысль были восстановлены в своем достоинстве и перестали рассматриваться как простое реакционное изобретение, ориентированное на увод общественного мнения от анализа общественных проблем. В определенной мере узкий и нетерпимый к иному взгляду символ веры радикальной *интеллигенции* начал терять свое единство и жизнестойкость. Интеллектуальная жизнь стала более многообразной; как в литературе, так и в искусстве стали выявляться новые и весьма интересные тенденции. С появлением в России школы символистов начался поэтический ренессанс, который имел также значительное влияние на русский роман и драму. Литературная критика была отделена от политической и социальной пропаганды; был предпринят полный пересмотр литературных ценностей с чисто художнической точки зрения. В русской живописи наблюдалось подобное же движение, которое более занимал поиск красоты и менее привлекало служение посторонней цели.

Среди тех, кто все еще оставался верен идеалу гражданского долга, также были заметны некоторые изменения. Дело выглядело так, будто бы профессиональный революционер с его особой психологией, сформированной подпольной деятельностью, быстро становился принадлежностью прошлого. На месте самоназначенного спасителя человечества, а именно к этому типу принадлежало столь много прежних интеллектуалов, теперь появлялся специалист, готовый применять свое специфическое знание там, где это было необходимым. Само отношение между интеллигенцией и народными массами постепенно принимало нормальный характер. Со стороны интеллигенции теперь в меньшей мере присутствовала мрачная страсть расквитаться за грехи своих отцов самоотверженным служением "народу", и в то же время сами массы начинали терять свое глубокое недоверие к образованному человеку как части привилегированного меньшин-

ства. Формирование нового слоя интеллигенции, в действительности выходившего из низших классов, обещало сыграть наиважнейшую роль в этом отношении. Это движение было еще на своей ранней стадии; все еще оставалась опасно широкая пропасть, разделявшая образованный класс России и большинство нации.

Мировая война и падение имперского правительства

Война пришла для России в наиболее неподходящее время, когда она нуждалась в каждой капле своей энергии для работы по внутренней реорганизации. Она прервала тот политический, экономический и культурный прогресс, который был охарактеризован в предыдущем разделе; она возложила на империю ошеломляющее бремя до того, как последняя получила возможность твердо обосноваться на новом и прочном фундаменте.

Многое было написано о военной неподготовленности России во время ее вступления в войну. Однако следует быть аккуратными и не преувеличивать важности этого фактора. Со времени японской войны в организации и экипировке русской армии произошло значительное улучшение, и в 1914 г., несмотря на все недостатки эта армия была грозной силой. Неподготовленность России к войне была в большей степени экономической, нежели военной. В конце концов, с чисто военной точки зрения, ни одна из участвующих в войне стран, даже Германия, не была в должной мере подготовлена к конфликту такого размаха и продолжительности. Но в то самое время как Германия, Англия и Франция в силу своих более развитых экономических систем были способны приспособиться к требованиям войны в относительно короткий промежуток времени, у России свершение этого подвига заняло более длительное время, а принесенные ею жертвы были соответственно более велики, нежели у любой другой страны. И лишь в начале 1917 г. русская армия стала достаточно снабжаться амуницией, необходимой для осуществления широкомасштабных наступательных операций. Но к этому времени лучшие человеческие ресурсы были израсходованы в предшествующих усилиях, потери России достигли ужасающих масштабов, мораль нации была подорвана многими годами интенсивных страданий, и страна оказалась накануне революции. К трудностям на фронте добавилась дезорганизация в тылу. Блокада, повторяющиеся мобилизации полноценного мужского населения страны (более 15 миллионов мужчин было

мобилизовано в России на протяжении войны), а также надлом железнодорожной системы под сильным бременем транспортировки войск и поставок соединились и произвели острый экономический кризис. Фабрики не обеспечивались в достаточной степени горючим, а в городских центрах империи был недостаток продовольствия.

Но наиболее угрожающим был политический кризис, который сделал фактически невозможным какое-либо концентрированное национальное усилие. В начале Войны русское правительство на время имело за собой единую нацию. Война, без сомнения, была популярна у образованных классов и в целом у городского населения. Она вырисовывалась как национальное сопротивление против неспровоцированной агрессии. Присутствовала достаточная симпатия к борьбе балканских славян, родственных России расово и религиозно с тем, чтобы поддержать идею, что Сербия не должна быть покинута на произвол судьбы. Либералы приветствовали в значительной мере союз с Францией и Англией, видя в "прусской" Германии оплот милитаризма и реакции. Сразу же после объявления войны представители оппозиции в Думе торжественно пообещали правительству свою полную поддержку и выразили свою готовность отложить все домашние ссоры. Народные массы в сельских районах, хотя и не выражали своего энтузиазма, приняли войну как неизбежную и были готовы исполнить свой долг.

Правительство не смогло найти адекватный ответ на общее предложение примирения и сотрудничества, последовавшее со стороны различных элементов русского народа. В один из наиболее решающих моментов русской истории оно вело себя, как будто ничего не произошло. Не было предпринято никаких изменений ни в персонале правительства, ни в административной практике. Реакционные министры были все еще враждебны по отношению к Думе и всем независимым общественным организациям. При таких условиях медовый месяц патриотического сотрудничества не мог продолжаться слишком долго. Летом 1915 г. под влиянием надвигающегося военного поражения политическая неудовлетворенность, которая накапливалась в течение первого года войны, вновь стала громковыраженной. На некоторое время правительство вынуждено было делать уступки. Некоторые из наиболее непопулярных министров были заменены более подходящими для Думы людьми. Одновременно законодательные собрания и общественные организации, подобные

земствам, муниципалитетам и вновь сформированным военным промышленным комитетам, были допущены к прямому участию в работе по снабжению армии боеприпасами. Последующие события показали, однако, что это не было радикальным изменением политики государства. Решение императора принять на себя главное командование армией и его отправка на фронт означали начало обращения императрицы к национальным делам. Являясь твердой последовательницей самодержавия, императрица Александра находилась во власти почти безграничной ненависти к Думе и оппозиции, а мрачный мистицизм сделал ее легкой добычей пользовавшегося дурной славой Распутина, чье влияние на нее стало в этот период наивысшим. Под сильным давлением со стороны императрицы и ее советника, Николай II слепо последовал по пути собственного самоуничтожения. Дума последовательно и пренебрежительно третировалась и игнорировалась; другие общественные организации вызывали глубокое подозрение. Один за одним наиболее либеральные министры были вытеснены из правительства, заменяясь реакционерами, многие из которых были в целом известны как креатуры Распутина. Среди персонала кабинета министров происходили необычайно частые изменения, базировавшиеся на причудах власть предержащих; правительственная политика вскоре потеряла даже видимость единства и силы.

Дума пыталась спасти ситуацию повторяющимися обращениями к государю в защиту более рациональной политики во имя национальной защиты. Была сформирована коалиция всех партий, исключая крайних реакционеров и радикальных социалистов, под именем Прогрессивного блока, которая разработала умеренную и ориентированную на интересы государства программу: она требовала объединенного кабинета, состоящего из людей, пользующихся доверием в стране, и более либеральной политики, которая бы устранила конфликт между правительством и общественным мнением. В случае непринятия этой программы Дума не видела никакой возможности для России выиграть войну. Другие предупреждения пришли от земства и муниципальных организаций, от Государственного совета и Союза дворянства и, наконец, от некоторых членов императорской семьи. Император оставался совершенно глух ко всем этим предупреждениям.

Осенью 1916 г. ситуация стала совершенно невыносимой. Правительство было совершенно изолировано и лишено доверия. Мрачные слухи начали циркулировать по всей России. Полагали, как мы знаем без достаточного основания, что императрица, Распутин и их выдвиженцы готовились передать страну в руки немцев. Эти слухи достигли армии и подрывали мораль солдат. Мрачные настроения и депрессия царили повсюду. Возникло ощущение, что страна попала в тупик, из которого практически не было выхода. В декабре 1916 г. маленькая группа аристократических заговорщиков убила Распутина, но этот акт не улучшил общей ситуации. Готовились планы дворцового переворота, но прежде чем они смогли материализоваться, в С.-Петербурге разразилась народная революция, туманно предчувствованная каждым и никем не подготовленная. Она началась в конце февраля 1917 г. с изолированных голодных бунтов в различных частях города, за тем последовало общее восстание резервных батальонов, расквартированных в столице. Оно, вероятно, осталось бы неорганизованной локальной вспышкой, если бы не получило одобрения Думы. Перед лицом полного хаоса в столице Дума неохотно решила взять бразды правления из рук царских министров, которые отдали их без какой-либо борьбы. Изменение было сразу же принято армией и всем населением империи. До созыва Конституционного собрания было сформировано временное правительство на базе соглашения между Думой и Советом рабочих и крестьянских депутатов, в спешке организованного социалистическими партиями. Оставленный всеми, Николай II отрекся от престола за себя и наследника трона в пользу своего брата великого князя Михаила, который в свою очередь отказался принять власть до решения Конституционного собрания. Это означало конец русской монархии. Потребовалось всего несколько дней, чтобы свергнуть династию, которая просуществовала более трех столетий. По словам русского политического лидера, монархия фактически покончила жизнь самоубийством.

Заключение

Имперская Россия ныне канула в лету. Историк должен попытаться рассмотреть ее в целостности развития и подойти к ней с необходимой беспристрастностью. Ее летопись принадлежит не только сфере нелимитированного зла; на ее счету много и позитивных достижений. Более того, ко времени своего падения она могла бы

надеяться на возрождение. В течение этого периода, составляющего предмет настоящего исследования, российский имперский режим не оставался неизменным, а напротив, претерпевал постоянные изменения. Реформы обычно запаздывали, и за ними стандартно следовали периоды реакции, но в целом присутствовало поступательное движение, а не регресс. Накануне мировой войны Россия значительно отличалась от того, чем она была в начале XIX столетия. Несмотря на мрачный груз прошлого и острые противоречия настоящего, она была постоянно и быстро прогрессирующей страной. В свете этого прогресса было бы едва ли корректным утверждать, что революция была абсолютно неизбежна. Россия все еще должна была решать много сложных и тяжелых проблем, но возможность их мирного урегулирования никоим образом не была исключена. В той мере, в какой страна становилась экономически более процветающей и культурно более передовой, эта возможность постоянно набирала силу, и опасность насильственного переворота отдалялась.

Этой надежде на мирную эволюцию война нанесла сокрушительный удар. Она застала Россию в разгаре процесса радикальной внутренней реорганизации. Конституционному эксперименту было менее десятилетия от роду; аграрное законодательство Столыпина действовало лишь несколько лет; план всеобщего образования лишь начинал реализовываться; промышленное развитие при всей его быстроте не миновало еще своей ранней стадии. При таких условиях война должна была произвести тяжелые потрясения во внутренней жизни страны. Нужно было героическое и совместное усилие всей нации, чтобы имперская структура выдержала бурю. Для такого необходимого усилия политический кризис 1915-1917 гг. был непреодолимым препятствием. Война сделала революцию весьма возможной, а человеческая глупость сделала ее неизбежной.

ПРИМЕЧАНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 5

[1] В XVII и XVIII вв. термин "Малая Россия" ("Малая Русь") употреблялся одновременно украинцами и московитами и не имел в то время никакого уничижительного оттенка, который был придан ему украинскими националистами в конце XIX в.

[2] Гетманы, начиная с Богдана Хмельницкого, вынуждены были издавать особые приказы для того, чтобы защитить земельные привилегии украинской шляхты и монастырей. См.: Мякотин, 1, 53-66 и 70-73; ИУС, 1, 289-290; ИУС-56, 1, 299-300.

[3] Мякотин, 1, 33-39; Грушевский, 9, часть II, 826-828; Голобуцкий, сс. 299-301.

[4] Мякотин, 1, 39-47; Голобуцкий, сс. 303-304.

[5] См.: Russia at Dawn, pp. 252-260.

[6] Окиншевич, с. 7.

[7] См.: Russia at Dawn, pp. 257-260.

[8] Акты ЮЗР, 4, 108; Окиншевич, с. 9.

[9] Окиншевич, сс. 11-13.

[10] Окиншевич, с. 17.

[11] См.: Мякотин, 1, 98-106.

[12] О царе Алексее, его характере и личности см.: Соловьев, 12, 608-618; Ключевский, Сочинения, 3 (1957), 320-329; Платонов, Лекции по русской истории, сс. 384-391.

[13] Котошихин, гл. 1, разд. 5.

[14] Павел Алеппский, Путешествие, 2, 158. М. Чернявский в своей книге "Царь и народ" (сс. 61-63) высказывает мнение. Что термин "тишайший" является переводом греческого galenotetos ("самый тихий"), который использовался византийским писателем VI в. Агалитом, и не должен применяться в качестве характеристики Алексея как личности. Но Котошихин со всей очевидностью давал с помощью этого слова личную характеристику Алексею и его отцу.

[15] Заозерский, Царская вотчина, сс. 145-146.

[16] О Богдане Хмельницком, его характере и личности см.: Костомаров, Хмельницкий; Грушевский, тт. 8, часть 2 и 9; Korduba, "Chmielnicki Bohdan", PSB, III (1937), pp. 329-334; Vernadsky, Bohdan.

[17] Оглоблин, Думы про Хмелыччыну, сс. 83-84.

[18] О военных операциях в Белоруссии в 1654-1656 гг. см.: Соловьев, 10, 621-672; Мальцев, сс. 267-270, 287-292, 301-305; Очерки, 4, 483-496; ИБС, 1, 156-159.

[19] Соловьев, 10, 627; Очерки, 4, 486.

[20] Очерки, 4, 487; Мальцев, с. 270.

[21] Мальцев, с. 270.

[22] О военных операциях на Украине в 1654-1656 гг. см.: Соловьев, 10, 638-639; 643-644; Костомаров, Хмельницкий, 3, 186-230; Грушевский, 9, часть 2, 1013-1149; ИУС, 1, 282-284; Очерки, 4, 490, 495; Мальцев, сс. 272-287, 293-331.

[23] Костомаров, Хмельницкий, 3, 183-190; Грушевский, 9, часть 2, 1013-1020; Дорошенко, 2, 43-44.

[24] О битве при Охматове (Ахматове) см.: Грушевский, 9, часть 2, 1041-1048; Мальцев, 285-286.

[25] О битве при Озериой см.: Грушевский, 9, часть2, 1138-1149; Мальцев, сс. 299-300.

[26] О роли Фридриха Вильгельма в этих событиях см.: Forstreuter, pp. 159-160.

[27] О роли Богдана Хмельницкого в шведской коалиции см.: Грушевский, 9, часть2, 1277-1314.
[28] О программе русской внешней политики Ордина-Нащокина см.: Соловьев, 2, 47-48, 63; Галактионов и Чистякова, Ордин-Нащокин, сс. 129-131; Wejcik, p. 87.
[29] О московско-польском перемирии 1656 г. см.: Соловьев, 10, 660-665; Wejcik, pp. 25-26. Текст предварительного мирного договора см.: ПСЗ, 1, 405-411. Неофициальный польский вариант плана мирного договора см.: Акты ЮЗР, 8, 395. Ср.: Грушевский, 9, часть 2, си. 3, с. 1348.
[30] Соловьев, 10, 672; Костомаров, Хмельницкий, 3, 238; Грушевский, 9, часть 2, 1254-1255; Акты ЮЗР, 3, 556.
[31] Акты ЮЗР, 8, 392; Грушевский, 9, часть 2, 1234-1236.
[32] Костомаров, Хмельницкий, 3, 276; Грушевский, 9, часть 2, 1464.
[33] Костомаров, Хмельницкий, 3, 271.
[34] Костомаров, Хмельницкий, 3, 279; Грушевский, 9, часть 2, 1468-1470
[35] Акты ЮЗР, 4, 126; Грушевский, 9, часть 2, 1383.
[36] Отчет Бутурлина не сохранился полностью. Его начало (с некоторыми пропусками) опубликовано в Актах ЮЗР, 3, сн. 369, сс. 554-589; продолжение (из другого списка): Акты ЮЗР, 11, 81 и далее; пересказ выдержек из него: Костомаров, Хмельницкий, 3, 256-269; выдержки по-украински: Грушевский, 9, часть 2, 1411-1426.
[37] Акты ЮЗР, 3, 575.
[38] Костомаров, Хмельницкий, 3, 252-255.
[39] Биографический очерк о Юрии Хмельницком см.: Korduba, "Chmielnicki Jerzy", PSB, 3, 334-336.
[40] Об Иване Выговском и его политике см.: Соловьев, 2, гл. 1; Костомаров, "Гетманство Выговского"; Грушевский, 10, гл. 3; Лыпынский, Украйна на переломи; Дорошенко, 2, 55-68; Греков, "Из истории", сс. 315-319.
[41] Акты ЮЗР, 11, 797-799; Грушевский, 10, 36.
[42] Нет единой научной точки зрения по поводу намерений рады касательно юридической природы власти Выговского.
[43] Акты ЮЗР, 7, 204; Греков, "Из истории, с. 316.
[44] Акты ЮЗР, 15, 39-41; Грушевский 10, сн. 56, 126-127.
[45] Акты ЮЗР, 7, 187.
[46] Там же, 7, 192.
[47] Летопись Самовидца, 1878 г. изд., с. 51; Греков, "Из истории", с. 316.
[48] Соловьев, 11, 16-17; Костомаров, "Гетманство Выговского", 318-322; Грушевский, 10, 60-65.
[49] Грушевский, 10, 64.
[50] Медные рубли, которые принимались наравне с серебряными, были выпущены в Москве в 1656 г. К концу 1657 г. они начали быстро терять свою ценность.
[51] Акты ЮЗР, 15, 30; Соловьев, 11, 16; Грушевский, 10, 65.
[52] Грушевский, 10, 61-62.
[53] Грушевский, 10, 103-104.
[54] Акты ЮЗР, 7, 184, 193, 210; Греков, "Из истории", сс. 316-317.
[55] Грушевский, 10, 51-52.
[56] Соловьев, 11, 21; Грушевский, 10, 55-56.
[57] Грушевский, 10, 93.
[58] Грушевский, 10, 136.
[59] Грушевский, 10, 290.
[60] Грушевский, 10, 290-292; Kubala, Wojny Dunskie, pp. 538.
[61] Грушевский, 10, 292.
[62] Грушевский, 10, 300-301.

[63] Грушевский, 10, 144-146.
[64] Соловьев, 11, 25.
[65] Соловьев, 11, 36.
[66] Соловьев, 11, 29; Костомаров, "Гетманство Выговского", сс. 345-346; Грушевский, 10, 222-228.
[67] Грушевский, 10, 228-230.
[68] Грушевский, 10, 306-308.
[69] Соловьев, 11, 34-35; Костомаров, "Гетманство Выговского", 355-357.
[70] Акты ЮЗР, 4, 166; Грушевский, 10, 267.
[71] Акты ЮЗР, 7, 256; Грушевский, 10, 267-268.
[72] Текст Гадячского соглашения см.: Гарасимчук, ЗНТШ, 87-89; Грушевский, 10, 334-343; Резюме см.: Акты ЮЗР, 7, 252-253.
[73] См.: Russia at Dawn, pp. 246-247.
[74] Там же, pp. 247-249.
[75] Грушевский, 9, часть 2, 744.
[76] См.: Акты ЮЗР, 7, 252 (Статья 7 в резюме Гадячского соглашения).
[77] Грушевский, 10, 33.
[78] Акты ЮЗР, 15, 275. Ср.: Греков, "Из истории", с. 339.
[79] Акты ЮЗР, 15, 265-266; Греков, "Из истории", с. 339.
[80] Акты ЮЗР, 7, 267; Греков, "Из истории", с. 339.
[81] Костомаров, "Гетманство Выговского", с. 372; Греков, "Из истории", с. 346.
[82] Величко, с. 188; Костомаров, "Гетманство Выговского", с. 373; Греков, "Из истории", с. 347.
[83] Соловьев, 11, 50-51; Костомаров, "Гетманство Выговского", сс. 382-387.
[84] Соловьев, 11, 56; Костомаров, "Гетманство Юрия", сс. 97-98.
[85] О Переяславской раде 1659 г. см.: Соловьев, 11, 57-60; Костомаров, "Гетманство Юрия", сс. 102-104; Дорошенко, 2, 69-70; Яковлев, 111-115; ПСЗ, 1, 475-487.
[86] О Чудновской кампании 1660 г. см.: Соловьев, 11, 85-92; Костомаров, "Гетманство Юрия", сс. 117-134; Герасимчук, "Чуднивска Кампания"; "Relatio historica belli Szeremetevici", Theiner, Monuments relatifs, 5.
[87] Соловьев, 11, 90; Костомаров, "Гетманство Юрия", сс. 127-128.
[88] Соловьев, 11, 93-96; Костомаров, "Гетманство Юрия", сс. 134-139.
[89] Соловьев, 11, 76-78.
[90] Зерцалов, О мятежах, сс. 296-360; Котошихин, гл. 7, разд. 9, сс. 111-118; Гордон, Дневник, часть 2, сс. 23-24; Соловьев, 11, 192-196; Базилевич, Денежная реформа, сс. 84-93; Очерки, 4, 258-263; Id., Tagebuch, pp. 311-312.
[91] Базилевич, Денежная реформа, с. 71.
[92] Соловьев, 11, 133; Костомаров, "Руина", сс. 26-30; Дорошенко, 2, 74.
[93] Соловьев, 11, 135.
[94] Соловьев, 11, 135-136.
[95] Соловьев, 11, 74.
[96] О поездке Брюховецкого в Москву в 1665 г. см.: Соловьев, 11, 144-149; Костомаров, "Руина", сс. 54-59; Кордуба, "Брюховецкий", сс. 70-71.
[97] Соловьев, 11, 145.
[98] В. Сенютович-Бережной, "Женитьба гетмана Ивана Брюховецкого", сс. 13-16.
[99] Соловьев, 11, 155.
[100] Соловьев, 11, 155.
[101] Костомаров, "Руина", сс. 78-81; Дорошенко, 2, 82.
[102] Тексты Андрусовского договора см.: ПСЗ, 1, 656-669 (русский текст); Hubert, 1, 105-121 (польский текст). Оценку исторического значения договора см.: Соловьев, 11, сс. 187-191; Очерки, 4, 517-518; Wojcik, pp. 256-267.

[103] Об Ордине-Нащокине см.: Ключевский, Сочинения, 3, 334-351; Платонов, Москва и Запад, сс. 114-119; И. Галактионов, Е. Чистякова, Ордин-Нащокин; В.Е. Грабарь, Материалы, сс. 33, 156, 216, 317, 420; R.P. Thaler, "A Seventeen-Century Russian Liberal: Ordjn-Nashokin", pp. 112-117.

[104] Соловьев, 12, 397-404.

[105] Соловьев, 12, 407-409. О турецкой угрозе как для Польши, так и для России в этот период см. Гл. 6, 2, ниже.

[106] Соловьев, 13, 222. Польша официально передала Киев России по договору о "Вечном мире" 1686 г., см.: Соловьев, 14, 373.

[107] Щебенков, с. 130.

[108] Белокуров, О Посольском приказе, сс. 111, 117.

[109] О миссии Байкова см.: Щебеков, сс. 137-155; Лебедев, сс. 121-126; Демидова, "Посольство Байкова" в ки.; Демидова и Мясников, Первые русские дипломаты в Китае, сс. 87-112; Текст донесения Байкова, сс. 113-145; Baddeley, 2, 130-166; Sebes, pp. 59-61.

[110] Pascal, pp. 255.

[111] Инструкции Пашкову: РИБ, 15, сн. 5, 1-37. Об экспедиции Пашкова см.: Pascal, pp. 253-271; Sebes, pp. 23-24, 61.

[112] П.Н. Савицкий, "Житие протопопа Аввакума как географический первоисточник", НТРНУП, 2 (1929), 218-231.

[113] Котошихин, гл.7, разд.48, с.138.

[114] Там же, гл.7, с.104.

[115] Милюков, Государственное хозяйство, сс.113-114; Fisher, pp. 115-116.

[116] Fisher, pp.114, 119.

[117] Бахрушин, 3, часть 1, 239; Fisher, p.69.

[118] Fisher, p.69; DAI, 8, 12-13.

[119] Котошихин, гл.7, разд.7, с.106.

[120] Там же, с.105.

[121] КРО, 1, сн.185, сс.294-245; Vernadsky, "Circassia", pp. 144-145; Его же, "Историческая основа русско-калмыцких отношений", с.32.

[122] Преображенская, сс.54-55.

[123] ПСЗ, 1, сн.145, сс.343-345.

[124] Преображенская, сс.52, 58.

[125] Там же, сс.65-66.

[126] Там же, сс.68-69.

[127] Преображенская, сн.1, с.63, говорит, что "по некоторым соображениям останки не были переданы". Из ее заявлений не ясно, нашла ли она в документах положительное свидетельство тому, что останки Урлюка не были возвращены калмыкам, или что она не обнаружила документов, в которых бы утверждалось, что останки были возвращены.

[128] О миссии Горохова к калмыкам и о договоре 1661 г. см.: Преображенская, сс. 69-78 (основано на неопубликованных архивных документах).

[129] Преображенская, сс.77-78. Текст шерти 1661 г.: ПСЗ, 1, сн.300 (и ниже сн.304).

[130] Крестьянская война, 1, с. 27; Преображенская, с. 81.

[131] Преображенская, сс. 79-81.

[132] Там же, с. 88.

[133] Котошихин, гл.7, разд.2.

[134] Там же, гл.3, разд.15.

[135] ДР, 2, кол.713, 736; Богоявленский, "Материалы", сс.81-82; Устюгов, ИЗ, 24 (1947), 60; Вернадский, "Историческая основа", с.31.

[136] О башкирском восстании 1662-1664 гг. см.: Устюгов, ИЗ, 24 (1947), 36-100; Нольде, 1, 208-211; А. Чулошников, ред., Материалы по истории Башкирской АССР, 1 (Москва и Ленинград, 1936).

[137] Нольде, 1, 193.
[138] Очерки, 4, 796.
[139] Нольде, 1, 209-210.
[140] О Никоне см.: Макарий, 12; Каптерев, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, 1-2; Зызыкин, Патриарх Никон, 1-3; Карташев, 2, 133-220.
[141] Карташев, 2, 134.
[142] Pascal, p.123.
[143] Соловьев, 10, 523; Pascal, p.193.
[144] Vernadsky, "Die Kirchlisch-politische Lehre der Epanagoge", Byz.-Neugr. fahrbcher, 5 (1928), p.127.
[145] Архиепископ Никон Рклицкий, Жизнеописание Антония Митрополита, 9 (Нью-Йорк, 1962), с.125. Митрополит Антоний сам диктовал свою статью капитану (в то время) Рклицкому в Рождество 1935 г. (по старому стилю).
[146] Об этом эпизоде см.: Аввакум, Житие, сс.63-64; Pascal, pp.185-187.
[147] Текст петиции не сохранился. См. комментарии в кн.: Аввакум, Житие, с.357, прим. к с.64 текста.
[148] Pascal, p.191.
[149] Соловьев, 10, 523; Gibbenet, 1, 8-9; Pascal, p.194; Карташев, 2, 132-138.
[150] Gibbenet, 1, 9-16; Pascal, p.194;
[151] См. письмо Никона к царю Алексею от 21 декабря 1671 г. (цитировано Зызыкиным, 2, 366).
[152] О возобновлении грамоты 1625 г. см.: Берх, Михаил, прим.132, с.42.
[153] А.С. Павлов, "Подложная дарственная грамота императора Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе", Византийский Временник, (1896), 18-82.
[154] Pascal, pp.195-196.
[155] ПСЗ, 1, 273, Милюков, Очерки, 3, 123-127; Pascal, pp.197-198.
[156] Карташев, 2, 156.
[157] Белокуров, Суханов, 1, XIV; Pascal, p.153.
[158] Pascal, pp.211-212.
[159] Аввакум, Житие, с.65 (Интерпретация Г. Вернадского).
[160] Соловьев, 10, 588.
[161] Pascal, pp.213-214.
[162] Pascal, p.245.
[163] Pascal, pp.244-246; Карташев, 2, 153-154.
[164] Карташев, 2, 157-158.
[165] Политика Никона и Макария по этому вопросу рассмотрена Карташевым, 2, 155-160.
[166] О процессии в вербное воскресенье в Москве в XVI и XVII вв. см.: G. Ostrogorsky, "Zum Stratordienst des Heroschers im der Byzantinisch-Slavischen Welt", Seminarium Kondakovianum, 7 (1935), 187-204.
[167] Скворцов, Археология и топография Москвы (Москва, 1913), сс.371, 376-377, 402-404; Pascal, pp.196-197.
[168] См.: примечания митрополита Антония Храповицкого в кн.: Никон (Рклицкий), архиепископ, Жизнеописание Антония, митрополита, 1 (1956), 157-163; Карташев, 2, 141.
[169] Зызыкин, 2, 379.
[170] Palmer, 2, 463, 547; Зызыкин, 3, 12-13.
[171] Павел Алеппский (перевод Мурко), Путешествие, 3, 159; Зызыкин, 3, 13-14.
[172] Соловьев, 10, 629-632.
[173] Palmer, 1, 158-160; 2, 487, 518; Зызыкин, 3, 13, 55-56.
[174] Pascal, p.292.
[175] Pascal, p.295; Карташев, 2, 164.
[176] Зызыкин, 2, 349-351.

[177] Цитировано Зызыкиным, 2, 366.
[178] Субботин, сс.16-17; Gibbenet, 1, 27.
[179] Gibbenet, 1, 31; Зызыкин, 3, 344.
[180] Субботин, сс.20-21; Gibbenet, 1, 30-31; Зызыкин, 2, 345.
[181] Письмо патриарха Никона к патриарху Константинопольскому Дионисию, ЗОРСА, 2 (1861), 515-517; Gibbenet, 1, 33; Зызыкин, 2, 344-345.
[182] Соловьев, 11, 214; Зызыкин, 2, 337, 342.
[183] Соловьев, 11, 214.
[184] Зызыкин, 2, 373.
[185] Зызыкин, 3, 58.
[186] Соловьев, 11, 219-220.
[187] Соловьев, 11, 220-221, Субботин, сс37-38; Gibbenet, 1, 88-89.
[188] Соловьев, 11, 221-222, Субботин, сс.45-46.
[189] Соловьев, 11, 224-226, 231-235, 242, 243; Зызыкин, 3, 62-63.
[190] О Паисии Лигариде см.: Карташев, 2, 202-203; Зызыкин, 1, 210-224; Шмурло, "Архив Пропаганды Фидс", Россия и Италия, 4 (Ленинград, 1927), Именной указатель, с.326, см.: Лигарид Паисий.
[191] Резюме "Вопросов - Ответов" Стрешнева - Лигарида см. в кн.: Gibbenet, 2, 518-550; краткий очерк: Соловьев, 11, 227-229.
[192] Соловьев, 11, 231; Зызыкин, 3, 64-65.
[193] Соловьев, 11, 237; Зызыкин, 3, 68.
[194] Карташев, 2, 206.
[195] Зызыкин, 3, 68-70.
[196] Palmer, 4, 499, 506; Зызыкин, 3, 73-74.
[197] О годах Аввакума, проведенных в Сибири, см.: Pascal, chs.7-8.
[198] Pascal, p.280.
[199] Аввакум, Житие, с.88. (Интерпретация Г. Вернадского).
[200] Pascal, p.321-322.
[201] Pascal, p.359.
[202] Английский перевод "Возражения" см.: Palmer, vol.1. "Возражение" пока еще не было целиком опубликовано в русском оригинале. Сокращенный русский текст см.: ЗОРСА, 2 (1861), 423-493; Я в сотрудничестве с Валерием А. Туминсом готовлю полное издание русского текста с предисловием и комментариями.
[203] Соловьев, 11, 249-250; Зызыкин, 2, 233-235.
[204] Зызыкин,2, 236; Соловьев, 11, 246-247.
[205] Соловьев, 11, 250-252; Субботин, сс.111-113.
[206] Заозерский, Царская вотчина, с.30.
[207] Зызыкин, 2, 239-241. Текст заявления Никона от 14 декабря 1665 г. см. в кн.: Субботин, 204-216.
[208] Зызыкин, 2, 238.
[209] Резюме содержания письма патриархов см. в кн.: Зызыкин, 3, 86-105.
[210] Зызыкин, 3, 81-82.
[211] Карташев, 2, 207.
[212] Карташев, 2, 208.
[213] Зызыкин, 3, 84.
[214] Карташев, 2, 208-209.
[215] О суде над Никоном см.: Соловьев, 11, 255-267; Зызыкин, 3, 120-152; Карташев, 2, 209-212.
[216] Карташев, 2, 211.
[217] Соловьев, 11, 267-268; Зызыкин, 3, 179-180.
[218] Pascal, p.375.
[219] О заседаниях собора см.: Pascal, pp.373-381; Карташев, 2, 174-177.

[220] О Симсона Полоцком см.: Петухов, сс.271-283,; Tshizewskiy,pp.346-358; Billington, pp.146-147.
[221] Карташев, 2, 177-178.
[222] Карташев, 2, 179.
[223] Зызыкин, 1, 219-220; Карташев, 2, 216.
[224] Зызыкин, 3, 274-279; Карташев, 2, 216-217.

Глава 6

[1] О восстании Разина см.: Костомаров, "Разин"; Соловьев, 11, 286-326; Крестьянская война под предводительством Степана Разина; И.И. Смирнов и др., Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. (М.-Л., 1966), гл. 2 (автор А.Г. Маиков): Разгром Разинщины (Л., 1934).
[2] См.: Очерки, 4, 278-281.
[3] См., например, письмо Брюховецкого донским казакам от 1668 г. Акты ЮЗР, 7, 61.
[4] ИУС, 1, 301.
[5] Соловьев, 11, 288-289; Е.В. Чистякова, "Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса". Вопросы Истории, № 8 (1953), 128-133; ИУС, 1, 301; Очерки, 4, 282.
[6] "Стенька" — уменьшительное от "Степан". Друзьями и последователями Разина употреблялось в уменьшительно-ласкательном значении, его врагами — в уменьшительно-пренебрежительном.
[7] Очерки, 4, 283.
[8] Соловьев, 11, 289.
[9] Акты ЮЗР, 7, № 9, 29; Соловьев, 11, 290; Ср.: Тихомиров, Разинщиина, с. 67.
[10] ИУР, 1, 315.
[11] АИ, 4, № 202, с. 376; Очерки, 4, 283-284.
[12] Соловьев, 11, 290; Костомаров, "Разин", с.с. 430-431; Тихомиров, Разиищина, с.с. 68-69.
[13] Об этих набегах см.: Vernadsky, Kievan Russia, pp. 33-35; Id., Origins of Russia, pp. 263-264, 268-269.
[14] АИ, 4, № 202, с. 283; Очерки, 4, 288.
[15] Акты ЮЗР, 7, 60-62.
[16] Соловьев, 11, 274.
[17] Крестьянская война, 1, 73-104; Очерки, 4, 286.
[18] Соловьев, 11, 292-293.
[19] Стрейс, Три путешествия, с. 201.
[20] Костомаров, "Разин", с. 447. (Интерпретация Г. Вернадского).
[21] Он же, "Разин", с.с. 446-447.
[22] Соловьев, 11, 297-299; Костомаров, "Разин", с. 448; Очерки, 4, 293.
[23] Соловьев, 11, 274, 278.
[24] Соловьев, 11, 304.
[25] Струйс, Три путешествия, с.с. 209 и следующие, с. 364 и следующие.
[26] ИУР, 1, 315-317.
[27] О крестьянском восстании в Окском регионе и его подавлении см.: Соловьев, 11, 310-313; Костомаров, "Разин", с.с. 471-482; Тихомиров, Разинщина, 86-100; Очерки, 4, 303-305, 309-311; Разгром Разинщины (Л., 1934); Крестьянская войиа, 2; Смирнов и др., Крестьянские войны, с.с. 171-1733.
[28] Костомаров, "Разин", 494-497; Тихомиров, Разинщина, с.с. 136-137.
[29] Соловьев, 11, 311-318; Костомаров, "Разин", с.с. 484-494.
[30] Соловьев, 11, 324-326; Костомаров, "Разин", с.с. 499-501.

[31] Соловьев, 11, 326.
[32] О песнях и сказаниях о Разине см.: Яковлев, М.А., Народное песнотворчество об атамане Степане Разине (Л.,1924); А.Н. Лозанова, Песни и сказания о Разине и Пугачеве (М.-Л., 1935); И.Ф. Миллер, ред., Исторические песни русского народа (АНОРС) (Петроград, 1915), 685-777. О публикациях, вышедших между 1945 и 1959 гг., см.: Мелц, Я. Русский Фольклор, библиографический указатель (Л., 1961).
[33] Соловьев, 12, 373-374; Костомаров, "Руина", с.с. 115-116; Дорошенко, 2, 85; Голобуцкий, с. 316.
[34] Соловьев, 12, 375-382; Костомаров, "Руина", с.с. 120-133.
[35] О Глуховской раде см.: Соловьев, 12, 382-390; Костомаров, "Руина", с.с. 140-147; Дорошенко, 2, 86-87. Текст Глуховских статей см.: СГГД, 4, 231-248.
[36] Акты ЮЗР, 9, 229; Соловьев, 12, 418-423; Костомаров, "Руина", с.с. 163-164.
[37] См.: В. Корсакова, "Наталья Кирилловна"/ РБС, т. "Накс — Николай Николаевич", с. 121.; Платонов, Москва и Запад, с. 120. Стюарт (с.с. 21-22) ошибочно пишет, что шотландские жены Федора Нарышкина и Матвеева были сестрами. О Нарышкиных говорят, что они являются потомками крымского татарина Нарыша, переселившегося в Москву в XV веке.
[38] Софроненко, Малороссийский приказ, с. 42. О Матвееве см.: Е. Шмурло, "Матвеев, А.С."/ ЭС, полу-т. 36, 778-779; Платонов, Москва и Запад, с.с. 119-121.
[39] О празднествах в Москве по случаю рождения царевича Петра см.: Богословский, Петр I, с.с. 13-17.
[40] Акты ЮЗР, 9, 686-689; Соловьев, 12, 428-432; Костомаров, "Руина", с.с. 179-193; Дорошенко, 2, 91.
[41] Соловьев, 12, 442-444.
[42] В фамилии "Самойлович" ударение падает на предпоследний слог (Самойл•вич).
[43] Соловьев, 12, 448-449.
[44] См.: Соловьев, 12, 447; Костомаров, "Руина", с. 246.
[45] Соловьев, 12, 474-478; Костомаров, "Руина", с.с. 250-252.
[46] Danilow, "Golicyn", 1 (JGOE, 1936), 12-13.
[47] О В.В. Голицыне см.: Ключевский, 3, 352-357; Платонов, Москва и Запад, с.с. 121-122; Danilow.
[48] Danilow, I, II.
[49] Акты ЮЗР, 13, 107. "Сарматия" — классическое название Восточной Европы, введенное Птолемеем, разделявшим эту территорию на "Европейскую Сарматию" (на запад от реки Дон) и "Азиатскую Сарматию" (восточнее Дона). Термин Сарматия был популярен у польской и украинской интеллигенции XVI и XVII столетий. Польский ученый XVI века Матфей Меховский (Miechowita) назвал свою хорошо известную работу по географии и истории Восточной Европы, написанную на латыни и впервые опубликованную в 1517 году, "О двух Сарматиях" (*De duabus Sarmatiis*).
[50] Соловьев, 13, 208-209. Ср.: Акты ЮЗР, 13, 106-111.
[51] О первой Чигиринской кампании см.: Акты ЮЗР, 13, 267-275, 282-305, 310-312; Соловьев, 13, 209-210; Костомаров, "Руина", с.с. 292-296; Cantemir, pp. 290-291; Zinkeisen, 5, 83-84; Iorga, 4, 177-178.
[52] Соловьев, 13, 210.
[53] Gordon, Tagebuch, 1, 430 ff.; Danilow, 1, 17.
[54] ДРВ, 17, 286; Danilow, 1, 17.
[55] Gordon, Tagebuch, 1, 450; Danilow, 1, 17.
[56] ДРВ, 17, 302; Gordon, Tagebuch, 1, 449.
[57] ДРВ, 17, 305-306; Danilow, 1, 23.
[58] О второй Чигиринской кампании см.: Акты ЮЗР, 13, 671-679, 681-689, 691-697; Соловьев, 13, 213-215; Костомаров, "Руина", 299-307; Gordon, Tagebuch, 1, 465-558;

Cantemir, pp. 292-294; Zinkeisen, 5, 84-85; Iorga, 4, 178-180;
[59] Gordon, Tagebuch, 1, 512, 518, 525, 535 ff,; Danilow, 1, 24.
[60] ПСЗ, 2, 166 и далее; СГГД, 4, 365; Danilow, 1, 23.
[61] Соловьев, 13, 223.
[62] Костомаров, "Руина", с.с. 310-315; Korduba, "Chmielnicki Jerzy," p. 336.
[63] Korduba, "Chmielnicki Jerzy," p. 336.
[64] Соловьев, 13, 284-285.
[65] О Бахчисарайском договоре см.: Соловьев, 13, 290-293; Костомаров, "Руина", с.с. 325-327; Cantemir, p. 295; Zinkeisen, 5, 86-87; Iorga, 4, 181-182;
[66] Надежной информации об обстоятельствах смерти Юрия Хмельницкого нет. Согласно одной из версий, турки казнили Юрия в Каменце, на Подолии, осенью 1681 г. (Дорошенко, 2, 99). Кордуба подвергает сомнению достоверность этой истории (Korduba, "Chmielnicki Jerzy," 335). По Кантемиру, Юрия убили запорожцы у Очакова во время одного из своих набегов на турок под предводительством атамана Серко (Cantemir, p. 295).
[67] Ист. КССР, с.с. 110-111.
[68] ДАИ, 10, № 80, с. 380. Ср.: Очерки, 4, 875.
[69] Очерки, 4, 875.
[70] Чулошников (Мат. УТТ, № 3, с. 64) дает 1712 год как дату смерти Тауке.
[71] Ист. КССР, с. 111.
[72] Мат. УТТ, с. 265.
[73] Ист. КССР, с. 112.
[74] Очерки, 4, 892-893.
[75] РИБ, 15, Ч. VI, 48, 61.
[76] О "Джами ат-Таварих" см.: Mongols and Russia, p. 412.
[77] Бартольд, Книга Коркуд.
[78] О последующем см.: Кононов, с.с. 8-20.
[79] Вельяминов-Зернов, 3, 278 и след.
[80] Мат. УТТ, с. 331.
[81] Там же, с. 329.
[82] Там же, с. 205.
[83] Кононов, с.с. 19-20.
[84] Мат. УТТ, с.с. 400-403.
[85] О данных астраханской таможни, касающихся торгового экспорта в Хиву по морю через Карагандинскую пристань в 1678, 1681, 1687 и 1688 гг. см.: Мат. УТТ, с.с. 364-365.
[86] Там же, с.с. 404-417.
[87] Там же, с. 71.
[88] Там же, с.с. 80-81.
[89] Там же, с.с. 84-85.
[90] По Тарс и Тобольску см. некоторые данные из записей таможен (1645-1691 гг.): Мат УТТ, с.с. 380-385.
[91] См. информацию в списке семидесяти семи бывших пленных, основанном на записях московского Посольского приказа (1678 г.)// Мат. УТТ, с.с. 86-97.
[92] Труворов, с.с. 21-24.
[93] Мат. УТТ, с.с. 319-322; Преображенский, ИЗ, 36, 282-284.
[94] Преображенский, ИЗ, 36, 284.
[95] *Батман* — старая восточная мера веса, в XVII веке использовавшаяся и в Московии. Он различался в разных странах и для разных товаров. В среднем *батман* равнялся примерно одному русскому пуду (36 английским фунтам).
[96] Соловьев, 12, 560-562.
[97] Там же, с.с. 562-565.
[98] Чулошников в: Мат УТТ, с. 85.

[99] До 1603 г. центр армянской торговли находился в Джульфе, Закавказье. Во время войны с Турцией, в тот год, шах Аббас I эвакуировал население Джульфы в Персию и сжег город. См.: Очерки, 4, 947.
[100] СГГД, 4, № 56, с.с. 204-208; Соловьев, 12, 565-566; Очерки, 4, 134.
[101] Хожение за три моря Афанасия Никитина / по ред. Б.Д. Грекова и В.П. Андрианова-Перетц. – М.-Л., 1948; Russia at Dawn, p. 27.
[102] РИО, с. 6.
[103] Об этом и следующем см.: РИО, с.с. 10-19.
[104] РИО, документ № 35, с.с. 86-87; № 38, с.с. 88-91.
[105] P.M. Kemp, "Early Contacts between India and Russia", Journal of the Indo-Soviet Cultural Society (Bombey) 1954, May, pp. 32-49. Цитируется в: РИО, с. 15.
[106] РИО, документ 182, с. 287.
[107] О посольстве Даудова см.: Мат. УТТ, документы 22 и 23, с.с. 338-340; автобиография Даудова в: Русский Архив, 1885, Т. 5, с.с. 14-18.
[108] Инструкции Касимову в: РИО, документ 113, с.с. 194-204. Письмо царя: там же, документ 114, с.с. 205-207. Списки товаров, посланных в Бухару и Индию с Даудовым и Касимовым: там же, документ 122, с.с. 215-216.
[106] РИО, документ 128, с. 222.
[110] Смирнов, Политика, с.с. 47-48.
[111] КРО, 1, 311-317.
[112] Очерки, 1, 311-317.
[113] Там же, с.с. 910-911.
[114] ДД (РИБ, 24), кол. 19, 199; (РИБ, 29), с. 877; (РИБ, 34), с. 457; Очерки, 4, 907, 912.
[115] Очерки, 4, 921.
[116] Там же.
[117] О Грузии в семнадцатом веке см.: Allen, Hist. Georg. People, esp. chapters 14 and 15; Очерки, 4, 926-944.
[118] Allen, Hist. Georg. People, с. 282.
[119] Sir John Chardin, Travels (1686 ed.), quoted by Allen, p. 283.
[120] Allen, Hist. Georg. People, p. 167; Очерки, 4, 935-936.
[121] Очерки, 4, 939.
[122] Allen, p. 173; Очерки, 4, 939-940.
[123] Allen, p. 171.
[124] ПСЗ, 1, № 514, с. 848; Очерки, 4, 915.
[125] Очерки, 4, 915-916.
[126] Очерки, 4, 927-930. со сносками на: Посольство князя Мушетского и дьяка Ключарева в Кахетии в 164—1643 гг. (Тифлис, 1928) и Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретии в 1650-1652 гг. (Тифлис, 1926) (обе работы недоступны для меня).
[127] О Салтанове и Золотареве см.: И.М. Талман, ИЗ, 27, 91-92; Очерки, 4, 642-646, 650, 953; З. И. Калишевич, РГ-XVII, с.с. 395, 398, 402, 404, 408-410.
[128] Кузин, с.с. 67-68 (большая часть данных взята Кузиным из неопубликованных архивных материалов).
[129] Там же, с.с. 47-58.
[130] Там же, с.с. 37-39.
[131] Там же, с.с. 38-39.
[132] Там же, с. 99.
[133] Там же, с.с. 107-108.
[134] Там же, с.с. 109-111.
[135] Там же, с. 109. Утверждение (в: *Очерки, 4, 867)*, что золото нашли в районе Нерчинска в 1667 г. (без ссылки на источник информации) может относиться к образцам Свешникова.

[136] Данилевский, с. 28. В 1707 г. в Нерчинске добыли 5 пудов золото-серебряной руды; в 1717 – больше 15 пудов. Затем золото отделяли от серебра. Золотые и серебряные медали в честь подписания Ништадского мира (1721 г.) были изготовлены из нерчинской руды (Данилевский, там же). Краткий очерк мировой истории разведки и добычи золота, включая территорию России, см.: В.И. Вернадский, "Опыт описательной минералогии"/ Избранные сочинения, 2 (1955), 175-189; Он же, История минералов земной коры / Избр. соч., 4, ч.1 (1959), 532-535.

[137] Эти курганы датируются I тыс. до н.э. и приблизительно VII в. н.э. См.: Vernadsky, *Ancient Russia*; Киселев, *Древняя история южной Сибири.*

[138] Кузин, с. 98.

[139] См.: Руденко, "Сибирская коллекция Петра I".

[140] Словцов, 1, 85.

[141] Долгих, с.с. 616-617. Из этого общего количества 32 260 аборигенов жило в районе Албазина, большую часть которого в 1689 г. уступили Китаю.

[142] Милюков, Государственное хозяйство, с.с. 200-201.

[143] Очерки, 4, 864.

[144] ДРВ, 3, 117-118; Lantzeff, p. 34.

[145] Lantzeff, p. 34-46; Бахрушин, 3, ч. 1, 252-256.

[146] ДРВ, 3, 117-118; Lantzeff, p. 34.

[146] Lantzeff, p. 34-35, 39-46 (см. карту административной организации Сибири в семнадцатом веке).

[147] Об управлении Годуновым Сибирью см.: Бахрушин, 3, ч. 1, 273-296. Ср.: Андреев, Очерки, с.с. 35-38; Шунков, с.с. 109-111; 146-151.

[148] Белоруков, "Крижанич", с. 115.

[149] Списки сосланных в Сибирь (как русских, так и европейцев) за период между 1654 и 1662 гг. см.: Белоруков, "Крижанич", приложения, с.с. 39-75. За годы 1662-1689 см.: Андриевич, 2, с.с. 141-145.

[150] Белоруков, "Крижанич", с.с. 98-99.

[151] Крижанич, Политика (Москва, 1965).

[152] "Историю Сибири" Крижанича впервые опубликовал Г.И. Спасский в: Сибирский Вестник, 17-18 (1822), а затем А.А. Титов в: Сибирь в XVII веке (Москва, 1890, с.с. 115-216). Она также вошла во второе издание "Сибири" М.П. Алексеева (см.: Андреев, Очерки, с. 87). Бессонов и Белоруков считают "Историю Сибири" лишь редакцией его научной статьи о Сибири, написанной в Тобольске, однако, представляется, что это две разные работы, см.: Андреев, Очерки, с.с. 162-163.

[153] О карте Сибири Годунова см.: Лебедев, с.с. 25-26; Андреев, Очерки, с.с. 35-42.

[154] E. Palmkvist, Ndgre width Eidste Kongl. Ambassaden till Tzaren u Moscou giorde, Observationer ofver Russland (Stockholm, 1898); Андреев, Очерки, с.с. 43-44.

[155] О работах Семена Ремезова см.: Бахрушин, 3, ч. 1, 32-38; Лебедев, с.с. 28-34; Андреев, Очерки, 96-149, 183-194, 250-259; Л.А. Гольденберг, Семен Ульянович Ремезов (Москва, 1965).

[156] Щебенков, с. 161.

[157] Там же, с.с. 161-162.

[158] О Гантимуре см.: Baddeley, 2, 428.

[159] О Спафарии (Милеску) см.: Михайловский; Фурсенко в РБС; Baddeley, 2, 205-208; Panaitescu.

[160] Panaitescu, pp. 68-69.

[161] Щебенков, с.с. 167-168.

[162] Питера ван Хоорна и Якоба Кайзера (1655-1657 гг.) и Питера ван Хоорна (1666 г.). См.: Белоруков, "Крижанич", № 160, с.с. 141-142; Panaitescu, p. 84.

[163] Щебенков, с.с. 169-170, со ссылками на неопубликованные архивные документы. Щебенков говорит о китайских документах. Переведенные в Тобольске, судя по всему, были написаны на маньчжурском языке.

[164] Журнал Спафария с записями о путешествии из Тобольска в Нерчинск опубликован Ю.В. Арсеньевым в: Записки Русск. Геогр. Общества, отдел этнографии, Т. 10, Ч. 1 (1822); англ. пер.: Baddeley, 2, 242-285. Отчет Спафария (*статейный список*) о путешествии в Китай и переговорах с китайцами, под ред. Ю.В. Арсеньева, опубликован в: Вестник Археологии и истории, 17 (СПб, 1906): англ. пер.: Baddeley, 2, 286-422. Краткие изложения в: Соловьев, 12, 599-604; Panaitescu, pp. 86-111.

[165] Щебенков, с. 170.

[166] О Вербисте см.: Baddeley, 2, 433-435.

[167] Baddeley, 2, 333.

[168] Там же.

[169] Спафарий сопоставил маньчжурский чин *Асханшама* с чином русского думного дьяка, см.: Baddeley, 2, 440.

[170] Baddeley, 2, 361.

[171] Baddeley, 2, 382; Panaitescu, pp. 106-107.

[172] Baddeley, 2, 396. Ср.: Щебенков, с. 181.

[173] Baddeley, 2, 387-388.

[174] Там же, p. 395.

[175] Там же, pp. 397-401.

[176] Там же, p. 403.

[177] Sebes, p. 76.

[178] О Мартини и его Атласе см.: Baddeley, 2, 220-222.

[179] Там же, с.с. 394-395.

[180] Там же, с. 394.

[181] Письмо Вербиеста опубликовано в: Арсеньев, "Новые данные"/ Чтения, 1900. Краткое изложение в: Baddeley, 2, № 3, с.с. 394-395.

[182] Baddeley, 2, 395.

[183] Соловьев, 13, 188.

[184] Спафарий, Описание первыя части Вселенной именуемой Азия в ней же состоит китайское государство. Под ред. Н.Ф. Катанова и А.И. Александрова. – Казань, 1910.

[185] Baddeley, 2, 208-212. Лебедеву, по-видимому, неизвестно об открытии Баддели, и он рассматривает "Описание Китая" как оригинальную работу Спафария. (Лебедев, с.с. 140-158).

[186] Baddeley, 2, 412.

[187] Щебенков, с.с. 187-191; Sebes, pp. 67-69.

[188] Щебенков, с.с. 192-193; Sebes, p. 69; Петров, Албазинцы, с.с. 15-16.

[189] Число в источниках варьируется от двадцати пяти до сорока пяти.

[190] См. Vernadsky, Mongols and Russia, pp. 87-88.

[191] Павловский, с.с. 157-160; Sebes, pp. 67-70; Петров, Албазинцы, с.с. 15-20; 33-43.

[192] Здесь было бы неуместно обсуждать Нерчинский договор в целом. См.: Соловьев, 14, 414-420; Яковлева, П.Т., Первый русско-китайский договор; Щебенков, с.с. 197-208; O'Brien, Russia under Two Tsars, pp. 113-122; Pavlovsky (Index, s.v. Nerchinsk, Treaty of); Sebes, especially pp. 150-164.

[193] Барсков, ЛЗАК, 1911, с. 339; Pascal, pp. 341-343.

[194] Барсков, ЛЗАК, 1911, с. 331; Pascal, p. 367.

[195] Форстен, "Сношения", с. 334; Pascal, p. 367.

[196] Барсков, ЛЗАК, 1911, с. 79, 32-34; Pascal, pp. 367-368.

[197] Барсков, там же, с. 335; Pascal, p. 369.

[198] Pascal, p. 540.

[199] Чтения, 1847, №5, с.с. 71-72; Pascal, p. 540.

[200] О Христах (хлыстах) см.: Мельников-Печерский, Полное собрание сочинений, 6, 251-361; Милюков, Очерки, 2, ч. 1, 116-120; И. Юзов, Русские диссиденты, 174-177; Grass, Russische Secten, 1, 1-508$ Conybeare, Russian Dissenters, pp. 339-361.

[201] Grass, 1, p.3.

[202] Дмитрий Ростовский, Розыск, с.с. 598-600.

[203] Книга Голубиная и Книга Глубинная, несомненно, дохристианского происхождения. Искаженные их фрагменты, адаптированные к христианским понятиям, сохранились в русской устной традиции, см.: Vernadsky, Origins of Russia, pp. 109 and 311. Записи фрагментов в устных обрядах см.: Варенцов, Сборник русских духовных стихов (1860) и Бессонов, Калики перехожие, 1 (1860). Хотя хлысты пользовались термином "Книга Голубиная", они, очевидно, понимали под ним не написанную книгу, а устные традиции откровений Святого Духа.

[204] A.E. Burn, "Adoptianism", Hastings Encyclopaedia of Religion and Ethnics, 1, 103-105; J.F. Sollier, "Adoptianism", Catholic Encyclopedia, 1, 150-151.

[205] Conybeare, pp. 339-340.

[206] Conybeare, p. 342. О христологии хлыстов см.: Grass, 1, 252-264.

[207] Русский текст "Двенадцати заповедей" Данилы Филиппова в: Мельников-Печерский, 6, с.с. 271-272. Мельников извлек свою информацию о Даниле Филиппове и его "Двенадцати заповедях" из отчетов официальных следствий о хлыстовских "кораблях" в Москве в 1845-1846 гг. Нем. пер. в: Grass, 1, 15-16; Англ. пер. (возможно с нем. у Грасса) в: Conybeare, p. 358.

[208] В XVIII и XIX вв. утверждали, что хлыстовские *радения* часто заканчиваются ритуальным промискуитетом "братьев" и "сестер". Мельников-Печерский, один из наиболее осведомленных исследователей сект хлыстов и *скопцов*, верил в достоверность подобных утверждений (Т. 6, 313-318). Грасс их отвергает.

[209] J. Strahan, "Encratities", Hastings Encyclopaedia, 5, 301-302; J.P. Arendzen, "Encratities", Catholic Encyclopedia, 5, pp. 412-413. Cf. Conybear, 340.

[210] О скопцах см.: Мельников-Печерский, 6, 300-422; Милюков, Очерки, 2, ч. 1, 120-121.

[211] Мельников-Печерский, 6, 257.

[212] Там же, 6, 275.

[213] Там же, 6, 275-276.

[214] Там же, 6, 292.

[215] Епископ Досифей был сторонником сына Петра Великого, царевича Алексея, и был связан с кругом разведенной жены Петра, Евдокии (матери Алексея). Из-за этого его арестовали и в 1718 г. казнили. См.: I. Grey, Peter the Great, p. 365.

[216] V.V. Zenkovsky, "The Spirit of Russian Orthodoxy", Russian Review, 22 (1963), 40.

[217] О Соловецком восстании см.: Соловьев, 11, 326-330; Субботин, Материалы, Т. 3.

[218] Субботин, Материалы, ТТ. 4-8; Барсков, Памятники, кол. 703-960; Pascal, pp. 405-438.

[219] Барсков, ЛЗАК, 1911, с. 194; Pascal, p. 405.

[220] Pascal, pp. 415-417. Выдержки из "Ответа" Федора в: Субботин, Материалы, 6, 269-298, 315-334; 8, 354-360.

[221] Субботин, Материалы, 4, 223-266; Pascal, pp. 407-408.

[222] Барсков, ЛЗАК, 1911, 32-33; Pascal, p. 409.

[223] Pascal, p. 421.

[224] Pascal, p. 456.

[225] Там же, p. 457.

[226] Там же, pp. 499-500.

[227] Соловьев, 13, 186-188.

[228] ДАИ, 8, № 50, с.с. 216-217; Pascal, pp. 532-533.

[229] Pascal, p. 528.
[230] Там же, p. 529.
[231] Барсков, Памятники, кол. 939-946.
[232] Там же, кол. 893. (Интерпретация Г. Вернадского).
[233] Там же, кол. 940.
[234] Pascal, p. 536.
[235] АИ, 5 №5, с.с. 111-112; Pascal, p. 544.
[236] О последующем см.: Соловьев, 12, гл. 3; O'Brien, Russia Under Two Tsars, ch. 2.
[237] Pascal, p. 548.
[238] Соловьев, 13, 284-290; O'Brien, pp. 31-32; Pascal, pp. 549-550.
[239] Соловьев, 13, 290-291; O'Brien, pp. 32-33.
[240] ПСЗ, 2, 647-650.
[241] O'Brien, p. 54.
[242] Милюков, Очерки, 2, часть 1, 75. Ср.: Вернадский, "Усть-Цилемские рукописные сборники", с. 205.
[243] Евфросин, Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей"/ Под ред. Хрисанфа Лопарева// ПДП, 108 (1895).
[244] См.: S.A. Zenkovsky, "The Ideological World of the Denisov Brothers", Harvard Slavic Studies, 3 (1957), 49-66. Братья Денисовы принадлежали к обедневшей ветви семьи князей Мышецких.
[245] Максимович, "Первосоветник", с.с. 151-152.
[246] Ключевский, Сочинения, 1, 154- 155.
[247] Документы об упразднении местничества см.: СГГД, 4, 396 и далее; ПСЗ, 2, № 905, с.с. 374-376. Об упразднении местничества см.: Соловьев, 13, 248-250; Шмидт С.О., "Местничество и абсолютизм"/ Абсолютизм в России, с.с. 198-199; Ostrogorsky, "Das project einer Rangtabelle," pp. 91-92.
[248] В. Рудаков, "Родословие и родословные книги", ЭС, полутом 52, 919. *Бархатную книгу* опубликовал Н.И. Новиков в Москве в 1787 г. в двух томах.
[249] Текст проекта разделения России на "государства", каждое в юрисдикции наместника, до сих пор не найден. Мы знаем о нем из краткого изложения, сделанного в канцелярии патриарха, см.: Замысловский, Царствование Федора Алексеевича, 1, приложение, с.с. XXXIV-XXXV. Cf: Ostrogorsky, "Das project einer Rangtabelle," pp. 92-93. О патриархе Иоакиме см.: Л.М. Савелов-Савелков, "Всероссийский Патриарх Иоаким"/ Новик, 1940, № 3 (27), 14-18.
[250] Этот проект опубликовал князь М.А. Оболенский в: Калачев/Архив, 1, II, 1, с.с. 23-35. Краткое изложение см.: Соловьев, 13, 252. Подробное изучение плана см.: Ostrogorsky, "Das project einer Rangtabelle," (полный немецкий перевод документа, с.с. 94-102). См. также: Милюков, Очерки, 3, 228.
[251] Н.В. Устюгов, "Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в."/ Абсолютизм в России, с.с. 159-161.
[252] И.П. Козловский, Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. В 2-х т.; Amburger, pp. 154-160.
[253] РИБ, 21, кол. 1065.
[254] Соловьев, 12, 566-569; Козловский, Первые почты, с. 68. Именно в Дединово в 1688 г. Карстен Брандт (один из мастеров, приглашенных на строительство "Орла") починил для молодого царя Петра (будущего императора Петра Великого) старое английское парусное судно, первое из всех, какие Петр когда-либо видел и на которых ходил. Соловьев, 14, 448; Богословский, Петр I, 1, 64-66.
[255] Милюков, Государственное хозяйство, с.с. 36, 39-40.
[256] Очерки, 4, 448.
[257] О термине *разряд* см.: Lantzeff, Siberia, n. 5, p. 34.

[258] О военных округах (*разрядах*) второй половины XVII в. см.: Милюков, Очерки, 1, 152-153, 198-199; Очерки, 4, 392-394, 449-450.
[259] Lantzeff, Siberia, pp. 34-38.
[260] ДАИ, 5, 4-5.
[261] Там же, 5, 5-7.
[262] О роли Марселиса в подготовке *Новоторгового Устава* см.: Базилевич, Новоторговый Устав 1667 г.", ООН, 1932, № 7, с.с. 599-603; Amburger, pp. 139-150.
[263] Текст Новоторгового Устава опубликован в: СГГД, 4, № 55, и в: ПСЗ, 1, № 408. Последнее издание содержит несколько дополнительных статей, одобренных 7 мая 1667 г. Выдержки из русского текста в: Хрестоматия по истории СССР, 1 (4 изд., Москва, 1951), с.с. 462-463. В 1941 году (или несколько ранее) А.И. Андрееву удалось найти подлинную рукопись Новоторгового Устава. Об источниках и подготовке Устава см.: К.В. Базилевич, "Новоторговый Устав 1667 г.", с.с. 589-622; А.И. Андреев, "Новоторговый Устав 1667 г.", ИЗ, 13 (1942), 303-307. Ср. также Ляшенко, История народного хозяйства СССР, 1 (1947), 311-312.
[264] Хронологический список наложения дополнительных налогов за период 1654-1680 гг. см.: Милюков, Государственное Хозяйство, с. 61.
[265] ААЭ, 4, № 59; сокращенный вариант в: ПСЗ, 1, № 72. Ср.: Милюков, Государственное Хозяйство, с. 61.
[266] Милюков, там же.
[267] Н.В. Устюгов, "К вопросу о раскладе повинностей по дворовому числу в конце XVII в."/ Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. — Москва, 1952, с.с. 221-231. См. особо с.с. 221-222.
[268] Там же, с. 221, со сноской на соответствующие архивные документы и АИ, 5, № 48, с.с. 72-75.
[269] И. Килбургер, Краткое известие о русской торговле (Киев, 1915), с. 94. Цитируется в: Очерки, 4, 436.
[270] Текста государственного бюджета на 1680 г. см. в: Милюков, Государственное хозяйство, приложение 1, с.с. 551-568.
[271] Полученные Милюковым числа проверили С.Г. Струмилин и С.М. Троицкий. Струмилин, "К вопросу об экономике петровской эпохи"/ Полтава (сборник статей) (Москва, 1959), с.с. 179-189; Троицкий, "Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв."/Абсолютизм в России, с.с. 292-294. Ср.: Очерки, 4, с. 438.
[272] Котошихин, гл. VII, ч. 48, с. 138 третьего издания. С другой стороны, котошихинская оценка ежегодного дохода от сибирских мехов (примерно 600 000, см. гл. VII, ч. 7, с. 104) значительно больше суммы, вычисленной Милюковым (102 021), ср.: Fisher, The Russian Fur Trade, p. 111. К тому же, у Котошихина в конце гл. VII есть постскриптум, сделанный другим почерком, что в сумму совокупного государственного дохода не входит доход от сибирских мехов.
[273] Манков, Развитие, с.с. 107-108.
[274] Ключевский, Сочинения, 3, 353-354; Платонов, Москва и Запад, с. 121.
[275] Неволин, Полное собрание сочинений, 4, 254.
[276] Об организации сыска и задержания беглых крестьян во второй половине XVII в. см.: А.Г. Манков, Развитие, с.с. 82-119.
[277] Ельяшевич, 2, 126; Маиков, Развитие, с. 199.
[278] Ельяшевич, 2, 127; Манков, Развитие, с.с. 208-209
[279] Ельяшевич, 2, 127.
[280] Указ от 1721 г. цитирует Ельяшевич, 2, 219.
[281] А.И. Соболевский, Образованность Московской Руси XV-XVII вв. (С.-Петербург, 1892); Он же, Славяно-русская палеография (2-е изд., С.-Петербург, 1908), с.с. 6-11; С.К. Богоявленский в: Очерки, 4, 555.

[282] Об этом и последующем см.: И.Е. Забелин, "Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки"/ Чтения, 1886, IV, ч. 1; Соловьев, 13, 254; Очерки, 4, 565-566; Милюков, Очерки, 2, ч. II, 696-698.

[283] Устав Славяно-Греко-Латинской академии опубликован Н. Новиковым в его: Древняя Российская Вивлиофика, 6 (2-е изд., Москва, 1788), 390-420 и 16 (2-е изд., Москва, 1791), 295-306. Краткое изложение: Соловьев, 13, 254-257. Ср.: Очерки, 4, 566-567; Милюков, Очерки, 2, ч. II, 698-701.

[284] О последующем см.: Соловьев, 13, 182-183; Ключевский, Сочинения, 3, 270-281, 352-363; Платонов, Москва и Запад, гл. 3,; Billington, pp. 144-173.

[285] О Симеоне Полоцком см.: Петухов, с.с. 271-283; R. Picchio, pp. 311-320, 353-355; Tschizevskij, pp. 346-358.

[286] Н.Н. Евреинов, История русского театра, с.с. 84-97; N. Findeizen, pp. 316-321; R. Picchio, pp. 348-355; Tschizevskij, pp. 378-380.

[287] См.: Очерки, 4, 568-576.

[288] Очерки, 4, 42-43. В 1669 г. одна четверть ржаной муки весила 5.25 пуда (один пуд равнялся 36 английским фунтам).

[289] Очерки, 4, 53-54; К.Н. Щепетов, "Помещичье предпринимательство в XVII веке", РГ-XVII, 17-38.

[290] Очерки, 4, 87-113; Лященко, История народного хозяйства СССР, 1, 271-273; Бахрушин, 2, с.с. 224-255; Крепостная мануфактура в России, т. 3 (Ленинград, 1930-1932).

[291] Ключевский, Сочинения, 3, с.с. 355-356.

Глава 7

[1] Милюков. Очерки, 1, часть 2 (1964), 17-148; R. Jackson. "Remargues sur l'evolntion phonologigue russe", Travaux du Cercle linguistigue de Pragne, 2 (1929), 66-78; Id., Selected Writings, I, 7-116; P. Savitsky. "Les problemes de la geographie linguistigue du point de vue du geographe", Travaux, I (1929), 145-156. See also Kievan Russie, p. 245.

[2] See Mongols and Russia, pp. 233-244.

[3] See Russia at Dawn, ch. 8.

[4] Флоровский. Пути, с. 38-56.

[5] См.: кн. Н.С. Трубецкой. "К проблеме русского самопознания", с. 34-53; Р. Якобсон. "К характеристике евразийского языкового союза" (Прага, 1931), перепечатано в его "Selected Writings", I, 144-201.

[6] See Russia at Dawn, p. 86.

[7] Mongols and Russia, pp. 215-219.

[8] Милюков. Государственное хозяйство, с. 202.

[9] В.М. Кабузан. Население России в XVIII- первой половине XIX вв. Москва, 1963, с. 164.

[10] Письмо ко мне Бориса Пушкарева 10 декабря 1966 г. Для своих подсчетов городского населения Пушкарев использовал данные Я.Е. Водарского в статье "Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в." в кн. "Города феодальной России". Москва, 1966, с. 271-297, особенно с. 279.

[11] П.Н. Савицкий. "Подъем и депрессия в древнерусской истории", Евразийская хроника, II (1936), 65-100; его же. "Ритмы монгольского века", EX, 12 (1937), 104-155. Cf. Kievan Russia, pp. 128-130.

[12] Савицкий проявил любезность, прислав мне в августе 1957 г. детальную характеристику *векового подъема.*

[13] Савицкий послал мне в мае 1957 г. свой очерк периодов депрессии и подъема 1538-1632 гг. Моя характеристика их базируется на выводах Савицкого, но отличается в некоторых моментах.

[14] Датировка дана по М.А. Ильину, Грабарю (2-е изд.), 3, 436. До этого строительство церкви в Дьяково датировалось 1529-1531 гг.

[15] Савицкий определяет 1564-1571 гг. как "переходный период", 1571-1581 гг. как "депрессию". По моему мнению, весь этот период следует считать депрессией или спадом, хотя Россия и не была сразу же истощена.

[16] See Vernadsky. Origins of Russia, ch. 4.

[17] Id., pp. 305-316; Kievan Russia, ch. 9.

[18] Yuri Arbatsky. "The Musical System in Lay of Igor's Campaign" (m.s.); Id. Varlaufiger uber das Igor-Lied", Die Musik-Forschung, XVI (1963), 164-165.

[19] Псковские летописи, под ред. А. Насонова, т. 2, с. 98; Russia at Dawn, pp. 27-28, 155.

[20] See Vasmer. Russisches etimologisches Worterbuch, 2, 643-644; Преображенский. Этимологический словарь русского языка (репринт, New York, Columbia University Press, 1951), 2, 304-305.

[21] Даль. Толковый словарь, 4 (репринт изд. 1882 г.), 203.

[22] О скоморохах см.: Финдейзен. "Очерки по истории музыки в России", 1, гл. 5. Карта их поселений с XV по XVII вв. находятся на с. 144.

[23] Арбатский. Этюды по истории русской музыки, с. 136-137.

[24] Акты исторические, 4, 124-126; цитировано Финдейзеном, 1, 148.

[25] Финдейзен, 1, 160.

[26] Там же, 1, 161-170.

[27] Даль. Толковый словарь, 4, 203.

[28] Евреинов. История русского театра, с. 29, 35-36; Vernadsky. Origins of Russia, pp. 152-153.

[29] See Vernadsky. Kievan Russia, pp. 337-347.

[30] See Mongols and Russia, especially pp. 170-171 and 342-344.

[31] See Russia at Dawn, pp. 13, 15, 69, 93.

[32] Ibid, p. 162.

[33] See ch. 1, sections 3-6, above.

[34] See Mongols and Rnssia, pp. 338-340.

[35] Id., pp. 165-167, 377-378.

[36] Стоглав, гл. 43 (Изданис Кожанчикова).

[37] G. Ostrogorsky, "Les decisions du Stoglav concernant la peintnre d'images et les principes de l'iconographie Byzantine", p. 395.

[38] Ibidem, passim. Также его "Соединение вопроса о св. Иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества", SK, I (1927), 35-48.

[39] See Kondakov-Minns. The Russian Ikon, p. 30; Hamilton. The Art and Architecture of Rnssia, pp. 66-67.

[40] О расположении икон на иконостасе см.: Kondakov-Minns. The Russian Ikon, pp. 30-33; Alpatov. Russian Impact an Art, pp. 51-55; Hamilton. Art and Architecture of Russia, pp. 66-67; Лазарев. Феофан Грек, сс. 87-90.

[41] По этому поводу и далее см.: Лазарев. Феофан Грек и его школа.

[42] Приселков. Троицкая летопись, с. 459. Цитировано по Лазареву. Феофан Грек, с. 86.

[43] О Рублеве см.: Алпатов. Андрей Рублев (1950); Лазарев. Андрей Рублев (1960). А также П.П. Муратов в книге Грабаря (1-е изд.), 6, 234-244; Лазарев в книге Грабаря (2-е изд.), 3, 186; Hamilton. Art and Architectnre in Rnssia, pp. 86-88.

[44] О Дионисии см.: Hamilton. Arts and Architecture in Russia, pp. 96-99; Муратов в книге Грабаря (1-е изд.), сс. 482-531.

[45] См.: Алпатов. Памятники древнерусской живописи конца XV века. Москва, 1964.

[46] Кондаков. Русская икона, часть 2, гл. 2; Kondacov-Minns, ch. 6.

[47] Георгиевский и Владимиров. Древнерусская миниатюра.

[48] Kondacov-Minns, p. 156.

[49] О Строгановской школе см.: Муратов в книге Грабаря (1-е изд.), 6, 347-380; Ю.Н. Дмитриев в книге Грабаря (2-е изд.), 3, 643-676; Kondakov-Minns, ch. 9; Hamilton. Art and Architecture in Russia, pp. 153-156.

[50] О московской религиозной архитектуре конца XV-XVI вв. см.: книгу Грабаря (1-изд.), 1, гл. 14; книгу Грабаря (2-е изд.), 3, 282-370, 409-481; 4, с. 57-59, 121-216; Ильин. Каменная летопись московской Руси, часть 1, гл. 1-2; Brunov in: Alpatov and Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst, pp. 35-148; Hamilton. Art and Architecture of Russia, ch. 15.

[51] Hamilton, p. 104.

[52] О русском деревянном зодчестве см.: Грабарь (1-е изд.), 2, гл.4; П.Н. Максимов и Н.Н. Воронин в: Грабарь (2-е изд.), 3, 245-281; Hamilton, ch. 14.

[53] M. Alpatov. Russian Impact on Art, p. 70. Относительно гражданской архитектуры и фортификационного искусства в Московии XVI см.: Грабарь (1-е изд.), 2, гл 16-17; Грабарь (2-е изд.), 3, с. 366-409.

[54] О русской религиозной архитектуре XVII в. см.: Грабарь (1-е изд.), 2, гл. 6-8 и 22; Грабарь (2-е изд.), 4, гл. 1-7; М.А. Ильин. Каменная летопись московской Руси, ч. 1, гл. 3; ч. 2-3; Brunov in: Alpatov and Brunov, pp. 148-194; Hamilton. Arts and Architecture in Russia, ch. 16. О гражданской архитектуре см.: А.А. Тиц. Русское каменное жилое зодчество XVII в.

[55] С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. Москва, 1942, с. 9. Цитата по: М.А. Ильин в: Грабарь (2-е изд.), 4, 164, № 1.

[56] См.: Грабарь (1-е изд.), 6, гл.2 (написана П.П. Муратовым), гл. 12 (написана Грабарем и А. Успенским), гл. 13 и 17 (написаны И. Грабарем); Грабарь (2-е изд.), 4, гл. 9 (написана И.В. Даниловым и Н.Е. Мневой); М. Алпатов: Alpatov and Brunov, pp. 368-384; Hamilton. Arts and Architecture in Russia, pp. 155-161.

[57] Kondakov-Minns. Russian Icon, p. 173.

[58] Иосиф Владимиров. "Послание иконого изуграфа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу", под ред. Лазарева. Древнерусское искусство. XVII в. Москва, 1964, с. 24-61.

[59] См.: Н.Н. Воронин. "Ростовский Кремль". В кн.: Из истории докапиталистических формаций, с. 655-680; Грабарь (2-е изд.), 4, 408-410.

[60] Относительно русской литературы с XV по XVII в. см.: Пятухов. Русская литература. Юрьев, 1912, часть 2 и 3; Сперанский. История древней русской литературы. Московский период. 3-е изд., Москва, 1921; Гудзий. История древней русской литературы. 2-е изд., Москва, 1941; История русской литературы, т. 2 (в двух частях). Москва-Ленинград, 1945-1948; D. Tschizewskij. History of Russian Literature, 1960, chs. V-VII; Mirsky. History of Russian Literature, I, ch. I, secs. 8-11; Picchio. Storia della literatura russa antica. Milano, 1959.

[61] Мещерский. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Москва, 1958.

[62] См.: Кузьмин. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей.

[63] Ровинский. Русские народные картинки, 1. С.-Петербург, 1900, см. Указатель к "Бове королевичу" и "Повести о Петре Златых Ключей"; под ред. Адрианово-Перетц. Русский лубок XVII-XIX вв. Москва-Ленинград, 1962.

[64] Державина. Великое зерцало. Москва, 1966.

[65] See Tschižewskij, pp.167-180.

[66] Id., pp.180-183.

[67] Древнерусский текст "Повести о Петре и Февронии" см.: Скрипил. Русские повести XV-XVI веков, с.108-115. Английский перевод: Zenkovsky. Medieval Russia's Epics, Chronicles, and Tales, pp.237-47. Cf. Tschižewskij, pp.241-243.

[68] О летописях московитского периода см.: Иконников. Опыт, 2, часть II, разд. III, гл. 2 и 4; Лихачев. Русские летописи, гл. 19-20 и приложение; Сперанский. История древней русской литературы. Московский период, с.84-85; Tschižewskij, p.310.

[69] Текст русского хронографа 1512 г. был опубликован в ПСРЛ, 22, часть I (1911). См. также обзор его содержания: А. Попов, Обзор хронографов русской редакции, 1 (1866), 95-215. Текст русских и славянских материалов в хронографе 1512 г. был опубликован А.Поповым в кн.: "Изборник славянских и русский сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции" (1869), с.1-87.

[70] О литературных работах (сказаниях) современников смутного времени см.: Иконников. Опыт, 2, раздел III, гл. 2, 1249-1253; Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени; Гудзий. История русской литературы (2-е изд.), с.322-334; Mirsky. History of Russian Literature, 1, 31-32; Tschiłewskij, pp.311-319. Тексты сказаний, под редакцией Платонова были собраны в РИБ, 13. Работы Авраамия Палицына и Ивана Тимофеева были также опубликованы отдельно (см. библиографию). По контрасту с обобщениями сказаний, здесь присутствует живое описание событий гражданской войны 1606-1610 гг. в Псковской летописи со следующим замечанием, обобщающим ситуацию: "И с этого времени (1606 г.) началось великое смятение во Пскове. Богатые выступили против бедных, а бедные против богатых, и все стали обездолениыми". (интерпретация Г. Вернадского). Насонов. Псковские летописи, 2, 268.

[71] Относительно текстов разделов, ориентированных на русские дела XVII столетия см.: А. Попов. Изборник славянских и русских статей. Москва, 1869.

[72] См.: В.И. Малышев. Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков. Москва и Ленинград, 1952; Скрипил. Русские повести XV-XVI веков, с.124-165. Английский перевод (в отрывках): Zenkovsky. Medieval Russia's Epics, pp.277-288.

[73] См.: Скрипил. Русская повесть XVII века, с.54-73.

[74] Об исторических песнях XVI и XVII веков см.: Сперанский. Русская устная словесность, с.328-350. Текст (зафиксированный в XVIII и XIX столетиях) см.: Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII веков (1915); Исторические песни XVII века (1966).

[75] Малышев. Повесть о Суханс (1956). Рукопись повести была обнаружена Малышевым в 1948 г. Ср.: Вернадский. "Повесть о Суханс". Новый журнал, 59 (1960), 196-202.

[76] Гудзий (2-е изд.), с.386-390.

[77] Скрипил. Русская повесть XVII века, 82-102. Английский перевод в: Zenkovsky. Medieval Russia's Epics, pp.374-397.

[78] Скрипил, с.103-115. Английский перевод в кн.: Zenkovsky, pp.409-22. Ср. Гудзий, с.399-403; Tschiłewskij, pp.337-340.

[79] Гудзий, с.423-440; Tschiłewskij, pp.343-345.

[80] See Mirsky. History of Russian Literature, pp.37-43. Гудзий, с.340-356; Tschiłewskij, pp.370-375. Русский текст: под ред. Гудзия. Житие протопопа Аввакума. Москва, 1960. Английский перевод: J. Harrison and H. Mirrless (London, Hogarth Press, 1924); Zenkovsky. Medieval Russia's Epics, pp.322-370.

[81] См.: Гудзий, с.441-455; Tschiłewskij, pp.317-319, 350-355; Его же История украинской литературы, с.243-245, 255-276.

[82] See Tschiłewskij. Narysy istorii filosofii na Ukraini, pp.20-30; Его же. "Платон в Древней Руси", ЗРИОП, 2 (1930), 71-81; Id. "Plato im alten Russland". Aus zwei Welten, pp.45-65; Шмаков. "Платон в Древней Руси", ЗРИОП, 2, 49-70. Cf. Kievan Russia, pp.283-285; Г.Флоровский. Пути русского богословия, гл. I-III.

[83] Шмаков. "Платон в Древней Руси", с.60-61. Ср. его же . "Государственно-национальные идеи", ЗРНИБ, 1, с.208-210.

[84] Шмаков. "Платон", с.51-53.

[85] Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, с.109-113; ср. Tschiłewskij, p.235.

[86] Fennell. Correspondence, pp.238-239.
[87] See W. Montgomery Watt, "Al-Ghazali". Encyclopedia of Islam (new edition), 2 (1965), 1040.
[88] Я цитирую по современному русскому варианту В.П. Зубова. См.: Чижевский. "Новое из истории русской культуры". Новый журнал, 82 (1966), 226.
[89] Это было открыто Зубовым. Ср. Я.С. Лурье "Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV- начала XVI века", с.196; Чижевский. Указ. ранее соч., с.224. Относительно параллелей славянских (древнерусских) философских терминов в различных древних переводах см. Tschiłewskij. "Altrussische wiesenschaftliche literatur und die Judasierenden", Die Welt der Slaven, XI, basc. 6 (1966), 358-359.
[90] Смотри извлечения из перевода Зубовым "Логики" Аль-Газали на современный русский язык в статье Чижевского в "Новом журнале", 82, 225-226.
[91] Под ред. А. Попова. "Книга Еразма о Святой троице", Чтения, 1880, часть IV, с. I-XIV, 1-124. Ср. Клибанов. Реформационные движения в России, с.288-290.
[92] М.В. Соколов. Очерки истории психологических воззрений в России в XI-XVIII веках. Москва, 1963, с.251-252, содержащие ссылку на П.М. Пелех. "Из истории отечественной психологии XVII в.", Очерки по истории отечественной психологии XVII-XVIII в., под ред. Г.С. Костюка (на украинском). Киев, 1952.
[93] Tschiłewskij. Narysy istorii filosofii na Ukraini, pp.24.
[94] Id. History of Russian Literature, p.365
[95] О науках и научном знании в россии (до 1700 г.) см.: Kievan Russia, за.295-299; Райнов. Наука в России (1940 г.); Очерки, 3, 182-186; там же, 4, 568-584; История естествознания в России, т.1, часть 1 (1957); Зубов "Кирик Новгородец", Историко-математические исследования, 6, 174-212.
[96] Зубов "Кирик Новгородец", с.202-204. Дюран (Durandus) умер в 1332 г.
[97] See Tschiłewskij. "Altrussische wiesenschaftliche literatur und die Judasierenden", pp.361-362. История естествознания в России, 1, часть 1, 60. По мнению Симона Шишмана, переводы с иврита, которые бытовали в России с XV в. и обычно рассматривались как часть литературы жидовствующих, должны в основном приписываться деятельности караимов. О караимах в великом княжестве Литовском см.: Russia at Dawn, pp.216-219 and passim.
[98] История естествознания в России, с.60-61; Tschiłewskij. "Altrussische wiesenschaftliche literatur und die Judasierenden", pp.361-362. Текст русского перевода "Космографии" не был опубликован полностью. Согласно "Истории естествознания", с.60, единственная известная рукопись его находится сегодня (1957 г.) "за пределами СССР". Согласно Чижевскому (1966 г.), рукопись исчезла после второй мировой войны.
[99] See Vyssotsky. Astronomical Records; История естествознания в России, с.53-57; Tschiłewskij (as in notes 16 and 17), pp.360-361.
[100] Д.М. Лебедев, География в России XVII века. Москва-Ленинград, 1949; его же, гл. 6 (География) в: История естествознания в России, 1, часть 1.
[101] См.: Л.А. Голдсиберг. Семен Ульянович Ремезов. Москва, 1965.
[102] См.: История естествознания в России, гл. 3 (физика), 4 (химия) и 5 (геология).

[1] "Коллегии" были государственными департаментами, ответственными за различные ветви администрации. В отличие от современных министерств, каждое из которых обычно находится в ведомстве одного человека, "коллегии" возглавлялись правлениями, состоявшими из приблизительно двенадцати человек, все из которых были в равной мере ответственными за управление делами в соответствующих департаментах.

[2] Накануне мировой войны в российской империи жило около 80 миллионов великороссов, более 20 миллионов малороссов и более 10 миллионов белорусов. Три группы вместе насчитывали более 120 миллионов всего 180-миллионного населения.

[3] Самодержавие означает в рамках этого исследования традиционно неограниченную власть короны, воплощенную в личности царя.

[4] В конце XVIII века крестьяне составляли 94-95% населения, обитатели городов — менее 3-5%, дворяне — чуть более 1% и духовенство — 1% Среди всех крестьян 55% составляли крепостные, принадлежавшие помещикам, остальные были государственными крепостными или свободными крестьянами.

[5] Российское вмешательство в западноевропейскую международную политику было постоянным со времени Екатерины Великой. Европа не забыла ни присутствие русских войск на боевых полях войны с Наполеоном, ни русское влияние в Вене в 1815 г.

[6] Эти события укрепили великую боязнь русской армии, которая была распространена в Европе в течение первой половины XIX века и составляла важный фактор в европейской оценке России и ее целей в этот период. Не стоит и говорить о том, что Крымская война подорвала миф о великой силе русской армии.

[7] Всеобщая воинская повинность, согласно закону 1874 г., действительно означала всеобщую обязанность служить в случае призыва. Освобождение от нее давалось единственным сыновьям и иным лицам, которые были единственными кормильцами своих семей. Образованные люди должны были служить значительно сокращенный срок.

[8] Слово *интеллигенция* используется в этом исследовании в узком смысле для обозначения политически ориентированной части образованного класса, находящегося в оппозиции к правительству.

[9] Слова "либерализм" и "либерал" используются в этом исследовании в их европейском смысле, т.е. для обозначения партии сдержанных и мирных реформ как противоположной революционным социалистам.

[10] "Староверы" были группой, отколовшейся от греко-православной церкви во второй половине XVII в. Они отличались от официальной церкви только по вопросу ритуала. С другой стороны, сектанты, подобные духоборам и молоканам, следовали религиозным учениям, которые были по сути отличны от доктрины греко-православной церкви.

[11] См. ниже, м

БИБЛИОГРАФИЯ

Абсцедарский Л.С., Белорусы в Москве XVII в. (Минск, 1957).

Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.), Очерки в честь Б.Б. Кафенгауза (Москва, 1964).

Абу-аль-гази, Родословная туркмен. См.: Кононов А.Н.

Аввакум, протопоп, Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, Н.К. Гудзий, ред. (Москва, 1960).

Авраамий Палицын, Сказание (Москва и Ленинград, 1955).

Адрианова-Перетц В.П., Русский лубок XVII-XIX вв. (Москва и Ленинград, 1962).

Акты археографической экспедиции (С.-Петербург, 1836). 3 тт.

Акты времени междуцарствия (1610-1618 гг.), С.К. Богоявленский и И.С. Рябинин, ред. (Москва, 1915).

Акты времени правления царя Василия Шуйского. См.: Гневушев.

Акты западной России (С.-Петербург, 1846-1853). 5 тт.

Акты исторические (С.-Петербург, 1841-1842). 5 тт.

Акты, относящиеся к истории южной и западной России (С.-Петербург, 1863-1892). 15 тт.

Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси XIV-начала XVI веков, Б.Д. Греков и Л.В. Черепнин, ред. (Москва, 1952-1964). 3тт.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков, С.В. Бахрушин и Л.В. Черепнин, ред. (Москва, 1951-1956). 2 тт.

Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова, Часть I (Москва, 1940).

Алексеев М.П., Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I в двух частях (Иркутск, 1932-1936).

Алексеев Ю.Г., Аграрная и социальная политика северо-восточной Руси XV-XVI вв. Переяславский уезд (Москва и Ленинград, 1966).

Алексей Михайлович, царь, Собрание писем (Москва, 1856).

Алпатов М.В., Андрей Рублев (Москва, 1959).

Алпатов М.В., Памятник древнерусской живописи XV века. Икона "Апокалипсис" Успенского собора (Москва, 1964).

Андреев А.И., "Новоторговый устав 1667 г.", ИЗ, 13 (1942), 303-307.

Андреев А.И., Очерки по источниковедению Сибири (Москва, 1960-1965). 2 тт.

Андреев Н., "Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописи", SK, 8 (1936), 259-278.

Андреев Н., "Иоанн Грозный и иконопись XVI века", AIK, 10 (1938), 180-200.

Андреев Н., "Литература и иконопись. К истории идей в Московской Руси", To Honor Roman Jakobson (The Hague, Mouton, 1967), pp.1549-1567.

Андреев Н., "Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства", SK, 7 (1935), 227-244.

Андреев Н., "О деле дьяка Висковатого", SK, 5 (1932), 191-241.

Андреев Н., "Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного", ТОДРЛ, 18, (1962), 117-148.

Андриевич В.К., История Сибири (С.-Петербург, Иркутск, Томск, Одесса, 1887-1889). 5 тт.

Антоний (Храповицкий), митрополит. См.: Никон (Р. Клицкий), архиепископ, Жизнеописание ... Антония.

Апанович О.М., Запорізька Січь у боротьбы проты турецко-татарской агрессии (Киев, 1961).

Арбатский Ю., Этюды по истории русской музыки (Нью-Йорк, Издательство Чехова, 1956).

Арбатский Ю., Humanitas Heroica", Новый Журнал, 64 (1961), 287-291.

Архангельский А.С., Творения отцов церкви в древнерусской письменности (С.-Петербург, 1888).

Архангельский С.И., "Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой", ИЗ, 5 (1939), 118-140.

Археографический ежегодник, I - (Москва, 1957 -).

Архив юго-западной России (Киев, 1859-1911), 24 тт.

Багалей Д.И., Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний (Харьков, 1886-1890).

Багалей Д.И., Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства (Москва, 1887).

Базилевич К.В., Атлас по истории СССР, I (Москва, 1950).

Базилевич К.В., Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. (Москва и Ленинград, 1936 г.)

Бакланова Н.А., "Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII века", РАНИОН, 5 (1929), сс. 297-313.

Баранович А.И. и др., ред., Воссоединение Украины с Россией (Москва, 1954).

Барсков Я.Л., ред., Памятники истории старообрядчества XVII в., 1, вып. 1 (Ленинград, 1927).

Барсков Я.Л., ред., Памятники первых лет русского старообрядчества, ЛЗАК, 24 (1911, опубл. 1912).

Барсков Я.Л., "С.Ф. Платонов - Борис Годунов" (обзор), РИЖ, 8 (1922), сс. 280-290.

Барсуков А., Род Шереметьевых (С.-Петербург, 1881-1904). 8 тт.

Барсуков А., Списки городовых воевод (С.-Петербург, 1902).

Бартольд В.В., История изучения востока в Европе и России (Ленинград, 1925).

Бартольд В.В., пер. На русский, Книга моего деда Коркута (Москва и Ленинград, 1962).

Бартольд В.В., Сочинения (Москва, 1963-). 9 тт. Шесть томов опубликовано (т. 6, 1966).

Бахрушин С.В., Научные труды (Москва, 1952-1959). 4 тт., т. 3 в двух частях.

Бахрушин С.В., Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. (Москва, 1928).

Беларуски архиу: праци и матерыялы да гисторыи и археологии Беларуси (Минск, 1827-1928). 2 тт.

Белов Е.А., "Об историческом значении русского боярства до конца XVII века", ЖМНП (1886), 243, сс. 68-127; 244, сс. 29-75.

Белокуров С.А., "Арсений Суханов", Чтения (1891, I - II; 1894, II).

Белокуров С.А., О посольском приказе (Москва, 1906).

Белокуров С.А., Сношения России с Кавказом (Москва, 1889)

Белокуров С.А., "Утвержденная грамота о избрании на Московское государство М.Ф. Романова", Чтения (1906, III).

Белокуров С.А., "Юрий Крижанич в России", Чтения (1903, II - III; 1907, III; 1909, II).

Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов материалов, 1-2 (Минск, 1960).

Берг Л.С., Очерк истории русской географической науки (Ленинград, 1929).
Берх В., Царствование царя Алексея Михайловича (С.-Петербург, 1831). 2 тт.
Берх В., Царствование царя Михаила Федоровича (С.-Петербург, 1832). 2 тт.
Бестужев-Рюмин К.Н., Русская история, 1 и 2, часть 1 (С.-Петербург, 1872-1885).
Бестужев-Рюмин К.Н. и С.Ф. Платонов, "Борис Федорович Годунов", РБС, т. "Бетанкур-Бякстер" (1903), сс. 238-250.
Бибиков Г.Н., "Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22-24 августа 1612 года под Москвой", ИЗ, 32 (1950), сс. 173-197.
Бибиков Г.Н., "Опыт военной реформы 1609-1610 годов", ИЗ, 19 (1946), сс. 3-16.
Бобринский А., граф, Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской Империи (С.-Петербург, 1890).
Богданов М.Н., Очерки истории бурят-монгольского народа (Верхнеудинск, 1926).
Богословский М.М., Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. (Москва, 1909-1910), 2 тт.
Богословский М.М., Петр Первый, 1 (Ленинград, 1940).
Богоявленский С.К., "Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века", ИЗ, 5 (1939), сс. 48-101.
Богоявленский С.К., "О пушкарском приказе", Сборник статей в честь Любавского (С.-Петербург, 1917).
Бородин А.В., "Е. Сташевский - Смоленская война 1632-1634 гг." (обзор), РИЖ, 8 (1922), сс. 265-276.
Будовниц И.У., Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в X1V-XVI веках (Москва, 1966).
Будовниц И.У., Русская публицистика XVI века (Москва и Ленинград, 1947).
Буганов В.И., "Документы о сражении при Молодях в 1572 г.", Исторический архив, № 4 (1950), сс. 166-183.
Буганов В.И., Московское восстание 1662 г. (Москва, 1964).
Буганов В.И., Разрядные книги последней четверти X1V и начала XVII вв. (Москва, 1962).
Буссов К., Московская хроника 1584-1613 гг. (Москва и Ленинград, 1961).
Быкадоров И.Ф., Донское войско в борьбе за выход к морю (1546-1646) (Париж, 1937).
Быкадоров И.Ф., История казачества, 1 (Прага, 1930).

Вайнштейн О.Л., Россия и Тридцатилетняя война 1618-1648 гг. (Ленинград, 1947).
Вальденберг В., Древнерусские учения о пределах царской власти (Петроград, 1916).
Вальденберг В., Государственные идеи Крижанича (С.-Петербург, 1912).
Введенский А.А., Дом Строгановых в XVI - XVII веках (Москва, 1962).
Введенский А.А., Торговый дом XVI - XVII веков, источники (Ленинград, 1924).
Величко С., Сказания о войне казацкой с поляками (Киев, 1926).
Вельяминов-Зернов В.В., Исследование о касимовских царях и царевичах (С.-Петербург, 1863-1887). 4 тт.
Вернадский Г., "Государевы служилые и промышленные люди в восточной Сибири XVII века", ЖМНП, Н.С., 55 (1915), сс. 391-425.
Вернадский Г., "Иван Грозный и Симеон Бекбулатович", To Honor Roman Jakobson (The Hague, Mouton, 1967), pp. 151-169.
Вернадский Г., "Историческая основа русско-калмыцких отношений", Kalmyk-Oirat Symposium, pp. 11-50.

Вернадский Г., "Милюков и месторазвитие русского народа", Новый Журнал, 77 (1964), сс. 254-289.

Вернадский Г., Начертание русской истории (Прага, 1927).

Вернадский Г., "О движении русских на восток", Научно Исторический Журнал, 2 (1914), сс. 52-61.

Вернадский Г., Опыт истории Евразии (Берлин, 1934).

Вернадский Г., "Повесть о Суханс", Новый Журнал, 59 (1960), сс. 196-202.

Вернадский Г., "Усть-Цилемские рукописные сборники", Новый Журнал, 70 (1962).

Вернадский Г., "Церковь и государство в системе Соборного Уложения 1649 года", П.А. Сорокин и Н.П. Полторацкий, ред., На темы русские и общие, том в честь Н.С. Тимашева (Нью-Йорк, Общество друзей русской культуры, 1965).

Вернадский Г., ред., см.: Никон, патриарх, Возражение.

Весловский С.Б., Исследования по истории опричнины (Москва, 1962).

Весловский С.Б., Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича (Москва, 1909)

Весловский С.Б., Сошное письмо (Москва, 1915-1916). 2 тт.

Визвольна вийна 1648-1654 рр. И воззднання Украйны з Росией, В.А. Дьячсико, О.К. Касименко, Ф.П. Шевченко, ред. (Киев, 1954).

Вилинский С.Г., Послания старца Артемия XVI века (Одесса, 1906).

Владимиров М., См.: Георгиевский Г.П. и М. Владимиров.

Владимирский-Буданов М.Ф., Обзор истории русского права (7-е изд., Петроград и Киев, 1915).

Владимирский-Буданов М.Ф., "Отношения между Литовским Статутом и Уложением", Сборник государственных знаний, В.П. Безобразов, ре., 4 (С.-Петербург, 1877).

Владимирский-Буданов М.Ф., Хрестоматия по истории русского права (С.-Петербург и Киев). 3 тт., т. 1, 6-е изд. (1908); т. 2, 5-е изд. (1915); т. 3, 4-е изд. (1908).

Владимирцов Б.Л., Общественный строй монголов (Ленинград, 1934).

Власовский И., Нарыс истории украинской православной церквы, 1-2 (Нью-Йорк, Украинская Православная Церковь, 1955-1956).

Внутренняя политика царизма (середина XVI - начало XX века), собрание статей. (Москва, 1967).

Вопросы истории (Москва, 1945-1967).

Вопросы образования восточнославянских национальных языков (Москва, 1962).

Воронин Н.Н., Зодчество северо-восточной Руси XII - XV веков (Москва, 1961-1962). 2 тт.

Воронин Н.Н., "Ростовский Кремль", из истории доканиталистических формаций, сс. 655-680.

Воссоединение Украины с Россией, документы (Москва, 1954). 3 тт.

Воссоединение Украины с Россией, собрание статей. См.: Баранович А.И. и др., ред.

Восстание И. Болотникова. Документы и материалы, А.И. Копанев и А.Г. Манков, ред. (Москва, 1959).

Галактионов И. И Е. Чистякова, А.Л. Ордын-Нащокин (Москва, 1961).

Гарасимчук В., "Чуднивска кампания", ЖНТШ, 110-114, 116 (1912-1913).

Гарасимчук В., "Выговский и Гадятский трактат", ЖНТШ, 87-89 (1909).

Гарасимчук В., "Выговский и Богдан Хмельницкий", ЖНТШ, 59-60 (1904).

Гейденштейн Р., Записки о Московской войне (1578-1582) (С.-Петербург, 1889).

Гейман В.Г., "Проект Волго-Балтийского канала в XVII веке", Исторический сборник, 1 (Ленинград, 1934), сс. 253-268.

Георгиевский г.П. и М. Владимиров, Древнерусская миниатюра (Москва, 1933), 115 стр. текста, 100 иллюстраций.

Герберштейн С., фон, Записки о московитских делах, А.И. Малеин, ред. и перевод (С.-Петербург, 1908).

Гиббенет Н., Историческое исследование дела патриарха Никона (С.-Петербург, 1881-1884). 2 тт.

Гисторыя Беларуси у дакументах и матерыялах, 1 (Минск, 1936).

Гневушев А.М., ред., Акты времени правления царя Василия Шуйского (Москва, 1914).

Голобуцкий В., Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648-1654 (Киев, 1962).

Голобуцкий В., Запорожское казачество (Киев, 1957).

Голохвастов Д.П. и архимандрит Леонид, "Благовещенский перей Сильвестр и его писания", Чтения, часть 1 (1874), сс. 1-167.

Голубинский Е.Е., История канонизации святых в русской церкви, (2-е изд., Москва, 1903).

Голубинский Е.Е., История русской церкви (Москва, 1900-1917). 2 тт., каждый в двух частях (Часть II т. 2 не закончена).

Голубев С., Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (Киев, 1833-1898). 2 тт.

Голубцов А.П., ред., "Памятники прений о вере 1644-1645 годов", Чтения, часть II (1892), сс. 1-26, 1-350.

Голубцов И.А., "Измена Нагих", РАНИОН, 4 (1929), сс. 55-70.

Голубцов И.А., "Измена смолян при Б. Годунове и извет Варлаама", РАНИОН, 5 (1929), сс. 218-251.

Гольденберг Л.А., Семен Ульянович Ремезов (Москва, 1965).

Гордон П., Дневник генерала Патрика Гордона. Перевод с немецкого М. Салтыковой. Части I и II: Чтения, Часть 4 (1891); сс. 1-236; Часть 3 (1892), сс. 1-194. Приложения: Чтения, Часть 4 (1892), сс. 197-244.

Города феодальной России (Москва, 1966). Сборник статей в память Н.В. Устюгова.

Горсей, сэр Джером, Записки о Московии XVI и начала XVII века, перевод на русский язык (С.-Петербург, 1909).

Государственная Оружейная палата Московского Кремля (Москва, 1958).

Готье Ю.В., ред., Акты, относящиеся к истории земских соборов (Москва, 1909).

Готье Ю.В., Замосковный край в XVII веке (2-е изд., Москва, 1937).

Грабарь В.Э., Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917) (Москва, 1958).

Грабарь И.Э., История русского искусства, 1-6 (Москва, 1909-1912).

Грабарь И.Э., История русского искусства, 1-4 (Москва, 1953-1959).

Грабеньский В., История польского народа, пер. на русский язык: Н. Ястребов, ред. (С.-Петербург, 1910).

Греков Б.Д., Крестьяне на Руси, 2 (2-е изд., Москва, 1954).

Греков И.Б., "Из истории совместной борьбы Украины и России за осуществление решений Переяславской Рады", в кн.: А.И. Барановч и др., Воссоединение Украины с Россией, сс. 307-356.

Грушевский М., История украинской литературы (Киев, 1923-1927). 3 тт.

Грушевский М., История Украины-Руси (Львов, Киев, Москва, Вена, 1898-1937). 10 тт. Новое издание всего труда (Нью-Йорк, Книго-Спилка, 1954-1958). Постраничные сноски к тт. 8 и 10 соответствуют пагинации нового издания.

Гудзий Н.К., История древней русской литературы (2-е изд., Москва, 1941; 7-е изд., Москва, 1966). Сноски в примечаниях по 2-му изд.

Гумилев Л.Н., "По поводу предмета исторической географии (ландшафт и этнос)", Вестник Ленинградского университета, № 18. Серия геологии и географии, 3 (Ленинград, 1965), сс. 112-120.

Гумилев Л.Н., "Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии", История СССР, 1 (Москва, 1967), сс. 53-65.

Гурлянд И.Я., Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века (Ярославль, 1900).

Гурлянд И.Я., Приказ великого государя тайных дел (Ярославль, 1902).

Даль В., Толковый словарь живого великорусского языка (2-е изд., С.-Петербург, 1880-1882; переиздано; Москва, 1955). 4 тт.

Данилевский В.В., Русское золото. История открытия и добычи до середины XIX века (Москва, 1959).

Данилова Л.В., "Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма", ИЗ, 76 (1963), сс. 61-119.

Дацюк Б.Д., Юрий Крижанич (Москва, 1946).

Двойченко-Маркова Е.М., "К истории русско-румынских культурных связей XVI века", Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем (Москва, 1966), сс. 102-123.

Двойченко-Маркова Е.М., Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века (Москва, 1966), сс. 5-15, историческое вступление.

Дворцовые разряды (С.-Петербург, 1850-1855). 5 тт.

Дворцовые разряды, Указатель (1912).

Дела Тайного приказа, части 1-3, РИБ, тт. 21-23.

Демидова Н.Ф. и В.С. Мясников, Первые русские дипломаты в Китае (Москва, 1966).

Державина О.А., Великое Зерцало и его судьба на русской почве (Москва, 1966).

Димитрий, Святой, митрополит Ростовский, Розыск о раскольнической брынской вере (Москва, 1847).

Дмитриева Р.П., Сказание о князьях Владимирских (Москва и Ленинград, 1955).

Дмитриева Р.П. и Ю.Н. Бегунов, Библиография русского летописания (Москва и Ленинград, 1962).

Дневник Люблинского сейма 1569 года, М. Коялович, ред. (С.-Петербург, 1869).

Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (1581-1582), М. Коялович, ред. (С.-Петербург, 1867). Недоступен для меня.

Документы об освободительной борьбе украинского народа 1648-1654 гг. (Киев, 1965).

Долгих Б.О., Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке (Москва, 1960).

Долгоруков, князь П. Российская родословная книга (С.-Петербург, 1854-1857). 4 тт.

Домострой, А.Н. Чудинов, ред. (С.-Петербург, 1911).

Донские дела, 1-5 (РИБ, 18, 24, 26, 29, 34).

Дорошенко Д., Нарыс истории Украйны (Варшава, 1932-1933). 2 тт.

Дружинин В., Раскол на Дону (С.-Петербург, 1889).

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV- XVI веков, С.В. Бахрушин и Д.В. Черепнин, ред. (Москва и Ленинград, 1950).

Дьяконов К.А., Власть Московских государей (С.-Петербург, 1889).

Дьяконов К.А., Очерки общественного и государственного строя древней Руси (4-е изд., С.-Петербург, 1912).

Евреинов Б.А., "Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы", ЗРИОП, 1 (1927), сс. 57-79.

Евреинов Н.Н., История русского театра (Нью-Йорк, Издательство Чехова, 1955).

Еврейская энциклопедия, А. Гаркави и И. Кацнельсон, ред. (С.-Петербург, 1906-1913). 15 тт.

Евфросин, "Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей", ОЛДП, 108 (1895).

Ельяшевич В.Б., История права поземельной собственности в России (Париж, 1948-1951). 2 тт.

Ефимов Н.И., Русь-Новый Израиль (Уржум, 1912). Недоступно для меня.

Жданов И.Н., "Материалы для истории Стоглавого Собора", ЖМНП, 186 (1879), 50-89, 173-225. Переиздание в кн.: И.Н. Жданов, Сочинения, 1, сс. 171-272.

Жданов И.Н., Сочинения (С.-Петербург, 1904-1907). 2 тт.

Желябужский И., "1657. Акты, относящиеся к посольству дворянина Желябужского", РИБ, 8, 1235-1292.

Жордания Г., Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. (Тбилиси, 1959). 2 тт.

Жукович П., Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией /до 1609 г./ (С.-Петербург, 1901); /1609-1632 гг./, вып. 1-6 (С.-Петербург, 1903-1912).

Забелин И.Е., Домашний быт русского народа в XVI-XVII столетиях. (2-е изд., Москва, 1872). 2 тт.

Забелин И.Е., Домашний быт русских цариц в XVI-XVII столетиях (Москва, 1869; 1-е изд. 2 тома той же работы).

Забелин И.Е., История города Москвы (2-е изд., Москва, 1905).

Забелин И.Е., Минин и Пожарский (4-е изд., Москва, 1900).

Замысловский Е., "О значении XVII века в русской истории", ЖМНП, 158 (1871), сс. 169-180.

Замысловский Е., Царствование Федора Алексеевича (С.-Петербург, 1871).

Замысловский Е., Учебный атлас по русской истории (2-е изд., С.-Петербург, 1877).

Замятин Г.А., "К истории земского собора 1613 года", Труды Воронежского государственного университета, 3 (1926), сс. 1-74.

Замятин Г.А., К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611-1616) (Юрьев, 1913).

Замятин Г.А., "Новый Летописец о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 году", ЖМНП, 50 (1914), сс. 63-87.

Замятин Г.А., "Псковское сидение", ИЗ, 40 (1952).

Заозерский А.И., Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве (Петроград, 1917).

Заозерский А.И., Царская вотчина XVII века, 2-е исправленное издание вышеназванной книги (Москва, 1937), Ссылки даются на это издание.

Зернова А.С., Книги Кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII веках (Москва, 1958).

Зерцалов А., "О мятежах в городе Москве и селе Коломенском в 1648, 1662 и 1671 гг.", Чтения, Часть III (1890).

Зимин А.А., "Земский собор 1566 г.", ИЗ, 71 (1962), сс. 196-235.

Зимин А.А., "О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма", Абсолютизм в России, сс. 18-49.

Зимин А.А., Опричнина Ивана Грозного (Москва, 1964).

Зимин А.А., Пересветов и его современники (Москва, 1958).

Зимин А.А., Реформы Ивана Грозного (Москва, 1960).

Зимин А.А. и Лурье Я.С., ред., Послания Иосифа Волоцкого (Москва и Ленинград, 1959).

Зиновий Отенский, Истины показание (Казань, 1863).

Златкин И.И., История Джунгарского ханства (1635-1758). (Москва, 1964).

Зубов В.П., "Кирик Новгородец", Историко-математические исследования, 6 (1953), сс. 174-212.

Зубов В.П., "Вопрос о неделимых и бесконечном в древнерусском литературном памятнике XV в.", Историко-математические исследования, 3 (1950), сс. 402-430.

Зызыкин М.В., Патриарх Никон. Его государственные и каноинческие идеи (Варшава, 1931-1939). 3 тт.

Из истории докапиталистических формаций (Москва и Ленинград, 1933).

Иконников В.С., Опыт русской историографии (Киев, 1891-1908). 2 тт., каждый в двух частях.

Ильин М.А., Каменная летопись Московской Руси XV- XVII вв. (Москва, 1966).

Иоасафовская летопись (Москва, 1957).

Иосиф Санин (Волоцкий), Просветитель, или обличение ереси жидовствующих (3-е изд., Казань, 1896).

Исследования и материалы по древнерусской литературе (Москва, 1961).

Историография истории СССР, В.Е. Иллерицкий и И.А. Кудрявцев, ред. (Москва, 1961).

Исторические песни XIII-XVI веков. А.М. Астахова и др., ред. Москва и Ленинград, 1960).

Исторические песни XVII века, О.Б. Алексеева и др., ред. (Москва и Ленинград, 1966).

История Белорусской ССР (Минск, 1954-1958). 2 тт.

История дипломатии, 1 (2-е исправленное издание, Москва, 1959).

История естествознания в России. Н.А. Фигуровский, В.П. Зубов, С.П. Микулинский, ред., 1, Части 1-2 (Москва, 1957).

История Казахской ССР, М. Абдыкалыков и А. Панкратова, ред. (Алма-Ата, 1943).

История Латвийской ССР, 1 (Рига, 1952).

История народов Узбекистана (Ташкент, 1947-1950). 2 тт.

История русского искусства. См.: И.Э. Грабарь, ред..

История русской литературы, 1-2 (Москва и Ленинград, 1941-1948).

История Северо-Осетинской АССР (Москва, 1959).

История Туркменской ССР (Ашхабад, 1955-1957). 2 тт.

История Украинской ССР, А.К. Казименко и др., ред. (Киев, 1953). 2 тт.

История Украинской ССР, В.А. Дядиченко и др., ред. (Киев, 1956), 2 тт.
Источниковедение истории СССР, 1, М.Н. Тихомиров, ред. (Москва, 1940).
Ишболдин Б.С., "Царь Федор Борисович Годунов", Новик (1956), сс. 1-9.

Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII веках (Москва, 1957). 2 тт.
Кабузан В.М., Народонаселение в России в XVIII первой половине XIX в. (Москва, 1963).
Казакова Н.А., Василан Патрикеев (Москва и Ленинград, 1960).
Казакова Н.А. и Я.С. Лурье, Антифеодальные еретические движения на Руси XIV-начала XVI века (Москва и Ленинград, 1955).
Калачев Н.В., ред., Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, 1 (2-е изд., Москва, 1876); 2 (Москва, 1855).
Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Записки, 1 (Элиста, 1960).
Калугин Ф., Зиновий, инок Отенский (С.-Петербург, 1894).
Каптерев Н.Ф., Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях (Москва, 1885).
Каптерев Н.Ф., Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович (Сергиев Посад, 1909-1912). 2 тт.
Карамзин Н.М., История государства Российского (6-е изд., С.-Петербург, А. Смирдии, 1851-1853). 12 тт.
Карамзин Н.М., Примечания к истории государства Российского (6-изд., С.-Петербург, А. Смирдии, 1852-1853). 12 тт.
Карпов Г.Ф., "Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великою Россией", ЖМНП, 158 (1871), 1-39, 232-269.
Карташев А.В., Очерки по истории русской церкви (Париж, 1959). 2 тт.
Кафенгауз Б.Б., См.: Абсолютизм в России.
Каштанов С.М., Социально-политическая история России конца XV - первой половины XVI века (Москва, 1967).
Кирдан Б.П., Украинский народный эпос (Москва, 1965).
Кизеветтер А.А., "Иван Пересветов", Сборник Струве, сс. 279-288.
Кизеветтер А.А., "Опричнина Ивана Грозного в русской историографии", СРИП, 2 (1931), сс. 7-28.
Кириков С.В., "Исторические акты как основные источники для оценки запасов и определения ареала охотничье-промысловых зверей и птиц в XVI-XVIII - начале XIX вв.", Ресурсы фауны промысловых зверей в СССР и их учет (Москва, Академия Наук. Институт географии, 1963), сс. 52-63.
Кириков С.В., Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII-XIX вв.) (Москва, 1959-1960). 2 тт.
Кириков С.В., Промысловые животные, природная среда и человек (Москва, 1966).
Киселев С.В., Древняя история Южной Сибири (2-е изд., Москва, 1951).
Клейн В.И., "Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия", Записки Московского Археологического института, 25 (1913).
Кленк, Кунраад ван, Посольство Кунраада ван Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, вступит. статья: А. Ловягин (С.-Петербург, 1900).
Клибанов А.И., Реформационные движения в России в XIV - первой половине XVI века (Москва, 1960).

Ключевский В.О., Боярская Дума Древней Руси (4-е изд., Москва, 1910).

Ключевский В.О., Древнерусские жития как исторический источник (Москва, 1871).

Ключевский В.О., Курс русской истории (American Council of Learned Societies Reprints, Russian Series, N 14). Воспроизведение Московского изд. 1937 г..

Ключевский В.О., Сочинения (Москва, 1956-1959). 8 тт.

Ключевский В.О. и др., ред., Памятники русской истории (Москва, 1909). 4 тт.

Книга Кормчая. См.: Кормчая книга.

Книги разрядные (С.-Петербург, 1856).

Кобрин В.Б., "Состав опричного двора Ивана Грозного", Археографический ежегодник, 1959 (Москва, 1960), сс. 16-91.

Кологривов С., Материалы по истории сношений России с иностранными государствами в XVII веке (С.-Петербург, 1911).

Кондаков Н.П., Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, текст и альбом иллюстраций (С.-Петербург, 1905).

Кондаков Н.П., Русская икона (Прага, Seminarium Kondakovianum, 1928-1933). 2 тт. Текста, 2 альбома иллюстраций.

Кононов А.Н., Родословная туркмен. Сочинение Абу-аль-Гази, хана Хивинского (Москва и Ленинград, 1958).

Концевич И.М., Стяжание Духа Святого в путях древней Руси (Париж, 1952).

Копанев А.И., А.Г., Манков, Н.Е. Носов, Очерки истории СССР. Конец XV - начало XVII вв., ред. И.И. Смирнов (Ленинград, 1957).

Копылов А.Н., Русские на Енисее в XVII веке (Новосибирск, 1965).

Кормчая Книга. Издания: (1) Москва, 1650 (при патриархе Иосифе; Зернова, № 222). Перепечатано старообрядцами, Москва, 1911; (2) Москва, 1653 (при патриархе Никоне; Зернова, № 223). (3) Несколько слегка переработанных изданий. Сноски в данном томе на изд. 1810 (Москва).

Королюк В.Д., Ливонская война (Москва, 1954).

Костомаров Н., Собрание сочинений (С.-Петербург, 1903-1905). 6 книг в 16 тт.

Костомаров Н., Богдан Хмельницкий (4-е изд., С.-Петербург, 1884). 3 тт.

Костомаров Н., "Бунт Стеньки Разина", Собр. соч., кн. 1, 2, сс. 307-403.

Костомаров Н., "Гетманство Выговского", Собр. соч., кн. 1, 2, сс. 307-403.

Костомаров Н., "Гетманство Юрия Хмельницкого", Собр. соч., кн. 5, 12, сс. 95-184.

Костомаров Н., ""Личность" царя Ивана Васильевича Грозного", Собр. соч., ки. 5, 13, сс. 397-405.

Костомаров Н., "Патриарх Никон", Русская история, 2, сс. 157-220.

Костомаров Н., "Руина", Собр. соч., кн. 6, 15, сс. 5-366.

Костомаров Н., Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей (2-е изд., С.-Петербург, 1881). 2 тт.

Костомаров Н., "Смутное время Московского государства в начале XVII столетия". Собр. соч., ки. 2, 4.

Костомаров Н., "Царь Алексей Михайлович", Русская история, 2, сс. 97-156.

Костомаров Н., "Царь Федор Алексеевич", Русская история, 2, сс. 459-473.

Косточкин В.В., Государев мастер Федор Конь (Москва, 1964).

Котов. См.: Хожение купца Федора Котова в Персию.

Козловский И.П., Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве (Варшава, 1913). 2 тт.

Котошихин Г.К., О России в царствование Алексея Михайловича (3-е изд., С.-Петербург, 1884).

Крестьянская война под предводительством Степана Разина, собрание документов, А.А. Новосельский, ред., 1-3, т. 2 в двух частях (Москва, 1954-1956).

Крижанич Ю., Политика, М.Н. Тихомиров, ред. (Москва, 1965).

Крижанич Ю., Русское государство в первой половине XVII века, П.А. Бессонов, ред. (Москва, 1860).

Крипякевич И.П., Богдан Хмельницкий (Киев, 1954).

Кузин А.А., История открытия рудных месторождений в России до середины XIX века (Москва, 1961).

Кузьмина В.Д., Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей (Москва, 1964).

Кушева Е.Н., "К истории холопства в конце XVI и начале XVII веков", ИЗ, 15 (1945), сс. 70-96.

Кушева Е.Н., Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. (Москва, 1963).

Лазарев В.Н., Андрей Рублев (Москва, 1960).

Лазарев В.Н., ред., Древнерусское искусство XV - начала XVI веков (Москва, 1963).

Лазарев В.Н., ред., Древнерусское искусство. XVII век (Москва, 1964).

Лазарев В.Н., История византийской живописи (Москва, 1947). 2 тт.

Лазарев В.Н., Феофан Грек и его школа (Москва, 1961).

Лаппо И.И., Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория, 1-2 (С.-Петербург, 1901).

Лаппо И.И., Западная Россия и ее соединение с Польшей (Прага, 1924).

Лаппо И.И., Литовский Статут 1588 года, 1, части 1 и 2, исследование; 2, текст (Каунас, 1934-1937).

Лаппо-Данилевский А.С., "Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича", ЖМНП, (сентябрь 1885), сс. 89-98.

Лаппо-Данилевский А.С., Организация прямого обложения в Московском государстве (С.-Петербург, 1884).

Лебедев Д.М., География в России XVII века (Москва и Ленинград, 1949).

Латкин В.Н., Земские соборы древней Руси (С.-Петербург, 1885).

Латкин В.Н., Материалы для истории земских соборов XVII столетия (С.-Петербург, 1884).

Лебедев Д.М., География в России XVII века (Москва и Ленинград, 1949).

Лилеев Н.В., Симеон Бекбулатович (Тверь, 1891).

Липинский. См.: Лыпинский.

Лихачев Д.С., Культура Руси времени Андрея Рублёва и Епифания Премудрого (Москва и Ленинград, 1962).

Лихачев Д.С., Культура Руси: эпоха образования русского национального государства. Конец XIV - начало XVI в. (Ленинград, 1946).

Лихачев Д.С., Культура русского народа X-XVII в. (Москва, 1961).

Лихачев Д.С., ред., Путешествия русских послов XVI-XVII веков (Москва и Ленинград, 1954).

Лихачев Д.С., Человек в литературе Древней Руси (Москва, 1958).

Лихачев Н.П., "Новые данные о земском соборе 1616 года", РИЖ, 8 (1922), сс. 60-87.

Лихачев Н.П., "Письмо смутного времени", РИЖ, 7 (1921), сс. 121-137.

Лихачев Н.П., Разрядные дьяки XVI века (С.-Петербург, 1888).

Лобанов-Ростовский А.Б., князь, Русская родословная книга (2-е изд., С.-Петербург, 1895). 2 тт.

Лозанова А.Н., Песни и сказания о Разине и Пугачеве (Москва и Ленинград, 1935).

Лурье Я.С., Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI века (Москва и Ленинград, 1960).

Лыпынский В., Украйна на переломи 1657-1659 (Вена, 1920; перепечатано Нью-Йорк, Булава, 1954).

Любавский М.К., Лекции по древней русской истории до конца XVI века (3-е изд., Москва, 1918).

Любавский М.К., Очерк истории Литовско-Русского государства (2-е изд., Москва, 1915).

Любименко. См.: Lubimenko J.

Любомиров П.Г., Очерк истории Нижегородского ополчения (2-е изд., Москва, 1939).

Любомиров П.Г., Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX вв.) (Ленинград, 1937).

Лященко П.И., История народного хозяйства СССР, 1 (Москва, 1947).

Макарий (Булгаков), митрополит, История русской церкви (С.-Петербург, 1877-1891). 12 тт.

Максимович Е.Ф., "Первосоветник Думы Боярской", ЗРИОП, 2 (1930), сс. 141-162.

Максимович Е.Ф., "Церковно-земский собор 1549 года", ЗРНИБ, 9 (1933), 1-15.

Малинин В., Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания (Москва, 1901).

Мальцев А.Н., "Боевое содружество русского, белорусского и украинского народов за освобождение Украины и Белоруссии (1654-1655)", в кн.: А.И. Баранович и др., ред., Воссоединение Украины с Россией, сс.264-306.

Малышев В.И., ред. и комментарии, Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков, с введением и примечаниями Малышева (Москва и Ленинград, 1952).

Малышев В.И., Повесть о Сухане (Москва, 1956).

Малышев В.И., Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-XX вв. (Сыктывкар, 1960.

Манков А.Г., ред., Материалы по истории крестьян в русском государстве XVI века (Ленинград, 1955).

Манков А.Г., Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века (Москва и Ленинград, 1962).

Манков А.Г., Цены и их движение в русском государстве XVI века (Москва и Ленинград, 1951).

Маркевич А., История местничества в Московском государстве в XV-XVII веках (Одесса, 1888).

Масса, Исаак, Краткое известие о Московии в начале XVII века (Москва, 1937).

Материалы для библиографии по истории народов СССР XVI-XVII вв., (Ленинград, 1933).

Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом, 1920-1930 (Белград, 1931).

Материалы по истории СССР, 2, А.А. Новосельский, Л.В. Черепнин, Л.Н. Пушкарев, ред. (Москва, 1955).

Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-1568 и 1646 (Ленинград, 1932).

Материалы по истории туркмен и туркмении (Москва и Ленинград, 1938-1939). 2 тт.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Часть I (Ленинград, 1932-1933).

Международные связи России до XVII в. (Москва, 1961).

Мельгунов С., Религиозные и общественные движения в XVII-XVIII веках (Москва, 1922).

Мельников Н.М., Ермак Тимофеевич, предисловие М. Миллера (Ashiitc, Scinc, 1961).

Мельников П.И. (А. Печерский), Собрание сочинений (Москва, 1963). 6 тт.

Мещерский Н.А., История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе (Москва, 1958).

Миллер В.Ф., Исторические песни русского народа XVI-XVII веков, АНОРС (Петроград, 1915).

Миллер Г.Ф., История Сибири, 1-2 (2-е изд., Москва и Ленинград, 1937-1941).

Милюков П.Н., ред., "Древнейшая Разрядная книга официальной редакции", Чтения, Части 1-2 (1902).

Милюков П.Н., Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого (2-е изд., С.-Петербург, 1905).

Милюков П.Н., Очерки по истории русской культуры, 1 (7-е изд., Москва, 1918).

Милюков П.Н., Очерки по истории русской культуры, 1, часть 1 (исправленное изд., Париж, 1937); 1, Часть II, Н. Андреев, ред. (The Hague, Mouton, 1964); 2-3 (Париж, 1930-1931).

Милюков П.Н., Спорные вопросы финансовой истории Московского государства (С.-Петербург, 1892).

Михайловский И.Н., Очерк жизни и деятельности Николая Спафария в России (Киев, 1895).

Моисеева Г.Н., ред., Казанская история (Москва и Ленинград, 1954).

Моисеева Г.Н., Валаамская беседа (Москва, 1958).

Московский университет, Общество истории и древностей, Чтения.

Мякотин В.А., Очерки социальной истории Украины в XVII-XVIII вв., 1, Части I-III (Прага, 1924-1926). Больше томов не выходило. Ссылки даются к частям I тома.

Мякотин В.А., Переяславский договор 1654 года (Прага, 1930).

Насонов А.Н., ред., Псковские летописи (Москва, 1941-1955). 2 тт.

Неволин К.А. Полное собрание сочинений (С.-Петербург, 1857-1859). 6 тт.

Нечкина М.В., ред., История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография (Москва, 1965).

Никон, патриарх, Возражение на вопросы Семена Стрешнева и ответы Паисия Лигарида. Частично опубликовано в ЗОРСА, 2, 423-498. Готовится новое издание полного текста под ред. Г. Вернадского и В.А. Туминса.

Никон (Рклицкий), архиепископ, Жизнеописание блаженного Антония, митрополита Киевского и Галицкого (Нью-Йорк, 1956-1962). 9 тт.

Новгородские летописи (С.-Петербург, 1879).

Новик. Историко-генеалогический журнал (Нью-Йорк).

Новодворский В., Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570-1582) (С.-Петербург, 1904).

Новомбергский Н., Слово и дело государевы (Москва и Томск, 1909-1911). 2 тт.

Новосельский А.А., Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века (Москва и Ленинград, 1948).

Новосельский А.А., "Земский собор 1639 г.", ИЗ, 24 (1947), 14-29.

Носов Н.Е., Очерки по истории местного самоуправления русского государства первой половины XVI века (Москва и Ленинград, 1957).

Носович И.И., Словарь белорусского наречия (С.-Петербург, 1870).

Овчинникова Е.С., Портрет в русском искусстве XVII века (Москва, 1955).

Оглоблин О., Думкы про Хмельныччыну (Нью-Йорк, Организация защиты четырех свобод Украины, 1957).

Оглоблин О., Московська теория III Рыму в XVI-XVII стол. (Мюнхен, 1951).

Оглоблин О., Украинсько-Московська угода 1654 (Нью-Йорк и Торонто, 1954).

Оглоблин О., См. также: Дорошенко-Оглоблин.

Одинец Д.М., Переяславский договор и воссоединение Украины с московским государством (Париж, 1935).

Окиншевич Л., Значне вийськове товарыство в Украини-Гетьмаишчыни XVII-XVIII ст. (Мюнхен, 1948). Опубликовано как том 157 ЗНТШ.

Окиншевич Л., Лекции з истории украинского права. Право державне. Доба станового суспилства (Мюнхен, 1947).

Окладников А.П., Очерки из истории западных бурят-монголов XVII-XVIII вв. (Ленинград, 1937).

Олеарий А., Описание путешествия в Московию. Предисловие, перевод и примечания А.М. Ловягина (С.-Петербург, 1906).

Олеарий А., Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию (Москва, 1870).

Описи царского архива. См.: Шмидт С.О., ред.

Очерки истории СССР. Период феодализма: [2] XIV-XV вв.; [3] XV-XVII вв.; [4] XVII в. (1955).

Павел Алеппский, Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Перевод с арабского Г. Муркоса (Москва, 1896-1900). 5 тт.

Павлов А.С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России (Москва, 1871).

Палицын Авраамий. См.: Авраамий Палицын.

Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными (С.-Петербург, 1851-1871). 10 тт.

Памятники истории старообрядчества XVII века, Книга 1, вып.1 (1927) (РИБ, 39). См.: Барсков Я.Л.

Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией, ред. Е.Ф. Шмурло, кн.1, вып.1 (Ленинград, 1925).

Памятники обороны Смоленска, 1609-1611, Ю.В. Готье, ред. (Москва, 1912).

Памятники, относящиеся к смутному времени, РИБ, 1 (1872).

Памятники русского права, 1-6, С.В. Юшков, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин и др., ред. (Москва, 1952-1959).

Памятники старинной русской литературы, Н. Костомаров, ред., (С.-Петербург, 1860-1862). 4 части.

Пашуто В.Т., Л.В. Черепнин, М.М. Штранге, ред., Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма (Москва, 1962).

Пересветов И., Сочинения И. Пересветова, Д.С. Лихачев и А.А. Зимин, ред. (Москва и Ленинград, 1956).

Петров В., Албазинцы в Китае (Вашингтон, Камкин, б/д.).

Петухов Е.В., Русская литература. Древний период (Юрьев, 1912).

Пискаревский летописец, ред. и аннотация О.А. Яковлевой, Материалы по истории СССР, 2 (Москва, 1955), 23-175.

Письма русских государей (Москва, 1848).

Пичета В.И., Белоруссия и Литва в XV-XVI вв. (Москва, 1961).

Пичета В.И., Основные моменты исторического развития западной Украины и западной Белоруссии (Москва, 1940).

Платонов С.Ф., Борис Годунов (Петроград, 1921; переиздано: Гаага, 1965).

Платонов С.Ф., Древнерусские сказания и повести о смутном времени (С.-Петербург, 1888; 2-е изд., 1909).

Платонов С.Ф., Иван Грозный (С.-Петербург, 1923).

Платонов С.Ф., Лекции по русской истории (6-е изд., С.-Петербург, 1909).

Платонов С.Ф., Москва и Запад в XVI и XVII вв. (Ленинград, 1925).

Платонов С.Ф., "Новый источник для истории московских волнений 1648 г.", Чтения, Ч.1 (1893), сс.1-19.

Платонов С.Ф., Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. (С.-Петербург, 1899, 2-е изд., 1909).

Платонов С.Ф., ред., Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени, РИБ, 13 (1891).

Платонов С.Ф., ред., Социальный кризис Смутного времени (Ленинград, 1924).

Платонов С.Ф., Статьи по русской истории (С.-Петербург, 1903).

Подобедова О.И., Миниатюры русских исторических рукописей (Москва, 1965).

Полное собрание законов Российской империи, 1-ая сер. (1649-1825) (С.-Петербург, 1830).

Полосин И.И., "Поместное право и крестьянская крепость", РАНИОН, 4, (1929), 22-38.

Полосин И.И., Социально-политическая История России XVI - начала XVII вв. (Москва, 1963).

Полосин И.И., См.: Штаден.

Пономарев А.И., ред., Памятники древне-русской церковно-учительной литературы (С.-Петербург, 1894-1897), 3 тт.

Попов А., Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции (Москва, 1869).

Попов А., Обзор хронографов русской редакции (Москва, 1866-1869).

Попов А., "О построении корабля "Орел" в государствование царя Алексея Михайловича", Русская Беседа, 4, Часть 2 (1858).

Порфиридов Н.Г., Древний Новгород (Москва и Ленинград, 1947).

Послания Ивана Грозного. Комментарии Я.С.Лурье и др. (Москва и Ленинград, 1951).

Праци Украинського наукового институту (Варшава, 1930-1940). 54 тт.

Преображенская П.С., "Из истории русско-калмыцких отношений в 50-60-х годах XVII века", Калмыцкий научно-исследовательский институт, Записки, I (Элиста, 1960), 49-83.

Преображенский А.А., "Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в.", ИЗ, 36 (1951), 269-286.

Пресняков А.Е., Московское царство (Петроград, 1918).

Приселков М.Д., "Н.Ф.Каптерев", РИЖ, 5 (1918), 311-322.

Псковские летописи. См.: Насонов А.Н., ред., Псковские летописи.

Пташицкий С.Л., "Переписка литовского канцлера Льва Ивановича Сапеги", ЖМНП, 285 (1893), 194-223.

Путешествия русских послов XVI-XVII вв. (Москва и Ленинград, 1954).

Пушкарев С.Г., Обзор русской истории (Нью-Йорк, Издательство Чехова, 1953).

Пушкарев С.Г., Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины в России, ЗНИОП, 67 (1939) и 77 (1941).

Пушкарев С.Г., "Русская земля в безгосударное время, 1606-1613", Ассоциация русско-американских ученых в США, Записки, I (Нью-Йорк, 1967).

Пушкарев С.Г., Свято-Троицкая Сергиева Лавра (Прага, 1928).

Пушкарев С.Г., "Целовальники в государственном хозяйстве Московской Руси", ЗРНИБ, 13 (1936), 97-130.

Пушкарев С.Г., Целовальники в суде и управлении Московской Руси", ЗНИРБ, 9, (1933).

Разгром Разиницины, предисловие В.И. Невского (Ленинград, 1934).

Разрядная книга 1475-1598 гг., М.Н. Тихомиров, ред. (Москва, 1966).

Разрядные книги. См.: Книги разрядные.

Райнов Т.И., наука в России XI-XVII веков (Москва и Ленинград, 1940).

Рейтенфельс Й., "Сказание о Московии", пер. на русский язык: Чтения, Часть IV (1895).

Ржига В.Ф., "Боярин-западник XVI века (Ф.И. Карпов)", РАНИОН, 4 (1929), 39-50.

Рклицкий, Никон. См.: Никон (Рклицкий), архиепископ.

Робинсон А.Н., Жизнеописания Аввакума и Епифания (Москва, 1963).

Ровинский Д.А., Русские народные картинки, 1 (С.-Петербург, 1900).

Родес, "Состояние России в 1650-1655 по донесениям Родеса", Чтения, Часть II (1915).

"Родословная книга", Временник, 10 (1851), 1-286.

Родословная книга ("Бархатная книга") (Москва, 1787). 2 тт.

Российская ассоциация научных институтов общественных наук. Институт истории. Ученые записки (Москва, 1924-1929). 9 тт.

Россия и Италия. См.: Шмурло, ред.

Руденко С.И., "Сибирская коллекция Петра I", Археология СССР. Свод археологических источников, вып. Д 3-9 (Москва и Ленинград, 1962).

Руднев Н., Рассуждение о ересях и расколах, бывших в русской церкви со времен Владимира Великого до Иоанна Грозного (Москва, 1838.

Рукопись Жолкевского, П. Муханов, ред., (Москва, 1835).

Русская историческая библиотека (С.-Петербург, 1872-1927). 39 тт.

Русский биографический словарь (С.-Петербург, 1896-1918). 25 тт., не завершен.

Русское археологическое общество в Югославии. Юбилейный сборник (Белград, 1936).

Русское археологическое общество в Югославии. Сборник.

Русское государство в XVII веке. Сборник статей. (Москва, 1961).

Русское декоративное искусство, А.И. Леонов, ред., 1 (Москва, 1962).

Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов, Т.Д. Лаврецова, Р.В.

Овчиниников и В.Н. Шумилов, составители (Москва, 1958).

Русско-монгольские отношения 1607-1636. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов, ред. (Москва, 1959).

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке (Москва и Ленинград, 1960).

Рязановский Н.В., Обзор русской культуры. Исторический очерк, 2 части, Часть II в двух выпусках (Нью-Йорк и Юджин, Орегон, издано автором, 1947-1948).

Савва В.И., Московские цари и византийские василевсы (Харьков, 1901).

Савва В.И., О посольском приказе в XVI веке (Харьков, 1917).

Савелов-Савелков Л.М., "Всероссийский патриарх Иоаким Савелов", Новик, № 3, 27 (1940), 14-18.

Савелов-Савелков Л.М., Из истории донского казачества (Нью-Йорк, Русское историко-генеалогическое общество, 1941).

Савицкий П.Н., Географические особенности России, 1. Растительность и почва (Прага, 1927).

Савицкий П.Н., "Геополитические заметки по русской истории", приложение к кн.: Г. Вернадский, Начертание русской истории. Также, опубликовано отдельно (Прага, 1927).

Савицкий П.Н., "Житие протопопа Аввакума как географический первоисточник", Научные труды русского народного университета в Праге, 2 (1929), 218-231.

Савицкий П.Н., Месторазвитие русской промышленности (Берлин, 1932).

Савицкий П.Н., О задачах кочевниковедения (Прага, 1928).

Савицкий П.Н., "О религиозном зодчестве в России", Русская Мысль, 8-12 (1923-1924), 471-473.

Савицкий П.Н., Россия - особый географический мир (Прага, 1927).

Садиков П.А., Очерки по истории опричнины (Москва и Ленинград, 1950).

Садиков П.А., "Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.", ИЗ, 22 (1947), 132-166.

Самовидец, О початку и причинах войны Хмельницкого, О. Левицкий, ред. (Киев, 1878). Также в Чтениях (1846).

Саркисян Е., Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье (Ереван, 1962).

Сахаров А.Н., Русская деревня XVII века (Москва, 1966).

Сборник в честь В.О. Ключевского (Москва, 1909).

Сборник Русского института в Праге (Прага, 1929-1931). 2 тт.

Сборник статей в честь М.К. Любавского (С.-Петербург, 1917).

Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову (С.-Петербург, 1911).

Сборник статей, посвященных П.Н. Милюкову (Прага, 1929).

Сборник статей, посвященных П.Б. Струве (Прага, 1925).

Сватиков С.Г., Россия и Дон (1549-1917) (Белград, 1924).

Семенов-Тяньшанский В.П., Россия (С.-Петербург, 1899-1914) II тт. Издание не завершено. Есть полезные исторические сведения и карты.

Сенютович-Бережный В.Г., "Женитьба гетмана Ивана Брюховецкого", Новик, 20 (Нью-Йорк, 1956), 13-16.

Сербов Н., "Строгановы", РБС, том "Смеловский-Суворина", сс.471-476, 488-513, 522-523, 581.

Сергеевич В.И., Древности русского права (С.-Петербург, 1908-1911). 3 тт.

Сергеевич В.И., Лекции и исследования (4-е изд., С.-Петербург, 1910).

Середонин С.М., "Наказ кн. М.И. Воротынскому и роспись полкам 1572 года", РАОЗ, 8, части I-II (1896), 49-52.

Середонин С.М., Сочинение Джилса Флетчера как исторический источник (С.-Петербург, 1891).

Сибирский сборник (Москва, 1845).

Сильвестр, священник, "Послание и наказание от отца к сыну", Домострой, изд. Чудинова, гл.64.

Сиповский В.В., Русские повести XVII-XVIII вв. (С.-Петербург, 1905).

Сказание о царстве Казанском (Москва, 1959).

Скрипил М.О., ред., Русская повесть XVII века (Москва, 1954).

Скрипил М.О., ред., Русские повести XV-XVI веков (Москва, 1958).

Словцов П.А., Историческое обозрение Сибири (2-е изд., С.-Петербург, 1886).

Смирнов В.Д., Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты (С.-Петербург, 1887).

Смирнов И.И., "Астрахань и восстание Болотникова", ИЗ, 22 (1947), 167-205.

Смирнов И.И., Восстание Болотникова, 1606-1607 (Ленинград, 1951).

Смирнов И.И., Очерки политической истории русского государства 30-50-х годов XVI века (Москва, 1958).

Смирнов И.И., А.Г. Манков, Е.П. Подяпольская и В.В. Мавродин, Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. (Москва и Ленинград, 1966).

Смирнов Н.А., "Борьба русского и украинского народов против агрессии султаиской Турции в XVII-XVIII вв.", А.И. Баранович и др., ред., Воссоединение Украины с Россией, сс.357-394.

Смирнов Н.А., Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках (Москва, 1958).

Смирнов Н.А., Россия и Турция в XVI-XVII веках (Москва, 1946). 2тт.

Смирнов П.П., "Новое челобитие московских торговых людей о высылке иноземцев, 1627", Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца, 23, вып. 1 разд. 2 (1912), 3-32, 97-104.

Смирнов П.П., Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века (Москва и Ленинград, 1947-48). 2 тт.

Смутное время Московского государства (1604-1613). Материалы, изданные обществом истории и древностей. 5 выпусков (Москва, 1911-1918).

Снимки древних русских печатей, 1 (Москва, 1880).

Собрание государственных грамот и договоров (С.-Петербург, 1813-1894) 5 тт.

Соколов М.В., Очерки истории психологических воззрений в России в XI-XVIII веках (Москва, 1963).

Соловьев А., "Святая Русь", СРАОКС, 1 (1927), 77-113.

Соловьев С.М., История России с древнейших времен, Л.В. Черепнин, ред. (Москва, 1959-1966). 29 тт. В 15 книгах. Сноски даны к томам.

Софроненко К.А., Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII и начала XVIII века (Москва, 1960).

Спасский И.Г., Русская монетная система (3-е изд., Ленинград, 1962).

Сперанский М., "Девгениево деяние", АНОРС, 99, № 7 (1922).

Сперанский М., История древней русской литературы (3-е изд., Москва, 1921). 2 тт.

Сперанский М., Русская устная словесность (Москва, 1917).

Срезневский И.И., Материалы для словаря древнерусского языка (с.-Петербург, 1893-1903). 3 тт. (Переиздание: Москва, 1958).

Сташевский Е.Д., Очерки по истории царствования Михаила Федоровича (Киев, 1913).

Сташевский Е.Д., Смоленская война 1632-1634 гг. Организация и состояние Московской армии (Киев, 1919). Обзор А.В.Бородина. См.:Бородин А.В.

Степанов И.В., Крестьянская война в России в 1670-1671 гг., 1 (Ленинград, 1966).

Стоглав, изд. Казанской Духовной Академии (Казань, 1862); ред. Д.Е.Кожанчиков (С.-Петербург, 1863).

Сторожев В.Н., Материалы для истории русского дворянства. 1. Десятни и Тысячная книга XVI века (Москва, 1891).

Струве П.Б., Социальная и экономическая история России (Париж, 1952).

Субботин Н.И., Дело патриарха Никона (Москва, 1862).

Субботин Н.И., Материалы по истории раскола (Москва, 1874-1890). 9 тт.

Суворов Н., Учебник церковного права (4-е изд., Москва, 1912).

Судебники XV - XVI веков. Б.Д.Греков, ред. (Москва и Ленинград, 1952).

Сухотин Л.М., "Еще к вопросу об опричнине", РАОЮ, сс.265-289.

Сухотин Л.М., "Иван Грозный до начала опричнины", РАОС, 3 (1940), 67-100.

Сухотин Л.М., "К пересмотру вопроса об опричнине", Части I-III, ЗНИРБ (1931-1940), 5, 1-23; 13, 35-67; 17, 125-200.

Сухотин Л.М., "Мои работы по истории опричнины", Новый журнал, 20 (1948), 294-300.

Сухотин Л.М., "Список опричников", Новик, № 3, 27 (1940) 19-25.

Сыркин А.Я., Перевод и комментарии, Дигенис Акрит (Москва, 1960).

Тарановский В.Ф., Начерки з истории державного права Речи Посполитой XVII в., 1 (Киев, 1926).

Тарановский В.Ф., Обеспечение прав служилого землевладения в сословно-монархическом строе Московского государства (Львов, 1925).

Тарановский В.Ф., "Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии", ЖМЮС (Май 1913), сс.1-34.

Таубе И. и Е. Крузе, "Послание", Русский исторический журнал, 8 (1922), 29-59.

Таубе, барон М.А., "Иоганн Таубе, советник царя Ивана Грозного", Новый журнал, 71 (1963), 170-189.

Тельберг Г.Г., Очерк политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века (Москва, 1912).

Тельберг Г.Г., "Система государственных преступлений в Уложении царя Алексея Михайловича", ЖМЮС, (1911), № 5, сс.146-185; № 6, сс.121-147.

Тельберг Г.Г., "Сыск по государственным делам", ЖМЮС (1911), № 9, сс.130-170; № 10, сс.121-157.

Тимофеев Иван, Временник, ред. В.П. Адрианова-Перетц, комментарии О.А. Державиной (Москва и Ленинград, 1951).

Тихомиров Б., "Источники по истории Разинщины", Проблемы источниковедения, 1 (1933).

Тихомиров Б., Разинщина (Москва и Ленинград, 1930).

Тихомиров М.Н., Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы (Москва, 1962).

Тихомиров М.Н., "Новгородское восстание 1650 г.", ИЗ, 7 (1940), 91-114.
Тихомиров М.Н., Псковское восстание 1650 г. (Москва и Ленинград, 1935).
Тихомиров М.Н., Россия в XVI столетии (Москва, 1962).
Тихомиров М.Н., и П.П. Епифанов, Соборное Уложение 1649 года (Москва, 1961).
Тихомиров М.Н., и С.А. Никитин, Источниковедение истории СССР (Москва, 1940). 2 тт.
Тихомиров М.Н., и др., ред., У истоков русского книгопечатания (Москва, 1959).
Тиц А.А., Русское каменное жилое зодчество XVII века (Москва, 1966).
Толстой Юрий, Первые сорок лет сношений между Россией и Англией 1553-1593 (С.-Петербург, 1875).
Три века, В.В. Каллаш, ред. (Москва, 1912-1913) 6 тт.
Трубецкой, князь Е.Н., умозрение в красках. Три очерка о русской иконе (Париж, 1965).
Трубецкой, князь Н.С., К проблеме русского самопознания (Париж, 1927).
Трубецкой, князь Н.С., Наследие Чингисхана (Берлин, 1925).
Труворов А.Н., Ред., "Наказ Борису и Семену Пазухиным, 1669", РИБ, 15, часть VI.
Труды отдела древнерусской литературы (Академия Наук, Институт русской литературы) (Москва и Ленинград).

Ульяницкий В.А., "Сношения России со средней Азией и Индией в XVI - XVII вв.", Чтения, часть IV (1888).
Ульянов Н.И., "Феодальная колонизация и экономика Мурмана в XVII веке", Исторический сборник (Ленинград, 1934), 89-139.
Ульянов Н.И., "Комплекс Филофея", Новый Журнал, 45 (1956), 249-273.
Ульянов Н.И., Очерки истории народа коми-зырян (Москва и Ленинград, 1932).
Ульянов Н.И., Происхождение украинского сепаратизма (Нью-Йорк, 1966).
Ульянов Н.И., Разинщина (Харьков, 1931).
Ульянов Н.И., ""Тень" Грозного", Новый Журнал, 74 (1963), 227-251.
Успенский Н., Древнерусское певческое искусство (Москва, 1965).
Устрялов Н., ред., Сказания князя Курбского (2-е изд., С.-Петербург, 1842).
Устюгов Н.В., "Башкирское восстание 1662-1664 гг.", ИЗ, 24 (1947), 30-110.
Устюгов Н.В., "Эволюция приказного строя русского государства в XVII в.", Абсолютизм в России, сс.134-167.

Федоров И., Первопечатник Иван Федоров (Москва, 1935).
Федотов Г.П., Стихи Духовные (Париж, YMCA Press, 1935).
Федотов Г.П., Святой Филипп, митрополит Московский (Париж, YMCA Press, 1928).
Федотов Г.П., Святые Древней Руси (Париж, YMCA Press, 1931). (Переиздано: Нью-Йорк, Русский Православный Богословский фонд, 1960). Постраничные сноски приводятся по переизданию.
Фехнер М.В., Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке (Москва, 1956).
Финдейсен Н., Очерки по истории музыки в России, т.1 (Москва и Ленинград, 1928).
Флетчер Дж., О государстве Русском, пер. на русский язык (С.-Петербург, 1905).
Флоровский А.В., Чехи и восточные славяне (Прага, 1936-1947). 2 тт.
Флоровский Г., Пути русского богословия (Париж, 1937).

Форстен Г.В., Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях (С.-Петербург, 1889-1893). 2 тт.

Форстен Г.В., Балтийский вопрос в в XVI и XVII столетиях (С.-Петербург, 1889-1894). 2 тт.

Форстен Г.В., "Сношения Швеции и России во второй половине XVII века", ЖМНП (1898), май-июнь.

Х., К., "Самойлович, Иван Самойлович", РБС, том "Сабанеев - Смыслов", сс.157-162.

Харлампович К.В., Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века (Казань, 1898).

Хожение купца Федора Котова в Персию, А.А. Кузнецов, ред. (Москва, 1958).

Хрестоматия по истории СССР, 1 (4-е изд., Москва, 1951).

Хрущев И., Исследование о сочинениях Иосифа Санина (С.-Петербург, 1868).

Цветаев Д., "Мария Владимировна и Магнус Датский", ЖМНП, 196 (1878), 57-85.

Цветаев Д., Памятники истории протестантизма в России (Москва, 1883).

Цветаев Д., Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований (Москва, 1890).

Чаев Н.С., "К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI века", ИЗ, 6 (1940), 149-166.

Чарыков Н.В., Посольство в Рим и служба в Москве Павла Меизия (С.-Петербург, 1906).

Черепнин Л.В., "Земские соборы и утверждение абсолютизма в России", Абсолютизм в России, сс.92-133.

Черепнин Л.В., Образование русского централизованного государства в XIV - XV веках (Москва, 1960).

Черепнин Л.В., Русская метрология (Москва, 1944).

Черепнин Л.В., Русская палеография (Москва, 1956).

Чижевский Д., История украинской литературы (Нью-Йорк, Украинская Академия искусства и науки, 1956).

Чижевский Д., Нариси з истории философии на Украини (Прага, 1931).

Чижевский Д., "Новое в истории русской культуры", Новый Журнал, 82 (1966), 219-228.

Чистякова Е. См.: Галактионов А. и Е. Чистякова.

Чтения. См.: Московский университет ... Чтения.

Чулошников А., ред., Материалы по истории Башкирской АССР, 1 (Москва и Ленинград, 1936).

Шаскольский И.П., Столбовский мир 1617 г. (Москва и Ленинград, 1964).

Шаскольский И.П., Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века (Петрозаводск, 1950).

Шахматов М.В., "Государственно-национальные идеи чиновных книг венчания на царство московских государей", ЗРНИБ, 1 (1930), 245-278.

Шахматов М.В., "Исполнительная власть в Московской Руси", ЗНИОП, 1, № 5 (1935).

Шахматов М.В., "Купчие грамоты Московской Руси", ЗРНИБ, 3 (1931), 191-219.

Шахматов М.В., "Платон в Древней Руси", ЗРИОП, 2 (1930), 49-70.

Шаховская Н.Д., "сыск посадских тяглецов и закладчиков в первой половине XVII века", ЖМНП, 53 (1914), 250-322.

Шевальс П., История вийны козакив проти Польщи. Перевод на украинский язык Ю.И. Назаренко (Киев, 1960). Сноски на украинский перевод.

Шерман И.Л., Русские исторические источники X-XVIII вв. (Харьков, 1959).

Шеффер Н., Русская православная икона (Вашингтон, D.C., опубликовано автором, 1967).

Шлихтинг А., Новое известие о России времен Ивана Грозного (Ленинград, 1934).

Шляпкин И.А., Св. Дмитрий Ростовский и его время (С.-Петербург, 1891).

Шмеман А., Исторический путь православия (Нью-Йорк, Издательство Чехова, 1954).

Шмидт С.О., "К истории соборов XVI в.", ИЗ, 76 (1965), 120-151.

Шмидт С.О., Описи царского архива и архива посольского приказа (Москва, 1960).

Шмурло Е.Ф., Курс русской истории, 2, Части I-II (Прага, 1933-1934).

Шмурло Е.Ф., Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. См.: Памятники...

Шмурло Е.Ф., Римская курия на православном востоке 1609-1654 (Прага, 1928).

Шмурло Е.Ф., ред., Россия и Италия (С.-Петербург и Ленинград, 1917-1927). 4 тт.

Шмурло Е.Ф., "Руская кандидатура на польский престол в 1667-1669 годах". Перепечатано из кн.: Сборник статей, посвященных П.Н.Милюкову (Прага, 1929), сс. 263-308.

Шпаков А.И., Учреждение патриаршества в России, 1. (Одесса, 1912). Приложения.

Шпилевский П., "Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году", ЖМНП, 68 (1850), 91-122.

Штаден Г., О Москве Ивана Грозного, перевод на русский язык И.И.Полосина (Ленинград, 1925).

Шунков В.И., Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII века (Москва и Ленинград, 1946).

Шушерин, Житие святейшего патриарха Никона (С.-Петербург, 1817).

Щапов А.П., Сочинения (С.-Петербург, 1906-1908). 2 тт.

Щебенков В.Г., Русско-китайские отношения в XVII в. (Москва, 1960).

Щепотьев Л., Ближний боярин А.С. Матвеев как культурный и политический деятель XVII века (С.-Петербург, 1906).

Щербачев Ю.Н., "Датский архив", Чтения, Часть I (1893).

Щербачев Ю.Н., "Русские акты Копенгагенского архива", РИБ, 16.

Эйгорн В., "О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством при Алексее Михайловиче", Чтения (1893, II; 1894, III; 1898-1899; I-II).

Энциклопедический словарь (С.-Петербург, Брокгауз-Эфрон, 1890-1904). 41 тт., 82 полутома, отсылки к полутомам.

Юзов И., Русские диссиденты (С.-Петербург, 1881).

Юлдашев М.Ю., К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI-XVII веках (Ташкент, 1964).

Яковлев А.И., Засечная черта Московского государства в XVII веке (Москва, 1916).

Яковлев А.И., ред., Новгородские записные кабальные книги (Москва и Ленинград, 1938).

Яковлев А.И., ред., Памятники истории Смутного времени (Москва, 1909).

Яковлев А.И., Холопство и холопы в Московском государстве, 1 (Москва и Ленинград, 1943).

Яковлев М.А., Народное песнотворчество об атамане Степане Разине (Ленинград, 1924).

Яковлева П.Т., Первый русско-китайский договор 1689 г. (Москва, 1958).

Яковлив А., Договир гетьмана Богдана Хмельницького з московским царем Олексием Михайловычем 1654 р. (Нью-Йорк, Тышченко и Белоус, 1954).

Яковлив А., "Украинсько-Московски договоры в XVII-XVIII виках", ПУНИ, 19 (1934), 3-175.

Якубов К.И., "Россия и Швеция в первой половине XVII в.", Чтения, Часть III (1897), сс.1-240; Часть IV, (1897), сс.241-248; Часть I (1898), сс.289-494.

Ямщиков С., сост., Древнерусская живопись (Москва, 1965).

Янин В.Л., Я послал тебе бересту, Новгородские документы на бересте (Москва, 1965).

Михаил Карпович. Имперская Россиям

Библиографическое примечание содержит только избранный перечень работ, доступных на западноевропейских языках; более полный перечень названий можно найти в книге R.J. Korner. Slavic Europe (Cambridge, Mass., 1918) и в работах Корнилова и Вернадского, указанных ниже.

Общие труды

Beazley, R и далее

Platonov, S.F. и далее

Два отличных учебника для начинающих, в определенной мере дополняющие друг друга.

Pares ....

Vernadsky

Отличные однотомные истории России, написанные выдающимися специалистами в этой области.

Kornilov ...

Детализированное и авторитетное изложение русской истории XIX века (заканчивается Александром III), написанное известным русским ученым.

Nolde B. ...

Побуждающий к размышлению очерк русского политолога и историка.

Maror J. ...

Книга не очень хорошо оформлена, но содержит ценный материал.

Tugan-Baranovsky M. ...

Очень важная книга по экономике России в Новое время.

Masaryk T.G. ...
Работа содержит интересное обсуждение основных течений русской мысли XIX столетия.
Mirsky D.S. ...
Mirsky D.S. ...
Reau L. ...
Montagne-Nathan M. ...

Глава I

Nolde ...
Содержит отличное повествование о реформах Сперанского.
Rain P.
Книга - хорошая краткая биография Александра I
Nicolas Mikhailovich ...
Работа ценна в основном документальным материалом.
Waliszewski K. ...
Книга более детализирована и более блестяще написана, но менее надежна, нежели любая из предшествующих работ.
Schiemann T. ..
Это - научное произведение известного немецкого историка. Более сильно в изложении внешней политики, нежели внутреннего развития России.
Herzen A. ...
Это - не только литературный шедевр, но также и важный исторический документ, выявляющий психологию русской интеллигенции этого периода.
Wallace D.M. ...
Leroy-Beaulieu A. ...
Два классических описания послереформенной России; обе работы содержат богатую историческую информацию.
Pares B.
Это - очень ценная работа.
L'Autocratie Russe ...
Важные документы, переведенные с русского языка.
Pobiedonostseff (Pobedonostsev) ...
Философия реакции Победоносцева.
Witte S. ...
Pavlovsky G. ...
Содержит отличные главы об освобождении крестьян и аграрном кризисе конца XIX в.
Kovalevsky W. ...
Официальная публикация русского правительства, содержащая ценную информацию.
Zilliacus K. ...
Книга не очень академична, но все же полезна в отсутствие лучших книг по предмету.
Относительно духа революционного движения в целом смотри мемуары П. Кропоткина и Веры Фигнер.

Глава III

Pares B.

Baring M. ...

Это - очень интересное повествование о революции 1905 г., написанное известным британским писателем.

Milyoukov (Miliukov) P.N. ...

Книга представляет современную событиям либеральную точку зрения.

Charles P. ...

Hoetzsch O. ...

Это - значительная работа немецкого ученого.

Pavlovsky G. ...

Очень хорошее повествование об аграрной политике Столыпина.

Miller M. ...

Williams H.W. ...

Представлена картина русской жизни в течение конституционного периода, нарисованная необычайно хорошо информированным иностранным наблюдателем.

Golder F. ...

Это - весьма ценное собрание документов, покрывающее период мировой войны и февральской революции.

The Letters of the Tsar to the Tsaritsa ...

Letters of the Tsaritsa to the Tsar ...

La Chute du Regime ...

Очень важные документы, переведенные с русского языка.

Florinsky M. ...

Это — очень интересная книга, рассматривающая непосредственные истоки революции. Но глава о русской армии дает довольно одностороннюю картину военной ситуации.

Смотри также мемуары сэра Джорджа Бакэнэна, А. Извольского, М. Палеолога, сэра Бернарда Пэрса, М. Родзянко, В. Шульгина (по-немецки) и С. Витте.

Вышецитированная книга М.Т. Флориинского составляет один из томов очень ценной русской серии в "Экономической и социальной истории мировой войны", опубликованной издательством "Йель Юниверсити Пресс" для Фонда Карнеги за Мир Между Народами. Среди иных книг смотри: P. Gronsky and N. Astrov. The War and the Russian Government; D. Odinets and P. Novgorodtsev. Russian Schools and Universities in the World War; E. Kagden and A. Antsiferov. The cooperative Movement in Russia during the War; A. Antsiferov and others. Russian Agriculture during the War; T. Palker and others. Russian Local Government during the War; Golovine. The Russian Army in the World War. Эта серия незаменима для каждого, изучающего современную русскую историю; каждый том содержит краткое историческое введение.

СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ - Акты археографической экспедиции.
Абсолютизм в России - Абсолютизм в России (XVII - XVIII вв.).
АЕ - Археографический ежегодник.
АЗР - Акты западной России.
АИ - Акты исторические
Акты ЮЗР - Акты, относящиеся к истории южной и западной России.
Алексеев, Сибирь - Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей.
Андреев, Очерки - Очерки по источниковедению Сибири.
Андреев, "Об авторе приписок" - "Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного"
АНОРС - Академия наук, Отделение русского языка и словесности, Сборник.
Архив ЮЗР - Архив юго-западной России.
АЮЗР - Архив юго-западной России.

Багалей - Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства.
Багалей, Материалы - Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний.
Барсков, ЛЗАК, 1911 - Памятники первых лет русского старообрядчества.
Барсков, Памятники - Памятники истории старообрядчества XVII в.
Бартольд, Книга Коркута - Книга моего деда Коркута.
Бахрушин - Научные труды.
Бахрушин, Очерки - Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.
Белокуров, "Грамота" - "Утвержденная грамота об избрании на Московское Государство М.Ф.Романова".
Белокуров, "Крижанич" - "Юрий Крижанич в России".
Белоруссия - Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов.
Берх, Алексей - Царствование царя Алексея Михайловича.
Берх, Михаил - Царствование царя Михаила Федоровича.
Богоявленский, "Материалы" - "Материалы по истории калмыков в первой половине".
Буссов - Московская хроника в 1584-1613 гг.
Быкадоров - Донское войско в борьбе за выход в море (1546-1646 гг.).

Вальденберг - Древнерусские учения о пределах царской власти.
Вальденберг, Крижанич - Государственные идеи Крижанича.
Введенский, Дом Строгановых - Дом Строгановых в XVI-XVII веках.
Введенский, Торговый дом - Торговый дом XVI-XVII веков.
Вельяминов-Зернов - Исследование о касимовских царях и царевичах.
Веселовский, Иссл. опр. - Исследования по истории опричнины.
Владимирский-Буданов, Обзор - Обзор истории русского права.
Владимирский-Буданов, Хрестоматия - Хрестоматия по истории русского права.
Временник - Временник Общества истории и древностей российских.
ВУР - Воссоединение Украины с Россией.

Гейденштейн, Записки - Записки о Московской войне (1578-1582 гг.).
Герберштейн-Малеин - Герберштейн, Записки о московитских делах.
Гневушев - Акты времени правления царя Василия Шуйского.

Голобуцкий - Запорожское казачество.
Голубев - Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники.
Гордон, Дневник - Дневник генерала Патрика Гордона.
Готье, Акты земских соборов - Акты отношения к истории земских соборов.
Грабарь, I изд. - История русского искусства.
Грабарь, 2 изд. - История русского искусства.
Греков, "Из истории" - "Из истории совместной борьбы Украины и России за осуществление решений Переяславской рады".
Греков, Крестьяне - Крестьяне на Руси.
Грушевский - История Украины-Руси.
Гудзий - История древней русской литературы.

ДАИ - Дополнения к актам историческим.
Данилов - "В.В.Голицын".
ДД - Донские дела.
ДДГ - Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI веков.
Димитрий Ростовский, Розыск - Розыск о раскольнической брынской вере.
ДМАО - Древности Московского археологического общества. Труды славянской комиссии.
Долгоруков, РРК - Российская родословная книга.
Дорошенко - Нарыс истории Украины.
ДР - Дворцовые разряды.
ДРВ - Древняя Российская Вивлиофика.

ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения.
ЖМЮС - Журнал Министерства Юстиции.

Зерцалов, "О мятежах" - "О мятежах в городе Москве и селе Коломенском в 1648, 1662 и 1671 гг.".
ЗНИОП - Записки научно-исследовательского объединения (Прага).
ЗНТШ - Записки наукового товарыства имени Шевченка.
ЗОРСА - Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества.
ЗРИОП - Записки русского исторического общества в Праге.
ЗРНИБ - Записки русского научного института в Белграде.
Зызыкин - Патриарх Никон. Его государственные и каноические идеи.

ИА - Исторический архив.
ИБС - История Белорусской ССР.
ИЗ - Исторические записки (Москва).
ИЛС - История Латвийской ССР.
Ильяшевич - Исторня права поземельной собственности в России.
Ист. Ж - Исторический журнал (Москва).
Ист. КССР - История Казахской ССР.
ИУС - Исторня Украинской ССР (1953 г. изд.).
ИУС-56 - История Украинской ССР (1956 г. изд.).

Калачов, Архив - Архив историко-юридических сведений, отиосящихся до России.

Карамзин - История государства Российского.
Карташев - Очерки по истории русской церкви.
Кириков, Изменения - Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII-XIX вв.).
Кириков, Промысловые животные - Промысловые животные, природная среда и человек.
Клибанов - Реформационные движения в России в XIV - первой половине XVI вв.
Ключевский - Сочинения.
КМН - Копанев, Манков, Носов, Очерки истории СССР.
Кононов - Родословная туркмен. Сочинение Абу-ль-Гази, хана Хивинского.
Костомаров, Русская история - Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей.
Костомаров, "Смутное время" - "Смутное время Московского государства в начале XVII столетия".
Костомаров, Собр. Соч. - Собрание сочинений.
Костомаров, Хмельницкий - Богдан Хмельницкий.
Косточкин, Федор Конь - Государев мастер Федор Конь.
Котов - Хождение купца Федора Котова в Персию.
Котошихин - О России в царствование Алексея Михайловича.
Крестьянская война - Крестьянская война под предводительством Степана Разина.
КРО - Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.
Кузин - История открытий рудных месторождений в России.
Кузьмина, Рыцарский роман - Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей.
Кушева - Народы северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв.
Кушева, "К истории холопства" - "К истории холопства в конце XVI-начале XVII веков".

ЛЗАК - Летопись занятий Археографической комиссии.
Лилеев - Симсон Бекбулатович.
Лихачев, Путешествия - Путешествия русских послов XVI-XVII веков.
Любомиров - Очерк истории Нижегородского ополчения.

Макарий - История русской церкви.
Максимович, "Первосоветник" - "Первосоветник Думы Боярской".
Манков, Развитие - Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века.
Манков, Цены - Цены и их движение в Русском государстве XVI века.
Масса - Краткое известие о Московии в начале XVII в.
Материалы ТАССР - Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-1568 и 1646 гг.
Мат. УТТ - Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть I.
Мельников - Полное собрание сочинений.
Миллер - История Сибири.
Милюков, Очерки - Очерки по истории русской культуры, 1930-1937 гг. изд.
Милюков, Очерки 1-1918 - Очерки по истории русской культуры, 1918 г. изд.

Неволин - Полное собрание сочинений.
Новосельский - Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века.
НТРНУП - Научные труды русского народного университета в Праге.

Окиншевич - Значне вийськове товариство в Украйни-Гетьманщыни XVII-XVIII ст.
ОЛДП - Общество любителей древней письменности. Памятники.
Олсарий 1870 - Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию.
Олсарий-Ловягин - Описание путешествия в Московию.
ООН - Известия Академии Наук, отделение общественных наук.

Павел Алепский, Путешествие - Путешествие Антиохийского патриарха Макария.
Памятники СРЛ - Памятники старинной русской литературы.
ПДП - Памятники древней письменности и искусства.
ПДС - Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными.
Пискаревский летописец - Пискаревский летописец, изд. Яковлева.
ПКДСРИ - Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией.
Платонов, Очерки смуты - Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.
Приселков - "Н.Ф.Каптерев".
ПРП - Памятники русского права.
ПСЗ - Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей.
ПУНИ - Праци Украиньского наукового институту

"Разин" - Костомаров, "Бунт Стеньки Разина".
РАНИОН - Российская ассоциация научных институтов общественных наук. Институт истории.
РАОЗ - Русское археологическое общество. Записки.
РАОС - Русское археологическое общество в Югославии. Сборник.
РАСЮ - Русское археологическое общество в Югославии. Юбилейный сборник.
РБС - Русский биографический словарь.
РГ-XVII - Русское государство в XVII веке. Сборник статей.
РИБ - Русская историческая библиотека.
РИЖ - Русский исторический журнал.
РИО - Русско-индийские отношения в XVII веке. Сборник документов.
РК - Книги разрядные.
РК 1598 - Разрядная книга 1475-1598 гг.
РМО - Русско-моигольские отношения, 1607-1636 гг.

Садиков, Очерки - Очерки по истории опричнины.
Сборник - Сборник Русского исторического общества.
Сборник Платонов 1911 - Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф.Платонову, 1911 г. изд.
Сборник Платонов 1922 - Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф.Платонову, 1922 г. изд.
Сборник Струве - Сборник статей, посвященных П.Б.Струве.
СГГД - Собрание государственных грамот и договоров.
Сергеевич - Древности русского права.
Сергеевич, Лекции - Лекции и исследования.

Середонин, "Наказ... Воротынскому" - "Наказ кн. М.И.Воротынскому и роспись полкам 1572 года".
Середонин, Сочинение Флетчера - Сочинение Джилса Флетчера как исторический источник.
Смирнов, Восстание - Восстание Болотникова 1606-1607 гг.
Смирнов, Политика - Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках.
СНОЛД - Сборник Новгородского общества любителей древности.
Соловьев - История России с древнейших времен.
СРИП - Сборник русского института в Праге.
Субботин - Дело патриарха Никона.
Субботин, Материалы - Материалы по истории раскола.
Сухотин, "К пересмотру" - "К пересмотру вопроса об опричнине".

Таубе - "Послание".
Тельберг, "Система" - "Система государственных преступлений в Уложении царя Алексея Михайловича".
Тихомиров, Разинщина - Разинщина.
Тихомиров, Уложение - Соборное Уложение 1649 г.
ТОДРЛ - Труды отдела древнерусской литературы.
Толстой, Россия и Англия - Первые сорок лет сношений между Россией и Англией.

Федотов, Святые - Святые Древней Руси.
Форстен - Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях.
Форстен, Акты и письма - Акты и письма к истории балтийскоговопроса в XVI и XVII столетиях.
Форстен, "Сношения" - "Сношения Швеции и России во второй половине XVII века".

Цветаев, Протестантство - Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразования.

Часв, "К вопросу о сыске и прикреплении" - "К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI века".
Чтения - Москва, Университет, Общество истории и Древностей. Чтения.

Шахматов, "Платон" - "Платон в древней Руси".
Шаскольский - Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века.
Шлихтинг - Новое известие о России времен Ивана Грозного.
Шмурло - Курс русской истории.
Штилевский - "Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году".
Шунков - Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII века.

ЭС - Энциклопедический словарь.

Яковлив - Договир гетьмана Богдана Хмельницького з московским царем Олексием Михайловичем 1654 р.
Якубов - "Россия и Швеция в первой половине XVII в.".

ПРИМЕЧАНИЕ: латинографичные сокращения отмечены в тексте оригинала.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 5. ЦАРСТВО ВСЕЯ ВЕЛИКОЙ, МАЛОЙ И БЕЛОЙ РУСИ, 1654-1667 гг.

1. Украина после Переяславского объединения 5
2. Царь и гетман, 1654-1657 гг. 13
3. Реванш Польши: Гадячское соглашение, 1658 г. 32
4. Москва, Украина и Польша, 1658-1667 гг. 47
5. Сибирь, маньчжуры, калмыки и башкиры, 1654-1667 гг. .. 62
6. Патриарх и царь, 1652-1658 гг. 77
7. Царь против патриарха 104

ГЛАВА 6. РУСЬ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ. 1667-1682 гг.

1. Восстание Разина, 1667-1671 гг. 128
2. Раздел Украины, 1667-1682 гг. 144
3. Русь и Ближний Восток, 1667-1682 гг. 163
4. Сибирь 182
5. Русско-китайские отношения, 1667-1682 гг. 197
6. Церковный раскол 209
7. Внутреннее развитие России, 1667-1682 гг. 229

Глава 7. РИТМЫ ИСТОРИИ И АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

1. Предварительные замечания 251
2. Пульс истории 255
3. Пласты древнерусской культуры 262
4. Архитектура и живопись 266
5. Литература 274
6. Философия и наука 281

КАРТЫ

ЧАСТЬ 2

3. Россия в XVII в. 67
4. Фортификационные линии и южное направление русской колонизации 149
5. Сибирь в XVII век 193

Михаил Карпович
ИМПЕРСКАЯ РОССИЯ (1801-1917 гг.)

ГЛАВА I. РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIXВЕКА
Формирование Российской империи 292
Империя в XIX веке 294
Наследие прошлого: самодержавие, дворянство, крепостничество .. 296
Новые тенденции политических идей и экономического развития 300
Политика государства при Александре I и Николае I 303
Цивилизация и общественное мнение 310
Крымская война и распад старого порядка 315

ГЛАВА II.РЕФОРМА И РЕАКЦИЯ (1855-1905 ГГ.)
Реформы Александра II 316
Россия после реформ 320
Кредо "интеллигенции" 322
Революционное движение при Александре II 324
Политическая реакция при Александре III 328
Индустриальная революция 331
Аграрный кризис 334
Освободительное движение и русско-японская война 336

ГЛАВА III. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (1905-1917 гг.)
Революция 1905 г. 340
Дума и правительство 345
Экономическое развитие в начале XX века 348
Культурный прогресс при конституционном режиме 353
Мировая война и падение имперского правительства 356
Заключение 359

ПРИМЕЧАНИЯ 362
БИБЛИОГРАФИЯ 383
СОКРАЩЕНИЯ 408

Вернадский Г. В.

В35 Московское царство. Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой.— Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 2001, 416 с.

«Московское царство» – книга, завершающая «Историю России» Г. В. Вернадского. Автор повествует о событиях отечественной истории от эпохи царствования Ивана Грозного до Смутного времени и восхождении на престол и утверждении династии Романовых. На основе обширного круга источников читатель знакомится с определяющими тенденциями экономической, социально-политической и культурной жизни России этого периода.

В качестве приложения к труду Г. В. Вернадского впервые на русском языке публикуется книга М. М. Карповича «Имперская Россия».

Отв. за выпуск А. Московкин
Научная редакция П. Малыгин
Литературная редакция Т. Волкова
Художник А. Шепетов
Компьютерный набор, верстка и корректура
Издательство «РИП-Холдинг»

ИД № 03974 от 12.02.01 г.
Формат 84 × 108/32. Печать офсетная.
Гарнитура Петербург. Усл.-печ. л. 13. Тираж 1500 экз. Заказ № 1827.

Издательство «Аграф»
129344, Москва, Енисейская ул., 2

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Вятка» 610033, г. Киров, ул. Московская, 122